

2021. Vol. 14. Is. 5

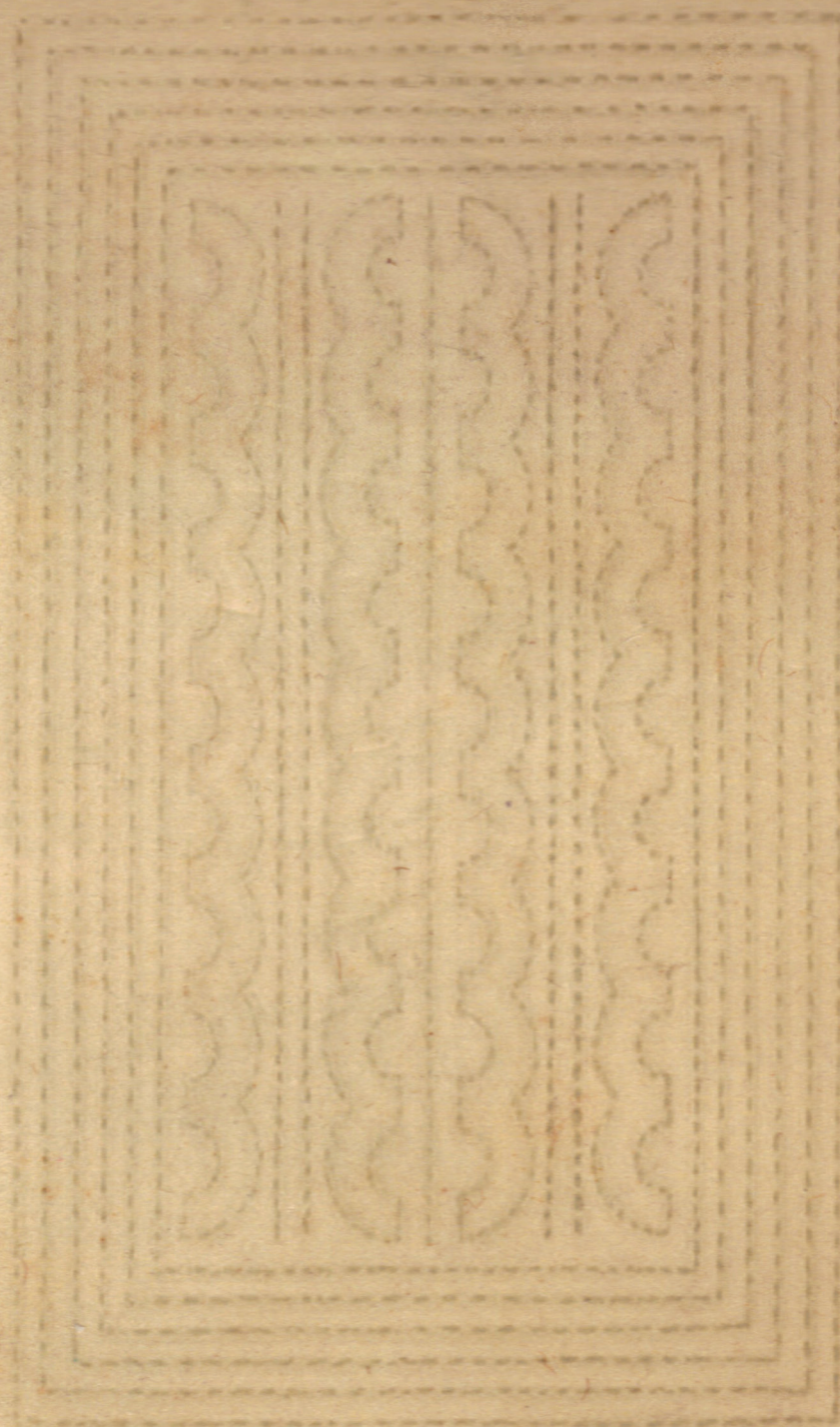
ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ᠠᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2021. Т. 14. № 5

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д.71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чжао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чжао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчики: *С. В. Джагрунов, Т. Н. Богрданова*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translators: *Sanal V. Dzhagrunov*, *T. N. Bogrdanova*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Орлова К. В.</i> Россия — Монголия: век дружбы и сотрудничества (к 100-летию установления дипломатических отношений)	888
Отечественная история	<i>Клейтман А. Л.</i> Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг.	900
	<i>Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А.</i> В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа	910
	<i>Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Мийманбаева Ф. Н.</i> Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в.	919
	<i>Оконов Б. А.</i> Комсомольская организация Калмыкии и ее антирелигиозная деятельность (1921–1941 гг.)	929
	<i>Очиров У. Б.</i> Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии	937
	<i>Воробьева В. Н.</i> Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва . . .	956
	<i>Бадугинова М. В.</i> Здравоохранение Калмыкии после возвращения калмыков на родину в 1957 г.	972
Археология	<i>Вязов Л. А., Пономаренко Е. В., Еришова Е. Г., Салова Ю. А., Мясников Н. С.</i> Динамика хозяйственного освоения Посурья в I тысячелетии н. э. Часть 1: данные стратиграфического анализа пойменных и балочных отложений	981
Этнология	<i>Айыжы Е. В., Ховалыг Р. Б.</i> Функции и семантика свадебных головных уборов женщин как часть материальной и духовной культуры тувинцев	1006
Источниковедение	<i>Бухоголова С. Б., Дашиева С. Б., Дебенова З. А., Тушинов Б. Л., Цыренова Н. Д.</i> О сочинении дрампа Игнен-Чоймпела «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтаamani, быстро исполняющая желания“»	1016
	<i>Мирзаева С. В.</i> Тувинская рукопись «Сутры о восьми хулилах» . .	1032
Языкознание	<i>Рыкин П. О.</i> Между фактом и фантазией: ранние источники по ойратской исторической диалектологии	1046
	<i>Экба З. Н., Каримова Р. Н.</i> Лингвистическое наследие А. Г. Бессонова как диалектный памятник башкирского языка начала XX в. . .	1076
	<i>Чугунекова А. Н.</i> Модели осложненных предложений с сопоставительными оборотами в хакасском языке	1089
	<i>Ярмаркина Г. М.</i> Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.)	1102
Фольклористика	<i>Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц.</i> Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав	1111

CONTENTS

General History	Orlova K. V. Russia — Mongolia: A Century of Friendship and Co-operation (Celebrating the 100 th Anniversary of Diplomatic Relations)	888
National History	Kleitman A. L. Tsaritsyn Defense Line and Military-Political Changes in Russia's Southeastern Frontier, 1720s.	900
	Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A. Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions	910
	Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Miymanbaeva F. N. Public Healthcare System in Early 20 th Century Kalmyk Steppe	919
	Okonov B. A. Komsomol Organization of Kalmykia and Its Antireligious Activity, 1921–1941	929
	Ochirov U. B. The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110 th Kalmyk Cavalry Division	937
	Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. WWII Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR: A Statistical Analysis by Time, Places of Birth and Conscription	956
	Baduginova M. V. Kalmykia's Public Healthcare after the Return of 1957	972
Archaeology	Vyazov L. A., Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Salova Yu. A., Myasnikov N. S. Dynamics of Economic Development in the Sura River Valley, 1 st Millennium CE. Part 1: Stratigraphic Analysis of Floodplain and Gully Sediments	981
Ethnology	Aiyzhy E. V., Khovalyg R. B. Women's Wedding Headdresses in Tuvan Material and Spiritual Culture: Functions and Semantics	1006
Sources Studies	Buhogolova S. B., Dashieva S. B., Debenova Z. A., Tushinov B. L., Tsyrenova N. D. <i>Precious Chintamani That Quickly Fulfills Aspirations</i> : Text of Veneration of the Magnificent Khan Barkhan by Dor-ampa Ignen-Choimpel Revisited	1016
	Mirzaeva S. V. <i>Sūtra of Eight Khulils</i> : Analyzing One Manuscript from Aldan-Maadyr National Museum of Tuva	1032
Linguistics	Rykin P. O. Between Fact and Fantasy: Early Sources on Oirat Historical Dialectology	1046
	Ekba Z. N., Karimova R. N. Linguistic Heritage of A. G. Bessonov as a Dialect Monument of Early 20 th Century Bashkir	1076
	Chugunekova A. N. Khakass Expanded Sentence Patterns with Comparative Expressions	1089
	Yarmarkina G. M. Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated 18 th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Letters by Khan Ayuka and Related Russian Translations, 1714–1715	1102
Folklore Studies	Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. <i>The Legend of Geser Bogdo</i> Recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk Plot Elements Reviewed	1111

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 888–899, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-888-899

Россия — Монголия: век дружбы и сотрудничества (к 100-летию установления дипломатических отношений)

Кеемя Владимировна Орлова¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Орлова К. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В 2021 г. Россия и Монголия отмечают 100-летие установления дипломатических отношений. Этот год ознаменован сразу несколькими юбилейными датами: 100-летием образования Монгольской народной партии, первой политической партии в Монголии; 100-летием национально-демократической революции; 100-летием создания Монгольской народно-революционной армии; 100-летием основания Ученого комитета, прообраза Академии наук Монголии; 60-летием принятия Монгольской Народной Республики в члены ООН; 40-летием совместного полета в космос российско-монгольского космического экипажа. Все эти даты тесно связаны со знаковым событием в истории двух стран — подписанием Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений (05.11.1921), заложившего правовые основы двусторонних отношений. В рамках одной статьи трудно охватить все знаковые и значимые события и даты в советско/российско-монгольских отношениях, однако важно выделить важнейшие события российско-монгольских отношений в XX — начале XXI в. *Цель* статьи — представить основные этапы и наиболее важные даты и события в истории советско/российско-монгольских отношений в XX — начале XXI вв., а также определить роль и значение тех документов, которые имели ключевое значение для российско-монгольских отношений. *Материалы.* В статье использованы архивные документы, публикации, научная литература. *Заключение.* За прошедшее столетие взаимоотношения наших стран, история которых полна драматических событий (революционные потрясения, Вторая мировая война, распад Советского Союза), развивались порой противоречиво: от дружбы и особых союзнических связей, сменившихся в 1990-е гг. некоторым охлаждением, до отказа от прежних идеологизированных установок, обновления традиционного сотрудничества, приведших к современному всеобъемлющему стратегическому партнерству. Однако всегда превалировало понимание, что наши страны связаны особыми отношениями, обусловленными историческими, геополитическими, культурно-цивилизационными факторами. Через 100 лет можно констатировать, что основные принципы

российско-монгольских отношений, заложенные Соглашением 1921 г., выдержали испытание временем. Сегодня Россия и Монголия вступили на качественно новую ступень взаимоотношений, базирующуюся на общей заинтересованности развивать всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Ключевые слова: Россия, Монголия, XX век, сотрудничество

Для цитирования: Орлова К. В. Россия — Монголия: век дружбы и сотрудничества (к 100-летию юбилею установления дипломатических отношений) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 888–899. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-888-899

Russia — Mongolia: A Century of Friendship and Cooperation (Celebrating the 100th Anniversary of Diplomatic Relations)

Keemya V. Orlova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Orlova K. V., 2021

Abstract. Introduction. In 2021, Russia and Mongolia are celebrating the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations. In fact, this year is remarkable for a number of anniversaries: the 100th anniversary of the formation of the Mongolian People's Party, the first political party in Mongolia; the 100th anniversary of the national democratic revolution; the 100th anniversary of the organization of the Mongolian People's Revolutionary Army; the 100th anniversary of the Scientific Committee, which served as the prototype of the Mongolian Academy of Sciences; the 60th anniversary of the UN membership of Mongolian People's Republic; and the 40th anniversary of the joint space flight of the Russian-Mongolian space crew. These anniversaries are closely related to a significant event in the history of the two countries — the Agreement between the Government of the RSFSR and the People's Government of Mongolia on the establishment of friendly relations signed on 5 November 1921, which laid the legal basis for bilateral relations. It is certainly beyond the scope of this article to cover every significant and remarkable event and date in Soviet / Russian-Mongolian relations, but it intends to highlight the most important events in Russian-Mongolian relations in the 20th and early 21st centuries. The article *aims* to focus on the principal stages and most important dates and events, as well as to underline the role and relevance of the documents of key importance in the history of these relations. *Materials.* The study is based on archival records, published materials, and scientific literature. *Conclusions.* Over the past century, the relations between the countries, whose histories are full of dramatic events (revolutionary upheavals, World War II, the collapse of the Soviet Union), have seen both high and low points: friendship and special relations of allies, which changed to a certain degree of distancing from each other; then, rejection of the previous ideologized attitudes and renewal of traditional cooperation, leading to a current comprehensive strategic partnership. However, there has always been an understanding that there is a special closeness of the countries for historical, geopolitical, and cultural factors in play. A hundred years is a sufficiently long period to conclude that the key principles of Russian-Mongolian relations established by the 1921 Agreement have stood the test of time. Presently, there is a new stage to these relations based on both parties' interests in promoting their comprehensive strategic partnership.

Keywords: Russia, Mongolia, 20th century, cooperation

For citation: Orlova K. V. Russia — Mongolia: A Century of Friendship and Cooperation (Celebrating the 100th Anniversary of Diplomatic Relations). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 888–899. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-888-899

Введение

2021-й год, год столетия установления дипломатических отношений между РСФСР и Монгольской Народной Республикой (далее — МНР), в истории Монголии и советско/российско-монгольских отношений ознаменован сразу несколькими юбилейными датами: 100-летием образования Монгольской народной партии, первой политической партии в Монголии; 100-летием национально-демократической революции; 100-летием создания Монгольской народно-революционной армии; 100-летием основания Ученого комитета, прообраза Академии наук Монголии; 60-летием принятия МНР в члены ООН; 40-летием совместного полета в космос российско-монгольского космического экипажа.

Все эти даты тесно связаны со знаковым событием в истории двух стран — подписанием Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений (05.11.1921), заложившего правовые основы двусторонних отношений. История подготовки и заключения Соглашения хорошо исследована в трудах советских/российских, монгольских и западных ученых [История МНР 1983; Ширендыб 1963; История Монголии 2007; Рошин 1999; Лузянин 2000; Грайворонский 2017: 74–82; и др.]. В статье использованы архивные документы, публикации, научная литература.

От Соглашения 1921 г. до Халхин-гола 1939 г.

В соответствии с Соглашением взаимно признаны законными правительства обоих государств, установлены официальные дипломатические отношения и обмен полномочными представителями и консулами. Правительство РСФСР заявило об отказе от всех экономических привилегий, полученных царским правительством от правительства Автономной Монголии. Дополнительно к Соглашению были подписаны Протоколы, согласно которым прежние заключенные договоры и соглашения между Российской империей и Автономной Мон-

голией и долги были аннулированы, правительство РСФСР безвозмездно передало правительству Монголии часть имущества и предоставило кредит [Советско-монгольские отношения 1975: 58–63; История МНР 1983: 332, 339]. Соглашение сыграло исключительно важную роль для двустороннего политического и экономического взаимодействия на долгие годы. Впервые в новых исторических условиях, сложившихся после октябрьской революции 1917 г. в России и национально-демократической революции в Монголии, были установлены равноправные добрососедские взаимоотношения.

В Монголии преобразования начались с ограничения и упразднения прав, титулов и званий привилегированных слоев общества, поиска путей строительства светского, республиканского государства, создания новых отраслей экономики и культуры [История МНР 1983: 335]. Представители новой власти, приступая к модернизации традиционного кочевого общества, опирались на опыт и всестороннюю поддержку СССР и Коминтерна.

Традиционное кочевое и буддийское общество подверглось коренному реформированию политических и социально-экономических институтов. Руководители правящей Монгольской народной партии (с 1924 г. — Монгольская народно-революционная партия, МНРП) и правительства страны избрали главным направлением развития государства обеспечение политических и экономических условий для построения нового общества. Внутри самой МНРП развернулась борьба между сторонниками постепенного, умеренного развития общественной системы, преодоления международной изоляции страны, установления связей не только с СССР, но и другими странами Европы и Азии с одной стороны, и приверженцами социалистической ориентации, ликвидации «светских и духовных феодалов», модернизации монгольского общества по советскому образцу, строительства социализма, с другой [Рошин 1999: 141–218; История Монголии 2007: 77–96].

Межгосударственные отношения СССР и МНР определялись тесными связями и доверительностью. Советский Союз придавал важное политическое, экономическое, геополитическое и стратегическое значение отношениям со своим ближайшим соседом и союзником Монголией, оказывал ей всестороннюю помощь, стремясь сохранить ее в сфере своего идейно-политического, экономического, военного и культурного влияния.

Этот период характеризуется значительными событиями в экономической сфере. Из главных: в 1929 г. учреждено советско-монгольское акционерное дорожно-транспортное общество «Монголтранс»¹. В декабре 1933 г. введена в эксплуатацию механизированная шерстомойная фабрика в Хатгале. В 1934 г. в Улан-Баторе при помощи СССР построен первый крупный промышленный комбинат легкой промышленности, где обрабатывалась кожа, выпускались сапоги и гутулы, овчинные шубы, войлок, сукно². В 1934 г. создано советско-монгольское акционерное общество оптовой торговли «Совмонбунер» [История МНР 1983: 377]. В гуманитарной области следует выделить подписание первого соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР (октябрь 1929), учреждение Монгольской комиссии СНК СССР по научному исследованию Монгольской, Танну-Тувинской и Бурят-Монгольской Народных республик (1925–1953), организация Наркомздравом РСФСР четы-

рех медико-санитарных экспедиций (1926; 1927–1928; 1929–1931; 1933–1936), ставших эффективной помощью здравоохранению Монголии и своеобразной «кузницей кадров и кадрового резерва» для здравоохранения МНР [Советско-монгольские отношения 1975; Юсупова 2006; Башкуев 2016: 256–304].

Важнейшими событиями в двусторонних взаимоотношениях стало заключение джентльменского (устного) соглашения (27.11.1934) и подписание Протокола о взаимной помощи между правительствами СССР и МНР (12.03.1936), в котором стороны обозначили принципиальные договоренности: оказание взаимной поддержки в предотвращении и предупреждении угрозы военного нападения какой-либо третьей стороны; в случае военного нападения на одну из сторон они обязывались оказывать всяческую помощь, в том числе военную. Подписание Протокола было вполне обосновано и своевременно: приграничные конфликты на восточной границе МНР в 1935 г. создали напряженную обстановку, которые, в конечном счете, вылились в военные действия на р. Халхин-гол (1939). Возникла реальная угроза существования страны и ее независимости. Молниеносная война (с мая по сентябрь 1939 г.) с Японией и Маньчжоу-го на территории Монголии завершилась полной победой советско-монгольских войск. На встрече 15 сентября 1939 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и посол Японии в СССР Того Сигэнори договорились, оставаясь на позициях, зафиксированных на 15 сентября, прекратить боевые действия с 16 сентября, произвести обмен пленными и создать четырехстороннюю комиссию (СССР, МНР, Япония и Маньчжоу-го) для урегулирования спорных вопросов. В тот же день (16.09.1939) было подписано Соглашение между СССР и Японией о прекращении военных действий на границе с Монголией. Победа на Халхин-голе убедительно подтвердила надежность и незыблемость советско-монгольского военно-политического союза, эффективность советско-монгольской системы безопасности. Победа в войне на восточной границе Монголии имеет колоссальное международное значение: МНР отстояла свою неза-

¹ Правительство СССР на льготных условиях обеспечило всем необходимым для автомобильного и гужевого транспорта, а также материалами для строительства дорог, складов и других сооружений. При «Монголтрансе» были созданы первые в Монголии курсы профессионально-технического образования. В январе 1936 г. советское правительство передало МНР свою долю участия, ставшей основой создания национальной автотранспортной организации [История МНР 1983: 377].

² В настоящее время Улан-Баторский промкомбинат — это комплекс заводов и фабрик: шерстомойная, суконная, камвольная, валяльно-войлочная, обувная, шорная и текстильная фабрики, овчинно-шубный, кожевенный, хромовый заводы и другие производства, изделия которых стали важной статьей экспорта.

висимость, для СССР исход войны на Халхин-голе стал одной из причин, по которым Япония отказалась от нападения на СССР во время Второй мировой войны.

Сотрудничество и взаимная помощь в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны сотрудничество между странами не прерывалось. Однако СССР вынужден был сократить общий объем экспорта. Тем не менее за 1941–1945 гг. Монголия для укрепления обороны своей страны получила от СССР помощь в размере 100 млн руб. [История Монголии 2007: 171]. За эти годы в Монголии при помощи СССР построены новая биофабрика, цех по производству алебаstra, спичечная фабрика, деревообрабатывающий завод, шоссейные дороги Улан-Батор — Улза, Улан-Батор — Алтан Булак, Улан-Батор — Сайн Шанда, кожевенный завод, шерстомойная фабрика и многое другое [История МНР 1983: 430, 438]. В октябре 1942 г. при содействии Советского Союза в Улан-Баторе было открыто первое высшее учебное заведение — Монгольский государственный университет. В качестве помощи Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР направил семерых преподавателей различных специальностей, оборудование для учебных лабораторий. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова оказал поддержку в организации и проведении научно-исследовательских работ, обеспечении научной литературой, консультациями, методической помощью [Советско-монгольские отношения, т. 2, ч. 1 1979: 19–20].

В день начала войны нацистской Германии против Советского Союза, 22 июня 1941 г., на совместном заседании президиума Малого Хурала, Совета министров МНР и ЦК МНРП принято специальное постановление о полной поддержке Советского Союза как в морально-политическом, так и в материальном отношении. В первые дни войны часть военнослужащих Монгольской народно-революционной армии (МНРА) изъявила желание добровольцами отправиться на фронт. За годы войны Монголия поставляла СССР не только полушубки, валенки, продовольствие, пушнину, скот, но и на средства, собранные монгольским наро-

дом, были построены танковая колонна «Революционная Монголия», авиаэскадрилья «Монгольский арат». Уже в январе 1942 г. по решению Малого Хурала Советскому Союзу были переданы 300 кг золота, 100 тыс. долл., 2 млн 500 тыс. тугриков, Монголия передала Красной Армии 11 эшелонов с подарками на сумму 60 млн тугриков (подробнее см.: [Базаров, Курас 2015; Монголия 2011; и др.]). Совокупная безвозмездная помощь Монголии Советскому государству и Красной Армии составила два годовых бюджета страны¹. Особой формой помощи Красной Армии явились поставки на фронт монгольских лошадей — более 500 тыс.: на фронте каждая пятая лошадь была «монголкой». По свидетельству генерала армии, дважды героя Советского Союза (1944, 1945), героя МНР (1971) И. А. Плиева, «неприхотливая монгольская лошада рядом с советским танком дошла до Берлина» [Ахан дүүсийн захидал 1985: 12]. Монгольская лошадь увековечена в виде скульптуры «По дорогам войны»: пара лошадей тянет артиллерийское оружие по фронтовой дороге (авторы: монгольский скульптор А. Очирболд и российские архитекторы А. Тихонов и В. Перфильев). Памятник передан в дар России от монгольского народа в год 70-летия Победы над фашизмом и установлен 5 мая 2015 г. на Поклонной горе.

В июле 1945 г. в ходе визита в Москву премьер-министра Монголии Х. Чойбалсана было принято решение о совместном участии советских и монгольских войск в военной кампании на Дальнем Востоке. 10 августа 1945 г. Малый Хурал и правительство МНР, согласно Протоколу о взаимной помощи (12.03.1936), приняли решение об объявлении войны Японии. Для участия в военных действиях Монголия выставила армию численностью 21 318 воинов², более 20 тыс. лошадей. Военная кампания на Дальнем Востоке завершилась подписани-

¹ Выражаю благодарность д-ру ист. наук, проф., главному научному сотруднику Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Л. В. Курасу за устную информацию.

² Благодарю за устную информацию д-ра ист. наук, проф., ведущего научного сотрудника Института истории и этнологии Академии наук Монголии Н. Хишигт.

ем 2 сентября 1945 г. акта о безоговорочной капитуляции Японии. За участие в боевых действиях командиры и бойцы МНРА были удостоены высших наград СССР, советские воины — государственных наград Монголии. Однако международно-правовое положение Монголии оставалось неопределенным, *de jure* — страна оставалась частью Республики Китай. На заключительном этапе Второй мировой войны встал вопрос международного статуса Монголии, который обсуждался главами трех держав — СССР, США, Великобритании на Ялтинской конференции (11.02.1945). Советский Союз обусловил свое участие в войне против Японии сохранением *status quo* Монголии (в документе — Внешней Монголии) как независимого государства (это условие стояло первым пунктом). Так, Монголия получила признание *de facto* со стороны США и Великобритании и *de jure* — Китая. 20 октября 1945 г. в МНР по предложению китайского правительства был проведен плебисцит о государственной независимости. В голосовании приняли участие граждане страны, имевшие право голоса, за независимость страны проголосовали 100 % монгольских граждан. 5 января 1946 г. Китай признал государственную независимость Монголии в существующих границах, 7 октября 1949 г. между МНР и КНР были установлены дипломатические отношения [История МНР 1983: 448–450; Лузянин 2000: 214–216; История Монголии 2007: 175–178].

Сотрудничество в послевоенное время

В послевоенный период советско-монгольские отношения получили дальнейшее развитие. По истечении срока действия Протокола о взаимной помощи (12.03.1936) подписаны Договор о дружбе и взаимопомощи сроком на 10 лет (27.02.1946) [Советско-монгольские отношения, т. 2, ч. 1 1979: 134–136], а также Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между правительствами СССР и МНР (27.02.1946) [Советско-монгольские отношения, т. 2, ч. 1 1979: 136–137]. Эти документы сыграли важнейшую роль в развитии Монголии в послевоенный период. Главным направлением советско-монгольских связей стал курс на укрепление дружбы и развитие все-

стороннего сотрудничества. Основу этих отношений, как и в предыдущие годы, составляли национально-государственные интересы обеих стран. В 1949 г. СССР и МНР заключили целый ряд соглашений, сыгравших существенную роль в экономическом и научно-техническом развитии Монголии. Ярким примером тесного советско-монгольского экономического сотрудничества стало создание акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» (1949), треста «Монголнефть» (1949) [История Монголии 2007: 189]. В 1974 г. подписано межправительственное соглашение об учреждении монголо-советского медно-молибденового горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» (ГОК «Эрдэнэт»), в мае 1978 г. введена в эксплуатацию первая очередь комбината, пуск второй очереди состоялся в июне 1980 г., завершилось строительство в мае 1981 г. [История МНР 1983: 539; История Монголии 2007: 377].

ГОК «Эрдэнэт» как одно из крупнейших предприятий в Азии по добыче и обогащению меди и молибдена стал своего рода визитной карточкой и символом тесного двустороннего взаимодействия. В июне 2016 г. госкорпорация «Ростех» продала 49 % акций ГОК «Эрдэнэт» и Монголросцветмет Монгольской медной корпорации («Монгол зэс»)¹ [Алтай 2017: 19].

Из значимых событий этого периода следует назвать вступление МНР в ООН (27.10.1961) на XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в июне 1962 г. — в Совет экономической взаимопомощи. Важное значение имели регулярные встречи руководителей двух стран, на которых обсуждались актуальные вопросы советско-монгольского сотрудничества в сфере экономики и культуры.

Особо тесные связи развиваются между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР (с 1961 г. АН Монголии). Согласно соглашению, заключенному между АН СССР и АН МНР в 1967 г., в Монголии начали работать совместные научно-исследовательские экспедиции: геологическая, ком-

¹ М. Мөнхбаатар: «Эрдэнэт»-ийн 49 хувийг буцаан гэвэл ОХУ-ын «Ростех» компани руу буцаа [электронный ресурс] // URL: <http://eagle.mn/r/23465> (дата обращения: 10.06.2021).

плексная биологическая, палеонтологическая, историко-культурная и геофизическая [История Монголии 2007: 291].

Советско/российско-монгольские отношения: 1980–2000-е гг.

Спад российско-монгольского сотрудничества пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Оба государства в этот период прошли серьезный политический и экономический кризис. Перестройка в СССР, последовавший вскоре распад Советского Союза и социалистической системы «привели к коренному изменению характера российско-монгольских отношений» [Гольман 2011: 20; Алтай 2017: 16]. В самой Монголии также бурно развивались события, приведшие к кризису политической системы. Изменения коснулись, прежде всего, идеологических установок, «патронажных связей КПСС и МНРП», «разрыва интеграционных связей» в экономиках СССР и МНР¹ [Гольман 2011: 20–21; История Монголии 2007: 323]. Однако, несмотря на объективные трудности, страны смогли преодолеть сложности во взаимоотношениях. 12 февраля 1991 г. РСФСР и Монголия подписали Декларацию о дружбе и сотрудничестве, в которой одним из важных положений стал отказ от идеологически ориентированных взаимоотношений, декларировалось продолжать отношения на основе дружбы, добрососедства, взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства в дела друг друга. В тот же день подписано Межправительственное соглашение между РСФСР и Монголией о торгово-экономическом сотрудничестве, согласно которому достигнута договоренность проводить все расчеты в свободно конвертируемой валюте по текущим ценам основных мировых рынков на соответствующие товары и услуги, создавать благоприятные условия для установления прямых контактов между регионами двух стран. Этот этап ознаменован заключением ряда значимых межправительственных документов: о торгово-экономическом сотрудничестве (1991), о создании монголо-российской

межправительственной комиссии (1991), о взаимных платежах (1992), о деятельности монголо-советского совместного горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» (05.06.1991), о сотрудничестве в области окружающей среды (15.02.1994), по охране и использованию трансграничных вод (11.02.1995), о сотрудничестве в области геологического изучения и освоения недр (02.11.1996). Однако, по мнению экспертов, подписанные документы «фактически не были переведены в активную фазу». Ситуация начала меняться после заключения Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве (20.01.1993), подписанного президентом РФ Б. Н. Ельциным и президентом Монголии П. Очирбатом в Москве в ходе официального визита монгольского руководителя. В Договоре, заключенном на 20 лет с автоматическим продлением на последующие пятилетние периоды, существенным и принципиальным определялись незамедлительные консультации и возможные пути их урегулирования в случае возникновения ситуаций, представляющих угрозу международному миру и безопасности и повлекших международные осложнения; неучастия в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга; недопущения использования территории третьим государством в целях агрессии или иных насильственных действий. Стороны договорились о взаимном уважении, разрешать любые спорные вопросы в духе доброй воли, на регулярной основе обмениваться мнениями по вопросам развития и углубления двусторонних отношений, а также о сотрудничестве в гуманитарной области на основе уважения своеобразия истории, культур и обычаев двух стран [Россия и Монголия 2011: 362–367]. Знаковым событием стало совместное заявление президентов РФ и Монголии об имевших место массовых репрессиях 1930–1940-х гг., в ходе которых пострадало много невинных людей в обеих странах, нанесен колоссальный моральный и материальный ущерб. Президенты осудили репрессии и заявили, что примут все меры по восстановлению исторической правды и недопущению впредь повторения трагических событий [Россия и Монголия 2011: 368].

¹ М. И. Гольман считает, что произошел «обвал отношений России и Монголии по всем направлениям» [Гольман 2011: 21].

Стратегическое партнерство

Реальным прорывом во взаимоотношениях двух стран стал визит президента РФ В. В. Путина по приглашению президента Монголии Н. Багабанди (13–14.11.2000). По мнению исследователей, этот визит «дал сильный толчок для выведения всего комплекса двусторонних отношений из состояния вялотекущего развития, не соответствовавшего коренным национальным интересам и потенциалам обеих стран» [Россия и Монголия 2011: 89]. Основные направления сотрудничества нашли отражение в Улан-Баторской декларации, подписанной президентами двух стран 14 ноября 2000 г. Стороны подтвердили приверженность Договору о дружественных отношениях и сотрудничестве (20.01.1993), а также «единое понимание о поступательном продвижении российско-монгольского сотрудничества» в различных сферах в соответствии с уставом ООН, нормами международного права, на принципах уважения суверенитета, равноправия и взаимной выгоды. Стороны вновь подтвердили, что не будут участвовать в каких-либо военно-политических союзах, если они противоречат интересам суверенитета и независимости одной из стран, важное значение придавалось приграничным контактам [Россия и Монголия 2011: 369–375]. В ходе визита заключены межправительственные соглашения, в качестве приоритетных направлений определены: развитие топливно-энергетического комплекса в Монголии, транспорта, туризма, торговли, образования, культуры и науки. В этот период была решена проблема долга Монголии перед Российской Федерацией как правопреемницей СССР. Переговоры по этой проблеме велись с 1988 г., только в конце 2003 г. вопрос был решен [История Монголии 2007: 385; Россия и Монголия 2011: 377]. Важным событием сотрудничества между странами стало подписание межправительственного Соглашения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (2003)¹.

¹ Постановление Правительства РФ от 12 мая 2003 г. № 272 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых

Основные направления дальнейшего российско-монгольского сотрудничества нашли отражение в Московской декларации (2006), подписанной президентом РФ В. В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром во время его официального визита в Москву (04–09.12.2006).

Курс на развитие стратегического партнерства между странами официально закреплён в Декларации о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией (25.08.2009) [Россия и Монголия 2011: 382–389], подписанной в ходе визита президента РФ Д. А. Медведева в Улан-Батор по приглашению президента Монголии Ц. Элбэгдоржа. По своему содержанию Декларация о развитии стратегического партнерства формулирует основные направления сотрудничества в форме политических диалогов на высшем уровне, совместное празднование юбилейных дат и событий. В соответствии с задачами развития стратегического партнерства была достигнута договоренность возобновить работу по обновлению договорно-правовой базы двусторонних отношений. По итогам переговоров была разработана новая среднесрочная программа торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также достигнута договоренность о проведении российско-монгольских деловых форумов под патронажем президентов обеих стран. Не менее важной представляется и договоренность глав государств о сотрудничестве по линии научных учреждений и исторических обществ.

Новый импульс активизации двустороннего взаимодействия, развития стратегического партнерства придал визит президента РФ В. В. Путина 3 сентября 2014 г. в Улан-Батор по приглашению президента Монголии Ц. Элбэгдоржа. Во время визита было подписано 15 документов. Знаковым событием в жизни двух стран стало установление для граждан безвизового режима (с ноября 2014 г.). Произошли существенные сдвиги в гуманитарном направлении: увеличилось число квот (до 500 мест) для обучения монгольских студентов в российских вузах [электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/2562297/> (дата обращения: 10.06.2021).

ских вузах. Так, во время визита подписано соглашение между Министерством образования, культуры и науки Монголии и ОАО НК «Роснефть» о предоставлении монгольским гражданам стипендий в вузах-партнерах компании¹. Интенсивно развивается сотрудничество между Академиями наук России и Монголии: проводятся научные исследования в рамках совместных экспедиций, реализация научных проектов, участие в конференциях, семинарах, симпозиумах. В области гуманитарных наук АН Монголии сотрудничает со многими научными академическими учреждениями России: Институтом востоковедения РАН, Калмыцким научным центром РАН, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институтом восточных рукописей РАН, научными учреждениями Республики Тыва и др. Исследовательские коллективы институтов РАН и АН Монголии занимаются совместными поисками путей и механизмов взаимодействия России и Монголии в контексте научной дипломатии. Традиционным партнером АН Монголии является Объединенный институт ядерных исследований (г. Дубна), со дня образования (1956 г.) которого Монголия является одной из стран-участниц. На протяжении уже более полувека сотрудничество монгольских и российских ученых осуществляется по ряду научных тем и проектов Института. Важным результатом многолетнего научного содружества стало подписание Меморандума о намерениях в рамках российско-монгольской межправительственной комиссии о сотрудничестве в области создания центра ядерной науки и технологии (ЦЯНТ) в Монголии. Целью меморандума является развитие взаимовыгодного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии и разработки проекта сооружения ЦЯНТ на территории Монголии². Важным направлением

сотрудничества стало участие Монголии в международной программе «Интеркосмос», в результате которого был осуществлен советско-монгольский космический полет в марте 1981 г. гражданина МНР Ж. Гуррагчи в составе международного экипажа. В июне 2021 г. в ходе официального визита в Россию министра иностранных дел Монголии Б. Батцэцэг в торжественной обстановке Герою МНР и Герою Советского Союза, летчику-космонавту Ж. Гуррагче был вручен орден Александра Невского³.

В ходе визита президента России В. В. Путина 3 сентября 2019 г. в Монголию подписан «Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией» (бессрочный, ратифицирован 21 сентября 2019 г.). В рамках всеобъемлющего стратегического партнерства стороны договорились развивать на стабильной и долговременной основе равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в области политики, обороны, безопасности, экономики, торговли, финансов и инвестиций, инфраструктуры, гуманитарных отношений и других сферах, представляющих взаимный интерес. Договор закрепил качественно новый уровень российско-монгольского взаимодействия и открыл перспективы для его расширения по самым разным направлениям.

5 декабря 2019 г. российская транснациональная энергетическая компания ПАО «Газпром» и правительство Монголии подписали Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий строительство магистрального газопровода «Союз Восток» в Китай через территорию Монголии. Газопровод станет продолжением газопровода «Сила Сибири-2». В апреле 2021 г. утверждено технико-экономическое обоснование (ТЭО) строительства магистрального газопровода, в рамках которого проработаны основные технико-технологические параметры проекта. В частности, определен оп-

// URL: <https://montsame.mn/ru/read/167839> (дата обращения: 10.06.2021).

³ В Москве прошли переговоры глав МИД Монголии и России [электронный ресурс] // URL: <https://montsame.mn/ru/read/265692> (дата обращения: 10.06.2021).

¹ «Роснефть» и Монголия подписали соглашение об организации обучения граждан страны в вузах-партнерах компании [электронный ресурс] // URL: <https://kng.rosneft.ru/press/releases/item/153680/> (дата обращения: 10.06.2021).

² В Объединенном институте ядерных исследований в Дубне работают 11 научных сотрудников из Монголии [электронный ресурс]

тимальный маршрут прохождения трассы газопровода по территории Монголии, его протяженность, количество компрессорных станций и др.¹. В октябре этого года в Монголии состоялось совместное заседание рабочей группы Газпрома и правительства Монголии по проекту поставок газа из России через Монголию в Китай. В ходе переговоров достигнуты договоренности о квотах на привлечение иностранной рабочей силы, предоставлении таможенных льгот на поставку оборудования, завершении ТЭО в течение этого года, а также о проведении детальных инженерных изысканий и реализации проектных строительных работ².

В 2019 г. Монголия широко отметила 80-летие окончания войны на Халхин-голе. В рамках юбилейных мероприятий в России и Монголии прошли научные конференции, организована экспедиция «По дорогам боевого братства», «Вахты памяти» у памятников и мемориалов советским и монгольским воинам. На полях Восточного экономического форума во Владивостоке президент Монголии Х. Баттулга пригласил на торжества президента России В. В. Путина и представил проект модернизации сомона Халхин-гол.

Важным направлением российско-монгольского сотрудничества стало участие Монголии в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя с 2004 г. В последние годы особенно значимой и перспективной сферой взаимодействия стали трехсторонние встречи глав государств, внешнеполитических ведомств и министерств РФ, Монголии и КНР на полях ШОС. Первая встреча в трехстороннем формате прошла в Душанбе (12.09.2014), тем самым был запущен механизм встреч на высшем уровне. В Душанбе председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею

строительства Экономического коридора Китай — Россия — Монголия. По итогам второй встречи в Уфе (09.07.2015) была одобрена Дорожная карта развития трехстороннего сотрудничества стран на среднесрочную перспективу. В 2016 г. в Ташкенте на полях ШОС между тремя странами была подписана Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия, которая включает 32 проекта. Проекты призваны объединить и усилить сотрудничество трех стран, прежде всего, в торгово-экономической, гуманитарной и туристической сферах.

9 июня 2021 г. в Монголии прошли очередные выборы президента, шестым президентом страны избран кандидат от правящей Монгольской народной партии У. Хурэлсух. В тот же день в телефонном разговоре президент РФ В. В. Путин поздравил У. Хурэлсуха. В беседе лидеры двух стран договорились продолжить тесные деловые связи, подтвердили дальнейшее развитие дружественных связей и всеобъемлющего стратегического партнерства, подчеркнули важность продолжения координации по актуальным международным и региональным вопросам. В рамках повышения уровня торгово-экономического сотрудничества главы государств сошлись во мнении активизировать реализацию крупных проектов: реконструкция совместного АО «УБЖД», строительство новых железных дорог, энергетические проекты. Президент РФ пригласил президента Монголии принять участие в Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2021 г.³.

Заключение

За прошедшее столетие взаимоотношения наших стран, история которых полна драматических событий (революционные потрясения, Вторая мировая война, распад Советского Союза), развивались порой противоречиво: от дружбы и особых союзнических связей, сменившихся в 1990-е гг. некоторым охлаждением, до отказа от прежних идеологизированных установок, обновле-

¹ Правительство Монголии и «Газпром» подписали Меморандум о создании компании спецназначения [электронный ресурс] // URL: <https://montsame.mn/ru/read/234551> (дата обращения: 10.06.2021).

² Сайнбуянгийн Амарсайхан и Виталий Маркелов обсудили ход разработки ТЭО проекта строительства газопровода [электронный ресурс] // URL: <https://montsame.mn/ru/read/278951> (дата обращения: 22.10.2021).

³ Телефонный разговор с Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66168> (дата обращения: 10.06.2021).

ния традиционного сотрудничества, приведших к современному всеобъемлющему стратегическому партнерству. Однако всегда превалировало понимание, что наши страны связаны особыми отношениями, обусловленными историческими, геополитическими, культурно-цивилизационными факторами. Через 100 лет можно конста-

тировать, что основные принципы российско-монгольских отношений, заложенные Соглашением 1921 г., выдержали испытание временем. Сегодня Россия и Монголия вступили на качественно новую ступень взаимоотношений, базирующуюся на общей заинтересованности развивать всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Литература

- Алтай 2017 — *Алтай Д.* Стратегическое партнерство между Россией и Монголией: вызовы XXI века // Россия — Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Сб. научных статей. Улан-Батор: ИВ РАН, ИИА АН Монголии, ИС РАН, 2017. С. 15–22.
- Базаров, Курас 2015 — *Базаров Б. В., Курас Л. В.* Монголия во Второй мировой войне // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 12. С. 30–39.
- Башкуев 2016 — *Башкуев В. Ю.* Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая половина XX вв.) / науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.
- Гольман 2011 — *Гольман М. И.* От спада до стратегического партнерства: российско-монгольские отношения 1990–2010 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2011. № 1. С. 20–26.
- Грайворонский 2017 — *Грайворонский В. В.* Россия — Монголия: 95 лет установления дипломатических отношений, стратегическое партнерство, новые вызовы // Россия — Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Сб. науч. ст. Улан-Батор: ИВ РАН, ИИА АН Монголии, ИС РАН, 2017. С. 74–82.
- История МНР 1983 — *История МНР.* Изд. третье, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1983. 661 с.
- Лузянин 2000 — *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.
- Монголия 2011 — *Монголия во Второй мировой*

- войне: Фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2011. 96 с.
- История Монголии 2007 — *История Монголии. XX век.* М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Россия и Монголия 2011 — *Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / коллективная монография.* М.: ИВ РАН, 2011. 440 с.
- Рошин 1999 — *Рошин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- Советско-монгольские отношения, 1 1975 — *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1. 1921–1940.* М.; Улан-Батор: Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1975. 589 с.
- Советско-монгольские отношения, 2 1979 — *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 2. Ч. 2.* М.; Улан-Батор: Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 616 с.
- Ширендыб 1963 — *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв.: История социально-экономического развития. Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 518 с.
- Юсупова 2006 — *Юсупова Т. Ю.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1957). СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.
- Ахан дүүсийн захидал 1985 — *Ахан дүүсийн захидал (Монголоос фронтод, фронтоос Монголд) [= Братские письма (из Монголии фронту, с фронта — в Монголию). Сборник фронтовых писем].* Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1985. 223 х.

References

- Altai D. Strategic partnership between Russia and Mongolia: Challenges of the 21st century. In: Russia — Mongolia. History, Challenges of the 21st Century, Prospects. Collected scholarly papers. Institute of Oriental Studies (RAS), Institute of History and Archaeology (Mong.

- Acad. of S.), Institute of Sociology (RAS). Ulaanbaatar: Admon, 2017. Pp. 15–22. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Russian Medicine and Mongolian World: The Historical Experiences of Interaction, Late 19th – Mid 20th Centuries. L. Kuras (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Russ.)

- Bazarov B. V., Kuras L. V. Mongolia in the Second World War. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2015. Vol. 12. Pp. 30–39. (In Russ.)
- Dashdavaa Ch., Kuras L. V. (eds.) Mongolia in World War II. Photo book. Irkutsk: Ottisk, 2011. 96 p. (In Russ.)
- Golman M. I. From decline to strategic partnership: Russian-Mongolian relations, 1990–2010. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2011. No. 1. Pp. 20–26. (In Russ.)
- Graivoronsky V. V. Russia — Mongolia: 95th anniversary of diplomatic relations, strategic partnership, new challenges. In: Russia — Mongolia. History, Challenges of the 21st Century, Prospects. Collected scholarly papers. Institute of Oriental Studies (RAS), Institute of History and Archaeology (Mong. Acad. of S.), Institute of Sociology (RAS). Ulaanbaatar: Admon, 2017. Pp. 74–82. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia — Mongolia — China, Early to Mid-Twentieth Century: Political Relations, 1911–1946. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2000. 268 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. et al. (eds.) History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Nauka — GRVL, 1983. 661 p. (In Russ.)
- Panin L. I., Tsedevsuren D. et al. (comps.) Soviet-Mongolian Relations, 1921–1974. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 1: 1921–1940. Moscow, Ulaanbaatar: Mezhdunarodnye Otnosheniya, State Publ. House of Mongolia, 1975. 589 p. Vol. 2. Part 2. Moscow, Ulaanbaatar: Mezhdunarodnye Otnosheniya, State Publ. House of Mongolia, 1979. 616 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia, 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)
- Rybakov R. B., Khaisandai L. (eds.) Russia and Mongolia: Towards Strategic Partnership. Collective monograph. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2011. 440 p. (In Russ.)
- Shirendyb B. Mongolia at the Turn of the 20th Century: History of Socioeconomic Development. Ulaanbaatar: Publishing Affairs Committee, 1963. 518 p. (In Russ.)
- The Letters of Brotherhood: Correspondence between Mongolia's Civilians and Front Line Soldiers. Collected letters. Ulaanbaatar: State Publ. House of Mongolia, 1985. 223 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) A History of 20th Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Yusupova T. Yu. Mongolian Commission at the USSR Academy of Sciences: History of Creation and Activities, 1925–1957. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. 280 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 900–909, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-900-909

Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг.

Александр Леонидович Клейтман^{1, 2}

¹ Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (д. 8, ул. Гагарина, 400131 Волгоград, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент

² Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры (д. 19, ул. Коммунистическая, 400131 Волгоград, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, директор

 0000-0003-4779-0321. E-mail: malk@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Клейтман А. Л., 2021

Аннотация. *Введение.* Хотя Царицынская сторожевая линия привлекала внимание историков с XVIII в., специального исследования, посвященного истории Царицынской линии в 1720-х гг., до настоящего времени предпринято не было. Именно в это время стала проводиться политика по усилению военно-политического влияния России в Прикаспийском регионе: был предпринят Персидский поход, стал усиливаться контроль над передвижениями калмыков. В статье показано, какую роль в данных событиях сыграла Царицынская сторожевая линия. *Материалы и методы.* Исследование систематизирует, переосмысливает сведения о Царицынской линии, изложенные в историографии, посвященной истории Персидского похода, истории калмыков, истории полков российской императорской армии, дополняет их данными опубликованных и сохранившихся в архивах законодательных актов и делопроизводственной документации. *Результаты.* Царицын и Царицынская линия были перевалочными пунктами на пути формирования и движения Низового корпуса, через которые проходили практически все воинские подразделения, двигавшиеся в Персидский поход, а также выполняли тыловые функции для частей Персидского корпуса на протяжении всего времени его существования. В Царицыне, в крепостях на линии и ближайших к линии станицах донских казаков располагались на зимние квартиры кавалерия Низового корпуса. Здесь драгунские полки проходили переукомплектование, отсюда отдельные части отправлялись в командировки по южным границам России. Царицынская линия внесла серьезные изменения в жизнь кочевого населения Нижнего Поволжья. Переход линии имел важное военное и политическое значение. Группы калмыков, прошедшие «внутрь линии», оказывались отрезанными от кубанцев и крымцев и от других групп калмыков. Для калмыцких владельцев переход линии имел символическое значение, они опасались того, что при переходе Царицынской линии у них будут отобраны

улусы или они будут насильно обращены в православие. В статье уточнены данные о численности войск, которые несли службу на Царицынской линии в 1720-х гг. Постоянно на линии находились не менее 500 казаков, командировавшихся Донским войском, а также несколько драгунских полков. В 1720-х гг. на Царицынской линии на протяжении различных сроков — от нескольких месяцев до нескольких лет несли службу части Кроншлотского, Олонецкого, Вологодского, Тобольского, Московского, Архангелогородского, Дмитровского и Саратовского драгунского полков. **Выводы.** Царицынская линия уже в первые годы после её создания не только защищала южные границы страны, но и стала инструментом дипломатического и военно-политического влияния России на соседние народы и государства.

Ключевые слова: Царицынская линия, Персидский поход, калмыки в 1720-х гг., Петр I, Аюка
Благодарность. Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Памятник фортификации Петровской эпохи “Царицынская сторожевая линия”»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования» (проект № 20-09-42009).

Для цитирования: Клейтман А. Л. Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 900–909. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-900-909

Tsaritsyn Defense Line and Military-Political Changes in Russia's Southeastern Frontier, 1720s

Alexander L. Kleitman^{1, 2}

¹ Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPa (8, Gagarin St., 400131 Volgograd, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

² Volgograd Oblast Research and Production Center for Historical and Cultural Preservation (19, Kommunisticheskaya St., 400131 Volgograd, Russian Federation)
Director

 0000-0003-4779-0321. E-mail: malk@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kleitman A. L., 2021

Abstract. Introduction. The Tsaritsyn defense line has attracted the attention of historians since the 18th century, but so far, no special study of the history of the Tsaritsyn line in the 1720s has been undertaken. The period is of interest for its policy of strengthening the military-political influence of Russia in the Caspian region, with the Persian campaign undertaken and control over the movements of the Kalmyks increasing. The article *aims* to show the role of the Tsaritsyn defense line in these events. *Materials and methods.* The study intends to systematize and reconsider the information about the Tsaritsyn line presented in the historiography of the Persian campaign, in the history of the Kalmyks, and in the history of the regiments of the Russian imperial army, supplementing them with data of legislative acts and office documentation. *Results.* Tsaritsyn and the Tsaritsyn line were staging points on the path of the formation and movement of the *Nizovoi* (Lower), or Persian, Corps; practically all military units involved in the Persian campaign passed through the Tsaritsyn line, which was used for rear functions by the Corps as long as it existed. Tsaritsyn, the fortresses on the line, and the villages of the Don Cossacks closest to the line served as winter quarters for the Corps cavalry: here the dragoon regiments were re-equipped, and individual units were sent on missions along the southern borders of Russia. The Tsaritsyn line introduced serious changes in the life of the nomadic population of the Lower Volga region; passages through the line acquiring great military and political importance. Groups of Kalmyks who passed ‘inside’ turned out to be cut off from the Kuban and Crimeans and from other groups of Kalmyks. There was a symbolic meaning to the crossing of the Tsaritsyn line for Kalmyks who feared that their *uluses* would be taken away from them or they would be converted to Orthodoxy against their will. The study clarifies the data on

the number of troops that served on the Tsaritsyn line in the 1720s. Constant was the presence of at least 500 Cossacks, sent on their mission by the Don army, as well as of several dragoon regiments. In the 1720s, units of the Kronshlots, Olonets, Vologda, Tobolsk, Moscow, Arkhangelsk, Dmitrov, and Saratov dragoon regiments served on the Tsaritsyn line from several months to several years. *Conclusions.* From the very first years of its construction, the Tsaritsyn line not only protected the southern borders of the Russian Empire, but also became an instrument of the imperial diplomatic and military-political influence on neighboring peoples and states.

Keywords: Tsaritsyn line, Persian campaign, Kalmyks in the 1720s, Peter I, Khan Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-42009 'Tsaritsyn Defense Line — A Fortification Monument of Peter the Great's Era: History of Construction and Operation, Current State, Prospects for Museumification and Tourist Use'.

For citation: Kleitman A. L. Tsaritsyn Defense Line and Military-Political Changes in Russia's Southeastern Frontier, 1720s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 900–909. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-900-909

Введение

История Царицынской сторожевой линии привлекала внимание учёных с XVIII в. Отдельные аспекты её истории рассматривались в рамках обобщающих исследований по истории России [Соловьев 1997; Багаев 1887; Павленко 2000; Павленко 2003], истории фортификации [Ласковский 1861], в краеведческих работах [Леопольдов 1839; Минх 1898; Минх 1900а; Минх 1900б; Минх 1901; Минх 1902; Рябов, Самойлов, Супрун 1994; Курышев 2011]. Единственным специальным исследованием, посвященным Царицынской линии, до настоящего времени остаётся работа Т. И. Лавриновой, написанная в конце 1980-х гг. и изданная в виде монографии в 2012 г. [Лавринова 1990; Лавринова 2012]. Отдельного исследования истории Царицынской линии в первое десятилетие её существования до настоящего времени не предпринималось. При этом именно в 1720-х гг. российское правительство стало проводить активную политику на юго-восточных границах империи: начался Персидский поход, произошли серьезные изменения в российско-калмыцких отношениях. В связи с этим существует необходимость проведения специального исследования, в рамках которого будет проанализировано, какую роль сыграла Царицынская линия в данных процессах.

Материалы и методы

Предпринимавшиеся ранее исследования истории Царицынской линии основывались на законодательных источниках, делопроизводственной документации Сената и Военной коллегии, хранящихся в Российском государственном архиве древних

актов (РГАДА) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Делопроизводственная документация, официальная переписка астраханского губернатора с центральными органами власти, с царицынским воеводой и командирами частей, которые несли службу на Царицынской линии, и ряд других источников, которые были введены в научный оборот исследователями истории калмыцкого народа (классические работы В. М. Бакунина, Н. Н. Пальмова, исследования современных авторов — Д. В. Васильева, Д. В. Сеня, А. В. Цюрюмова и др.), не использовались в качестве источников по истории Царицынской линии. Привлечение данных источников, а также опубликованных историй полков императорской армии, написанных в конце XIX — начале XX вв., и документов Главной канцелярии Артиллерии и фортификации, отложившихся в фондах научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, позволяет переосмыслить устоявшиеся в историографии взгляды относительно роли Царицынской линии в военно-политических изменениях на юго-восточных границах России в 1720-х гг.

Роль Царицынской сторожевой линии

В августе 1720 г. была закончена работа по строительству Царицынской сторожевой линии, протянувшейся от Царицына на Волге до Качалинского казачьего городка на Дону. Согласно первоначальному замыслу, это оборонительное сооружение должно было обезопасить южные границы России, затруднив проход кубанцев и крымских татар через степи Волго-Донского междуре-

чья. Западнее территории, где была проложена линия, располагались земли донских казаков, на востоке естественной преградой, создававшей препятствия для свободного перемещения кочевников, была Волга. Укрепление перешейка между Волгой и Доном, размещение на линии регулярной армии и казачьих частей в полной мере решало первоначально поставленную задачу.

Завершение строительства линии совпало по времени с окончанием Северной войны. Правительству необходимо было либо сокращать численность армии, либо ставить новые задачи для освободившихся воинских частей. Петром I было принято решение перебросить войска на южные границы России, направив их на покорение территории на западном и восточном побережье Каспийского моря. Данный регион привлекал внимание Петра с первых лет его правления, в 1710-х гг. предпринимались научные экспедиции для картографирования, составления описания Каспийского моря, предпринимались попытки найти месторождения золота, открыть новые торговые пути, в том числе сухопутный переход в Индию, установить влияние России над данным регионом дипломатическим и отчасти военно-политическим путём [Соймонов 1763; Могутов 1777]. Предпринимавшиеся в 1700–1710-х гг. попытки не позволили решить амбициозные задачи Петра в Прикаспийском регионе.

В 1720 г. началась подготовка к походу российской армии на Каспийское море. В 1721 г. стала проводиться перегруппировка войск с целью формирования нового крупного гарнизона для отправки его в Персидский поход. Пехота Низового корпуса зимой 1721–1722 гг. размещалась в Москве, Ярославле и других городах. Весной 1722 г. на судах по Волге и сухим путём в Астрахань стали стягиваться пехота, драгунские, гвардейские полки [Курукин 2010: 53–54].

Царицын и Царицынская линия стали важными перевалочными пунктами на пути формирования и движения Низового корпуса. Весной 1722 г. к Царицынской линии были стянуты несколько драгунских полков, к ним присоединились части донских и украинских казаков. В мае 1722 г. 10 тысяч казаков под командой атамана И. М. Краснощекова, корпус малороссийских казаков и драгунские полки, находившиеся на линии,

под командованием генерала Г. С. Кропотова отправились через степь напрямую к Теркам. С этим же корпусом были отправлены принадлежащие пехотным полкам лошади и артиллерия [Борисов, Сыцянюк 1888: 92].

Петр I, лично руководивший войсками, дважды посетил Царицын во время Персидского похода — 15–16 июня 1722 г. по пути на Каспий [Походный журнал 1855: 44–45] и на обратном пути в ноябре этого же года [Походный журнал 1855: 93]. Вместе с царицынским комендантом император осматривал укрепления Царицынской крепости и новой оборонительной линии. Земляные укрепления линии, строившейся в спешке, уже летом 1721 г. частично были разрушены [Иванюк 2021: 43]. Был подготовлен план укрепления линии, который был представлен царицынским комендантом полковником Л. Ю. Селивановым императору на утверждение. Петр утвердил план укрепления линии своей подписью [НА МАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 261. Л. 363–363об.].

В июне 1723 г. в Военную коллегию поступила копия указа о строении цитадели на Царицыне и подписанный императором план укрепления линии, направленные Л. Ю. Селивановым. По решению Военной коллегии и Главной артиллерии в Царицын был направлен полковник инженер И. Я. Бреклин, находившийся в Астрахани, чтобы провести осмотр и составить детальную смету материалов и работ, необходимых для ремонта укреплений линии [НА МАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 261. Л. 363–363об., 584–584об., 628–629, 681–681об.]. Результатом его обследований стал план Царицынской линии, сохранившийся в фондах отдела рукописей Библиотеки Академии наук [ОР БАН. Ф. Собрание рукописных карт (основная часть). Ф. 266. Т. 3. Л. 44]. Автор на данном плане указан не был, однако, судя по отображённым постройкам Царицына (за р. Царицей ещё нет застройки), надписи в экспликации «обрубы на бояраках для проходу вешней воды, которые построены в 1720м году», данный план должен быть датирован первой половиной 1720-х гг. Информации о других специальных обследованиях укреплений Царицынской линии в это время, кроме направления на Царицынскую линию полковника инженера И. Я. Бреклина, пока обнаружить не удалось. В пользу того, что именно

этот специалист был автором указанного плана, может свидетельствовать тот факт, что в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Академии наук (далее — НИОР БАН) сохранился также план цитадели при впадении реки Царицынки в Волгу, составленный в это же время и подписанный И. Я. Бреклинным [ОР БАН. Ф. Собрание рукописных карт (основная часть). Оп. 35. № 833. Л. 1].

Документальных свидетельств того, что в 1720-х гг. проводились работы по укреплению Царицынской линии пока обнаружить не удалось.

Царицынская линия выполняла тыловые функции для частей Персидского корпуса на протяжении всего времени его существования. В Царицыне, в крепостях на линии и ближайших к линии станицах донских казаков располагались на зимние квартиры кавалерия Низового корпуса как для того, чтобы обезопасить её от неприятеля, так и для того, чтобы доукомплектовать части лошадьми [Бутков 1869: 36]. Здесь драгунские полки проходили переукомплектование, отсюда отдельные части отправлялись в командировки по южным границам России. 31 июля 1729 г. был издан высочайший указ о том, чтобы все штаб- и обер-офицеры Персидского корпуса менялись каждые три года офицерами, несшими службу на Царицынской линии [Борисов, Сыцянюк 1888: 98–99].

Царицынская линия внесла серьезные изменения в жизнь кочевого населения Нижнего Поволжья. Калмыки, бывшие наиболее многочисленными кочевниками Заповолжья и правобережья Волги в районе от Астрахани до Саратова, были разделены на несколько кланов, находившихся как между собой, так и русским оседлым населением региона в отношениях, сочетавших мирное взаимодействие, торговлю с вооруженными столкновениями и грабежами. В 1710-х гг. отдельные группы калмыков принимали участие в разорительных нападениях кубанского султана Бахты-Гирея на русские земли. При этом русское правительство и сам Пётр I активно взаимодействовали с калмыцким ханом Аюкой, воинские подразделения калмыков принимали участие в боевых действиях Северной войны, поддерживали русскую армию во время Персидского похода.

Взаимоотношения кочевников данного региона осложнились после смерти в 1724 г. калмыцкого хана Аюки — важнейшего союзника России, объединявшего под своей властью большую часть калмыков, и начавшейся междоусобной борьбой за власть среди его наследников. Часть калмыцких тайшей стали поддерживать султана Бахты-Гирея, регулярно совершавшего разорительные походы на южные окраины России. Значительная часть калмыцких владельцев поддерживали вдову хана Аюки Дарма-Балу.

Царицынская линия стала серьезным рубежом на пути движения калмыков. Для того чтобы пройти «внутрь линии», необходимо было разрешение астраханского губернатора. При этом переход линии имел важное военное и политическое значение. Группы калмыков, прошедшие «внутрь линии», оказывались отрезанными от кубанцев и крымцев и от других групп калмыков. Давая разрешение или запрещая переход через линию, астраханский губернатор контролировал их взаимоотношения, пытаясь избежать нападений калмыков на русские земли или обострения отношений с крымским ханом и Османской империей.

Несколько инцидентов, ярко иллюстрирующих, как изменилась жизнь кочевого населения Нижнего Поволжья после создания Царицынской линии, нашли отражение в сочинении В. М. Бакунина, жителя Царицына, выучившего калмыцкий язык и в 1720-х гг. служившего переводчиком при калмыках, а также в делопроизводственной документации, официальной переписке этого времени.

Весной 1724 г. вдова хана Аюки Дарма-Бала обратилась к правительству Петра I с просьбой пропустить калмыцкие улусы через Царицынскую линию под защиту русских войск для защиты от возможных нападений кубанцев. Сенат принял решение удовлетворить просьбу ханши, разрешив пройти через линию улуса как улусам Дарма-Балы, так и всем калмыцким владельцам, которые этого захотят. В мае 1724 г. командующий войсками, расположенными на Царицынской линии, Я. С. Шамордин донёс в Военную коллегию, что калмыки благополучно перешли через линию [Лавринова 2012: 64]. В июне 1724 г. улусы Дондук-Омбо и ханши Дарма-Балы кочевали «внутри

линии», между Бузулуком и Медведицей в верховьях речки Кумылги. Летом часть калмыцких владельцев решила уйти на Кубань, переправившись через Дон или перейдя через Царицынскую линию.

Детальный анализ делопроизводственной документации, переписки Я. С. Шамордина, А. П. Волинского между собой, а также с Сенатом и Военной коллегией, принятый Н. Н. Пальмовым, убедительно показывает, что российские войска, расположенные на Царицынской линии, летом 1724 г. не столько охраняли калмыков от нападений кубанцев, сколько контролировали их передвижения, добиваясь того, чтобы калмыцкие владельцы выбрали наследника хана Аюки и принесли присягу российскому императору. 19 сентября второй сын хана Аюки Церен-Дондук принял присягу императору, а другие калмыцкие владельцы обязались повиноваться ему как ханскому наместнику до тех пор, пока не будет назначен новый хан [Васильев 2015: 351–357]. Дондук-Омбо не принял этого решения и вступил в борьбу за ханский титул, продолжавшуюся несколько последующих лет. В ноябре калмыки были пропущены через линию, при этом, по сведениям В. М. Бакунина, Дондук-Омбо, опасаясь быть схваченным русскими властями из-за конфликтов с донскими казаками, имевшими место летом 1724 г., переезжал линию в коробе, навьюченном на верблюда [Бакунин 1995: 44].

Переход через линию приобрел символическое значение. В начале 1725 г. один из калмыцких владельцев Нитар-Доржи делился с В. М. Бакуниным опасениями относительно перехода внутрь линии: он боялся, что его повесят за то, что обещал ранее креститься, но солгал, а также что его улусы будут крещены насильно или будут отображены те улусы, которые он ранее отобрал у братьев. В. М. Бакунин возражал, что призыв в линию чинился исключительно для того, чтобы защищать калмыков от неприятелей и примирить калмыцких владельцев между собой. Опасения Нитар-Доржи были не напрасны. Поддавшись на уговоры В. М. Бакунина, он со своими улусами перешёл Царицынскую линию и расположился в степях между Царицыном и Дмитровском. Здесь разгорелся конфликт Нитар-Доржи с приехавшим из Петербурга его родным братом Петром Тайшиным, за год до этого

принявшим крещение и полагавшим, что на этом основании он может претендовать на ханский престол [Джунджузов 2020: 534–535]. Самому Петру Тайшину удалось скрыться, но один из его спутников был убит, и несколько человек фактически оказались в заложниках. Нитар-Доржи пытался также напасть на А. П. Волинского, двигавшегося сухим путём из Царицына в Саратов, избил и грозился убить В. М. Бакунина, отправленного к нему губернатором для переговоров. В результате против Нитар-Доржи было направлено войско, стоявшее на Царицынской линии, было убито около ста и поймано около 60 калмыков. Самому Нитар-Доржи удалось скрыться, однако вскоре он был убит братом Досангом, побоявшимся, что гнев российских властей на Нитар-Доржи будет обращен также и на него [Бакунин 1995: 52–53; Тепкеев 2021б: 239–245].

В связи с проведением Царицынской линии существенно возросло значение Царицынской крепости и расширились функции их воевод. Помимо сугубо военных они стали выполнять дипломатические функции по взаимодействию с калмыцкими и кубанскими военно-политическими лидерами. Царицынским воеводам поступала информация о перемещениях, вооруженных столкновениях отдельных групп калмыков между собой и с внешними врагами. В Царицыне и на линии происходили встречи с владельцами калмыцких улусов и их посланниками [Тепкеев 2021: 26–27]. Царицынские воеводы встречались и вели переговоры с посланниками Бахты-Гирея. Им поручалось взаимодействовать с зайсанами, чтобы не допустить присоединения калмыков к войску Бахты-Гирея и последующего осложнения отношений с крымским ханом и Османской империей [Сень 2019: 148].

Численность войск, несших службу на Царицынской линии

До настоящего времени не предпринималось специальных попыток проанализировать численность войск, которые несли службу на Царицынской линии в 1720-х гг. Хотя уже введенные в научный оборот Н. Н. Пальмовым, Т. И. Лавриновой, И. Н. Курукиным, авторами полковых историй конца XIX — начала XX вв. источники позволяют достаточно подробно осветить данный вопрос.

Каждый год для службы на Царицынской линии Донское войско направляло не менее 500 казаков [Курышев 2011: 17].

В июне 1722 г. в Сенате было принято решение расположить на Царицынской линии Кроншлотский и Олонецкий драгунские полки, поскольку от донских казаков поступила информация, что крымский хан собирал на Кубани войска, чтобы выступить против Низового корпуса. В августе к Царицынской линии подошел Кроншлотский драгунский полк под командованием П. И. Бутурлина и по Волге прибыл отряд Олонецкого полка, возглавляемый капитаном Вильяшовым. По данным Т. И. Лавриновой, до прибытия этих частей на Царицынской линии располагался отряд донских казаков (483 человека) и отряд гарнизонных солдат поволжских городов (198 человек). После прибытия драгунских полков общая численность нового воинского соединения составила 2 297 человек [Лавринова 2012: 58–59].

В сентябре 1722 г. Военная коллегия приняла решение об отводе драгунских полков на зимние квартиры в Симбирскую и Пензенскую провинции. При Царицынской линии на зиму 1722/1723 гг. были оставлены части драгунских Московского, Архангелогородского, Дмитровского и Саратовского батальонов и донских казаков [Лавринова 2012: 60].

В 1724 г. под командованием бригадира Я. С. Шамордина на Царицынской линии находились Кроншлотский, Вологодский, Олонецкий и Тобольский кавалерийские полки. Общая их численность составляла более 3 300 человек, однако многие из них находились в командировках. В письме А. П. Волынскому Я. С. Шамордин отмечал, что численность боеспособных людей в его команде составляла 903 человека [Пальмов 1929: 205–207].

Через Царицынскую линию шло постоянное движение частей, направлявшихся в Низовой корпус или отводившихся на зимние квартиры. В условиях постоянного движения войск и часто возникавших конфликтов с калмыками не всегда линия была в полной мере надёжно защищена.

Так, в июле 1724 г. бригадир Я. С. Шамордин жаловался, что на линии было «весьма малоллюдно». Большая часть личного состава была больна. Опасаясь, что он не

сможет сдержать калмыков, если они решат пересечь линию, Я. С. Шамордин обратился за помощью к полковнику гадячского полка Милорадовичу, который вёл с Украины к Сулаку 7 тыс. казаков, чтобы тот задержался в Царицыне. В начале августа к линии подошли части Новотроицкого и Луцкого полков численностью 800 человек, и полк Милорадовича смог дальше двинуться в Астрахань [Пальмов 1929: 205–207].

Летом 1725 г. на Царицынской линии было размещено несколько драгунских полков под командованием бригадира Ветерани [Бакунин 1995: 52]. В полковой истории Вятского драгунского полка, входившего в состав Низового корпуса, упоминалось, что в 1725 г. на зимних квартирах в донских казачьих городках Иловле, Качалине и других располагались 606 человек, практически столько же было в командировках по крымской и польской границам и задействовалось для содержания почты [История 1901: 78]. На следующий год большая часть этого полка была отправлена на «вечные» квартиры в Свияжск, но 2 офицера и 171 драгун были командированы на Царицынскую линию и в крепость Св. Креста [История 1901: 82].

В 1728 г. при линии был образован Царицынский корпус из 6 полков, командиром которого стал генерал-лейтенант Чекин [Камолов 2009: 11]. В ноябре 1728 г. в станицах на Дону были размещены 2 драгунских полка и приготовлены 2000 казаков, чтобы весной разорить улус Дондук-Омбо. Весной 1729 г. эти полки были также размещены на Царицынской линии [Бакунин 1995: 64].

Заключение

Уже в первые годы после создания Царицынской линии её военно-политические функции вышли далеко за пределы оборонительного сооружения, предотвращавшего набеги кубанцев и крымских татар на русские земли. Царицынская линия, сформировав линейную границу Российского государства в стратегически важном месте Волго-Донского междуречья, стала важным фактором сложных и противоречивых хозяйственных, военных и дипломатических отношений кочевых народов, населявших степи Приазовья, Северного Причерноморья, Северного Прикаспия, Кубани. Царицынская линия разделила ранее единую территорию кочевий калмыков, позволила кон-

тролировать перемещение калмыцких улусов по их традиционным маршрутам, став важным инструментом влияния российского правительства на социальные, политические, военные процессы, происходившие в калмыцком обществе. Царицынская линия сыграла важную роль в организации Персидского похода. Будучи крупнейшим оборонительным сооружением, располагавшимся недалеко от театра боевых действий, Царицынская линия стала ближним тылом Низового корпуса, куда отводились части, выходившие из боевых действий, на зимние квартиры, на доукомплектование людьми и лошадьми. Царицынская линия была крупнейшим линейным оборонительным сооружением, созданным в России во время

правления Петра I. Первые годы существования линии показали правительству, что подобные сооружения позволяют не только зафиксировать границы государства, но могут быть использованы как жесткий и эффективный инструмент в выстраивании дипломатических отношений с кочевым населением региона. В начале 1730-х гг. началось строительство новых, гораздо более протяженных линейных укреплений на южных границах страны — Украинской, Новой Закамской и Оренбургской линии. При их строительстве и при организации службы на них активно использовался опыт, приобретенный правительством и армейскими частями на Царицынской линии.

Источники

- НА МАИВиВС — Научный архив Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. 2. Д. 261.
 ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Ф. Собрание рукописных карт (основная часть).
 Походный журнал 1855 — Походный журнал 1722 г. СПб.: б. и., 1855. 194 с.

Литература

- Багалец 1887 — *Багалец Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М.: Имп. общ-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. 614 с.
 Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торговатского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
 Борисов, Сыцяно 1888 — *Борисов В., Сыцяно А.* Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 519 с.
 Бутков 1869 — *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 548 с.
 Васильев 2015 — *Васильев Д. В.* Становление калмыцкого ханства как субъекта российской империи. XVII – первая половина XVIII в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3–2. С. 351–357.
 Джунджузов 2020 — *Джунджузов С. В.* Перипетии судьбы калмыцкого владельца Пе-

Sources

- Library of the Russian Academy of Sciences, Manuscript Department. Coll. of Handwritten Maps (main part).
 Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps; Scientific Archive. Coll. 2. Cat. 2. File 261. (In Russ.)
 The 1722 Campaign Diary. St. Petersburg, 1855. 194 p. (In Russ.)

тра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543

- Иванюк 2021 — *Иванюк С. А.* Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1. С. 41–52. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.5
 История 1901 — История 35-го Драгунского Белгородского Его Величества Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа I полка / сост. Штабс-Ротмистр П. Е. Червинский. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1901. 198 с.
 Камолов 2009 — *Камолов Н. А.* Царицынская линия во второй — третьей четверти XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 1. С. 11–19.

- Курукин 2010 — *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 381 с.
- Курышев 2011 — *Курышев А. В.* Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.
- Лавринова 1990 — *Лавринова Т. И.* Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990. 199 с.
- Лавринова 2012 — *Лавринова Т. И.* Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 93 с.
- Ласковский 1861 — *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России: в 3-х ч. Ч. 2. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1861. 642 с.
- Леопольдов 1839 — *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1839. 143 с.
- Минх 1898 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 1. Саратов: Тип. губернского земства, 1898. С. 1–208.
- Минх 1900а — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. Саратов: Тип. губернского земства, 1900. С. 209–278.
- Минх 1900б — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. Продолжение. Саратов: Тип. губернского земства, 1900. С. 279–556.
- Минх 1901 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3. Саратов: Тип. губернского земства, 1901. С. 557–1092.
- Минх 1902 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 4. Актарск: Актарская тип., 1902. С. 1093–1410.
- Могутов 1777 — *Могутов В.* Редкое и достопамятное известие, о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции, под именем Посольства: Принадлежащее к пользе, в службе находящимся и в коммерции упражняющимся. СПб.: Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1777. 63 с.
- Павленко 2000 — *Павленко Н. И.* Петр I. М.: Молодая гвардия, 2000. 428 с.
- Павленко 2003 — *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории волжских калмыков. Ч. III и ч. IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Первый том исследования. XVII век и начало XVIII века. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1929. 392 с.
- Рябов, Самойлов, Супрун 1994 — *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Супрун В. И.* Петр Великий в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1994. 174 с.
- Сень 2019 — *Сень Д. В.* Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина — вторая половина 1720-х гг.) // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 125–161. DOI: 10.22162/2541-9749-2019-7-1-125-161
- Соймонов 1763 — *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири ордена святого Александра кавалера Федора Ивановича Соймонова. СПб.: Императорская акад. наук, 1763. 380 с.
- Соловьев 1997 — *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 книгах. Кн. 9. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М.: Голос, 1997. 708 с.
- Тепкеев 2021а — *Тепкеев В. Т.* Калмыцко-казахское противостояние в Северном Прикаспии в 1723–1724 гг. // *Oriental Studies*. 2021. № 1. С. 24–32. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Тепкеев 2021б — *Тепкеев В. Т.* В поисках выхода из политического кризиса в Калмыцком ханстве: организация убийства Нитар-Дорджи в 1725 г. // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 2. С. 231–247. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-231-247

References

- Bagaley D. I. Colonization and Everyday Life: Historical Essays on Muscovy and Steppe Peripheries. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities (Moscow University), 1887. 614 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Borisov V., Sytsyanko A. 64th Infantry Kazan Regiment of His Imperial Highness Grand

- Duke Mikhail Nikolaevich: Campaigns, 1642–1700–1886. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov, 1888. 519 p. (In Russ.)
- Butkov P. G. Recent History of the Caucasus, 1722 to 1803: Collected Materials. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. Vol. 1. 548 p. (In Russ.)
- Chervinsky P. E. (comp.) 35th Dragoon Belgorod Regiment of His Majesty Franz Joseph I, Emperor of Austria and King of Hungary: A History. Kiev: S.V. Kulzhenko, 1901. 198 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. The vicissitudes of the fate of the Kalmyk nobleman Petr Taishin: From the adoption of Christianity to the establishment of a settlement of baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737). *RUDN Journal of Russian History*. 2020. Vol. 19. No. 3. Pp. 525–543. (In Russ.)
- Ivanyuk S. A. Features of fortifications of the Tsaritsyn Defense Line in the 20s of the 18th century. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021. No. 1. Pp. 41–52. (In Russ.)
- Kamolov N. A. Tsaritsyn Defense Line, 1720s–1770s. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2009. No. 1. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Kurukin I. V. Persian Campaign of Peter the Great: A Local Corps in the Caspian Shore, 1722–1735. Moscow: Kvadriga, 2010. 381 p. (In Russ.)
- Kuryshchev A. V. Volga Cossack Host, 1730–1804: Creation, Development, and Transformation into Cossack Defense Line Regiments. Volgograd: Izdatel, 2011. 352 p. (In Russ.)
- Laskovsky F. F. Engineering Arts in Russia: Historical Materials. In 3 vols. Vol. 2: Peter the Great's Era. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1861. 642 p. (In Russ.)
- Lavrinova T. I. Tsaritsyn Defense Line: History of Construction (1718–1720) and Earliest Years of Existence. Cand. Sc. (history) thesis. Voronezh, 1990. 22 p. (In Russ.)
- Lavrinova T. I. Tsaritsyn Defense Line: History of Construction (1718–1720) and Earliest Years of Existence. Volgograd: Izdatel, 2012. 93 p. (In Russ.)
- Leopoldov A. F. Saratov Governorate: A Statistical Description. In 2 vols. St. Petersburg: Foreign Trade Dept., 1839. 143 p. (In Russ.)
- Minkh A. N. Saratov Governorate: A Historical and Geographical Dictionary. Vol. 1. Parts 1–3. Saratov, 1898, 1900, 1901. Vol. 1. Part 4. Aktarsk, 1902. (In Russ.)
- Mogutov V. From Russia to Tartary: A Rare and Notable Account of One Embassy-Ranked Expedition Useful to Government Officers and Commercial Agents. St. Petersburg: Weitbrecht & Schnor, 1777. 63 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Parts III–IV: Restrictive Measures of Government towards Kalmyks. Vol. 1: 17th and Early 18th Centuries. Astrakhan: Kalmizdat, 1929. 392 p. (In Russ.)
- Pavlenko N. I. Catherine the Great. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2003. 495 p. (In Russ.)
- Pavlenko N. I. Peter the Great. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2000. 428 p. (In Russ.)
- Ryabov S. I., Samoylov G. P., Suprun V. I. Peter the Great in Tsaritsyn and the Middle Don. Volgograd: Peremena, 1994. 174 p. (In Russ.)
- Sen D. V. Relations between Kalmyks and Kuban Sultan Bahti Geray: tactics and strategy of frontier cooperation, mid to late 1720s. *MAGNA ADSURGIT: HISTORIA STUDIORUM*. 2019. No. 1. Pp. 125–161. (In Russ.)
- Soimonov F. I. Description of the Caspian Sea and Related Russian Conquests as Part of Peter the Great's History Authored by Fedor Ivanovich Soimonov, Privy Councillor, Governor of Siberia, and Recipient of the Order of St. Alexander Nevsky. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. 380 p. (In Russ.)
- Solovyov S. M. Complete Works. In 18 books. Book 9: History of Russia from Earliest Times. Vols. 17–18. Moscow: Golos, 1997. 708 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. The Northern Caspian, 1723–1724: Kalmyk-Kazakh confrontation. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Tepkeev V. T. Surmounting Political Crisis in Kalmyk Khanate: Background and Arrangement of Nitar-Dorji's Assassination in 1725. *Mongolian Studies*. 2021. No. 2. Pp. 231–247. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-231-247
- Vasilyev D. V. Formation of the Kalmyk Khanate as a subject of the Russian Empire since the 17th century to the middle of the 18th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2015. No. 3–2. Pp. 351–357. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 910–918, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).065

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918

В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа

Максим Манчиевич Батмаев¹, Пётр Михайлович Кольцов², Савр Майорович Мургаев³, Семён Александрович Умгаев⁴

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор

0000-0002-2233-0647. E-mail: history@kalmsu.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент

0000-0001-9021-2872. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 старший преподаватель

0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена государственно-политической деятельности Василия Никитича Татищева, который с 1741 по 1745 гг. служил Астраханским губернатором и по долгу службы занимался делами калмыцких степей. *Цели и задачи.* В статье рассматривается поднятый самим В. Н. Татищевым вопрос об обеднении широких масс калмыков, которые порой теряли последний скот, в том числе и лошадей. Этот вопрос волновал губернатора из политических соображений — он считал, что без коней калмыки для Российской Империи бесполезны. *Материалы и методы.* Статья основана на архивных материалах, в ней приводится основная историография, использованная авторами для комплексного понимания личности В. Н. Татищева. *Результаты.* Социально-экономические вопросы В. Н. Татищев поднимал неоднократно и в официальном общении с калмыцким наместником Дондук-Даши, и в частных беседах. Он высказывал различные идеи о причинах обеднения калмыков, об отличии калмыцких кочевий в 40-х гг. XVIII в. от времён Аюки-хана, а также разбирался в вопросах калмыцкого рыболовства и отходничества, попытавшись добиться улучшения положения «бесскотных»

калмыков. Предложения В. Н. Татищева по улучшению социально-экономической ситуации, видимо, не достигли желаемого результата. Вероятной причиной неудачи было как сопротивление калмыцких владетелей и зайсангов, так и общее несовершенство управления степными делами. *Выводы.* В статье рассматриваются важные практические вопросы регионального управления в Российской Империи. В. Н. Татищев был типичным управленцем, вышедшим из петровского времени. Он был верным сыном России, но при этом обладал практичным и пытливым умом, совмещая вопросы государственного управления и занятия наукой.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, калмыки, Дондук-Даши, имперская политика, социально-экономическое положение, рыболовство на Волге, калмыцкое отходничество

Для цитирования: Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А. В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 910–918. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918

Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions

Maksim M. Batmaev¹, Pyotr M. Koltsov², Savr M. Murgaev³, Semyon A. Umgaev⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-2233-0647. E-mail: history@kalmsu.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of General History Department

 0000-0001-9776-3650. E-mail: petr.koltsov52@mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-9021-2872. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A., 2021

Abstract. Introduction. This article is devoted to the activities of Vasily Nikitich Tatishchev, when Astrakhan governor (1741–1745) responsible for the affairs of the Kalmyk steppes. It is aimed to examine his projects designed to amend the impoverishment of the broad masses of Kalmyks often left without their livestock, even without horses. The question was raised by Tatishchev himself; the governor was worried about its political implications because Kalmyks without horses were of no use for the Russian Empire. *Materials and methods.* The article is based on archival materials, as well as the historiography that sheds light on Tatishchev as the statesman and politician. *Results.* The governor repeatedly discussed the issues of the worsened social-economic situation of the people with the Kalmyk *namestnik* (leader) Donduk Dashi, both on official occasions and in private communication. He had various explanations for their economical degradation, pointing out the difference in the nomads' situation of the 1840s as compared with that in Khan Ayuka's time. His involvement in the issues concerning fishing and seasonal work of the impoverished Kalmyks shows that the governor seemed to be interested in helping them, but his projects to improve the Kalmyks' socio-economic situation were largely unsuccessful. The reasons for the failure may be found both in the resistance of the Kalmyk rulers and zaisangs and the general weaknesses of the administration when dealing with the steppe affairs.

Keywords: Tatishchev, Kalmyks, Donduk Dashi, imperial policy, socio-economic situation, fishing on the Volga, Kalmyk seasonal works

For citation: Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A. Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 910–918. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918

Введение

Василий Никитич Татищев оставил великолепный и блистательный след в российской истории не только как учёный и автор «Истории Российской», но и как верный сын Отечества, офицер, чиновник и управитель. С калмыцкой степью его связывает пребывание на посту Астраханского губернатора.

В. Н. Татищев был выдающимся государственным деятелем, много лет служил в армии, принимал участие в сражениях Северной войны. В послужном списке В. Н. Татищева значатся такие значимые должности: советник Берг-коллегии, управитель уральских и сибирских заводов, начальник Башкирского края и Оренбургской экспедиции, астраханский губернатор и, одновременно, управитель Калмыцкой экспедиции. Он руководил монетным делом, по поручению Петра I выезжал в Швецию для изучения экономики и финансов.

В лице В. Н. Татищева петровская Россия имела целеустремленного государственно-го деятеля, тонкого дипломата, энергичного администратора. После смерти Петра I, особенно в годы бироновщины, В. Н. Татищев сохранил верность своим убеждениям, не принял антинационального режима и был отстранен от должности астраханского губернатора. Находясь в опале, В. Н. Татищев установил связи с заговорщиками во главе с А. П. Волынским и едва не погиб вместе с ними. Его спасли смерть императрицы Анны Иоанновны и падение Бирона.

Политическая деятельность В. Н. Татищева составляла лишь одну из сторон его жизни, другой же, не менее важной и успешной, было служение науке. В нем органично сочетались политик и ученый широкого кругозора, много сделавший в географии, истории, философии, экономике и горном деле. В своих трудах В. Н. Татищев наибольшее внимание уделял социологии и политике, подчиняя их задачам обоснования программы петровского государства.

В верности, талантах и энергии Василия Никитича не приходится сомневаться. Без сомнения, эти качества разглядели в нём и современники: В. Н. Татищев занимался важными вопросами регионального соци-

ально-экономического и политического развития и при Петре, и при Елизавете Петровне, и даже при Анне Иоановне.

Материалы и методы

Настоящая статья основана на материалах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), а также на материалах Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). Основой для рассмотрения интенций и намерений В. Н. Татищева стала историография, позволяющая составить цельный образ государственного деятеля, патриота и учёного. Коллектив авторов последовательно рассмотрел инициативы В. Н. Татищева по улучшению социально-экономического положения, используя историко-генетический метод.

История вопроса

Естественно, масштаб личности, длительная служба на благо России, разносторонняя и разноплановая деятельность, неоднозначные инициативы — всё это нашло отражение в историографии. Биография В. Н. Татищева, его верная служба, его научная работа обусловили пристальный интерес к нему со стороны историков. Из самых интересных работ, посвящённых В. Н. Татищеву, можно выделить короткий и ёмкий разбор исторической и государственной деятельности В. Н. Татищева от Г. М. Дейча [Дейч 1962], а также замечательную биографию В. Н. Татищева, написанную А. Г. Кузьминым в серии «Жизнь замечательных людей» [Кузьмин 1987].

Фигура В. Н. Татищева вызывает интерес, правда, в большей степени его научной деятельностью. Его «История Российская», первая ласточка, подверглась некоторой критике со стороны современников и последующих поколений историков, породив дискуссию об истории России ещё в XVII в. (см.: [Щербатов 1789; Щербатов 1792; Болтин 1789; Болтин 1794]). Если А. Л. Шлецер, укорив В. Н. Татищева в некотором непрофессионализме за незнание языков, всё же признал его работу полезной, то Н. М. Карамзин положил начало движению «скептиков», которые критиковали Василия Никитича [Качин 2014: 100–101]. Сейчас, раз-

умеется, «История Российская» рассматривается больше как памятник исторической, научной и социально-политической мысли своего времени. Тем не менее в современный период заслуги В. Н. Татищева, одного из родоначальников российской исторической науки, не подлежат сомнению.

Не иссякает интерес к В. Н. Татищеву и в современной России: в 2009 г. была издана работа, сфокусированная на научном труде: «Василий Никитич Татищев — автор и редактор „Истории Российской“» [Свердлов 2009].

Однако, особенно в вопросах истории тех регионов, которых коснулась деятельность В. Н. Татищева, современные историки в статьях анализируют его деятельность именно как государственного администратора. Этот вопрос имеет как научную, так и общественную важность.

Так, 21 декабря 2001 г. в астраханской областной газете «Волга» было опубликовано интервью губернатора А. П. Гужвина, ныне, к сожалению, покойного. Корреспондент обратился к нему:

Анатолий Петрович ... в декабре 1741 года, 260 лет тому назад, на губернаторский пост в Астраханской губернии заступил Василий Никитич Татищев ... Какой видится вам по прошествии веков личность самого именитого вашего предшественника на столь ответственном посту?

— По тем книгам и материалам о Татищеве, которыми я располагаю, у меня создался образ выдающегося государственного деятеля России. Татищев был прекрасно образованный человек с большим государственным мышлением. Он был ... облечен высокими полномочиями. Фактически Татищев ... выполнял целый ряд имперских государственных функций ... Российская империя в то время являлась максимально централизованным государством, а Татищев имел достаточно хорошие возможности и реализовывал их, самое главное, с точки зрения объединения и укоренения народов, которые могли бы наполнять территорию Астраханской губернии жизнью и благодеянием [Интервью с губернатором... 2001].

О том, что имя и дела В. Н. Татищева не забываются, в том числе и в Астрахани, говорит тот факт, что 14–16 октября 2004 г. состоялась Международная научная кон-

ференция «Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева», по материалам которой был издан сборник [Исторические судьбы России... 2004]. В последующие года проводились и другие конференции.

Деятельность В. Н. Татищева на посту астраханского губернатора

В. Н. Татищев, будучи астраханским губернатором, возглавлял также деятельность калмыцкой комиссии, особого административно-управленческого органа, который контролировал ситуацию в Калмыцком ханстве. Об отношениях В. Н. Татищева с правителями ханства сообщается, чаще всего попутно, в нескольких работах, из которых надо отметить две: Н. Попов «В. Н. Татищев и его время» [Попов 1861] и Н. Н. Пальмов «К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева» [Пальмов 1925]. Наконец, в упомянутых выше материалах Международной научной конференции опубликовано сообщение М. М. Батмаева «В. Н. Татищев как руководитель Калмыцких дел» [Батмаев 2004].

Итак, 21 марта 1741 г. скончался от давней болезни хан Дондук-Омбо, из-за чего в калмыцкой степи началась политическая борьба за освободившееся место калмыцкого правителя. Проблема состояла в том, что оставленный ханом наследник был малолетним (всего 10 лет), а жена его, Джан, была не из калмыцкого рода. Калмыцкие владельцы и зайсанги не желали видеть над собой таких правителей, что заставило Джан стремиться принудить их к подчинению с помощью силовых методов. Желая «калмыцких владельцев перевести», она вызывала среди калмыков сопротивление [РГАДА. Ф. 16. Д. 619. Л. 100].

При этом был и другой претендент на престол — сын самого хана Аюки Галдан Данжин. Симпатии большинства были на его стороне, тем более что методы Джан нельзя назвать гуманными: её люди отлавливали в степи выступающих против власти «ханши» владельцев и забивали до смерти или арестовывали. Кто-то был изгнан или ушёл сам. В конце концов, и Галдан Данжин был убит, после чего Дарма-Бала, его мать, попросила российские власти признать наследником Дондук-Даши, внука Аюки-хана [РГАДА. Ф. 16. Д. 619. Л. 100].

Российские власти согласовали кандидатуру Дондук-Даши в качестве «наместника», но направили с ним опытного и делового человека, который смог бы разобраться в калмыцких делах и управлять ими. Таким человеком стал В. Н. Татищев, который вскоре вступил в должность Астраханского губернатора.

Перед отъездом в калмыцкую степь В. Н. Татищева и Дондук-Даши власти соответствующим образом проинструктировали (например, ханшу Джан необходимо было либо изловить, либо выделить ей улус), разослали необходимые письма местным владельцам и т. д. Самого Дондук-Даши заставили дать реверс (клятву-присягу) и отдать сына в аманаты [НА РК. Ф. 36. Д. 135. Л. 5об.–7об.].

После урегулирования государственных дел, утверждения Дондук-Даши на ханство, В. Н. Татищев приступил к своим излюбленным занятиям историей, а также к калмыцким делам. Одним из направлений его деятельности на посту губернатора была инициативная попытка улучшить экономическое положение широких слоев калмыцкого населения. Такую задачу В. Н. Татищев поставил себе исходя из практических соображений. Верный принципу имперской политики России, он видел в калмыках важный противовес иноплеменным кочевникам и буфер от набегов других степняков. Однако экономическое положение калмыков было таким плачевным, что широкие слои населения не могли позволить себе иметь скот, в частности — лошадей. А без коней калмыков невозможно было использовать для имперских целей.

Уже через полтора месяца после прибытия в Астрахань он пишет вице-канцлеру А. И. Остерману, что из улусов Джан много продается из захваченных ею и другими владельцами пленных калмыков на Кубань и другие места, «чрез что весь калмыцкой народ вскоре исчезнуть может». По его мнению, надо запретить кубанцам, северокавказским народам, тогда не входившим в состав России, а также астраханским татарам покупать калмыков и строго за этим следить. Он предлагал разрешить русским покупать калмыков, но в здешних городах купленных не держать, «а выводить в Русь и отдавать комендантам, за которых из казны платить от 10 до 15 лет по 15 рублей, от

15 до 40 лет по 25 рублей, которых можно употребить в службу вместо рекрут, в чем немалая польза быть может» [НА РК. Ф. 36. Д. 133. Л. 25–26]. Концовка его предложения несколько непонятна: почему люди, купившие калмыков, особенно детей, должны их сразу продавать казне?

8 октября В. Н. Татищев обедал у генерал-поручика А. И. Тараканова, командующего Царицынской укрепленной линией, где был и царицынский комендант полковник П. Ф. Кольцов. В. Н. Татищев говорил, что для отражения и прекращения казахских набегов и для лучшего наблюдения за калмыками нужно на Яике, ниже Яицкого городка, к Индерским горам, в удобном месте построить город и заселить его драгунами и казаками, о чем он уже представлял «в высочайший кабинет» [НА РК. Ф. 36. Д. 132. Л. 27]. По Волге от Царицына до Астрахани он предлагал построить шесть небольших городков и заселить их 2 тыс. казаков. Между казачьими городками, как считал В. Н. Татищев, будет достаточно для кочевий калмыков, а Ахтубу оставить свободной для них [НА РК. Ф. 36. Д. 132. Л. 27].

18 октября В. Н. Татищев из Черного Яра ездил на шлюпке через Волгу на калмыцкий базар, с ним был черноморский комендант подполковник В. Пилюгин¹. Он рассказывал В. Н. Татищеву, что ежедневно на базар приезжают человек по сто калмыков и при них для контроля торговли не бывает ни владельца, ни зайсанга. Далее В. Пилюгин пояснил, что торг калмыкам здесь был запрещен, но вновь разрешен по просьбе черноморцев. По какой-то причине муку им не продавали, поэтому калмыкам приходилось покупать печеный хлеб и просыпанную крупу кулями.

В одной из бесед с наместником В. Н. Татищев говорил, что знает: «... хан Дондук-Омбо получаемую от всероссийского двора в жалованье муку отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста (т. е. с процентами. — М. Б., П. К., С. М., С. У.), отчего калмыцкой народ пришел в наисвящее разорение и скудость; тогда тем более непонятно, почему калмыкам не разрешали покупать муку у торговцев повольной ценою» [НА РК. Ф. 36. Д. 132. Л. 203].

¹ Здесь и далее ряд имен приводится без отчества или инициалов в соответствии с источником.

Дондук-Даши вслед за В. Н. Татищевым осудил действия Дондук-Омбо и заверил, что «...сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет» [НА РК. Ф. 36. Д. 132. Л. 203]. В декабре 1741 г. в разговоре с В. Н. Татищевым Дондук-Даши сказал, что во всех улусах запретил продавать малолетних калмычат, только имеется здесь, в Астрахани, у «татар и бухарцев в покупке оных немалое число», и чтобы В. Н. Татищев как губернатор приказал им впредь покупать запретить, а имеющихся ныне у них переписать [НА РК. Ф. 36. Д. 132. Л. 203, 217].

Рыболовство

К середине XVIII в. отношения калмыков с соседним российским населением обострились из-за вопроса о рыболовстве. В связи с частичным оседанием, обеднением по различным причинам, не в последнюю очередь из-за междоусобиц владельцев, все большее количество калмыцкого населения стало заниматься рыболовством, что привело к столкновениям с русским населением. В. Н. Татищев, став астраханским губернатором вплотную занялся этой сложной проблемой.

Вначале он напомнил А. И. Остерману: «...калмыки имеют жалованные грамоты и договоры утвержденные, что им по Волге везде рыбу ловить кроме что в близости учугов, но потом и оным воспресечь, грабить и бить их начали» [НА РК. Ф. 36. Д. 133. Л. 63].

15 января 1742 г. В. Н. Татищев уведомил наместника, что он с полковником В. П. Беклемишевым составили определение (по просьбе наместника), согласно которому «калмыцкому населению разрешается ловить рыбу по Волге, озерам и протокам без запрещения. Вместе с тем здешние купцы просят, что в летнее время калмыкам рыбу ловить везде оставляют свободно, только в беляшное время (когда рыба, особенно осетровые, идет к морю) два месяца, а именно октябрь и ноябрь, калмыкам в Волге от песчаного до учугов рыбу не ловить, а ловить в эти два месяца в малых протоках и озерах» [НА РК. Ф. 36. Д. 140. Л. 36]. Наместник на то согласился.

Кроме того, губернатор указывал наместнику: «...вы изволите объявлять, что калмыки изъубожели и без свободного в

рыбной ловле допущения исправить и скот завести невозможно», «а без скота они во услуги ея императорского величества негодны, что сущая правда» [НА РК. Ф. 36. Д. 140. Л. 36]. Однако местные купцы, которые хорошо осведомлены о нынешнем состоянии калмыков, «представляют, что калмык ловлею рыбы нынешним порядком не поправить и скота не завести, потому что при ватагах калмыки хотя в год столько вырабатывают, чтоб всякий лошадь купить мог, только не купят затем, что владельцы, зайсанги и посланцы (посланные от владельцев по улусным делам люди. — М. Б., П. К., С. М., С. У.) их грабят немилостиво, а деньги, пришед, манжики выманивают» [НА РК. Ф. 36. Д. 140. Л. 36].

Далее В. Н. Татищев заметил, что на ватагах может найти работу 1,5–2 тысячи человек, и каждый может заработать столько, что за два года лошадь и прочую необходимую скотину может купить. Губернатор посоветовал наместнику, что «... на все ватаги определить добрых надзирателей и велеть от промышленников (т. е. от хозяев ватаг), деньги принимая, каждому работнику-калмыку только на крайнюю нужду выдавать, а что помимо этого соберется проследить, чтоб была на эти деньги куплена скотина... и так можете в краткое время со скотом сделать, а о грабеже и обманах запретить» [НА РК. Ф. 36. Д. 140. Л. 36]. Хотя наместник и согласился с этим предложением, однако время показало нереальность подобных советов.

Тем не менее на первых порах дело оживилось. 13 марта 1742 г. у В. Н. Татищева был зайсанг Сойбин Иши и представил ему посланных от наместника трех зайсангов, которые будут для разбора судебных и спорных дел между калмыками и россиянами и для развода обнищавших на ватаги [НА РК. Ф. 36. Д. 142. Л. 75]. Необходимо отметить, что некоторые указы российского правительства в какой-то мере сдерживали порой инициативу губернатора в его попытках оздоровления внутренней жизни калмыцкого общества.

Так, например, в указе В. Н. Татищеву от 14 апреля 1741 г. говорилось: «Что принадлежит до калмыцких внутренних малых грабительств, оные вам так отвращать, чтоб из того в калмыцком народе нового смятения быть не могло, ибо ранее такие их

малые ссоры разбирали их ханы по своим правилам. А если ныне вдруг при новом наместнике ту их вольность отнять, то и многие из калмыцкого народа видя, что от Дондук-Даши противу вольности их взят в аманаты сын, поопасуются того, чтоб со временем чрез него не похотели мы и всю их вольность отнять, и тако в том вам весьма искусным и склонным образом поступать и добрым способом отвращать, а на иное и сквозь перстов смотреть надлежит» [НА РК. Ф. 36. Д. 150. Л. 63].

В одном из своих писем Дондук-Даши писал В. Н. Татищеву, что с давних лет, еще когда калмыки и татары кочевали вместе, тогда в мочагах в урочище Караболе рыбу ловили неводами. Калмыкам разрешалось там ловить в определенных местах для пропитания, а лишнюю рыбу продавать только своим калмыкам. В города для продажи запрещалось возить.

Также Дондук-Даши напомнил, что калмыки ныне (в 1742 г.) впали в крайнюю нужду и если им запретить продавать рыбу в городах, то они не смогут обеспечить себя хлебом и одеждой, что повлечет за собой нехорошие последствия в виде продажи своих детей за границу или вынужденного разбоя. На предложение В. Н. Татищева, чтобы калмыки нанимались на работы в городах или в учугах и тем поправляли свое положение, наместник (Дондук-Даши) ответил, что скудных, проще говоря, бедных, так много (только около Астрахани около 10 000 семей остались без скота), что обеспечить всех работой невозможно [НА РК. Ф. 36. Д. 154. Л. 33об.].

Наместник, недовольный определением В. Н. Татищева о рыбной ловле, которое разрешало использование малых и сомовых удочек, сетей и неводов до 40–60 сажень, но запрещало ловлю рыбы осетровых пород, написал В. Н. Татищеву: «Когда по Волге земля, вода, трава и лед, все к русским принадлежит, то поданным ея императорского величества нашим калмыкам чрез какой способ исправится я не знаю» [НА РК. Ф. 36. Д. 154. Л. 33об.].

С первых же шагов губернаторства В. Н. Татищев изучал финансовое состояние вверенной ему губернии. Первоначальное рассмотрение этой важнейшей отрасли экономического развития не принесло удовлетворения губернатору. Как он сооб-

щал правительству в лице А. И. Остермана, в кабацких и таможенных сборах в деньгах «великий урон учинился», потому что раньше калмыки и татары кочевали по Волге до Самары, и по всем городам — Самаре, Сызрани, Саратову, Дмитриевске — и в лежащих между ними селах «имели великие торги». Вследствие этого кабацкий и таможенный сбор был большой, а после смерти хана Аюки, как начались междоусобицы, большая часть татар откочевала на Кубань. Оставшиеся татары и калмыки в основном держались близ Астрахани и Царицына, а ныне выше последнего не ходят. Поэтому в городах по Волге выше Царицына даже трети против прежнего собрать нельзя [НА РК. Ф. 36. Д. 133. Л. 68].

Если описанное губернатором положение и было таковым, калмыцкому населению от этого было не легче. 2 мая 1744 г. наместник писал В. Н. Татищеву: «Многие люди мне объявляют, что с калмык наших как с ездящих на своих лодках, так с тулупов, с овчин, с мерлушак и с рыбы имание денег и пошлин пред прежним наипаче умножилось, а понеже на пред сего таково обыкновения не бывало, тако ж и ныне в том вновь указа не имеется», а потому просит прекратить подобную практику [НА РК. Ф. 36. Д. 180. Л. 3].

Уже после В. Н. Татищева наместник писал руководителю Калмыцких дел от 1 ноября 1745 г.: «Известно мне, что с имеющихся при Волге владения моего скудных калмык с каждой лодки берут половных денег по три рубли, о чем я и в прошлом году писал. Однако по худым Татищева замыслам оное и поныне брать не запрещено» [НА РК. Ф. 36. Д. 193. Л. 20].

Вопросы обнищания калмыцкого народа, по мнению В. Н. Татищева, имели своё решение не только в рыбной ловле. Проблемы он усматривал, по всей видимости, ещё в религиозных практиках буддизма. Например, он указал в беседе владельцу Бордону¹, что слишком много денег калмыки тратят на содержание своего духовенства. На возражение Бордона о том, что в иные времена платили и больше, В. Н. Татищев ответил, что при Аюке калмыков было «семьдесят тысяч кибиток, да более тридцети тысяч

¹ Владелец Бордон — зайсанг наместника Дондук-Даши.

татар», а ныне менее тридцати тысяч, да ещё и «бесскотных» [НА РК. Ф. 36. Д. 177. Л. 328–329].

В беседах с Эби Гелюном, своим калмыцким знакомым, коллежский ассессор Ф. Черкассов, который был своеобразным посланником В. Н. Татищева в калмыцких улусах, обратил внимание, что калмыки продают «ясырей» (видимо, пленников-братков). На это Эби ответил ему, что это происходит из-за обеднения. Очевидно, что в отсутствие скота работники и рабочая сила была не нужна.

Впрочем, калмыцкие владельцы, и Эби Гелюн, а затем и зайсанг Шонхолдок, докладывали Ф. Черкасову, что не сами по себе простые калмыки обеднели, а их к этому привели различные поборы и сборы со стороны более богатых и знатных. В то же время, подметил зайсанг Шонхолдок, к Дондук-Даши обращаться смысла нет, так как тот занимается религиозными вопросами [НА РК. Ф. 36. Д. 180. Л. 209].

Заключение

Петровская эпоха выдвинула из своей среды людей, чьи имена впоследствии навечно были вписаны в историю отечества. С именем В. Н. Татищева связан почти пя-

тилетний период развития Астраханской губернии.

Занимая должности губернатора Астраханской губернии с 1741 по 1745 гг. и главы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел, В. Н. Татищев особое внимание уделял социально-экономическому развитию края, в том числе и вопросам обустройства калмыков. Выполняя задачи по примирению калмыцкой знати, В. Н. Татищев интересовался также нуждами простых калмыков. Создаётся впечатление, что бедственное положение простых калмыков, которые зачастую оставались без средств к существованию, действительно волновало его, пусть и по сугубо военным и имперским мотивам. Так, по его мнению, теряя скот и прежде всего коней, калмыки не смогли бы приносить пользу Российской империи. Хотя он так и не смог на практике облегчить жизнь простых калмыков, столкнувшись с сопротивлением и интригами калмыцких владельцев, а также в силу несовершенства государственного управления в калмыцких улусах, следует отметить, что сочувственное отношение к положению народных масс было редким явлением среди чиновников того времени.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Батмаев 2004 — Батмаев М. М. Татищев как руководитель Калмыцких дел // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: АГУ, 2004. С. 60–69.
Болтин 1794 — Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болдина на второй том Истории князя Щербатова. СПб.: Тип. Корп. чужестр. единоверцев, 1794. 479 с.
Болтин 1789 — Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб.: Тип. Горнаго училища, 1789. 181 с.
Дейч 1962 — Дейч Г. М. В. В. Татищев: историк и государственный деятель. 1686–1750. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. 76 с.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Интервью 2001 — Интервью с губернатором Астраханской области А. П. Гужвиным // Волга. Астрахань. 2001. 21 декабря. С. 2.
Исторические судьбы России 2004 — Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева. Материалы Международной научной конференции (г. Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: АГУ, 2004. 167 с.
Качин 2014 — Качин Н. А. В. Н. Татищев прообраз первого российского историка // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 98–102.
Кузьмин 1987 — Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
Пальмов 1925 — Пальмов Н. Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Известия РАН. 1925. № 6/8. С. 207–224.

- Попов 1861 — *Попов Н. В. Н. Татищев и его время*. М.: Тип. В. Грачева и К., 1861. 804 с.
- Свердлов 2009 — *Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской»*. СПб.: Европейский Дом, 2009. 341 с.
- Щербатов 1789 — *Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на не-*

которые сокрытия и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. 149 с.

- Щербатов 1792 — *Щербатов М. М. Примечание на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо Щербатова*. М.: Унив. тип., у В. Острокова, 1792. 624 с.

References

- Batmaev M. M. Tatishchev as head of Kalmyk Affairs Commission. In: Ishin V. V., Toropitsyn I. V. (eds.) *Historical Destinies of Russia in Vasily Tatishchev's Scholarly Heritage. Conference proceedings*. Astrakhan: Astrakhan State University, 2004. Pp. 60–69. (In Russ.)
- Boltin I. N. Major General Boltin's Reply to the Letter of Prince Shcherbatov, Author of The History of Russia. St. Petersburg: Mining College, 1789. 181 p. (In Russ.)
- Boltin I. N. The History of Russia by Prince Shcherbatov: Censorious Remarks to Volume 2. St. Petersburg: Korpus Chuzhestrannykh Edinoverstev, 1794. 479 p. (In Russ.)
- Deutsch G. M. Vasily B. Tatishchev: Historian and Statesman, 1686–1750. Sverdlovsk: Sverdlovsk Book Publ., 1962. 76 p. (In Russ.)
- Interview with Governor A. P. Guzhvin. *Volga. Astrakhan*. 2001, December 21. P. 2. (In Russ.)
- Ishin V. V., Toropitsyn I. V. (eds.) *Historical Destinies of Russia in Vasily Tatishchev's Scholarly Heritage. Conference proceedings*. Astrakhan: Astrakhan State University, 2004. 167 p. (In Russ.)
- Kachin N. A. V. N. Tatishchev — the prototype of the first Russian historian. *Tomsk State University Journal of History*. 2014. No. 1 (27). Pp. 98–102. (In Russ.)
- Kuzmin A. G. Tatishchev. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1987. 368 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Astrakhan period of Vasily Tatishchev's life revisited. *Izvestiya RAN*. 1925. No. 6/8. Pp. 207–224. (In Russ.)
- Popov N. Vasily Tatishchev and His Era. Moscow: V. Grachev & Co., 1861. 804 p. (In Russ.)
- Shcherbatov M. M. Major General Boltin's Reply to the Letter of Prince Shcherbatov: Author's Remarks. Moscow: V. Okorokov, 1792. 624 p. (In Russ.)
- Shcherbatov M. M. Prince Shcherbatov's Letter to a Friend of His Aiming to Explain Some Concealments and Calumnies against The History of Russia from Major General Boltin, Author of Censorious Remarks. Moscow: N. Novikov, 1789. 149 p. (In Russ.)
- Sverdlov M. B. The History of Russia: Vasily Nikitich Tatishchev as Author and Editor. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2009. 341 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 919–928, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).08:614.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-919-928

Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в.

*Александр Нармаевич Команджаев¹, Евгений Александрович Команджаев²,
Фиалка Нуруевна Мийманбаева³*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы,
Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Мийманбаева Ф. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается одна из актуальных проблем развития системы здравоохранения в калмыцких улусах в начале XX в. Актуальность вопроса объясняется его небольшой историографической традицией: по данной теме опубликованы лишь единичные работы в современный период, в которых очень кратко и схематично охарактеризована система врачебной помощи в калмыцких кочевьях. *Цель и задачи.* Целью работы является характеристика процесса развития системы здравоохранения у калмыков-кочевников Астраханской губернии. Для достижения этой цели авторы представили анализ степени распространенности различных заболеваний в регионе, состояния врачебно-фельдшерской помощи и деятельности стационарных лечебных учреждений в указанный период. *Материалы и методы.* Исследование базируется на применении комплекса общенаучных и специально-исторических методов. Принципы историзма и системности позволяют охарактеризовать здравоохранение калмыцких улусов в его развитии и взаимосвязи с другими структурными элементами жизни калмыцкого общества. Немаловажным является использование междисциплинарного подхода и хронологического метода, позволившее авторам представить последовательное изложение

многостороннего процесса. *Источники.* Содержание работы основывается на использовании новых архивных источников, преимущественно делопроизводственных, хранящихся в фонде Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия. Данные документы впервые вводятся в научный оборот. *Результаты.* На основе имеющихся материалов рассмотрена история развития системы здравоохранения в калмыцких улусах Астраханской губернии в начале XX в. Выделены этапы ее развития, обозначены их особенности и структурные элементы здравоохранения: кадровый состав медицинских работников, лечебные учреждения и материальная база, масштабы деятельности, распространенность эндемичных заболеваний и методы борьбы с ними. *Выводы.* В указанный период у калмыков-кочевников была создана дееспособная для того времени система здравоохранения. Калмыцкая степь была разделена на четыре врачебных участка во главе с врачами, в каждом улусе и ряде аймаков были созданы фельдшерские пункты с амбулаторией и аптекой, с бесплатной выдачей медикаментов заболевшим. Этой системе удалось справиться с опасными эпидемическими заболеваниями, а порой и предупреждать их.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, кочевники, улусы, аймаки, урочища, эндемичные заболевания, система здравоохранения, врачебные участки, фельдшерские пункты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в рамках научного проекта «Исторический опыт прикаспийских регионов по противодействию массовым эпидемиям и эпизоотиям в XIX — начале XX века: на примере Калмыкии» (2020 г.).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., Мийманбаева Ф. Н. Система здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 919–928. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-919-928

Public Healthcare System in Early 20th Century Kalmyk Steppe

Alexander N. Komandzhaev¹, Evgeny A. Komandzhaev², Fyalka N. Miymanbaeva³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Jurisprudence), Head of Department
 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
 0000-0002-8900-7262. E-mail: m.fialka58@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Miymanbaeva F. N., 2021

Abstract. *Introduction.* The article discusses the urgent issue of the development of health care in Kalmyk *uluses* in the early 20th century. Its relevance is obvious, granted the scarce historiography in the field: very little has been published on the subject, some recent papers describing briefly and schematically medical care offered to the Kalmyk nomad. *Purpose and objectives.* The article aims to analyze how Kalmyk health care services were developed in the Astrakhan provinces. Accordingly, the authors undertake the analysis of a variety of prevalent diseases in the region, the state of medical and paramedical care, and the activities of hospital facilities during the period. *Materials and methods.* The research is based on a complex of general scientific and historical methods. The principles of historicism and systematism help approach the issue in its development and interaction with other structural elements of the life of the Kalmyk society. Importantly, an interdisciplinary approach and the chronological method contribute to drawing a coherent picture of the multilateral process. The work is based on archival sources introduced for the first time; these are mostly office records of the

Department for Kalmyk Affairs kept in the National Archive of Kalmykia. *Results*. Based on the available materials, the study sheds light on the development of the health care system in the Kalmyk uluses of the Astrakhan province in the early 20th century. It highlights the stages of development, characteristics, and the structural elements of health care: health care personnel, facilities and material basis, scale of activities, prevalence of endemic diseases, and methods of their control. *Conclusions*. During the period under study, Kalmyk nomads were provided with a functioning health care system. The steppe was divided into four medical districts headed by doctors, each ulus (also a number of aimags) having paramedics with dispensary and pharmacy with free dispensing of medicine to the sick. The system was able to deal with major epidemic diseases in the region, as well as at times prevent them.

Keywords: Kalmyk steppe, nomads, ulus, aimags, *urochisha*, endemic diseases, health system, medical districts, paramedics

Acknowledgements. The reported study was funded by Gorodovikov Kalmyk State University, project 'Historical Experience of Combatting Mass Epidemics and Epizootics in the Caspian, 19th – Early 20th Centuries: A Case Study of Kalmykia', 2020.

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Miymanbaeva F. N. Public Healthcare System in Early 20th Century Kalmyk Steppe. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 919–928. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-919-928

Введение

История становления и развития системы здравоохранения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в начале XX в. вызывает особый интерес, прежде всего малоизученностью проблемы. Научная литература по данному вопросу долгое время ограничивалась материалами доклада врача южной части Малодербетовского улуса С. Р. Залкинда о врачебной части в калмыцких улусах на I съезде врачей в Астрахани 1903 г. [Залкинд 1905]. Этот доклад относится к ряду важных источников по проблеме, поскольку заключает в себе наблюдения и заметки современника, более 10 лет проработавшего врачом, позже, с 1908 г., ставшего во главе калмыцкого здравоохранения. В упомянутом сборнике докладов съезда астраханских врачей также изданы сообщения и других врачей Калмыцкой степи Г. Д. Абрамова [Абрамов 1905] и П. И. Смирнова [Смирнов 1905] о некоторых распространенных заболеваниях у калмыков-кочевников. В советский период был опубликован обзор медико-санитарной части Калмыкии, содержащий ценные сведения, организатора советской системы здравоохранения в Калмыкии У. Д. Душана [Душан 1925а; Душан 1925б; Душан 1926]. Некоторые данные об организации терапевтической помощи в Калмыкии в изуча-

емый период имеются в диссертации врача Л. В. Наминова [Наминов 1968]. На современном этапе изучение указанной проблемы ограничивается небольшим разделом в трехтомной истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней [Команджаев 2009], в которой автор обратил внимание на социальную подоплеку заболеваемости населения в калмыцких улусах в начале XX в., статьей А. В. Очирова [Очиров 2012] и частью материалов первой главы диссертации М. В. Бадугиновой [Бадугинова 2018], в которой автором затронут вопрос об улусной системе врачебной помощи в начале XX в. Подробная картина эпидемии чумы 1914 г. и обзор эпидемических заболеваний в калмыцких улусах в конце XIX — начале XX в. представлены в статьях, опубликованных в журнале «Oriental Studies» [Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020; Команджаев, Бадмаева 2021]. Следует также в этом ряду упомянуть издание сборника избранных трудов У. Д. Душана [Душан 2016] и сборника материалов, посвященных 140-летию со дня рождения С. Р. Залкинда [Залкинд 2010]. Безусловно, интерес к изучению указанной темы дополнительно вызывается современными проблемами в российском и мировом здравоохранении, связанными с масштабной эпидемией коронавируса. Исходя из степени изученности обозначен-

ной проблемы нами определена конкретная цель исследования — представить картину развития системы здравоохранения в Калмыцкой степи в начале XX в., опираясь на использование новых архивных документов, большинство которых впервые вводятся в научный оборот. Географические рамки работы ограничиваются Калмыцкой степью — особой административно-территориальной единицей Астраханской губернии, состоявшей из 8 улусов и пос. Калмыцкого Базара, где проживало кочевое калмыцкое население с традиционным укладом жизни. За пределами этих географических рамок остались Большедербетовский улус Ставропольской губернии, калмыцкие станицы области Войска Донского и калмыцкие поселения в других регионах России. Калмыки, проживавшие вне Калмыцкой степи, существенно отличались элементами хозяйственной деятельности, активным переходом к оседлости, большей степенью социализации в российскую общественно-экономическую структуру. Развитие системы здравоохранения в этих районах — предмет отдельного исследования.

Материалы и методы

Исследование основано на применении комплекса общенаучных и специально-исторических методов. Принципы историзма и системности позволяют охарактеризовать здравоохранение калмыцких улусов в его развитии и взаимосвязи с другими структурными элементами жизни калмыцкого общества более ста лет назад. Не менее важным является использование междисциплинарного подхода и хронологического метода, позволившее авторам представить последовательное изложение многостороннего процесса. Содержание работы базируется на использовании новых архивных источников, хранящихся в фонде Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия. Это преимущественно делопроизводственные материалы, впервые вводимые в научный оборот.

Здравоохранение Калмыцкой степи в начале XX в.

Весной 1902 г. врачебный инспектор Астраханской губернии посетил несколько медицинских учреждений в Калмыцкой степи: фельдшерские пункты в ставке Харахусовского улуса и в пос. Бислюрта Ма-

лодербетовского улуса, приемный покой в ставке Икицохуровского улуса и больницы в северной и южной частях Малодербетовского улуса. Он отметил в своем отчете, что «ревизия названных пунктов явилась совершенной неожиданностью для Калмыцкой степи. Врач северной части Малодербетовского улуса Смирнов за 11 лет своего пребывания на посту не видел ни разу у себя врачебного инспектора» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 2]. Еще в 1896 г. Министерство внутренних дел обязало врачебного инспектора контролировать состояние врачебной части в калмыцких улусах, но только в 1902 г. было разрешено выделять средства на ревизорские проекты из средств калмыцкого общественного капитала с разрешения Министерства земледелия и госимуществ [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 2]. Средства калмыцкого общественного капитала, из которого содержалась вся система здравоохранения Калмыкии, пополнялась за счет доходов от сдачи оброчных статей (земельных участков) в аренду, от сдачи пастбищных земель в аренду крестьянам соседних сел, от штрафов за незаконный выпас скота на землях калмыцких родовых обществ и за незаконную распашку калмыцких земель арендаторами и других поступлений. Врачебный инспектор отметил, что на все население Калмыцкой степи (более 135 тыс. чел.) приходится всего 61 койка в стационарных лечебных учреждениях: две больницы в северной и южной частях Малодербетовского улуса (по 14 коек каждая), Яндыковская лечебница на 25 коек, приемный покой при Управлении калмыцким народом на 4 койки, приемный покой на 2 койки в Икицохуровском улусе, и 2 койки были выделены для калмыков в Астраханской глазной лечебнице. Ревизор заметил, что в обеих больницах Малодербетовского улуса и приемном покое Икицохуровского улуса работали врачи, а в Яндыковской лечебнице — фельдшер, что значительно снижает, по его мнению, уровень лечения в ней [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 2об.]. Открытый в 1902 г. приемный покой в Икицохуровском улусе (врач Абрамов) находился в неудовлетворительном состоянии: неудобное помещение, недостаток медицинских инструментов, мебели, белья для больных и др. Даже в самой благоустроенной, по мнению врачебного инспектора, больнице в юж-

ной части Малодербетовского улуса (врач С. Р. Залкинд) имелись недостатки: плохо проветриваемая амбулатория рядом с больничными палатами, отсутствие операционной и отдельного помещения для заразных больных [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 3]. Инспектор предложил выделить средства на постройку здесь отдельной амбулатории и помещения для заразных больных, на приспособление имеющегося домика для заразного отделения под операционную. По его мнению, для этого потребуется не более 5 тыс. руб., с учетом того, что здесь имелись неизрасходованные остатки денег с 1901 г. в размере 1 700 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 3об.].

В отчете ревизора содержится его очень хорошее резюме о деятельности С. Р. Залкинда: «Лечебница эта по благоустройству единственная в степи, она — детище врача, рожденное его энергией, его настойчивостью и любовью к вверенному ему делу. На постройку этой больницы он не израсходовал ни копейки из калмыцкого общественного капитала или средства казны. Все потраченные 17 тыс. руб. — это добровольные пожертвования... Было бы актом простой справедливости представить известного врача к награде, которая была бы выражением признательности к выдающейся деятельности данного медика: 10-летие службы калмыцкому народу» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 3]. Оценка состояния больницы в северной части Малодербетовского улуса (врач Смирнов) оказалась неудовлетворительной: ветхое здание лечебного учреждения. Поскольку эта небольшая больница обслуживала 40-тысячное население при более чем 5 тыс. обращений к врачу в год, ревизор полагал крайне необходимым капитальный ремонт здания, расширение отдельного помещения для заразных больных и постройку отдельного здания под амбулаторию [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 3об.].

В остальных улусах находились фельдшерские пункты (их насчитывалось 6). Инспектор, осмотревший три из них, заметил, что «население обращается толпами к фельдшерам», работой которых он был не удовлетворен, поскольку эти должности в улусах занимали по преимуществу ротные фельдшеры без специальной подготовки, которая предусматривалась в фельдшерских школах. Поэтому он предложил их за-

менить выпускниками фельдшерских школ. В перспективе врачевный инспектор полагал необходимым преобразование фельдшерских пунктов на местах во врачебные с наличием врача в каждом улусе [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 4]. Ревизор считал недостаточной имевшуюся численность персонала в Калмыцкой степи Астраханской губернии: 4 врача, 13 фельдшеров, 4 фельдшера-акушерки [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 4]. Также, обратив внимание на то, что в обеих больницах Малодербетовского улуса и в фельдшерском пункте пос. Бислюрта, граничащих с русско-украинскими крестьянскими селами и казачьими станицами, взимается плата с жителей этих селений (30 коп. за прием врача или фельдшера и плата за лекарства), он сделал вывод о нарушении основного принципа земской медицины — бесплатность врачебной помощи для сельского населения [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 5].

Также ревизор считал необходимым увеличить сумму расходов на содержание врачебной части Калмыцкой степи. По распоряжению Министерства земледелия и госимуществ жалование фельдшера составляло 700 руб. в год с добавочным содержанием в размере 360 руб., врач зарабатывал 800 руб. в год с добавочным содержанием 700 руб., фельдшер-акушерка — 500 руб. в год. Содержание больниц, фельдшерских пунктов и приемных покоев в улусах обходилось калмыцкому общественному капиталу в 10,5 тыс. руб. в год. Общий вывод врачебного инспектора Астраханской губернии о состоянии «народного здоровья» в калмыцких улусах был неутешительным: врачебная часть в Калмыцкой степи поставлена неудовлетворительно, находится в нестабильном состоянии из-за отсутствия законодательно закрепленных средств на ее содержание, и в ней отсутствует общее руководство. В связи с этим, по его мнению, врачебную систему калмыцких улусов необходимо перевести в ведомство врачебного отделения Астраханского губернского правления [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 6об.]. По существу, ревизор предложил перевести врачебную часть в Калмыцкой степи на содержание государственного бюджета (казны). По его представлению астраханский губернатор Б. Л. Гронбчевский изложил это предложение в ходатайстве в земский

отдел Министерства внутренних дел. После более чем двухлетнего движения этого ходатайства губернатора в административных инстанциях Санкт-Петербурга управляющий земским отделом представил ответ 7 августа 1905 г. Он сообщил, что поскольку врачебно-санитарная часть в Калмыцкой степи содержится на средства калмыцкого общественного капитала, то вопрос о ее передаче во врачебное отделение губернии на средства государственного казначейства может быть разрешен только законодательным путем. В заключение управляющий добавил, что данный вопрос об устройстве врачебной части в Калмыцкой степи подробно и всесторонне разработан в проекте представления в Государственный Совет о преобразовании административного, общественного и поземельного устройства калмыков Астраханской губернии [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 17. Л. 8]. Следует сказать, что упомянутый проект о преобразовании после долгих и многолетних обсуждений так и не был утвержден в Российской империи как несовершенный.

Нередкими были случаи добровольного участия состоятельных калмыков в улучшении врачебной части в калмыцких улусах. Так, 15 марта 1906 г. к попечителю Малодербетовского улуса обратился зайсанг Талтанкинова рода Л. У. Талтаев с предложением на свои личные средства построить в урочище Цаган-Нур помещение для фельдшерского пункта (деревянный дом для фельдшера, глинобитный дом и сарай), выразив пожелание о назначении в их аймак фельдшера-специалиста, а не назначаемых зачастую ротных фельдшеров [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 18. Л. 4–5]. К сожалению, этот вопрос так и не был решен положительно со ссылкой на мнение врача Управления калмыцким народом П. Пальмирского о том, что съезд врачей 1906 г. решил в первую очередь открыть фельдшерские пункты в некоторых урочищах Багацохуровского, Александровского и Эркетеневского улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 18. Л. 8].

В 1908 г. в калмыцких улусах Астраханской губернии уже работало 5 врачей: старший врач Управления калмыцким народом (в указанном году на эту должность был назначен С. Р. Залкинд), врач Манычского (бывшая южная часть Малодербетовского) улуса, вначале выпускник Казанского уни-

верситета С. Оконеvский, затем студент Военно-медицинской академии Долинка, врач Икицохуровского и Харахусовского улусов студент той же академии Байгульд, врач пос. Калмыцкий Базар Абрамов, должность врача Малодербетовского улуса в тот момент являлась вакантной [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 297. Л. 65, 77].

На рубеже XIX–XX вв. в связи с распространенностью эпидемических заболеваний в калмыцких улусах были созданы улусные санитарно-исполнительные комитеты, членами которых становились должностные лица управления (попечитель улуса и его помощник), а также улусный врач или фельдшер. Эти комитеты должны были осуществлять санитарный надзор и сбор сведений от должностных лиц на местах (аймачные старшины, хотонные старосты, полицейские стражники и рассыльные). По получении сообщения о заразной болезни врач (или фельдшер) должен осмотреть больных, обследовать соседние кочевья и совместно с полицией принять необходимые меры по изоляции больных и установлению карантина, по снабжению заболевших бедняков продовольствием, одеждой и топливом, по дезинфекции жилья, утвари и одежды, найму медицинского персонала (фельдшера, санитаров) и стражников. Был утвержден регламент действий при возникновении эпидемии и проведены тренировочные санитарные мероприятия в улусных школах, мясных и кумысных лавках (там, где они имелись) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 16. Л. 5–6].

Система здравоохранения Калмыцкой степи в годы Первой мировой войны

По данным за 1914 г., в Калмыцкой степи стационарно лечились 254 чел., из которых умерли 21, амбулаторно — 20 407 чел. Распространенными заболеваниями оказались болезни кожи и подкожной клетчатки (3 397), костно-мышечной системы (1 965), желудочно-кишечного тракта (992), органов дыхания (1 260), глазные болезни (1 640), травмы, раны и ушибы (1 857), паразитарные болезни, в том числе чесотка (847). Также распространенными были «заразные» болезни (4 146), в том числе оспа (19), корь (68), грипп (373), дифтерит (165), тиф (261), сибирская язва (80), сифилис (665) и чума (19) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 183. Л. 47–50].

Наиболее крупные вспышки оспы произошли в пос. Бислюрта Манычского улуса, кори — в Бурульском аймаке того же улуса, дифтерита — в урочище Цаган-Нур Малодербетовского улуса, тифа — в Икицохуровском улусе (35) и в том же урочище Цаган-Нур (28), Яндыко-Мочажном улусе (20), Эркетеневском (22), Багацохуровском (18), чумы — в урочище Аршан-Тебе Малодербетовского и урочищах Кекшин и Гюбя Багацохуровского улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 183. Л. 51об.–52].

По состоянию на 1914 г. в Калмыцкой степи имелось 6 стационарных пунктов лечения (5 больниц в Малодербетовском, Манычском, Икицохуровском, Харахусовском, Яндыко-Мочажном улусах и приемный покой при Управлении калмыцким народом) на 79 коек и 12 фельдшерских пунктов (Абганеровский и Цаган-Нурский в Малодербетовском улусе, Бага-Чоносковский, Бурульский, Бислюртинский и Ульдючиновский в Манычском улусе, Багацохуровский, Багутовский, Эркетеневский, Можарский, Тюменевский и Баруновский) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 183. Л. 56об.]. Ряд упомянутых фельдшерских пунктов были открыты в аймаках, граничивших с крестьянскими переселенческими селами, казачьими станицами и казахскими поселениями, в целях предупреждения и своевременной локализации очагов в случае «заноса» эпидемических заболеваний. Рост медицинских учреждений в Калмыцкой степи был связан в большинстве случаев с напряженной эпидемической обстановкой в регионе. Уже в процессе произошедшей в Калмыцкой степи эпидемии чумы 1914 г. был утвержден закон «Об отпуске из государственного казначейства средств на противочумные мероприятия в юго-восточной части Европейской России» 26 июня 1914 г. Согласно закону, было решено выделить средства комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумой для расширения врачебно-санитарного устройства в Астраханской губернии, Донской, Уральской и Тургайской областях, для устройства бактериологических лабораторий в Астраханской, Саратовской и Самарской губерниях, в Донской и Уральской областях, на истребление сусликов в местах обнаружения у грызунов чумной эпизоотии [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 107. Л. 1об.].

После эпидемии чумы в калмыцких улусах 11 июля 1914 г. состоялось заседание губернской санитарно-исполнительной комиссии с присутствием вице-губернатора Н. Максимова¹ в г. Енотаевске. Открыли заседание с минуты молчания в память о погибшем в борьбе с чумой в Малодербетовском улусе враче П. Ефимове. В связи с тем, что заболела чумой в Енотаевске жена одного из стражников, командированного в чумной очаг в Багацохуровском улусе, было решено продезинфицировать здание улусного управления в г. Енотаевске, куда нередко заходили по служебным делам стражники, серой, формалином, сулемой, подпольные помещения обработать «известковым молоком». На заседании также были заслушаны сообщения заведующего Астраханской бактериологической лаборатории Н. Клодницкого о дезинфекционных мероприятиях, заведующего врачебно-санитарной организацией губернского земства М. Рафеса, обратившего внимание на необходимость борьбы с крысами во избежание распространения эпидемии. В этих целях было решено создать особый отряд для ловли и истребления крыс. По предложению Н. Максимова, решили провести бактериологическое исследование грызунов в окрестностях г. Енотаевска. По докладам заведующего калмыцким народом В. Локтева, врачебного инспектора губернии М. Милославского и его помощника Г. Абрамова, постановили ходатайствовать о назначении в калмыцкие улусы еще четырех врачей в Александровском и Багацохуровском улусах, в пос. Калмыцкий Базар, в Шебенеровском аймаке Малодербетовского улуса и об открытии фельдшерского пункта в Зюневском аймаке Багацохуровского улуса.

Вице-губернатор Н. Максимов и заведующий калмыцким народом В. Локтев 30 июля 1914 г. направили в земский отдел Министерства внутренних дел ходатайство по этому вопросу. В просьбе была обозначена дополнительная ежегодная смета расходов на указанные мероприятия в размере 13,5 тыс. руб., в том числе на жалование врача 1 900 руб. в год с квартирными 380 руб., на жалование фельдшера при

¹ Здесь и далее ряд имен приводится без отчества или инициалов в соответствии с источником.

враче — 480 руб. с квартирными 180 руб. в год [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 18. Л. 14об.]. 5 сентября 1914 г. земский отдел Министерства внутренних дел за подписью товарища (заместителя) министра Плеве и управляющего отделом Литвинова сообщил астраханскому губернатору, что Министерство «в целях усиления врачебной противочумной организации в Калмыцкой степи» решило открыть фельдшерский пункт в Зюневском аймаке и ввести в штат четыре новые должности врачей в Багацохуровском, Александровском, Малодербетовском улусах и пос. Калмыцкий Базар, а также должность фельдшера в Шебенеровском аймаке Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 18. Л. 24]. В дополнение к этому 21 апреля 1915 г. Управление калмыцким народом в докладной на имя астраханского губернатора ходатайствовало со ссылкой на решения губернской санитарно-исполнительной комиссии от 11 июля 1914 г. и 18 марта 1915 г. о создании в Шебенеровском аймаке врачебно-наблюдательного пункта и о расширении плана противочумных мероприятий. Необходимо было открыть в ставках всех улусов склады для дезинфицирующих средств, создать в центре Калмыцкой степи (в Икицохуровском улусе) бактериологическую лабораторию и снарядить особый мобильный эпидемиологический отряд по причине малочисленности медицинского персонала в Калмыцкой степи (были мобилизованы на фронт из калмыцких улусов 3 врача и 11 фельдшеров) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 18. Л. 36об.–37]. В 1915 г. в Астраханскую губернию прибыло много беженцев из западных губерний России, находившихся в эпицентре боевых действий. Среди вынужденных переселенцев имелись случаи появления холеры, что «принесло дополнительную тревожность» медицинским работникам Калмыцкой степи. В связи с этим Управление калмыцким народом приняло решение о начале деятельности улусных санитарно-исполнительных комиссий. На заседании Багацохуровской улусной санитарно-исполнительной комиссии от 30 сентября 1915 г. (члены комиссии: помощник попечителя улуса В. Овечкин, письмоводитель улусного управления В. Ежов, фельдшер Борисов, заседатель улусного Зарго О. Горяев) постановили: обязать аймачных старшин, хотонных ста-

рост и пунктов стражников сообщать в улусное управление о каждом случае подозрительного заболевания. Рекомендовано внимательно контролировать состояние калмыков, приезжавших из городов, сел, станиц и рыболовных промыслов, в подозрительных случаях — рассредоточить калмыков по небольшим хотонам до 5 кибиток (семей), в случае обнаружения болезни в хотоне — всем семьям оставаться в том же урочище, содержать жилье, одежду и утварь в чистоте, не употреблять в пищу мясо павших животных и не пить сырую воду [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 141. Л. 4]. Помимо этого, комиссия рекомендовала старшему бакше багацохуровских хурулов в случае эпидемии холеры и других заразных болезней не принимать пожертвований вещами во избежание распространения болезни, «как это было в холерную эпидемию 1892 г.» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 141. Л. 4об.]. 17 сентября 1915 г. состоялось заседание Малодербетовской улусной санитарно-исполнительной комиссии в составе попечителя улуса А. Каллистова, врача Э. Хара-Давана и помощника попечителя К. Саблина. Было решено оповестить население улуса о появлении холеры в губернии с указанием ее отличительных признаков: диарея, рвота, общая слабость, судороги, похолодание конечностей. Было рекомендовано питье чистой кипяченой воды, исключение из рациона фруктов и овощей, содержание в чистоте жилья, одежды и бытовой утвари, а в случае обнаружения болезни в соседних крестьянских селах — прекращение контактов с их жителями. В аймаках было решено назначить «санитарных исполнителей» по одному человеку на каждые 5 кибиток (семей) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 141. Л. 8]. С такой же повесткой в сентябре 1915 г. прошли заседания санитарно-исполнительных комиссий в остальных улусах Калмыцкой степи [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 141. Л. 16–20]. В целом, в этот предреволюционный период, несмотря на рост лечебных учреждений и медицинского персонала в калмыцких улусах, система здравоохранения Калмыцкой степи функционировала в условиях военного времени на пределе своих возможностей.

Выводы

Материалы Национального архива Республики Калмыкия дали возможность до-

статочно подробно рассмотреть развитие системы здравоохранения Калмыцкой степи Астраханской губернии в начале XX в. В первые годы XX в. последовали действия по формированию санитарной службы и сети местных улусных учреждений здравоохранения (больницы с небольшим количеством коек, 4 врачебных участка, фельдшерские пункты с приемными покоем, аптеки с бесплатными лекарствами). Несмотря на то, что нехватка врачей являлась трудной проблемой (нередко эти должности временно занимали студенты старших курсов) и многие фельдшеры не имели профессионального образования, количество врачей и фельдшеров, стационарных пунктов лечения неуклонно возрастало: в 1914 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 6 врачей, 5 больниц и приемный покой при Управлении калмыцким народом со стационарным лечением и 12 фельдшерских пунктов. Несмотря на возникшие трудности, связанные с Первой мировой войной (нехватка медицинских работников, мобилизация на фронт

многих врачей, фельдшеров и санитаров, приток беженцев из западных прифронтовых губерний, отправка на тыловые работы калмыцкого мужского населения и другие проблемы), и постоянные случаи эпидемических заболеваний, система медицинской помощи в калмыцких улусах продолжала развиваться. Было решено открыть 4 дополнительных врачебных участка (увеличив тем самым количество врачей до 10) и фельдшерские пункты в некоторых районах. Расширилась материальная база медицинских учреждений, в планах губернской санитарно-исполнительной комиссии было создание бактериологической лаборатории в Калмыкии, мобильного эпидемиологического отряда, складов медицинских препаратов в каждом улусе. Достижения дореволюционной системы здравоохранения (врачебные участки, фельдшерские пункты, санитарная служба, традиции бесплатного лечения и др.) были использованы в советское время.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Абрамов 1905 — *Абрамов Г. Д.* Тиф в Калмыцкой степи // Труды I съезда врачей в Астрахани в 1903 г. Астрахань, 1905. С. 192–195.
- Бадугинова 2018 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 2018. 29 с.
- Душан 1925а — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 50–75.
- Душан 1925б — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1925. № 3. С. 30–51.
- Душан 1926 — *Душан У. Д.* Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи // Калмыцкая область. 1926. № 1(4). С. 78–94.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Залкинд 1905 — *Залкинд С. Р.* Врачебная часть в Калмыцкой степи // Труды I съезда врачей в Астрахани в 1903 г. Астрахань, 1905. С. 214–218.
- Залкинд 2010 — Жизнь, отданная людям (к 140-летию со дня рождения С. Р. Залкина

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

- да). Элиста: КИГИ РАН, Мин-во здравоохранения и социального развития Республики Калмыкия, 2010. 95 с.
- Команджаев 2009 — *Команджаев А. Н.* Система здравоохранения в начале XX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 3. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 576–581.
- Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.* Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. // *Oriental Studies*. 2020. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
- Команджаев, Бадмаева 2021 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е.* Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губ. в конце XIX — начале XX века // *Oriental Studies*. 2021. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Наминов 1968 — *Наминов Л. В.* История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Ростов н/Д, 1968. 18 с.

Очиров 2012 — Очиров А. В. Становление здравоохранения Калмыкии в XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарных наук. Вып. 4 (108). 2012. С. 312–316.

Смирнов 1905 — Смирнов П. И. О сифилисе среди калмыков // Труды I съезда врачей в Астрахани в 1903 г. Астрахань, 1905. С. 59–60.

References

- Abramov G. D. Typhus in the Kalmyk Steppe. In: Schmidt N. Ya. (ed.) The First Medical Congress of Astrakhan Governorate. Proceedings (Astrakhan; September 25 – October 4, 1903). Astrakhan, 1905. Pp. 192–195. (In Russ.)
- Baduginova M. V. Public Healthcare in Kalmykia, Late 19th to Mid-20th Century. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Grozny, 2018. 29 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Medical and sanitary conditions in Kalmyk Steppe: a general review. *Kalmytskaya oblast'*. 1925. No. 2. Pp. 50–75. (In Russ.)
- Dushan U. D. Medical and sanitary conditions in Kalmyk Steppe: a general review. *Kalmytskaya oblast'*. 1925. No. 3. Pp. 30–51. (In Russ.)
- Dushan U. D. Medical and sanitary conditions in Kalmyk Steppe: a general review. *Kalmytskaya oblast'*. 1926. No. 1(4). Pp. 78–94. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharayeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Public healthcare system, early 20th century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 576–581. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Epidemic diseases, late 19th – early 20th centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 43–55. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-531-43-55
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. Experience of combating epidemics in Kalmykia: a case study of the 1914 plague outbreak. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 533–545. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
- Naminov L. V. The Shaping of Public Healthcare and Medical Assistance in the Kalmyk ASSR: A Historical Review. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1968. 18 p. (In Russ.)
- Ochirov A. V. Formation of public Kalmyk health in 19th century. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2012. Vol. 4 (108). Pp. 312–316. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. et al. (eds.) A Life Sacrificed for Others: Commemorating Dr. S. R. Zalkind. Jubilee collection of papers. Kalmyk Humanities Research Institute (RAN), Ministry of Public Health and Social Development of Kalmykia. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAN), 2010. 95 p. (In Russ.)
- Smirnov P. I. About syphilis among Kalmyks. In: Schmidt N. Ya. (ed.) The First Medical Congress of Astrakhan Governorate. Proceedings (Astrakhan; September 25 – October 4, 1903). Astrakhan, 1905. Pp. 59–60. (In Russ.)
- Zalkind S. R. Medical staff in the Kalmyk Steppe. In: Schmidt N. Ya. (ed.) The First Medical Congress of Astrakhan Governorate. Proceedings (Astrakhan; September 25 – October 4, 1903). Astrakhan, 1905. Pp. 214–218. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 929–936, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-929-936

Комсомольская организация Калмыкии и ее антирелигиозная деятельность (1921–1941 гг.)

Баатр Андреевич Оконов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Оконов Б. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Комсомол в советский период истории нашей страны являлся основной молодежной организацией, игравшей важную роль в формировании новой коммунистической идеологии. *Цель статьи* — анализ антирелигиозной деятельности комсомольских организаций Калмыкии в 1921 – 1941 гг. Исследование проведено на основе вновь выявленных архивных материалов из Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованных источников. *Результаты.* Рассмотрены некоторые эпизоды антирелигиозной деятельности комсомольской организации Калмыкии в 1921–1941 гг. Архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на активно проводимую антирелигиозную политику Советского государства, партийным и комсомольским органам не удалось наладить систему эффективной антирелигиозной пропаганды в Калмыкии. Особенности антирелигиозной деятельности комсомольской организации были связаны с многоконфессиональным составом населения Калмыкии. Ввиду отсутствия методических рекомендаций для борьбы с буддизмом комсомольцы использовали положительные практики антирелигиозной работы с христианством. Так, после успешно проведенного «комсомольского» рождества были введены «комсомольские» Цаган Сар и другие праздники. Также комсомольским областным органам рекомендовалось использовать в своей работе наступивший раскол в среде буддийского духовенства. В связи с проведенными репрессиями против духовенства всех конфессий во второй половине 1930-х гг. антирелигиозная деятельность комсомольской организации Калмыкии свелась к формальной работе.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, советская власть, борьба с религией, номенклатура, Калмыцкий обком КСМ — ВЛКСМ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Оконов Б. А. Комсомольская организация Калмыкии и ее антирелигиозная деятельность (1921–1941 гг.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14 (5). С. 929–936. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-929-936

Komsomol Organization of Kalmykia and Its Antireligious Activity, 1921–1941

Baatr A. Okonov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Okonov B. A., 2021

Abstract. The article *aims* to examine episodes of anti-religious activity of the Komsomol organization of Kalmykia in 1921–1941. The research is based on archival and published materials. The analysis of archival documents shows that despite the anti-religious policy actively pursued by Soviet authorities, the local party and Komsomol organizations failed to establish a system of effective anti-religious propaganda in Kalmykia. Notably, in their anti-religious activity, the Komsomol members had to deal with the multi-confessional population in Kalmykia. Granted the lack of guidelines for organizing the campaign against Buddhism, they often had to rely on practices used in the anti-religious work against Christianity: e.g., to follow the successful example of ‘Komsomol’ Christmas, the Tsagan Sar and other Kalmyk holidays were also introduced as ‘Komsomol’ events. Also, it was recommended that in their anti-religious work, the Komsomol activists were to take advantage of the split of the Buddhist clergy. After repressions against the clergy of all confessions that took place in the late 1930s, the anti-religious activity of the Komsomol organization in Kalmykia was reduced to formal work.

Keywords: Kalmyk autonomous region, Soviet power, anti-religious activities, *nomenklatura*, Kalmyk regional committee of the KSM — Komsomol

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Okonov B. A. Komsomol Organization of Kalmykia and Its Antireligious Activity, 1921–1941. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 929–936. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-929-936

Введение

В советский период истории Коммунистический союз молодежи (комсомол) занимал важное место в жизни нашей страны. С середины 1920-х и до начала 1990-х гг. комсомол являлся фактически основной молодежной организацией в СССР. При его посредстве советская власть проводила молодежную политику, осуществляла идеологическое воспитание молодежи, реализовывала политические, социальные и экономические проекты.

Формирование новой коммунистической идеологии, отвергавшей религию, побуждало представителей комсомола активнее участвовать в религиозной политике государства. В этих условиях становится актуальным осмысление истории формирования новой государственной религиозной политики и участие в ней молодежи.

К началу XX в. на территории Калмыкии проживали представители трех мировых религий — христианства, буддизма и ислама. В западной части Калмыцкой степи проживали переселенцы — русские и украинцы, исповедовавшие христианство. В восточной части, близ г. Астрахани, проживала небольшая часть татар-мусульман. Абсолютное большинство калмыков придерживалось ламаизма — одного из религиозных течений буддизма.

Целью данной статьи является анализ антирелигиозной деятельности комсомольской организации Калмыкии в 1921–1941 гг.

Обзор литературы

В последние десятилетия вышло значительное количество работ по истории участия комсомольских организаций в борьбе с религией.

Начало систематическому изучению истории комсомола Калмыкии было положено выпуском сборника «Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.)», в котором, помимо очерков А. И. Наберухина и А. В. Мирошниченко, приводились воспоминания первых комсомольцев об участии в культурной революции [[Первые десять лет 1963](#)]. В работе Е. В. Сартиковой прослежен процесс формирования и развития школьного образования в Калмыкии. В ее монографии подробно рассмотрен период ликвидации неграмотности населения и участие комсомольцев в проводимом культштурме [[Сартикова 2008](#)]. С. С. Белоусов в своей монографии исследовал деятельность христианских организаций, действовавших на территории Калмыкии в 1917–1991 гг. В работе отражено участие комсомола в антирелигиозной агитации и работе ячеек «Союза воинствующих безбожников» [[Белоусов 2016](#)].

Огромный вклад в изучение истории Калмыкии советского периода внес профессор К. Н. Максимов. В своих трудах, которые для калмыцких историков уже стали классическими, он показал развитие республики в условиях социализма и осуществления советской национальной политики, эволюцию социально-политической системы региона, историю сталинских репрессий и др. В этих работах также отражено участие молодого поколения и комсомольской организации в общественно-политической жизни республики [[Максимов 2004](#); [Максимов 2018](#)]. В 2006 г. была опубликована статья У. Б. Очирова, посвященная религиозной ситуации в Калмыкии накануне и в период Гражданской войны [Очиров 2006]. Статья посвящена проблеме взаимоотношений между конфессиями в 1917–1920 гг. Автор рассмотрел деятельность буддийского духовенства по расширению прав религиозных организаций после революции 1917 г. В статье приводится информация об отношениях между различными конфессиями и советской властью, которые в этот период носили непростой характер. В статье Ф. Л. Сеницына «Советские безбожники и буддизм» автор осветил деятельность общественной организации «Союз воинствующих безбожников» в буддийских регионах СССР — Калмыкии и Бурятии [[Сеницын 2017](#)].

Таким образом, ряд вопросов по деятельности комсомольских организаций в борьбе с религией еще требует дополнительного научного изучения.

Материалы и методы

В работе использованы материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК). Среди них, в первую очередь, необходимо указать на документы Калмыцкого обкома комсомола (фонд П-22), а также улусных комитетов ВЛКСМ (фонды П-23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37). Текущую характеристику состояния проводимой антирелигиозной комсомольской работы также дают статьи партийных и комсомольских работников, помещенных в газете «Ленинский путь». Необходимо отметить, что эти работы имели не столько аналитический, сколько просветительский и пропагандистский характер. Тем не менее, изучение этих статей позволяет не только вовлекать в научный оборот фактический материал, но и понимать особенности, дух того времени, официальную политику и взгляды руководства на те или иные события.

В работе использованы как общенаучные, так и специальные исторические методы исследования.

Начало работы комсомольской организации в Калмыцкой АССР

С установлением новой власти одной из первоочередных задач Коммунистической партии стало создание нового советского человека, свободного от религии. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. было принято решение, что партия должна разорвать связь между правящими классами и религиозными предрассудками, развернуть широкую образовательную и антирелигиозную пропаганду [[КПСС в резолюциях 1954: 452](#)]. Поэтому с момента организации Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ) особое внимание в работе уделял коммунистическому воспитанию и антирелигиозной пропаганде в своих рядах.

Образованная в 1921 г. комсомольская областная организация Калмыкии первоначально была малочисленной. С ростом количества членов в ее рядах областная организация начала активно участвовать в общесоюзных комсомольских кампаниях. Согласно распоряжению обкома РКСМ, в

декабре 1923 г. в рамках борьбы с религиозными праздниками там, где были ячейки РКП(б) и РКСМ, необходимо было подготовить и провести комсомольское Рождество, в случае же нехватки сил для мероприятия, проводить только беседу по естественным вопросам [НА РК. Ф. П-25. Оп. 1. Д. 1. Л. 42].

Для проведения комсомольского Рождества необходимо было создать комиссию при укое РКП(б). В ее состав должны были войти заведующий агитационно-просветительским отделом (Зав. АПО), представители политпросвета, обкома РКСМ, УИК, на которых возлагалась подготовка и проведение комсомольского Рождества.

После проведения комсомольского Рождества всем профколлективам и комсомольским ячейкам рекомендовалось использовать все возможности для антирелигиозной пропаганды по клубам, детдомам, школам, избам-читальням и т. д.

В райцентре Приволжского улуса пос. Калмыцкий Базар вечером 7 января 1923 г. было проведено комсомольское Рождество. «Праздник начался карнавалом. Впереди шел звездоносец, за звездоносцем шла разряженная лошадь, к хвосту которой была привязана соломенная баба, олицетворяющая умирающую религию, затем шли наряженные участники, далее музыканты. Все шествие освещалось факелами. Присутствовали все члены РКСМ, молодежь и жители поселка. Во время шествия устроили три летучих митинга, на которых комсомольцы разъясняли происхождение религии, разоблачали религиозные догмы. Шествие завершилось митингом и спектаклем „Боевое крещение“. Также „комсомольское“ рождество было проведено и в Малодербетовском улусе в виде митинга на тему „Антирелигиозная пропаганда“ и постановке спектакля. В остальных улусах мероприятия не были проведены ввиду отсутствия средств, литературы и т. д.» [Сборник документов 1978: 41].

Пленум Калмыцкого обкома РКП(б), обсудивший в сентябре 1924 г. состояние антирелигиозной пропаганды, отметил слабость атеистической работы в области и поручил обкому комсомола разработать рекомендации по проведению национальных праздников и приступить к переизданию на родном языке общей антирелигиозной литературы. В свою очередь, на

пленуме Калмыцкого обкома Российского Ленинского коммунистического союза молодежи (РЛКСМ) была принята резолюция, в которой был учтен поликонфессиональный характер и решено проводить в будущем не только комсомольское Рождество, но и комсомольский Цаган сар, Зул и другие религиозные праздники. Было решено по всей области при комсомольских ячейках организовать «коллективы антирелигиозной направленности и бытовой пропаганды», задача которых — изучение основ и обрядности буддизма и калмыцкого быта [Сборник документов 1978: 55].

Рекомендации в тезисах по улучшению антирелигиозной пропаганды среди молодежи обком комсомола направил во все улусомы для разработки на их основе своих мероприятий. В них были определены основные направления, по которым необходимо вести атеистическую пропаганду. Для ее улучшения предлагалось позаботиться о кадрах, организовать ячейки «безбожников», знать быт гелюнгов, внимательно знакомиться с настроениями буддийского духовенства. Особое внимание в тезисах обращалось на усиление антирелигиозной пропаганды среди женщин и детей. Вся работа должна была вестись в строгом согласовании с партийными ячейками.

Несмотря на проделанную работу, обком ВЛКСМ признавал, что антирелигиозная работа в области довольно слабая. «Слабость работы требует от нас серьезно подходить к данному вопросу, ведя работу в плоскости освобождения трудящихся масс от религии. Работу нужно вести в основном в указанных ниже направлениях:

1. Не останавливаясь перед отсутствием какой-либо литературы по проведению антирелигиозной работы, освещающей сущность ламаизма и пр., необходимо проводить агитацию на основе естественных наук, объяснения простых природных явлений, как-то: дождь, снег и пр., что явится громадным сдвигом в деле рассеивания религиозных чувств у населения.

2. Комсомольцы, отправленные заниматься антирелигиозной деятельностью на местах, часто бывают не подготовлены, поэтому дают неправильные разъяснения населению по вопросу религии. Отмечены случаи, когда комсомольцы, отвечая на вопрос граждан „есть ли бог“, ограничива-

ются фразой: „нет бога потому, что его не видно“. Такие ответы подрывают авторитет организации и не приносят никакой пользы. Для правильности и плодотворности антирелигиозной работы надо иметь кадры подготовленных товарищей.

3. Подготовка кадров пропагандистов требует от нас организовать ячейку безбожников при наличии на то возможности. Работа в ячейках безбожников должна вестись в плоскости подготовки антирелигиозников, ознакомления их с естественной наукой и по возможности ламаизмом по программе, разрабатываемой, которая в скором времени будет выслана» [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 1. Л. 372].

Кроме того, обком комсомола признавал, что при ведении антирелигиозной пропаганды среди населения зачастую комсомольцы проявляли грубость, резкое и даже вульгарное отношение к религии и духовенству (откровенно ругали представителей духовенства, издевались над иконами и изображениями святых), такое поведение возмущало население, что, в свою очередь, подрывало авторитет организации. В дальнейшей антирелигиозной пропаганде такие отрицательные моменты рекомендовалось сглаживать, вырабатывая более выдержанный подход.

Большое значение руководящие органы придавали изучению повседневного быта гелюнгов и лам, в котором ими могли проявляться отрицательные моменты, противоречащие их учению (ламаизму), и т. п. В случае обнаружения таковых рекомендовалось разоблачать их среди населения, чтобы подорвать авторитет гелюнгов и лам в глазах населения.

Кроме того, в рамках борьбы с религией обком комсомола обращал внимание на то, что среди буддийского духовенства на тот момент имелось два течения, выявившиеся на съезде буддийского духовенства: консервативное и обновленческое. Обком ВЛКСМ признавал, что, по существу, оба течения вредные и рекомендовал поставить антирелигиозную пропаганду так, чтобы между представителями консервативного и обновленческого течений обострились взаимоотношения, что должно было ослабить влияние духовенства. Для этого комсомольцам предлагалось ознакомиться с этими течениями [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1.

Д. 1. Л. 374]. Таким образом, как и в борьбе с православием, важным инструментом стало искусственное инспирирование раскола буддийского духовенства.

В подготовке и постановке антирелигиозной работы в деревне, аймаке и хотоне помощником комсомола признавался учитель. Комсомольским организациям на местах было рекомендовано связаться с учительством. В школах ставили вопрос об ознакомлении с элементарными понятиями безбожия, чтобы привить атеистический взгляд у учащихся, пионеров в школах. Наряду с этим комсомольцы проводили среди манджиков (буддийских монахов) разъяснительную работу по убеждению в ненужности религии и духовенства. Нахождение в хурулах манджиков, не достигших восемнадцатилетнего возраста, требовало от комсомольцев особой бдительности и необходимости отправлять сведения об этом в административные органы.

Вся антирелигиозная работа проводилась в строгой согласованности с партийными комитетами и ячейками на местах. Отдельно ставился вопрос об атеистической работе среди женщин. При такой работе с женщинами комсомольцы-агитаторы должны были объяснять вред религии с классовой точки зрения и приводить в пример связи православных священников с кулаками, буддийского духовенства с зайсангами и т. д.

В 1928 г. в Калмыкии были разработаны «Программа и методы работы религиозного кружка». При прохождении курса будущий специалист «пропагандист-массовик» должен был изучить следующие темы: «Объективная роль религии как орудие классового угнетения», «Субъективная сторона религии», «Как зародился буддизм и ламаизм, как облекался он обрядами», «Методы и содержание антирелигиозной пропаганды». Реализация принятой программы на местах была сопряжена с рядом проблем. Людей, «хорошо знакомых с буддизмом вообще и ламаизмом в особенности», было мало [Белоусов 2016: 56].

В 1928 г. руководством «Союза безбожников» было отмечено, что «в районах распространения ламаизма» антирелигиозная работа сотрудниками проводится на невысоком уровне, и решено «вплотную поставить вопрос о систематической борьбе» с буддизмом. Были поставлены следующие задачи: борьба с «шарлатанством лам и ти-

бетской медициной», «разрешение вопроса о налоговом обложении ламства», а также «воспреещение бесконечных пожертвований» в пользу ламства, «принимающих массовый характер и являющихся прямо-таки разорительными для ... бедноты» [Синицын 2017: 242].

Во второй половине 1920-х гг. ЦК ВЛКСМ провел статистические обследования деятельности областных комсомольских организаций юга России. В 1929 г. на обследование работы Калмыцкой комсомольской организации был отправлен инструктор ЦК ВЛКСМ Кочурко¹.

Несмотря на проводимую антирелигиозную работу, как заключил инструктор Кочурко, гелюнгы имеют среди населения значительное влияние, в частности из-за родовых отношений. «В последнее время они всячески стараются усилить свое влияние путем устройства скачек, соревнований по народной борьбе с выдачей призов, пожертвования денег на строительство. Также духовенство активно выступают в качестве посредников или подрядчиков в строительстве, докторов тибетской медицины. Калмыцкая молодежь довольно охотно идет в манджики, активно осуществляет сбор денег на строительство хурулов. На религиозный праздник, где устраивались скачки, комсомольская ячейка Дальчинского аймака Харахусовского улуса уехала почти в полном составе, не проводя там никакой противоположной работы. В результате агитации гелюнга в Яндыках распался пионерский отряд.

В ячейке Ленинского аймака, где помещается областная хурул и областная буддийская философская школа, за три года ни одного вопроса антирелигиозного характера не поднималось. Комсомольцы и живущие при храме манджики живут дружно, ходят друг к другу в гости. Общество „Безбожник“ развито совершенно слабо, существующие ячейки почти не работают, нет комсомольского почина в развертывании вопросов естественно-научного характера» [НА РК Ф. П-22. Оп. 1. Д. 13 Л. 24].

Результаты обследования инструктора ЦК ВЛКСМ Кочурко были представлены в виде письменного доклада на IX Калмыцкой

¹ Здесь и далее в соответствии с источником имени могут приводиться без отчества или инициалов.

областной конференции ВЛКСМ, которая состоялась 25–26 августа 1928 г. в Элисте. Этот доклад вызвал оживленную дискуссию на съезде, по итогам которого было решено указанные недостатки ликвидировать.

Комсомольская организация Калмыцкой АССР в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны

В рамках культштурма была продолжена борьба с религией. В связи с началом массовой коллективизации среди задач — поставить антибуддийскую пропаганду на «классовую точку зрения», в том числе вскрывать классовое «происхождение буддизма». В июне 1931 г. борьба с буддизмом обсуждалась на III пленуме Центрального совета Союза воинствующих безбожников (далее — СВБ) в рамках доклада М. С. Кобецкого «Итоги и перспективы антирелигиозной работы среди национальностей СССР». В 1932 г. СВБ выпустил свои первые антибуддийские брошюры на русском и бурятском языках — «Происхождение буддизма» (2 600 экз.) и «Ламаизм и война» (2 000 экз.) [Синицын 2017: 243].

В этот период продолжились жестокие репрессии против духовенства со стороны государства в национальных республиках. Всем областным парторганизациям страны был разослан секретный циркуляр ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В 1930 г. в Калмыкии к тюремным заключениям были приговорены 23 священнослужителя, в том числе 1 православный, 2 протестанта (лютеранин и пятидесятник) и 9 активистов. Летом 1931 г. за контрреволюционные выступления были арестованы более 10 багши, 24 гелюнга во главе с шаджин-ламой калмыцкого народа Шарапом Тепкиным. Всего, по данным Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по Калмыкии, были арестованы 53 священнослужителя, из них 45 осуждены к различным мерам наказания, в том числе 3 священника Русской православной церкви [Максимов 2004: 234–235].

Кроме этого, комсомольскими органами проводились карательные мероприятия по отношению к комсомольцам, уличенным в связях с представителями духовенства. Так, в октябре 1937 г. был исключен из рядов комсомола член Лаганского улускома Тюрбья Басангов (по сообщению Нарана

Дорджиева) за содействие своему отцу, который был председателем религиозного сообщества и агитировал за открытие в Лагани своего хурула [НА РК. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 10. Л. 46об.]. Также в ноябре 1937 г. на заседании бюро Лаганского улускома была исключена Н. И. Тыньянова за сочувствие религиозным предрассудкам и венчание в церкви [НА РК. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 10. Л. 57].

В числе старых форм быта, которые также подвергались гонениям, были гадания (в том числе святочные, «на суженого» и т. д.). Комсомолки, уличенные в таких поступках, подвергались порицанию или даже наказанию. Например, комсомолка Мария Бедрик за одно гадание была исключена из комсомола. Она подала апелляцию в конфликтную комиссию, и там «гадалку» простили, учитывая единичный факт «союзного преступления», восстановили в комсомоле, но вынесли ей предупреждение [НА РК. Ф. П-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 63].

В начале 1937 г. на бюро Элистинского горкома ВКП(б) было решено усилить борьбу с религией во всех её проявлениях и обязать партийные организации создать ячейки «союза воинствующих безбожников» на местах. Кроме этого, партийные и комсомольские организации должны были оказать им помощь в проведении атеистической пропаганды и организации подписки на антирелигиозную литературу. При горкоме партии было организовано оргбюро СВБ и коллектив агитаторов из 10–15 человек [Белоусов 2016: 63].

Партийные органы предпринимали определенные шаги в организационном и кадровом направлениях, чтобы придать эффективность антирелигиозной работе. В 1939 г. обкомом партии были проведены 15-дневные курсы подготовки антирелигиозных кадров, в которых участвовали 30 человек, предполагалось организовать постоянно действующий семинар антирелигиозников.

В 1939 г. была проведена первая конференция, на которой был создан республиканский СВБ. В 1940 г. были открыты его ячейки в улусах. Председателем республиканского Совета СВБ был назначен Г. Молоканов. С января 1940 г. по май 1941 г., как отмечал заведующий лекционным бюро республиканского совета СВБ К. Манджиев, среди населения республики было проведено 114 лекций по антирели-

гиозным вопросам. На лекционную работу привлечены агрономы, врачи, учителя, партийные и комсомольские пропагандисты. Благодаря поставленной антирелигиозной пропаганде накануне Пасхи среди колхозников не было случаев ухода с работы [Манджиев 1941: 3].

В начале 1941 г. Г. Ш. Молоканов отмечал, что работа в улусах ведется слабо. На улусной конференции СБВ Троицкого улуса, проведенной в начале 1941 г., работа оргбюро первичных организаций признана неудовлетворительной. Там же на конференции был избран новый улусный совет в составе 5 человек [Кониев 1941: 2]. Также в 1940 г. в Черноземельском улусе не было проведено ни одной лекции, ни одного доклада на антирелигиозную тему. Улусный отдел образования и комитет комсомола ничего не сделали для развертывания антирелигиозной работы среди школьников и их родителей. Улусная комсомольская организация не выполняет программу ВЛКСМ, принятую X съездом комсомола, где по вопросу об отношении к религии сказано, что комсомол должен терпеливо разъяснять молодежи вред суеверий и религиозных предрассудков [Молоканов 1941].

Весной 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, чтобы усилить работу по антирелигиозной пропаганде, был приглашен лектор Центрального совета СВБ В. Гудьоргис. Им была опубликована большая статья «Нравственность и религия» в республиканской газете «Ленинский путь», проведен ряд лекций в г. Элисте для студентов политехшколы, работников кустарно-промысловых артелей и Калмгостеатра, учителей городских школ [Гудьоргис 1941].

Заключение

В 1920-е гг. деятельность партийных и комсомольских органов по проведению атеистической пропаганды среди населения можно признать малоэффективной. Лишь только репрессии религиозных организаций всех конфессий и ликвидация духовенства как социальной группы во второй половине 1930-х гг. позволили говорить о победе в этом направлении. Проводимая впоследствии в предвоенный период антирелигиозная пропаганда носила формальный характер и ограничивалась лекционными мероприятиями и публикациями в периодической прессе.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Белоусов 2016 — Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы Советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН, 2016. 342 с.
- Гудьюрчис 1941 — Гудьюрчис В. Нравственность и религия // Ленинский путь. 1941. 24 апреля. С. 2.
- Кониев 1941 — Кониев М. Избран новый состав совета СБВ // Ленинский путь. 1941. 17 января. С. 2.
- КПСС в резолюциях — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
- Максимов 2004 — Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Максимов 2018 — Максимов К. Н. Репрессии против буддийского духовенства — носителей национальной идеологии и духовности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 23–29
- Манджиев 1941 — Манджиев К. Кровное дело парторганизации // Ленинский путь. 1941. 30 мая. С. 3.

References

- Belousov S. S. Christians of Kalmykia in the Soviet Era, October 1917 to 1991: State Religious Policy Reviewed. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 342 p. (In Russ.)
- Koniev M. League of Militant Atheists: council reelected. *Leninskiy put'*. 1941, January 17. P. 2. (In Russ.)
- Yegorov A. G., Bogolyubov K. M. (eds.) CPSU in Resolutions and Decrees of Congresses, Conferences and Plenary Sessions. 9th ed., rev. and suppl. Vol. 2: 1917–1922. Moscow: Politizdat, 1983. 606 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Repression against Buddhist clergy — representatives of national ideology and spirituality. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 3 (56). Pp. 23–29. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The National Tragedy: Repressions in Kalmykia, 1918–1940s. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Mandzhiev K. Cherished cause of our party organization. *Leninskiy put'*. 1941, May 30. P. 3. (In Russ.)

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

- Молоканов 1941 — Молоканов Г. Оживить антирелигиозную работу // Ленинский путь. 1941. 4 января. С. 2.
- Очиров 2006 — Очиров У. Б. Межконфессиональные отношения и религиозная ситуация в Калмыкии в 1917–1920 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 1(5). С. 69–79.
- Первые десять лет 1963 — Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации. (1921–1931 гг.). Документы, статьи, воспоминания / сост. А. В. Мирошниченко, А. К. Зундугинов, А. И. Наберухин. Элиста: Калмиздат, 1963. 184 с.
- Сартикова 2008 — Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: Джангар, 2008. 407 с.
- Сборник документов 1978 — Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ / сост. З. Б. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 307 с.
- Синицын 2017 — Синицын Ф. Л. Советские безбожники и буддизм // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России: мат-лы Всерос. научн. конф. (г. Элиста, 13–15 августа 2017 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 240–250.

- Molokanov G. Antireligious work be strengthened. *Leninskiy put'*. 1941, January 4. P. 2. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The relations between confessions and the religious situation in Kalmykia in 1917–1920. *RUDN Journal of Russian History*. 2006. No. 1(5). Pp. 69–79. (In Russ.)
- Miroshnichenko A. V. et al. (comps.) Kalmyk Oblast Komsomol Organization: The First Ten Years, 1921–1931. Documents, articles, memoirs. Elista: Kalmizdat, 1963. 184 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Development of School Education in Kalmykia, 20th Century. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)
- Ochirova Z. B. (comp.) History of Kalmykia's Komsomol: Collected Documents and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 307 p. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet atheists and Buddhism. In: The Great Russian Revolution in Destinies of South Russia's Peoples. Conference proceedings. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 240–250. (In Russ.)
- Gudyurgis V. Morality and religion. *Leninskiy put'*. 1941, April 24. P. 2. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 937–955, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955

Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 1

Уташ Борисович Очиров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Очиров У. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу историографии истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая в годы Великой Отечественной войны являлась единственным сражавшимся на фронте национальным соединением, в большинстве своем укомплектованным калмыками. Дивизия достойно показала себя в боях с врагом, но вокруг нее сложились порочащие ее мифы, не соответствующие действительности, а большая часть ее документов, сданных в архив, исчезла. В результате этого работа по объективному изучению истории соединения растянулась на несколько десятилетий. *Материалы и методы.* При написании статьи базовым стал историко-генетический метод. Также использовались историко-системный и историко-сравнительный методы. Материалами для статьи послужили книги и статьи, делопроизводственная документация и переписка из различных архивных фондов, личная переписка и воспоминания ветеранов 110-й кавдивизии и исследователей ее истории. *Результаты.* В статье последовательно рассматривается историография истории калмыцкого соединения, разделенная на 5 этапов, которые условно можно назвать так: 1) период умалчивания и лжи (1943–1957 гг.); 2) период «стихийных» поисков (1957–1967 гг.); 3) период активизации научной работы (1967–1977 гг.); 4) период спада (1977–2011 гг.); 5) период нового подъема (с 2011 г. и по настоящее время). Лживые мифы, обвинявшие 110-ю кавдивизию в «неустойчивости», «уходе в банду», а то и вовсе к немцам, придали ее истории политическое звучание. Изучение истории дивизии серьезно осложнила пропажа большей части документов соединения, сданных по описи вместе со знаменами после его расформирования. Это все крайне затруднило процесс по сохранению исторической памяти о единственном калмыцком национальном соединении, сражавшемся на фронте, и его исследователям пришлось приложить титанические усилия для решения этой проблемы. В первой части статьи описаны первый, второй и третий этапы. *Выводы.* Историография истории 110-й Калмыцкой кавдивизии прошла сложный и извилистый путь, в ходе которого ей пришлось пережить и период забвения, и период активизации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, кавалерия; Калмыцкая АССР, национальное соединение, калмыки, историография, исторические мифы, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 937–955. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955

The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 1

Utash B. Ochirov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ochirov U. B., 2021

Abstract. Introduction. The article analyzes historiography and history of the 110th Kalmyk Cavalry Division, the only ethnic Kalmyk (largely) military unit that was engaged in active combat operations during the Great Patriotic War. However, despite its huge contribution to the heroic struggle against invading troops the unit — worthy of decent memory and respect — got surrounded with defamatory myths that bear no relation to actual events. Since most of the Division's documents submitted to archives had disappeared, it took several decades to objectively examine its history. *Materials and methods.* The historical genetic method being a principal one for the present research, the latter also employs historical systemic and comparative methods. The sources analyzed are books and articles, official documents and correspondence from various archival repositories, personal messages and memoirs by veterans of the 110th Kalmyk Cavalry Division and researchers of its history. *Results.* The article is a consistent review of the unit's historiography that may be divided into five stages to be designated as follows: 1) period of silence and lies (1943–1957), 2) period of 'sporadic' studies (1957–1967), 3) period of active scientific work (1967–1977), 4) period of indifference (1977–2011), and 5) period of new scholarly interest (2011 to the present). The Kalmyk Cavalry Division has long been an object of defamatory insinuations and calumny when it was accused of 'unreliability', denounced as a 'gang' or even as German collaborators — these had clearly political implications. Meanwhile, the historical research was seriously complicated by the loss of most of its documents although after the disbandment those were duly handed over according to inventory lists along with the banners. This severely obstructed the process of preserving historical memory of the only ethnic Kalmyk unit that fought against the enemy during the Great Patriotic War. Hence, the difficulties that scholars in the field have had to overcome were immense. Part One of the article covers stages one to three. *Conclusions.* Historiography of the 110th Kalmyk Cavalry Division may be described as a difficult and winding path, with periods of both oblivion and activation experienced.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army, cavalry, Kalmyk ASSR, ethnic military unit, Kalmyks, historiography, historical myths, historic memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Ochirov U. B. The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 937–955. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955

Введение

В составе Красной армии в период Великой Отечественной войны сражалось несколько сотен дивизий различных родов войск (стрелковых, кавалерийских, танковых, моторизованных, воздушно-десантных и т. д.). Многие из них многократно отличились в боях, были отмечены различными наградами и почетными наименованиями. Некоторые оказались разгромлены или утратили свое боевое знамя, после чего их расформировали. В ходе тяжелейшей в истории Отечества войны с самым опасным и сильным врагом почти всем пришлось пережить немало драматичных и трагических моментов.

Однако даже среди них история 110-й Калмыцкой кавдивизии выделяется уникальностью своей трагедии. Кому-то 14-месячный срок жизни этого соединения покажется маленьким, но на самом деле это больше, чем у большинства кавдивизий того времени. В те дни, до предела насыщенные различными перипетиями, 110-я кавдивизия приняла неравные бои с армадами панцерваффе, испытала горечь тяжелых отступлений, познала радость побед и освобождения сел и городов нашей Родины. В ходе боев калмыцкое соединение доблестно сражалось, никогда не отступало с поля боя без приказа, нанесло врагу заметный ущерб, сохранило свои знамена. Решение о расформировании было принято из-за того, что кавдивизии из соседнего Кубанского казачьего кавкорпуса, уже получившего звание гвардейского и овеянного флером славы своего харизматичного командира, понесли заметные потери и требовали пополнения. Хотя опытные воины 110-й кавдивизии в большинстве своем не были казаками, и уж все не являлись кубанцами, но они влились в ряды 4-го гв. Кубанского кавкорпуса и продолжили воевать.

Однако не прошло и года, как весь калмыцкий народ, гордостью которого являлась 110-я кавдивизия, был огульно и несправедливо обвинен в предательстве и выслан в отдаленные районы страны. Воинов-калмыков сняли с фронта и отправили в Широклаг, где от непосильных норм

труда и плохого питания многие умерли. Среди широклаговцев оказалось 260 бывших воинов 110-й Калмыцкой кавдивизии [Очиров 2019: 30].

Неудивительно, что научные исследования по истории 110-й Калмыцкой кавдивизии начались с большим опозданием. Мало того, большая часть документов соединения, сданных после расформирования, в архивный фонд дивизии так и не попала. Вокруг истории национального соединения родилось большое количество мифов, которые заметно исказили ее боевой путь. В результате борьба за возвращение исторической памяти о национальном соединении растянулась на несколько десятилетий и даже продолжается поныне. История этой борьбы, на мой взгляд, представляется крайне интересной для историографии истории Калмыкии и заслуживающей специального исследования.

В целом историография истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии делится на 5 этапов, которые условно можно назвать так: 1) период умалчивания и лжи (1943–1957 гг.); 2) период «стихийных» поисков (1957–1967 гг.); 3) период активизации научной работы (1967–1977 гг.); 4) период спада (1977–2011 гг.); 5) период нового подъема (с 2011 г. и по настоящее время).

Материалы и методы

В ходе работы над статьей был использован широкий комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Для данного исследования базовым стал историко-генетический метод, при помощи которого был последовательно описан весь процесс изучения истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Для периодизации процесса и выделения в нем отдельных этапов был использован историко-системный метод. Для сравнения деятельности исследователей на разных этапах применялся историко-сравнительный метод. Как и для любого историографического исследования, базовым материалом стал комплекс книг и статей из научных журналов, связанных с историей 110-й Калмыцкой кавдивизии. Кроме того, в ходе работы использова-

лись такие источники, как публицистика, личная переписка и воспоминания ветеранов и исследователей-историков, делопроизводственная документация и переписка, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО) и Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН (далее — НА КалмНИЦ РАН).

Период умалчивания и лжи

После депортации калмыцкого народа даже сам этноним «калмык» оказался под запретом, а название и номер 110-й кавдивизии — преданы забвению. Даже когда в различных трудах описывали опыт боев калмыцкого национального соединения, то его номер и название опускались. Например, Штаб сухопутных войск Вооруженных сил СССР, который после Великой Отечественной войны опубликовал ряд сборников, обобщив в них боевой опыт, в 1949 г. выпустил сборник тактических примеров боевых действий кавалерийского полка.

Одним из таких примеров, выбранных в качестве эталонных, стала оборона 273-го (Сарпинского) кавалерийского полка на р. Дон в июле 1942 г. [Оборона... 1949: 82–87]. Следует заметить, что уставными документами использование кавалерии в обороне не предусматривалось. Понятно, что в годы войны бывали всякие ситуации, и кавалерийские соединения могли вынужденно использоваться в обороне, но оборона на участке 58 км (пусть даже на речном рубеже) была уникальным явлением. Неудивительно, что для примера обороны был выбран кавалерийский полк именно 110-й кавдивизии, хотя в статье ни слова не было о том, что эта часть преимущественно состояла из калмыков, высланных к тому времени в Сибирь. При этом сведения о боях в этом районе были даны с большими ошибками. Например, утверждалось, что с правого фланга 273-й кавполк прикрывала 51-я кавдивизия (которая в это время на самом деле находилась в Забайкалье); даты боев были даны с ошибками; неправильно описывались течение боя и расстановка сил [Оборона... 1949: 82–87].

Еще сильнее реальную историю 110-й кавдивизии искажали мифы, которые сложились еще в годы войны. Следует заметить, что самые первые мифы о калмыцком соединении стали складываться еще в годы войны. Например, командующий

24-й армией Южного фронта генерал-майор В. Н. Марцинкевич 23 июля 1942 г. обвинил командование 110-й кавдивизии в плохой подготовке оборонительного рубежа. На самом деле его армия, отступавшая к берегу Дона, избежала уничтожения только благодаря тому, что калмыцкое соединение, не имея ни зенитной артиллерии, ни авиационного прикрытия, защитило и уберегло от многочисленных ударов люфтваффе все переправы через Дон на своем 58-километровом участке [Заярный, Очиров 2017: 50–59]. Именно армии В. Н. Марцинкевича директивой № 0414/оп Южного фронта было поручено к утру 22 июля занять оборону на южном берегу Дона от устья Маныча до Ново-Золотовской (на самом деле большую часть этого рубежа удерживали как раз воины 110-й кавдивизии), обеспечив переправу отступающих войск [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 114–116]. Однако дивизия «Великая Германия» внезапным ударом отрезала это объединение от Дона, и разрозненным остаткам 24-й армии пришлось прорываться через редкие порядки противника к переправам, продолжавшим работать только благодаря мужеству воинов 110-й кавдивизии.

Вместо благодарности В. Н. Марцинкевич подверг критике командование национального соединения за якобы плохую подготовку обороны на берегу Дона. Однако командующий Южным фронтом Р. Я. Малиновский, который переправился через Дон в Багаевской и лично видел калмыцкое соединение в деле, был другого мнения, и после его переговоров со Ставкой вечером 22 июля 110-ю кавдивизию и 156-ю стрелковую дивизию передали из состава 51-й армии Северо-Кавказского фронта в 37-ю армию Южного фронта [ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 151–157].

В. Н. Марцинкевич из-за потери управления войсками, понесшими значительные потери, так и не смог выполнить полученные приказы о занятии позиций на Дону. В итоге 24 июля управлению 24-й армии поручили отвести в тыл остатки частей, лишившихся вооружения. То, что толпа безоружных солдат смогла дойти до Терека без особых потерь и оторваться от преследующих их колонн панцерваффе, было заслугой войск 37-й армии (в том числе 110-й кавдивизии), задержавших немцев в жесто-

чайших арьергардных боях. Тем не менее В. Н. Марцинкевич, возглавивший после расформирования 24-й армии 8 августа 9-ю армию, продолжал отрицательно относиться к 110-й кавдивизии, которая 13 августа вышла в полосу его действий и была ему подчинена. По всей видимости, именно по его инициативе командир 110-й кавдивизии калмык В. А. Хомутников (бывший председатель КалмЦИК и Верховного совета Калмыцкой АССР, пользовавшийся среди бойцов соединения высочайшим авторитетом) был заменен на постороннего «варяга». Лишь 28 августа В. Н. Марцинкевича отстранили от должности и отправили в тыл с понижением.

Еще дальше зашел в этом плане штаб 51-й армии, заявивший, что 110-я кавдивизия «ушла в банды». Источник происхождения этого слуха был четко указан в письмах первого секретаря Калмыцкого обкома П. В. Лаврентьева и председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Н. Л. Гаряева, с возмущением писавших об этом заместителю наркома обороны Е. А. Щаденко и другим руководящим лицам: *«Между тем о 110 К.Д. в сентябре–октябре месяцах распространились различные провокационные разговоры, якобы дивизия разбрелась и занимается бандитизмом. Например, штаб 51-й армии официально сообщил Военному совету Северной группы Закавказского фронта о том, что будто бы полковник Хомутников с личным составом около 2 000 человек ушел в неизвестное направление в банду. Чем руководствуется штаб 51-й армии нам неизвестно»* [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 132].

Поскольку П. В. Лаврентьев и Н. Л. Гаряев в сентябре–октябре 1942 г. неоднократно встречались с В. А. Хомутниковым и видели саму дивизию, которая после отхода с Дона по приказу Северной группы Закавказского фронта защищала железную дорогу Астрахань — Кизляр, то для них ложность таких утверждений была очевидной. Среди бумаг Н. Гаряева, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК), есть и черновые варианты этого письма, которое автор неоднократно и кардинально переделывал, вычеркивая или дописывая целые абзацы или даже страницы. В одном из зачеркнутых абзацев после слов «нам неизвестно» было дописано: *«Видимо штаб этой (51-й. — У. О.) армии*

сообщил об этом Наркомату обороны, так как 9.10.1942 года из Наркомата обороны по телефону просили у командующего 28 армии генерал-лейтенанта Герасименко [сведения] по тому же вопросу» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 139].

Следует заметить, что 110-я Калмыцкая кавдивизия входила в состав 51-й армии с 12 июня 1942 г. и начальную фазу боев на Дону прошла именно в ее составе. Однако фронт обороны шириной почти 700 км, занимаемый 51-й армией, был слишком большим, поэтому, как уже упоминалось выше, 23 июля левофланговые соединения (110-я кавалерийская дивизия и 156-я стрелковая дивизия) этого объединения были переданы в состав 37-й армии. К тому же танки и мотопехота 4-й танковой армии создали плацдармы у Цимлянской и Николаевской и, выйдя передовыми частями к р. Сал, разрезали фронт 51-й армии, фактически отрезав вышеуказанные левофланговые соединения от штаба.

С 23 июля сведения о реальном положении дел 110-й кавдивизии штаб 51-й армии мог получать лишь окольными путями, например от командования Северо-Кавказского фронта. Однако в последующих боях 51-я армия оказалась отрезана и от фронтового командования, была разбита и отошла на восток, войдя в подчинение командования Сталинградского фронта. От 110-й кавдивизии 51-ю армию отделяли сотни километров, но штабисты почему-то сочли возможным тиражирование этого ложного мифа.

Его появление сразу привело к политическим последствиям: заметно ухудшилось отношение военных властей к калмыкам. Вот что писал об этом первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П. В. Лаврентьев в докладе от 18 ноября 1942 г.: *«110 Калмыцкая кавалерийская дивизия... с боями отходила на юг. В августе–сентябре месяцах этого года главные силы дивизии в количестве 2 000 человек под командованием полковника Хомутникова вышли к Кизляру, зачислены в состав 44 армии Закавказского фронта и сейчас находятся на линии Кизляр — Черный Рынок. В то же время кто-то усердно стал распространять слухи, что якобы т. Хомутников с 2 000 человек ушел в банды. Эта провокация дошла даже до т. Щаденко. В частях 28 и 51 армии от-*

дельные командиры смотрят на калмыков как на отсталую часть и как на сплошных бандитов. Всякий верховой калмык, встреченный в степи, изображается бандитом. Примером этого является такой факт: представители 28 армии решили выслать из с. Юсты и Эрдниевки Юстинского улуса всех калмыков, а население других национальностей оставить на месте и только после нашего вмешательства эта грубая политическая ошибка была исправлена военным советом 28 армии» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 20. Д. 24. Л. 69].

Указанное в письме П. В. Лаврентьева выселение из Юстинского улуса проводилось согласно приказу Сталина о выселении населения из 25-километровой прифронтовой полосы. Перед этим, 15 октября 1942 г., Калмыцкий обком и Совнарком Калмыцкой АССР договорились с управлением 28-й армии, что выселение людей из указанных сел будет завершено без спешки, к 10 ноября после обмолота и вывоза хлеба. Однако 20 октября войска внезапно вывезли оттуда всех калмыков, оставив представителей других национальностей на месте [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 120, 129].

В. Б. Убушаев в одной из работ о депортации калмыков, ссылаясь на слова В. М. Молотова, сказанные ему в личной беседе в 1974 г., указал в качестве источников мифа о «разбежавшейся» 110-й Калмыцкой кавдивизии «донесения командования 37-ой и 51-ой армий» [Убушаев 2007: 152]. По утверждению В. Б. Убушаева, именно заявление Г. К. Жукова на заседании ГКО о том, что 110-я кавдивизия «разбежалась», со ссылкой на донесения 37 и 51-й армий, имело ключевое значение при принятии решения о высылке всего калмыцкого народа на спецпоселение [Убушаев 2007: 152–153].

В другой работе В. Б. Убушаев привел фрагмент воспоминаний управляющего делами Совнаркома Калмыцкой АССР С.-Г. М. Манджиева. Накануне депортации, вечером 27 декабря 1943 г., в кабинете первого секретаря Калмыцкого обкома был собран «руководящий партийно-советский состав республики», на котором комиссар государственной безопасности 2-го ранга И. А. Серов сообщил о высылке калмыцкого народа. Заместитель председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Д. Г. Гахаев задал

вопрос о причинах депортации калмыцкого народа «в целом». Заместитель наркома НКВД СССР отлично знал, что обвинения, приведенные в Указе Президиума Верховного совета СССР от 27 декабря 1943 г. и переписанные под копирку из другого аналогичного акта, не соответствуют действительности. Поэтому он дал такой ответ: «На этот вопрос, помню, Серов сказал: „Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам“. Затем, некоторое время помолчав, вдруг сказал, махнув рукой: „И этот ваш Городовиков“. Совершенно было непонятно, что он имел под этим в виду» (цит. по: [Убушаев 1991: 18–19]).

Характерно, что еще в начале 1943 г. заместитель наркома НКВД СССР С. Н. Круглов писал, что попытки оккупантов создать коллаборационистский корпус из калмыков успеха не имели. Но в последующем позиция «энкаведэшников» изменилась. В июле 1944 г. в справке о борьбе с бандитизмом за три года войны начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга А. М. Леонтьев фрагмент о Калмыкии начал так: «Находившаяся на фронте в районе Ростова-на-Дону 110 калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство. Дезертиры группами, в некоторых случаях со своими командирами, возвращались домой и среди населения распускали всевозможные пораженческие слухи. С приближением фронта к Калмыкии... из дезертиров 110-й дивизии они создали крупные банды, которые своими действиями сорвали эвакуацию скота из Калмыкии... немецкое командование сформировало из бандитско-дезертирского элемента калмыцкий кавалерийский легион, состоящий из 14 эскадронов» [НКВД–МВД... 2008: 525]. Из этого следует, что национальное соединение не просто разбежалось, а еще и послужило основой для коллаборационистского формирования.

На самом деле никакого массового дезертирства в боях на Дону не было. Во время отступления на Кавказ некоторые части получали противоречивые приказы, в результате чего отделились от основного ядра 110-й кавдивизии и прибыли в другие районы сосредоточения, где влились в состав 17-го казачьего кавкорпуса и 28-й армии.

Некоторые подразделения при прорыве из окружения или в ходе арьергардных боев также отделились от основного ядра, но вышли к позициям своих войск самостоятельно. Некоторым из них удалось вернуться в состав 110-й кавдивизии.

Конечно, отдельные группы или одиночные «безлошадные» бойцы отстали от основных сил и, не зная пункта назначения, повернули домой. Однако многие из них, откормившись, вновь вернулись в Красную армию. Среди тех, кто реально совершил дезертирство, не было ни одного офицера. Только один офицер-калмык (лейтенант Санчир Коноков) после боев на Дону, попав в плен, стал сотрудничать с немцами. Он оказался единственным калмыком-офицером, ставшим коллаборационистом. Оккупировав часть территории Калмыкии, немцы действительно создавали коллаборационистские эскадроны, но ни один из них не формировался из какой-либо группы дезертиров 110-й кавдивизии.

Таким образом, мифы о то ли «разбежавшейся», то ли уже «ушедшей к немцам» 110-й кавдивизии — это уже не просто частный военный эпизод, а важнейшее событие, имевшее далеко идущие последствия для всего калмыцкого народа и для советской национальной политики в целом. Активное тиражирование мифов о «разбежавшейся дивизии» привело к тому, что многие жители страны, включая профессиональных историков, поверили в них. Среди них оказались даже некоторые наши земляки.

Период «стихийных» поисков

После восстановления автономии Калмыкии ситуация изменилась. Слово «калмык» перестало иметь негативную коннотацию, сами калмыки стали возвращаться на родину. Был восстановлен Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (далее — КНИИЯЛИ, ныне — Калмыцкий научный центр РАН), в котором начал работу сектор истории. К сожалению, возможности для набора кадров у института в тот момент оказались ограничены. В период депортации существовал негласный запрет на прием спецпереселенцев на педагогические специальности (в том числе исторические), и обойти его удалось немногим. Среди них был М. Л. Кичиков, сыгравший в историографии истории 110-й кавдивизии важную роль.

Мерген Лиджинович Кичиков (1922–1999) родился в станице Иловая (Зюнгарская) Области Войска Донского. В 1941 г. он был призван в ряды Красной армии, окончил артиллерийское училище. В 1943–1945 гг. командовал взводом, затем батареей 256-й стрелковой дивизии Волховского, Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов. М. Л. Кичиков принимал участие в прорыве блокады Ленинграда, Мгинской операции, «Январском громе», освобождении Нарвы, боях на территории Латвии, под Лиепайей и Тукумсом, блокаде курляндской группировки. В период сражений Мерген Лиджинович был трижды ранен, за отличия в боях награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

В 1946 г. он демобилизовался и убыл на спецпоселение в Казахстан. В 1952 г. Мерген Лиджинович окончил исторический факультет Казахского пединститута им. Абая в Алма-Ате. Работал учителем, затем директором школы в Усть-Каменогорске. После возвращения из депортации работал инспектором Приозерного районного отдела народного образования.

В 1961 г. М. Л. Кичиков был принят старшим научным сотрудником в сектор истории КНИИЯЛИ и поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории вхождения калмыков в состав России и образования Калмыцкого ханства в XVII в., а в 1965 г. — возглавил сектор истории. В дальнейшем М. Л. Кичиков в ходе исследований по истории участия Калмыкии в Великой Отечественной войне собрал и проанализировал огромный массив информации. На его основе он написал диссертацию, которую защитил в 1972 г., став первым калмыком — доктором исторических наук [Очиров, Тепкеев 2017: 112–117].

Сектору истории КНИИЯЛИ пришлось решать большой спектр задач, в том числе и по написанию фундаментального обобщающего труда «Очерки истории Калмыцкой АССР». После подготовки к изданию в 1964 г. сборника документов об участии калмыков в войне 1812–1814 гг. М. Л. Кичиков с Б. С. Санджиевым (окончившим Саратовский пединститут в 1932 г.) и Ю. О. Оглаевым (окончившим Астрахан-

ский пединститут в 1960 г.) приступил к работе по составлению сборника документов и материалов по истории участия Калмыкии в Великой Отечественной войне. До них эту проблематику никто не рассматривал, и они стали зачинателями этого направления в исторической науке республики.

Одной из наиболее сложных проблем, с которой пришлось столкнуться исследователям, оказалась нехватка архивных документов. После расформирования 110-й кавдивизии в феврале 1943 г. весь ее архив вместе со знаменами вывезли в Москву и сдали по описи в штаб кавалерии Красной армии. Однако, когда в 1960-х гг. исследователи начали поиск этих документов в Центральном архиве Министерства обороны (далее — ЦАМО), то обнаружили, что в фонде 110-й кавдивизии имеется примерно 10 % документов, сданных по описи. При этом в оставшихся делах полностью отсутствовали оперативные документы и карты, по которым можно было бы определить боевой путь соединения и степень его участия в тех или иных боях. Летопись 110-й кавдивизии не велась изначально, и исторический формуляр на нее не составлялся.

Кроме того, на составителей сборника документов давила предъюбилейная спешка. В результате этого в сборник вошло всего 28 документов по истории 110-й кавдивизии, выделенные в специальный блок [Калмыкия... 1966: 156–195]. Из них 17 документов (почти две трети) являлись наградными листами, которые хорошо показывали храбрость и доблесть воинов национального соединения, но мало что говорили о его боевом пути и реальном участии в сражениях. Среди других документов встречались весьма информативные, например, письма и доклады командования 110-й кавдивизии, датированные 6 сентября, не ранее 10 октября, 26 декабря 1942 г., но этого было явно недостаточно. Поэтому составители сборника решили восполнить пробел за счет наиболее информативных воспоминаний ветеранов. В ходе поисковой работы они неоднократно давали интервью в газетах и на радио, рассказывали о своей деятельности, просили участников войны предоставить свои документы и воспоминания. К сожалению, ветеранов национального соединения тогда откликнулось немного.

Многие ветераны погибли еще в годы войны, в том числе наиболее информированные из них: два командира 110-й кавдивизии В. П. Панин и В. А. Хомутников (два других командира А. И. Лисицын и В. К. Терентьев командовали соединением 9 и 11 дней соответственно и не успели полностью вникнуть в его дела) и два комиссара С. Ф. Заярный и В. А. Максютлов (из трех). Значительная часть офицеров из числа тех, кто уцелел в боях, проживала в разных городах по всей стране и не поддерживала связь между собой. Некоторые ветераны к тому времени уже умерли.

Среди тех, кто откликнулся, был бывший заместитель начальника, затем начальник политотдела 110-й кавдивизии Н. Л. Иванов. В 1958–1959 гг. он являлся председателем Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР, затем его сняли с должности. Только в 1969 г. выяснилось, что Намса Иванов был аферистом и подделал ряд своих документов, в том числе диплом о высшем образовании, о высшей вневоинской подготовке (и соответственно — звания офицера запаса), справки о ранениях, наградные листы на два ордена Красного Знамени. Судьи, шокированные таким цинизмом, приговорили ветерана-инвалида по «легким» в общем-то статьям (лжесвидетельство, использование поддельных документов, злоупотребление властью, угроза должностному лицу) к 8 годам колонии строгого режима. Лишь спустя год ему удалось добиться от Л. И. Брежнева смягчения наказания [Очиров 2018: 122–127].

В середине 1960-х гг. об этом еще известно не было, поэтому составители сборника документов отнеслись с доверием к словам бывшего номенклатурного работника и проректора пединститута. И именно его воспоминания были выбраны для того, чтобы восполнить недостаток архивных источников по истории 110-й кавдивизии [Калмыкия... 1966: 196–206]. В своих воспоминаниях Н. Л. Иванов «выпячивал» себя, в том числе путем подтасовок и «приписания» роли соратников. Например, он писал, что был начальником политотдела национального соединения с весны 1942 г. (на самом деле им был А. И. Заднепрук, тяжело раненный 26 июля в боях на Дону, только после этого его сменил Н. Л. Иванов). О первом комиссаре 110-й кавдивизии

С. Ф. Заярном аферист написал, что тот пропал без вести «в районе Ставрополя у села Донское» [Материалы... 1970: 304], хотя на самом деле комиссар пал смертью храбрых еще в боях на Дону.

В воспоминаниях Н. Л. Иванова не нашлось места ни преемникам Заярного (непосредственным начальникам Намсы Лиджиновича) — комиссарам В. А. Максютову и В. Т. Швецу, ни командирам и комиссарам полков, ни многим офицерам из управления 110-й кавдивизии, в том числе тем, кто сыграл ключевую роль при формировании национального соединения.

Ситуацию усугубила еще одна ошибка, допущенная, по словам М. Л. Кичикова, из-за неточности в учетных документах Главного управления кадров Министерства обороны СССР, в которых утверждалось, что В. А. Хомутников командовал 110-й кавдивизией с мая 1942 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 246. Л. 9–10]. По-видимому, из-за этого ошибку повторил и министр обороны А. А. Гречко в воспоминаниях о Битве за Кавказ: в Приложении № 2 командиром 110-й кавдивизии (с 20 мая 1942 г.) значился только В. А. Хомутников [Гречко 1967: 483].

В результате составители сборника, опубликованного в 1966 г., в абзацах введения, посвященных 110-й кавдивизии, не упомянули фамилии первых командира и комиссара, которые формировали соединение и обучали его в течение нескольких месяцев, а затем повели в бой против «Великой Германии». Документы за подписями В. П. Панина и С. Ф. Заярного в сборнике отсутствовали, за исключением «Письма-клятвы» воинов 110-й кавдивизии, подписанного почти четырьмя десятками человек. Не были упомянуты имена командиров и комиссаров соединения и частей, о которых составители сборника не знали.

В комментариях к одному из документов утверждалось, что Н. Л. Иванов являлся начальником политотдела 110-й кавдивизии с весны 1942 г. [Калмыкия... 1966: 442]. Мало того, газета «Советская Калмыкия» в номере от 7 мая 1965 г. написала, что «в летний период 1942 года комиссаром 110 ОККД являлся батальонный комиссар Иванов» (цит. по: [Материалы... 1970: 305]).

Конечно, эта ложь вызвала возмущение у многих ветеранов 110-й кавдивизии, особенно служивших в ней в период формирования. И в этот момент особую роль сыграл бывший командир пулеметного эскадрона 292-го кавполка Н. В. Бадьминов. Вообще его вклад в историю 110-й кавдивизии весьма значителен.

Николай Васильевич Бадьминов (1914–??) родился в станице Эркетинская Области Войска Донского. В 1932–1936 гг. служил в Красной армии, окончил военно-ветеринарное училище. В 1941 г. его повторно призывали в армию. Он работал преподавателем конного дела во 2-м Орджоникидзевском училище, а с декабря 1941 г. Н. В. Бадьминов в числе первых офицеров прибыл в 110-ю кавдивизию. Он был назначен командиром пулеметного взвода 292-го кавполка, затем стал заместителем командира и командиром пулеметного эскадрона того же полка, вместе с которым принял участие в первых и самых тяжелых боях национального соединения на Дону.

26 июля 1942 г. Н. В. Бадьминов в составе 292-го кавполка оборонял Карповку, а когда пришел приказ об отходе, вместе со своими пулеметчиками прикрыл отход полка. В том бою его эскадрон был уничтожен полностью, а тяжело раненный Н. В. Бадьминов попал в плен. Несмотря на незажившие раны, он бежал и вышел к своим. После проверки в фильтрационном лагере служил командиром взвода во 2-м запасном кавполку, добился направления на фронт, в 5-й гв. Донской казачий кавкорпус. Там Н. В. Бадьминов был назначен командиром сабельного взвода 43-го гв. кавполка, с которым дошел до Румынии, был ранен и вновь отправлен в военное училище для преподавания конной езды.

После войны Н. В. Бадьминов неоднократно выезжал на места боев на Дону, позже и вовсе поселился в хуторе Карповка, в котором потерял свой эскадрон. Он беседовал с местными жителями — очевидцами и их потомками, разыскивал захоронения соратников из 110-й кавдивизии, в том числе полкового комиссара С. Ф. Заярного. Он постоянно искал своих сослуживцев, устанавливал с ними связь, вел активную переписку.

В 1966 г. Николай Васильевич разыскал детей Заярного и рассказал об обстоя-

тельстввах и месте гибели и захоронения их отца. Для них С. Ф. Заярный почти четверть века считался пропавшим без вести, что в те годы было весьма многозначно и могло подразумевать возможность попадания военнослужащего в плен. Дети Сергея Федоровича искали место его гибели в Крыму, поскольку в архивной справке говорилось о том, что он пропал без вести, сражаясь в составе 51-й армии, в **июне** (выделено мною. — У. О.) 1942 г. На рассказы вдовы о том, что она жила в Калмыкии, приезжала к мужу на Дон, что ей привозил посылку от мужа полковник-калмык В. А. Хомутников, тогда дети внимания не обратили. Поэтому рассказ Н. В. Бадьминова о героической гибели С. Ф. Заярного с указанием правильной даты и точного места гибели снял, как говорится, «камень с души» потомков Сергея Федоровича.

Сын комиссара — офицер Советской армии Альберт Заярный подружился с Н. В. Бадьминовым и М. Л. Кичиковым, активно включился в поиск ветеранов 110-й кавдивизии. Некоторые из них сами стали выходить на связь с сыном комиссара соединения. В 1967 г. А. С. Заярный с помощью бывшего офицера штаба дивизии Г. И. Бурмистрова, в то время работавшего в Ростовском облвоенкомате, организовал эксгумацию и перезахоронение тела отца.

Н. В. Бадьминов часто выступал в роли своеобразного «гида» для профессиональных историков. Неслучайно М. Л. Кичиков, описывая свою первую поездку на места боев на Дону вместе с Н. В. Бадьминовым и инструктором обкома ВЛКСМ И. С. Манджиковым, подчеркнул: «Н. В. Бадьминов помог нам увидеть и услышать на Дону многое. Мы увидели нечто грандиозное» [Материалы... 1970: 301]. А в одном из писем М. Л. Кичиков, выражая досаду на нехватку информации по 273-му и 311-му кавполкам, писал: «Жаль, что в этих полках не нашлось своих Бадьминовых» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 62]¹.

После выхода сборника документов с воспоминаниями Н. Л. Иванова Н. В. Бадьминов купил несколько экземпляров книги, а также добавил вырезки из газеты «Хальмгүнн», в которой Намса Лиджинович был

назван комиссаром калмыцкого соединения, и разослал ветеранам. Некоторые из адресатов откликнулись и направили письма в КНИИЯЛИ, на имя составителей сборника. В их числе были бывшие офицеры из управления и штаба 110-й кавдивизии (начальник штаба И. А. Теврюков из Иванова, начальник оперативного отдела Г. И. Бурмистров из Ростова, начальник политотдела А. И. Заднепрук из Киева, прокурор Д. С. Лебедин из Луганска), бывшие командир и комиссар 292-го кавполка С. И. Ориночко и П. А. Кругляков из Краснодарского края и др. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59, 61, 88, 210].

В своих письмах они, помимо всего прочего, разоблачили ложь Н. Л. Иванова и защитили честное имя В. П. Панина и С. Ф. Заярного. Кроме того, ими был поставлен вопрос о необходимости более углубленного изучения истории 110-й кавдивизии, в том числе за счет активного привлечения воспоминаний участников тех событий.

Стоит также упомянуть о том, что в этот период начали публиковаться воспоминания участников войны из Калмыкии. В их числе были мемуары бывшего командира 311-го кавполка М. С. Шарапова [Шарапов 1966]. К сожалению, Марсел Санжинович убыл из 110-й кавдивизии еще до начала боев, а период формирования в его воспоминаниях был рассмотрен им фрагментарно.

Период активизации научной работы

Для историографии истории 110-й кавдивизии переломным стал 1967 г. КНИИЯЛИ, получив большую базу адресов ветеранов, стал организовывать различные мероприятия, встречи и другие общественно-политические акции с их участием.

15–25 июля 1967 г. сотрудники института и три ветерана (бывший заместитель командира дивизии М. Т. Бимбаев, Н. В. Бадьминов, бывший шофер штаба С. М. Сармуткин) приняли участие в комсомольско-молодежном мотопоходе на Дон, организованном Калмыцким обкомом ВЛКСМ. Командиром мотопохода был секретарь обкома ВЛКСМ К. П. Катушов (сын офицера 110-й кавдивизии), комиссаром — М. Л. Кичиков.

Участники мотопохода за 11 дней объехали пол-Калмыкии, побывали на местах

¹ В этом деле раздельная пагинация, поэтому номера листов не указываются.

боев 110-й кавдивизии на Дону, выслушали рассказы местных жителей о тяжелейшем сражении и героизме воинов калмыцкого соединения, произвели раскопки. После поездки М. Л. Кичиков писал: *«Сейчас можно с уверенностью сказать, что здесь совершили подвиг не отдельные солдаты и офицеры, а целое соединение»* [В боях за Дон 1969: 8]. В другой работе он подчеркнул: *«Предварительная поездка... оставила неизгладимое впечатление: здесь все говорило о героизме, трагизме и величии происходившего в июле 1942 года. Величие состояло в упорстве, высоком сознании долга и силе духа людей, которые выполняли заведомо непосильную задачу — прикрывать отход наших войск, стоять насмерть, чтобы задержать на Дону хоть на несколько часов и дней лавину танковых, мотомеханизированных сил врага»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 246. Л. 6].

Осенью 1967 г. КНИИЯЛИ организовал собрание ветеранов 110-й кавдивизии, в том числе и иногородних. Перед этим институт организовал поездку на Дон, по местам первых боев калмыцкого соединения (с 24 по 30 сентября), в которой приняли участие: бывшие офицеры управления 110-й кавдивизии (М. Т. Бимбаев, А. И. Заднепрук, Д. С. Лебедин, И. А. Теврюков, Г. И. Бурмистров), ветераны 292-го кавполка (С. И. Ориночко, П. А. Кругляков, Н. В. Бадьминов, бывшие особист П. А. Шувадуров, политрук эскадрона О. С. Чурюмов, пом. командира взвода И. Т. Базюк), ветераны 311-го кавполка (бывшие командир полка М. С. Шарапов, комсорг М. И. Гучинов, командир взвода И. А. Скоробогатов, старшина В. Т. Точка), а также сын комиссара дивизии А. С. Заярный. В станице Багаевской к ним присоединился бывший командир взвода 292-го кавполка И. И. Лобоченко.

Ветераны почтили память сослуживцев, записали воспоминания местных жителей. Эта поездка имела большое значение для историков и ветеранов. П. А. Кругляков об этой поездке вспоминал так: *«Со времени боев на Дону прошло немало лет и вполне естественно, что многое забылось. Посещение мест боев почти наполовину восстановило забытое. В этом колоссальное значение поездки»* [Расширенное заседание... 1970: 316]. С другой стороны, поездка на-

кануне 50-летия революции носила официальный характер, и работа делегации была ограничена во времени. П. А. Шувадуров в выступлении по итогам мероприятия подчеркнул: *«Во время поездки мы прямо-таки бегом осматривали позиции 292-го полка. Я считаю, что нужна систематическая работа, а не эпизодическая»* [Расширенное заседание... 1970: 317].

После этого в КНИИЯЛИ состоялось совещание, в котором приняли участие ветераны 110-й кавдивизии. Участники совещания подвергли жесткой критике Н. Л. Иванова за его ложь и подчеркнули необходимость изучения истории калмыцкого национального соединения. 2 октября 1967 г. Ученый совет КНИИЯЛИ постановил включить в план работы сектора истории тему научно-исследовательской работы по истории 110-й кавдивизии. Сектору поручили подготовить и издать в 1970 г. сборник воспоминаний ветеранов соединения. Был учрежден совет по созданию этой истории, в которую вошли 18 человек, в том числе 15 ветеранов [Расширенное заседание... 1970: 320]. Так на базе КНИИЯЛИ стала складываться группа исследователей по истории 110-й кавдивизии под руководством М. Л. Кичикова, в которую входили профессиональные историки, воины национального соединения и их потомки.

Директор КНИИЯЛИ И. К. Илишкин (брат политработника 110-й кавдивизии) и М. Л. Кичиков, раздосадованные оплошностью, вызванной ложью Н. Л. Иванова, решили дезавуировать ее и обратились к А. И. Заднепруку и Д. С. Лебедину (которые жестче всех подвергли критике Н. Л. Иванова) с предложением написать брошюру, посвященную истории формирования 110-й кавдивизии и ее первым боям. Ветераны согласились и в большой спешке, чтобы успеть попасть в план изданий 1968 г., сделали эту работу.

Однако в том году Калмыцкий обком ВЛКСМ выпустил звуковой альбом «Путь славы 110 ОККД», включавший в себя вводный текст о кавдивизии, выдержки из документов, фотоиллюстрации и звуковые страницы, изготовленные студией грамзаписи «Мелодия», на которых были записаны: репортаж с места героической гибели С. Ф. Заярного, воспоминания ветеранов и местных жителей — очевидцев тех траги-

ческих дней [Путь славы 1968]. Калмыцкий обком КПСС счел излишним издание двух книг на одну тему в один год. Брошюры А. И. Заднепрука и Д. С. Лебедкина, к изрядной досаде авторов, изъяли из плана изданий и включили в сборник воспоминаний ветеранов 110-й кавдивизии.

Воспоминаний ветеранов оказалось так много, что сборник разделили на две части: первая была посвящена формированию и боям 110-й кавдивизии на Дону [В боях за Дон 1969], вторая — в Битве за Кавказ [В боях за Северный Кавказ 1973].

В первой книге воспоминаний стержневым материалом стала брошюра А. И. Заднепрука и Д. С. Лебедкина. За прошедший год авторы доработали свои мемуары, внесли важные, на их взгляд, дополнения, исправили ряд ошибок, некоторые из которых были весьма существенными. При этом редакторы разделили этот текст по периодам и включили по частям в разные разделы книги, частично в следующую книгу.

Обстоятельное (и во многом уникальное) описание боевых действий 292-го кавполка дали его бывшие командир и комиссар. Первоначально предполагалось, что воспоминания С. И. Ориночко и П. А. Круглякова будут объединены, так как это позволяло выиграть некий объем за счет исключения повторов. Однако после сдачи последних вариантов мемуаров И. К. Илишкин предложил не объединять их, так как это позволяло оценить события тех лет с разных точек зрения. Воспоминания других ветеранов оказались не столь информативны, но они содержали немало ценных сведений о тех или иных эпизодах формирования и начале боевого пути калмыцкого соединения.

М. Л. Кичиков грамотно подошел к задаче составления сборника и постарался включить туда мемуары ветеранов, представляющих все три полка и конно-артиллерийский дивизион, небоевые сферы жизни дивизии (политическая пропаганда и работа тыла). Если какой-то полк оставался неохваченным, то он специально находил ветерана из этой части и уговаривал написать воспоминания (как, например, М. Г. Джунгурова). В результате получилась книга, дающая неплохое представление о процессе формирования и первых боях соединения. Вот как ее оценил сам Мерген Лиджинович: «Воспоминания, представленные в сборнике, хотя

и не одинаковы по объему, по значимости, по форме и стилю, однако в совокупности воссоздают картину боевых действий, развернувшихся в исключительно тяжелых условиях борьбы с во много раз превосходящим в силах противником» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 246. Л. 12].

Работа над этой книгой шла с определенными трудностями. Наряду с объективными проблемами (часть авторов жила в других городах, и М. Л. Кичикову во избежание противоречий приходилось постоянно пересылать рукописи для перекрестной проверки и согласования исправлений) были трудности и субъективного характера. Рукопись «резали» цензоры, а объем книги лимитировало Калмыцкое книжное издательство, выделившее из своего плана всего 5 печатных листов. К счастью, руководство КНИИЯЛИ, используя связи со ставропольскими коллегами, сумело издать рукопись в полном объеме в Ставропольской типографии [В боях за Дон 1969].

Перед началом работы над второй книгой воспоминаний в мае 1969 г. ученые и ветераны национального соединения проехали по местам боев в сентябре 1942 г. — январе 1943 г. Из числа ветеранов в поездке участвовали: бывшие офицеры управления дивизии (М. Т. Бимбаев, И. А. Теврюков, начальник оперативного отделения штаба С. Л. Беседин, политработники Б. О. Манцынов и Л. О. Инджиев), ветераны 273-го кавполка (комиссар полка В. А. Даниленко), разведывательного дивизиона (командир Б. Ц. Арбаков и начальник штаба Е. Б. Малыш-Федорцов), тыла дивизии (С. Ц. Куринов, Ц. Е. Буринов, М. С. Быков).

В июле трое ветеранов (Б. О. Манцынов, бывший сотрудник дивизионной газеты С. М. Чурюмов и офицер штаба 292-го кавполка Д. М. Утнасунов) приняли участие в комсомольско-молодежном мотопоходе, прошедшем по тем же местам, что и в майскую поездку. В ходе этих мероприятий, носивших воспитательно-патриотический характер, также осуществлялась и научная работа. Ветераны записали воспоминания местных жителей, почтили память соратников. Работа на местности позволила ветеранам вспомнить многие подзабытые события и факты, уточнить какие-то детали.

Вторая книга вышла лишь в 1973 г. [В боях за Северный Кавказ 1973], хотя ру-

копись в целом была готова двумя годами ранее. Как и в первой книге, М. Л. Кичиков постарался охватить в мемуарах все три полка, штабную и политическую работу, но конно-артиллерийский и разведывательный дивизионы представлены не были. Кроме того, из первой книги туда «перебросили» фрагменты воспоминаний Д. С. Лебедкина и С. И. Ориночко, посвященные описываемому периоду. Здесь стержневыми материалами выступили мемуары бывших заместителя командира дивизии М. Т. Бимбаева и начальника штаба И. А. Теврюкова. Они, используя архивные документы, в целом неплохо осветили боевой путь 110-й кавдивизии в ходе Битвы за Кавказ, хотя и не обошлось без лакун и сдвижек по датам. Как и в первой книге, весьма обстоятельным (хоть и порезанным цензорами) оказалось описание С. И. Ориночко о своем полку, сражавшемся отдельно от дивизии.

Материал на уровне полков оказался значительно слабее. Бывший комсорг 311-го кавполка М. И. Гучинов предоставил свои дневниковые записи за декабрь 1942 г. – январь 1943 г. Бывшие комиссар 273-го кавполка В. А. Даниленко и командир эскадрона 292-го кавполка Б. М. Морчуков написали весьма фрагментарные воспоминания, в которых привели лишь несколько дат и боевых эпизодов. Составить по ним какое-то цельное представление о боевом пути этих полков в Битве за Кавказ весьма сложно. Удивляет, что для написания воспоминаний не были привлечены такие ветераны, как А. Х. Бамбышев (политработник штаба дивизии), Б. Ц. Арбаков (командир разведывательного дивизиона), М. Х. Барванцыков (командир взвода 292-го кавполка), П. Б. Зурумхинов (офицер штаба 311-го кавполка), Ш. М. Налаев (рядовой) и др., которые, судя по письмам, могли рассказать немало интересного по истории 110-й кавдивизии.

Несмотря на то, что вторая книга описывала почти полгода боев (с августа 1942 г. по январь 1943 г.), по объему она оказалась на треть меньше, чем первая, которая описывала период формирования и 12 дней боев на Дону. По содержанию, которое было весьма неоднородным, вторая книга воспоминаний оказалась заметно слабее первой, особенно на уровне полков. Конечно, вторую книгу так же, как и первую, «резали» цензоры, ли-

митировало издательство, но были тому и иные причины: офицеры частей 2-го (273-й и 311-й кавполк) и 3-го (292-й кавполк) формирований, созданных на базе управлений кавалерийских полков Закавказского фронта, не имели крепкой спайки и не являлись патриотами калмыцкого соединения. Офицеры же полков 1-го формирования за полгода укомплектования и обучения сдружились и стали настоящим боевым братством. Неслучайно, что именно офицеры периода формирования независимо от национальности больше всех переживали за честное имя 110-й кавдивизии и, не считаясь ни со временем, ни с состоянием своего здоровья, приложили наибольшие усилия для его реабилитации.

Однако следует заметить, что воспоминания как вид источников очень субъективны и имеют свои недостатки. За прошедшие десятилетия ветераны могли что-то подзабыть, какие-то события в памяти могли наложиться друг на друга, забывались важные детали, смещались даты, путались имена и фамилии. В каких-то случаях ветераны, стремясь «выручить» своего товарища, пытались придумать ему подвиг или не существовавший в реальности эпизод. Например, в завершающей фазе боев на Дону исчезла большая часть 311-го кавполка (управление полка, 1-й и 2-й эскадроны, артиллерийская батарея) во главе с командиром М. П. Василенко и комиссаром С. Н. Гаряевым, что вызвало определенные вопросы. Тогда некоторые ветераны стали писать в мемуарах, что якобы видели М. П. Василенко и С. Н. Гаряева (вместе или раздельно) после переправы через Маныч. Это никак не спасало положение, поскольку оставалось неясным, куда потом делись штаб полка, эскадроны и батарея. Однако такими «придумками» ветераны изрядно запутали исследователей истории 110-й кавдивизии.

Работу по подготовке воспоминаний очень сильно осложнила цензура, вырезавшая из мемуаров значительные фрагменты, «порочащие» советский строй. Например, из воспоминаний С. И. Ориночко удалили драматический эпизод, когда при отходе 292-го кавполка в район Майкопа он, пытаясь найти свое соединение, вместе с комиссаром прибыл в штаб Северо-Кавказского фронта. Там их обвинили в трусости и бегстве с поля боя и передали особи-

стам. Приказ о маршруте отступления был дан С. И. Ориночко устно, и «дело запахло трибуналом». С. И. Ориночко и П. А. Круглякова вручил особист 110-й кавдивизии Н. Е. Орден, подтвердивший коллегам получение устного приказа от командира соединения [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]¹. Был вырезан и эпизод из воспоминаний Д. С. Лебединина о том, что во время движения к фронту в дивизии осудили 3–4 трусов, отрезавших себе два пальца на правой руке [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 62]. Исключили полностью воспоминания М. Х. Самбаева, в которых говорилось о том, что во время отступления через Краснодарский край десятки кубанских казаков бежали из частей в родные станицы с лошадьми и оружием [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 45. Л. 24]. К счастью, большая часть первых вариантов мемуаров с правкой редакторов сохранилась в архиве КалмНЦ РАН и может быть восстановлена.

Помимо работы по сбору воспоминаний, активно шла поисковая работа в архивах, прежде всего в ЦАМО. Поскольку большая часть документов калмыцкого соединения исчезла, пришлось вести поиск сведений в фондах вышестоящих объединений и соседних соединений. Первоначально поиск осуществлялся М. Л. Кичиковым, затем подключились другие члены его группы. Найденные документы позволили ввести в оборот неизвестные ранее сведения или уточнить воспоминания ветеранов. Например, А. И. Заднепрук и С. И. Ориночко в письмах М. Л. Кичикову утверждали, что 110-я кавдивизия никогда не входила в 51-ю армию, а в 37-ю армию попала из состава 9-го кавкорпуса Южного фронта [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 88. Л. 3–4]. Только в марте 1968 г. М. Л. Кичикову в ЦАМО удалось найти документы о том, что 12 июня 110-я кавдивизия была передана в состав 51-й армии из кавкорпуса Б. А. Погребова, который вплоть до своего разгрома не был утвержден Ставкой ВГК и номера не имел. Что касается 9-го кавкорпуса, то он был расформирован еще в апреле 1942 г. на Западном фронте.

Другой аналогичный спор привел, к сожалению, к неправильным выводам.

¹ В этом деле раздельная пагинация, поэтому номера листов не указываются.

А. И. Заднепрук и Д. С. Лебединин настаивали на том, что в боях на Дону 311-й кавполк занимал позиции на правом фланге соединения [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 62]. Ветеранов 311-го кавполка уцелело немного, причем офицеры взводного уровня давали противоречивую информацию о местоположении части. М. Л. Кичиков нашел приказ о занятии 311-м кавполком позиций во 2-м эшелоне, и ветераны вынужденно согласились с ним.

Полученные результаты исследований нашли отражение как в научных статьях и главах коллективных монографий, автором которых был М. Л. Кичиков [Кичиков 1967; Кичиков 1968а; Кичиков 1968б; Кичиков 1970а; Кичиков 1970б; Кичиков 1974; и др.], так и в публикациях в газетах и журналах [Бадьминов 1972; 1975; Бимбаев 1973; Зодбаев 1975; Илишкин 1970; Илишкин 1977; Ипполитова 1974; Кичиков 1971; Кичиков 1975; Оглаев 1970; Тачиев 1968; и др.].

В те же годы выходили работы и за пределами Калмыкии, в которых упоминалась 110-я кавдивизия: воспоминания А. А. Гречко [Гречко 1967: 54, 105, 174, 188, 423; и др.], С. М. Штеменко [Штеменко 1968], обобщающая книга по истории Закавказского округа [Краснознаменный Закавказский 1969: 204] и др. Однако там были лишь фрагментарные упоминания о калмыцкой дивизии.

Основной центр исследований по ее истории оставался в Калмыкии. Исследователи группы М. Л. Кичикова все эти годы продолжали работать над своей главной задачей: написанием полноценной книги по истории национального соединения. Самой серьезной проблемой для них оставалась нехватка архивных документов. Исследователи (М. Л. Кичиков, А. И. Заднепрук, М. И. Гучинов и др.) неоднократно выезжали в Архив Министерства обороны (с 1992 г. — ЦАМО), чтобы разыскать недостающие 90 % дел из сданного по описи архива 110-й кавдивизии, но успеха не достигли.

Некоторые ветераны умерли или не смогли заниматься активной работой по состоянию здоровья и иным причинам. В группу включились новые коллеги. Для написания рукописи было выбрано пять человек: три ветерана (М. Т. Бимбаев, А. И. Заднепрук, М. И. Гучинов) и два по-

томка воинов 110-й кавдивизии (А. С. Заярный и Н. У. Илишкин).

Один из наиболее активных ветеранов А. И. Заднепрук и сын комиссара А. С. Заярный написали главы, посвященные истории формирования соединения и его боев на Дону. М. И. Гучинов, являвшийся в тот период руководителем архивной службы Калмыцкой АССР, стал автором главы, посвященной участию 110-й кавдивизии в Битве за Кавказ. Н. У. Илишкин, уже в те годы бывший известным в Калмыкии журналистом и собравший большое количество воспоминаний и материалов о земляках-участниках Великой Отечественной войны, выступил автором глав, посвященных деятельности бывших воинов национального соединения после его расформирования. М. Т. Бимбаев (ветеран Гражданской войны и спецопераций ГРУ в Монголии и Тибете, самый авторитетный на тот период ветеран Великой Отечественной войны в Калмыкии) в те годы активно участвовал во многих патриотическо-воспитательных мероприятиях в республике и за ее пределами. Он стал соавтором 5-й главы, посвященной этой тематике. Сам М. Л. Кичиков почему-то в число авторов не попал. Научным редактором книги был К. П. Катушов, являвшийся уже секретарем Калмыцкого обкома КПСС по идеологии.

В ходе работы эта группа неоднократно собиралась, обсуждала написанные главы и параграфы, решала различные вопросы, которые возникали в ходе работы. В ряде случаев авторы сталкивались с нестыковками и были вынуждены решать эти противоречия: либо в пользу одного из свидетельств, либо вовсе опуская нерешенную проблему. Например, такой проблемой оказался вопрос: куда в боях на Дону делась большая часть 311-го кавполка? Когда немцы создали плацдарм напротив Мелиховской, в стыке позиций 273-го и 292-го кавполков, для его блокирования из резерва выдвинули 3-й и 4-й эскадроны 311-го кавполка под руководством зам. командира полка А. К. Темирова. Однако управление полка, 1-й и 2-й эскадроны и артиллерийская батарея из описания боев исчезли. Пытаясь хоть как-то «пристроить» подразделения 311-го кавполка, соавторы ошибочно предположили, что батарея действо-

вала вместе с конно-артиллерийским дивизионом, а 2-й эскадрон — вместе с 273-м кавполком. Вопрос об управлении полка во главе с командиром и комиссаром и 1-м эскадроне так и остался открытым. Вообще описание боев 311-го кавполка на Дону дано фрагментарно.

Очень важную роль в этой группе сыграл полковник А. С. Заярный. Он вел активную переписку с ветеранами национального соединения, осуществил редакторскую правку не только своих глав, но и всей рукописи с точки зрения соответствия военным реалиям как человек с классическим военным образованием. Кроме того, в его подчинении были подразделения, которые в тот момент оснащали ЦАМО оборудованием для микрофильмирования. Пользуясь имеющимися связями, А. С. Заярный подбирал для А. И. Заднепрука и М. И. Гучинова фонды, описи и дела, которые следовало обрабатывать. Именно Альберт Сергеевич стал автором карт по истории 110-й кавдивизии. Их важность и уникальность подчеркивает тот факт, что на протяжении последующих трех десятилетий иных карт по истории соединения не было.

Результатом многолетнего кропотливого труда авторского коллектива стала книга, получившая в окончательном варианте название «В годы суровых испытаний» [В годы... 1976]. Эта книга, написанная простым и понятным языком, быстро стала бестселлером, дважды переиздавалась [В годы... 1981; 2003], что для калмыцкой историографии было весьма редким явлением. В ней освещается история формирования и всего боевого пути 110-й Калмыцкой кавдивизии. Конечно, из-за отсутствия большей части архивных документов авторам не удалось решить все проблемы, но они смогли создать достаточно цельную историю национального соединения, опровергнув все мифы о «разбежавшейся дивизии». В историографии истории Калмыкии эта книга на долгие годы стала классикой, от которой отталкивались другие исследователи.

К сожалению, в 1977 г. М. Л. Кичикову по семейным обстоятельствам пришлось переехать в другой регион. После этого деятельность группы исследователей истории 110-й кавдивизии фактически прекратилась.

Источники

- В боях за Дон 1969 — В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.
- В боях за Северный Кавказ 1973 — В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.
- Гречко 1967 — *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
- Калмыкия... 1966 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост.: М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев, Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 552 с.
- Краснознаменный Закавказский 1969 — Краснознаменный Закавказский: Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. М.: Воениздат, 1969. 445 с.
- Материалы... 1970 — Материалы совещания по вопросу создания истории 110 Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии // Ученые записки [КНИИЯЛИ]. Серия историческая. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 300–313.
- НА КалмНИЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
- НА РК — Национальный архив Республики

Sources

- Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive.
- Ministry of Defense of the Russian Federation, Central Archive.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- 110th Separate Kalmyk Cavalry Division: Materials of the establishing meeting. In: Scholarly Notes. Series 'History'. Vol. 9. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 300–313. (In Russ.)
- 273rd Cavalry Regiment: Defense of Razdorskaya–Melekhovskaya section of the Don River. In: The Great Patriotic War of 1941–1945. Collected Tactical Training Situations for Cavalry Units. Moscow: Voenizdat, 1949. Pp. 82–87. (In Russ.)
- Chernev N. I. The Way of Glory. Album. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 22 p., 2 phonograph records. (In Russ.)
- Grechko A. A. The Battle for the Caucasus. Moscow: Voenizdat, 1967. 424 p. (In Russ.)
- Kalmyk Research Institute of Language, Literature

Калмыкия.

- НКВД–МВД... 2008 — НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М.: Объединенная редакция МВД, 2008. 369 с.
- Оборона... 1949 — Оборона 273-м кп р. Дон в районе Раздорская, Мелеховская // Сборник тактических примеров боевых действий кавалерийского полка по опыту Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1949. С. 82–87.
- Путь славы 1968 — Путь славы: альбом / сост. Н. И. Чернев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 22 с., 2 грампластинки.
- Расширенное заседание... 1970 — Расширенное заседание ученого совета Калмыцкого НИИ-ЯЛИ // Ученые записки [КНИИЯЛИ]. Серия историческая. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 314–321.
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ.
- Шарапов 1966 — *Шарапов М. С.* От Москвы до Берлина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 72 с.
- Штеменко 1968 — *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. 416 с.
- and History: Enlarged meeting of the Academic Board. In: Scholarly Notes. Series 'History'. Vol. 9. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 314–321. (In Russ.)
- Kichikov M. L. (comp., ed.) In Battles for the Don: Memoirs by Soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. 180 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. (comp., ed.) In Battles for the North Caucasus: Memoirs by Soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 124 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. et al. (comps.) Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 552 p. (In Russ.)
- Sharapov M. S. From Moscow to Berlin. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 72 p. (In Russ.)
- Shtemenko S. M. General Staff of the Soviet Armed Forces during the Great Patriotic War. Moscow: Voenizdat, 1968. 416 p. (In Russ.)
- Stuchenko A. (ed.) The Red Banner Transcaucasian: Essays on the History of the Transcaucasian

Military District. Moscow: Voenizdat, 1969. 445 p. (In Russ.)
 Vladimirtsev N. I., Kokurin N. I. (comps.) NKVD–MVD of the USSR: Struggling against Banditry

Публицистика

Бадьминов 1972 — *Бадьминов Н.* «Тюльпан показался сгустком крови»: воспоминания воина 110-й ОККД // Комсомолец Калмыкии. 1972. 9 мая (№ 55). С. 2.
 Бадьминов 1975 — *Бадьминов Н.* Пером и штыком // Советская Калмыкия. 1975. 9 января (№ 6). С. 4.
 Бимбаев 1973 — *Бимбаев М.* 110-я идет в наступление: [к 30-летию боев за Кавказ] // Советская Калмыкия. 1973. 6 января (№ 5). С. 4.
 Зодбаев 1975 — *Зодбаев М.* Политрук 110-й ОККД // Степная новь. 1975. 26 июля (№ 76). С. 4.
 Илишкин 1970 — *Илишкин Н.* Парни из комсомольского эскадрона // *Илишкин Н.* По зову Родины. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970.

Mass Media Periodicals

Badminov N. Tulip resembled a clot of blood: memoirs by soldier of 110th Cavalry Division. Komsomolets Kalmykii. 1972 May 9. No. 55. (In Russ.)
 Badminov N. With pen and bayonet. Sovetskaya Kalmykiya. 1975, January 9. No. 6. (In Russ.)
 Bimbaev M. 110th Cavalry Division under attack. Sovetskaya Kalmykiya. 1973, January 6. No. 5. (In Russ.)
 Ilishkin N. Boys from Komsomol squadron. In: Ilishkin N. The Call of Motherland. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. Pp. 42–48. (In Russ.)
 Ilishkin N. Brave commander: colonel V. P. Panin,

And Armed Nationalist Underground in Western Ukraine, Western Belorussia, and the Baltic. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 369 p. (In Russ.)

С. 42–48.

Илишкин 1977 — *Илишкин Н.* Зөргтэ командир: 110-ч Хальмг онц дивизин командир, полковник В. П. Панина тускар // Хальмг үнн. 1977. 1 октября (№ 196). Х. 4.
 Ипполитова 1974 — *Ипполитова Н.* Создается история дивизии: 110-й ОККД // Советская Калмыкия. 1974. 10 июля (№ 133). С. 4.
 Кичиков 1971 — *Кичиков М. Л.* Во имя жизни на земле // Советская Калмыкия. 1971. 8 мая. С. 4.
 Кичиков 1975 — *Кичиков М. Л.* В боях за Родину // Теегин герл. 1975. № 1. С. 3–36.
 Оглаев 1970 — *Оглаев Ю.* Он был храбрым командиром // Комсомолец Калмыкии. 1970. 25 апреля (№ 50). С. 3.

head of 110th Kalmyk Cavalry Division. Khalmg ünn. 1977, October 1. No. 196. (In Kalm.)

Ippolitova N. 110th Kalmyk Cavalry Division: Creation of chronicles underway. Sovetskaya Kalmykiya. 1974, July 10. No. 133. (In Russ.)
 Kichikov M. L. In battles for Motherland. Teegin gerl. 1975. No. 1. Pp. 3–36. (In Russ.)
 Kichikov M. L. In the name of life. Sovetskaya Kalmykiya. 1971, May 8. (In Russ.)
 Oglaev Yu. He was a brave commander. Komsomolets Kalmykii. 1970, April 25. No. 50. (In Russ.)
 Zodbaev M. Politruk of 110th Kalmyk Cavalry Division. Stepnaya nov'. 1975, July 26. No. 76. (In Russ.)

Литература

В годы... 1976 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 239 с.
 В годы... 1981 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 235 с.
 В годы... 2003 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. За-

днепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Заярный, Очиров 2017 — *Заярный С. А., Очиров У. Б.* 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 43–61. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61

Кичиков 1967 — *Кичиков М. Л.* Трудящиеся Калмыцкой АССР в борьбе за Дон и Северный Кавказ (1941–1942 гг.) // К научной сессии по истории и культуре народов Северного Кавказа и Дона, посвященной 50-летию

- Великой Октябрьской социалистической революции (Тезисы докладов и сообщений). Элиста: [б. и.], 1967. С. 19–24.
- Кичиков 1968а — *Кичиков М. Л.* О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки [Калмыцкого НИИЯЛИ]. Вып. 6. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 163–194.
- Кичиков 1968б — *Кичиков М. Л.* Калмыкия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Калмыкия в истории СССР: пособие для изучающих историю родного края / под общ. ред. М. Л. Кичикова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. С. 115–135.
- Кичиков 1970а — *Кичиков М. Л.* Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Кичиков 1970б — *Кичиков М. Л.* Калмыцкая АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. С. 276–316.
- Кичиков 1974 — *Кичиков М. Л.* К историографии боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 10. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 219–226.
- Очиров 2018 — *Очиров У. Б.* Аферист в бою: военная биография Н.Л. Иванова // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 120–130.
- Очиров 2019 — *Очиров У. Б.* Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широклаге: статистическое исследование // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 23–35. DOI: 10.22162/2541-9749-2019-7-1-23-35
- Очиров, Тепкеев 2017 — *Очиров У. Б., Тепкеев В. Т.* Научное наследие М. Л. Кичикова: к 95-летию со дня рождения // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 111–120. DOI: 10.22162/2541-9749-2017-4-2-111-120
- Тачиев 1968 — *Тачин А.* Олнд өврмж, баһчудт бахмж // Кишгтэ улс: очеркс. Элст, 1968. Х. 13–23.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 96 с.
- Убушаев 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.

References

- Kichikov M. L. 110th Kalmyk Cavalry Division and its campaign record: Historiography revisited. In: Scholarly Notes. Series 'History'. Vol. 10. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 219–226. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fascism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. In: Essays on the History of Soviet Kalmykia. Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 276–316. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Kalmykia during the Great Patriotic War, 1941–1945. In: Kichikov M. L. (ed.) Kalmykia in Soviet History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. Pp. 115–135. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Some issues of Kalmykia's history during the Great Patriotic War revisited. In: Scholarly Notes. Series 'History'. Vol. 6. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1968. Pp. 163–194. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Workpeople of Kalmyk ASSR in battles for the Don and North Caucasus, 1941–1942. In: History and Culture of North Caucasus and Don Peoples. Jubilee congress abstracts. Elista, 1967. Pp. 19–24. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Swindler in fight: N. L. Ivanov's military biography. History: Facts and Symbols. 2018. No. 4 (17). Pp. 120–130. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division in Shirokovsky forced labor camp: A statistical study. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 23–35. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Tepkeev V. T., Mergen L. Kichikov's scientific heritage: Celebrating the 95th birthday. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. No. 2. Pp. 111–120. (In Russ.)
- Tachin A. Astonishment to all, admiration to youth. In: The Blessed People. Essays. Elista, 1968. Pp. 13–23. (In Kalm.)
- Ubushaev V. B. The Kalmyks: Deportation and Return. Elista: Sanan, 1991. 96 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. The Kalmyks, 1943–1957: Deportation, Return, and Revival. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Zadnepruk A. I. et al. The Harsh Years: Campaign Record of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 239 p. (In Russ.)
- Zadnepruk A. I. et al. The Harsh Years: Campaign Record of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1981. 235 p. (In Russ.)

Zadnepruk A. I. et al. The Harsh Years: Campaign Record of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 335 p. (In Russ.)
Zayarny S. A., Ochirov U. B. The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in the defensive

battles for Don River crossings and its role in the rescue of some Southern Front units in the summer of 1942. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 6. Pp. 41–59. (In Russ.)
DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 956–971, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971

Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва

*Валентина Николаевна Воробьева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Воробьева В. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена статистическому анализу базы данных, извлеченной из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл». В этих томах был опубликован аннотированный список 22,9 тыс. военнослужащих Красной Армии, числящихся в категории безвозвратных потерь (погибшие, умершие от ран и пропавшие без вести) в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и большей частью призванных из Калмыцкой АССР. *Целью* настоящей статьи является статистический анализ по году рождения, месту (району) рождения, дате и месту (военкомату) призыва составленной автором базы данных жителей Калмыцкой АССР, призванных в Красную Армию и оказавшихся в списках безвозвратных потерь в период войны 1941–1945 гг., из сведений, опубликованных в 1 и 2-м томах Книги «Память. Санл». *Материалы и методы.* Основным источником послужил аннотированный список безвозвратных потерь военнослужащих Красной Армии, опубликованный в 1 и 2-м томах Книги «Память. Санл». Нами был использован широкий спектр научных методов, как общенаучных, так и специально-исторических. Необходимость проведения статистического анализа обусловила активное применение статистического метода и метода экстраполяции в исторических науках. *Результаты.* В ходе анализа выяснилось, что оба тома Книги «Память. Санл» содержат значительное количество повторов персоналий, в сведениях о них имеются ошибки, неточности, разночтения. В томах одновременно используются устаревшие и современные наименования географических объектов. Поэтому составленная и исправленная база данных содержит значимый массив статистических данных по разного рода параметрам, обработка которых дает большие возможности для формирования коллективного портрета

та военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, Калмыцкая АССР, Книга памяти, база данных, статистический анализ, безвозвратные потери

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Воробьева В. Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1-го и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 956–971. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971

Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. WWII Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR: A Statistical Analysis by Time, Places of Birth and Conscription

Valentina N. Vorobyova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Vorobyova V. N., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with statistical analysis of the data borrowed from volumes 1 and 2 of the edition titled ‘Memory. Sanl’. The volumes publish annotated lists of 22.9 thousand Red Army servicemen in the category of fatal casualties (KIAs, DOWs and MIAs) from the Great Patriotic War of 1941–1945, and most of the latter had been conscripted in the Kalmyk ASSR. Goals. The article compiles a database of Red Army conscripts from the Kalmyk ASSR further categorized as ‘fatal casualties’ (from the abovementioned edition) and attempts a statistical analysis by year of birth, place (district) of birth, date and place (military commissariat) of conscription. *Materials and methods.* The main research source is the annotated list of Red Army’s casualties published in volumes 1 and 2 of ‘Memory. Sanl’. The author employs a wide range of scientific methods, both general scientific and historical ones. The need for statistical analysis results in the wide use of statistical and extrapolation methods. *Results.* The work shows that both the volumes contain quite a number of repetitions; there are also errors, inaccuracies, discrepancies. There is also simultaneous use of outdated and modern names of geographical objects. Therefore, the present compiled and corrected database contains a significant portion of statistical data categorized in terms of a variety parameters, and further use of the latter will contribute to the research of a collective portrait of Red Army servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, Memory book, database, statistical analysis, irrecoverable losses

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. WWII Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR: A Statistical Analysis by Time, Places of Birth and Conscription. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 956–971. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает особое место в исторической памяти народов России, поскольку в ней наши предки отстаивали независимость родины и спасли будущие поколения от порабощения. Поэтому поиск и выявление участников войны, павших на полях сражений в те годы, является актуальной задачей для современной России.

Обзор литературы

По истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне было опубликовано значительное количество работ. Первые публикации по этой теме принадлежат перу М. Л. Кичикова [Кичиков 1968; Кичиков 1970; и др.]. В дальнейшем эту работу продолжили другие исследователи, опубликовавшие монографии, сборники документов, научные статьи и др. Также начали издаваться книги памяти как республиканские [Память 1995а; Память 1995б; Память 2005; Память 2010], районные и сельские [Бобаев 2005; Башанкаев, Папуев 2008; Бюрчиев 2014; и др.], так и посвященные отдельным категориям военнослужащих [Широклаг 2000; Солдаты Победы 2015; и др.]. Появились первые работы по истории мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. [Очиров 2001; Очиров 2005; Очиров 2013]. Настоящим прорывом в данной теме стала работа К. Н. Максимова, который смог получить доступ к архиву Генштаба и нашел статистические сведения о количестве призванных уроженцев Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, безвозвратных и санитарных потерь с раскладкой по годам [Максимов 2010]. Первые попытки анализа книг памяти были предприняты У. Б. Очировым [Очиров 2016а; Очиров 2016б; и др.]. В 2020 г. он совместно с автором этих строк составил базу данных и осуществил статистический анализ аннотированного списка почти 3 тысяч калмыков-широклаговцев [Очиров, Воробьева 2020]. Это был первый и пока единственный опыт статистического анализа баз данных военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны.

Целью настоящей статьи является статистический анализ по году рождения, месту (району) рождения, дате и месту (военкомату) призыва составленной автором базы данных жителей Калмыцкой АССР, призванных в Красную Армию и оказавшихся в списках безвозвратных потерь в период войны 1941–1945 гг., из сведений, опубликованных в 1 и 2-м томах Книги «Память. Санл».

Материалы и методы

Основным источником послужил аннотированный список безвозвратных потерь военнослужащих Красной Армии, опубликованный в 1 и 2-м томе книги «Память. Санл». Нами был использован широкий спектр научных методов, как общенаучных (анализ, синтез и др.), так и специально-исторических (историко-генетический, историко-сравнительный и др.). Необходимость проведения статистического анализа обусловила активное применение статистического метода и метода экстраполяции.

История подготовки Книги памяти

Составление первых томов Книги «Память. Санл» началось в рамках тогда еще Всесоюзного проекта по инициативе ветеранов и общественных организаций с целью мемориализации участников Великой Отечественной войны, павших на полях сражений. В 1989 г. проект обрел государственный статус и во всех регионах страны стал обязательным для исполнения. После распада СССР в большинстве вновь образовавшихся стран проект был продолжен самостоятельно, в том числе и в России, где 14 января 1993 г. был принят Закон «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» [Очиров 2016а: 31]. Согласно решению Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР, непосредственно в Калмыкии рабочая группа по подготовке республиканской Книги Памяти и ее редколлегия были созданы 24 декабря 1991 г. [Память 1995а: 6].

Источниками для составления первых двух томов «Санл» послужили: материалы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО), Национального

архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), Военно-медицинского архива (ныне — филиал Центрального архива Министерства обороны РФ), документы Калмыцкого республиканского и районных военкоматов, информация из органов соцзащиты, семейные архивы, сведения подворного обхода населенных пунктов [Память 1995а: 8]. Таким образом, первые тома Книги Памяти Республики Калмыкия создавались, как говорится, «всем миром». В ее составлении приняли участие Республиканский Совет ветеранов войны и труда (председатель И. Е. Намсинов), аналогичные Советы каждого района и г. Элисты, республиканский, городской и районные военные комиссариаты (под общим руководством полковника А. Б. Мещанинова), Республиканский Комитет защиты мира, Калмыцкое книжное издательство и др. [Память 1995а: 7]. Активное участие в поисковой работе и осуществлении подворных обходов в городе, районных центрах и селах республики приняли сотни добровольцев: трудовые коллективы предприятий и организаций, школьники и студенты. Трудно переоценить вклад, который внесли в возвращение из небытия имен погибших и пропавших без вести бывшие фронтовики — ветераны войны и труда, в том числе Василий Николаевич Калюжный, Иван Иванович Скляр из г. Элисты, Иван Павлович Вдовицкий из Яшалтинского района и многие другие [Память 1995а: 7].

Таким образом, была осуществлена уникальная работа по поиску и сбору документов, данных о погибших и пропавших без вести воинах Калмыкии, мест их призыва и гибели, систематизирование всего архивного материала.

Общая характеристика 1 и 2-го томов Книг памяти и создание базы данных

Всего в первых двух томах Книги «Память. Санл» числится 22 912 персоналий. Составители попытались дать о каждом из них следующие сведения (правда, не всегда это удавалось): фамилия, имя, отчество, год и место рождения, дата и место (военкомат) призыва, воинское звание и должность, место службы, сведения о месте и дате гибели. В первый том включены списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести защитников Отечества,

поданных из г. Элисты, Городовиковского, Ики-Бурульского и Лаганского районов [Память 1995а], во второй том — аналогичные списки из остальных 10 районов Калмыцкой АССР (Кетченеровского, Малодербетовского, Октябрьского, Приютненского, Сарпинского, Целинного, Черноземельского, Юстинского, Яшалтинского, Яшкульского) [Память 1995б].

Однако в изданных томах имеется значительное количество повторов персоналий, в сведениях о них имеются ошибки, неточности, разночтения; в названиях географических объектов встречаются одновременно современные и устаревшие (довоенные и даже дореволюционные) наименования. Также в томах встречается немало персоналий, призванных из-за пределов Калмыкии, что обусловлено несколькими причинами.

Прежде всего, это недостаточно четкая организация и координация поисковой работы в районах республики. Массовость и даже стихийность работы собирателей информации привели к наличию в списках большого количества дублированных персоналий или персоналий, призванных из других регионов. Можно понять наличие в этих томах призванных, например, из Калмыцкого района Ростовской области (ликвидированного после депортации калмыков в 1943 г. и затем не восстановленного) или из Долбанского и Приволжского районов Астраханской области (которые после восстановления автономии не были возвращены Калмыкии). Однако в списках есть немало воинов, призванных из других регионов. В ряде случаев это военнослужащие 28-й и 51-й армий, погибшие при защите Калмыкии и похороненные на ее территории. Например, М. П. Лашенов (военнослужащий 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии 28-й армии, призванный Перелазовским РВК Сталинградской области) [Память 1995а: 207] или А. И. Мамонтов (военнослужащий 302-й стрелковой дивизии 51-й армии, призванный Учкуланским РВК Карачаевской автономной области) [Память 1995а: 209]. Но включение в «Санл» некоторых персоналий трудно объяснить: например, А. С. Данданова (призванного Кзыл-Юлдусским РВК Татарской АССР и погибшего 8 февраля 1945 г. в Польше) [Память 1995а: 63], И. С. Жеренкова (при-

званного Хасанским РВК Приморского края и погибшего 16 сентября 1943 г. в Черниговской области УССР) [Память 1995а: 74], А. П. Касаева (призванного Усть-Куломским РВК Коми АССР и погибшего 27 декабря 1941 г. в Калининской области) [Память 1995а: 86], Д. К. Маначина (призванного Красиловским РВК Каменец-Подольской области УССР и погибшего 8 декабря 1944 г. в Польше) [Память 1995а: 116].

По тем же причинам в 1 и 2-м томах встречаются одновременно устаревшие и современные географические наименования. Поскольку работа велась районными организациями, то списки составлялись исходя из современного районирования республики. Такие списки частично диссонируют со списками военного времени (в том числе присланными из военных архивов): некоторые районы не существовали в период войны (Ики-Бурульский, Октябрьский, Яшкульский), некоторые районы военного времени сегодня уже не существуют или входят в другой регион (например, Приволжский и Долбанский улусы 28 декабря 1943 г. были переданы в состав Астраханской области и находятся там по сей день), границы некоторых районов не совпадают (Приютненский, Черноземельский, Юстинский). Все это затрудняет машинную обработку информационных баз данных и искажает результаты ее статистического анализа. Поэтому пришлось использовать административно-территориальное деление СССР на строго определенную дату — 22 июня 1941 г.

Обнаружены ошибки и неточности в написании имен собственных в документах военного времени. Об этом сообщали и сами составители Книги «Память. Санл»: *«несмотря на общее наше стремление сократить возможные неточности и ошибки, таковые имеются в данной Книге, так как они имелись в поступивших к нам из Центрального архива Вооруженных сил России первичных документах, составленных в суровых полевых условиях фронта»* [Память 1995а: 9]. В условиях дефицита времени (издание осуществлялось к 50-летию юбилею Победы) и отсутствии оригиналов документов устранить большинство искажений тогда не удалось.

Так, искажались имена, отчества, фамилии воинов-калмыков. Например, в 1-м томе указан Лукшанов Бериг Шурткаевич, 1909 г. р., рядовой 1392-го стрелкового полка (далее — сп), погиб 20.09.1942 г. [Память 1995а: 112], Лукшанов Берик Шуткевич, 1909 г. р., призван Приютненским Калмыцким районным военкоматом (далее — РВК), рядовой 1392-го сп, 442 стрелковой дивизии (далее — сд), погиб 20.09.1942 г. [Память 1995а: 305], во 2-м — Лукшанов Берин Шуткевич, призван Черноземельским РВК, рядовой 1392 сп, 422 сд, погиб 20.09.1942 г. [Память 1995б: 283].

Немало искажений было и в географических наименованиях. Например, младший сержант 41-й стрелковой дивизии Александр Михайлович Белоусов, погибший в апреле 1945 г. на Одере, был указан в списках «Санл» как призванный Кашировским РВК без указания региона [Память 1995а: 41]. После обращения к ОБД «Мемориал» выяснилось, что он был призван Кетченеровским РВК Калмыцкой АССР [ОБД «Мемориал»]. Сержант 98-й стрелковой бригады Иван Николаевич Колесов, погибший 23 января 1943 г. в Элисте, был призван Угли-Фрунзенским РВК без указания региона [Память 1995а: 94]. После длительных поисков удалось уточнить, что он был призван Усть-Пристанским РВК Алтайского края, о чем свидетельствует книга памяти соответствующего региона [Книга 1994: 750].

Таким образом, создание информационной базы данных заключалось не только в сканировании 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл» и приведении ее в форму, пригодную для последующей машинной обработки, но и в работе по уточнению включенных данных:

1) выявлены (по возможности) дублирующиеся персоналии и объединены сведения о них;

2) исправлены все географические наименования и распределение населенных пунктов в районах и регионах СССР по данным на 22 июня 1941 г.;

3) выявлены и выделены в отдельную базу данных персоналии, призванные из-за пределов Калмыцкой АССР в границах 1941 г.

В ходе составления базы данных обнаружено 1 328 повторов (хотя нельзя ис-

ключать, что в обоих томах остались еще не выявленные повторы), в которых могли частично совпадать год и место рождения, место призыва (военкомат) и службы. Некоторые персоналии упоминались по три или четыре раза. В 1 и 2-м томах 1 167 персоналий встречаются дважды: например, Хара Лиджиевич Антушкаев (есть вариант Хара Антушкеевич Антушкеев) [Память 1995а: 298; [Память 1995б: 273](#)], Авле Бамбиевич Закостынев (Закостынов) [Память 1995а: 241; [Память 1995б: 397](#)], Басан Гучинович (Гученович) Хонгоров [Память 1995а: 217, 286], Константин Павлович (Карлович) Шкиль (Шкин) [Память 1995а: 190, 191]. Еще 70 персоналий в книге встречаются трижды, например, Батыр (Батр) Годжурович (Гаджурович) Аватаев (Оватаев) [Память 1995а: 25, 174; [Память 1995б: 208](#)], Иван Александрович Сулимин [Память 1995б: 35, 220, 264], Петр Михайлович Попов [Память 1995а: 212, 267; [Память 1995б: 84](#)], Николай

Константинович Мартыненко [[Память 1995а: 209](#); [Память 1995б: 25, 254](#)]. Семь персоналий встречаются четырежды: Есин (Есим) Бембеевич Гаряев (Горяев, Гораев) [Память 1995а: 201, 333, 334; [Память 1995б: 279](#)], Петр Иванович Седаков [Память 1995а: 274; [Память 1995б: 159, 371, 418](#)], Бемба (Бадма, Бамба) Ностаевич (Настаевич, Шарваевич) Шарваев (Шорваев) [Память 1995а: 187; [Память 1995б: 100, 102, 423](#)]. Из последующего анализа эти 1 328 повторов были исключены.

Кроме того, поскольку основной анализ планировалось провести только с персоналиями военнослужащих, призванных с территории Калмыцкой АССР, из основной базы данных были выделены в отдельную базу данных сведения о воинах, призванных из-за пределов республики. Таковых оказалось 1 159 человек: был проведен отдельный анализ по месту призыва (военкомату). Результаты этого анализа по регионам приведены в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Распределение военнослужащих, призванных из регионов, граничащих с Калмыцкой АССР, по месту призыва (военкомату)

[Table 1. Military servicemen conscripted in regions adjacent to the Kalmyk ASSR, by place of conscription (military commissariat)]

Название региона и районного (городского) военкомата	Количество призывников
Военкоматы Ростовской области	689
в том числе Зимовниковский РВК	527
в том числе Ремонтненский РВК	64
в том числе Дубовский РВК	31
в том числе Мартыновский РВК	10
в том числе Заветинский РВК	10
в том числе Сальский РВК	9
в том числе Пролетарский РВК	8
в том числе остальные РВК	30
Военкоматы Сталинградской области	174
в том числе Астраханский ГВК Астраханского округа	39
в том числе Енотаевский РВК Астраханского округа	29
в том числе Икрянинский РВК Астраханского округа	20
в том числе Наримановский РВК Астраханского округа	8
в том числе Харабалинский РВК Астраханского округа	6
в том числе другие РВК Астраханского округа	9
в том числе Сталинградский ГВК	15
в том числе Ворошиловский РВК	8
в том числе Чернораевский РВК	8
в том числе Красноармейский РВК	7
в том числе Котельниковский РВК	6
в том числе другие РВК Сталинградской области	19
Военкоматы Орджоникидзевского края	98
в том числе Арзгирский РВК	25

в том числе Апанасенковский РВК	15
в том числе Левокумский РВК	6
в том числе Буденновский РВК	5
в том числе Моздокский РВК	5
в том числе другие РВК Орджоникидзевского края	42
Всего	961

Примечание к табл. 1: данные по Калмыцкому району Ростовской области учтены в графе Зимовниковского военкомата, так как в первом военкомате не было; данные по районным военкоматам г. Астрахани учтены в графе Астраханский ГВК, данные по районным военкоматам г. Сталинграда — в графе Сталинградский ГВК.

Из этой таблицы видно, что большинство военнотружущих, призванных из-за пределов Калмыкии, оказалось сконцентрировано в регионах, приграничных со степной республикой. Абсолютное большинство персоналий 1 и 2-го томов «Санл» из Ростовской области призвано Зимовниковским РВК, не граничащим с Калмыкией. Однако через этот военкомат призывались жители Калмыцкого района Ростовской области, не имеющего своего военкомата. Вторым по численности РВК (с заметным отставанием) в этом списке оказался приграничный с Калмыкией Ремонтненский район (который в 1920–1925 гг. входил в состав Калмыкии).

В Астраханском округе Сталинградской области по числу призванных заметно отличаются как город Астрахань, так и приграничные с Калмыкией Енотаевский и Икрянинский районы. Непосредственно в Сталинградской области выделяются город Сталинград и приграничные с Калмыкией районы: Котельниковский, Ворошиловский, Красноармейский, Чернойарский. Среди военкоматов Орджоникидзевского края по числу призванных отмечаются приграничные с Калмыкией Арзгирский, Апанасенковский и Левокумский районы, а также Моздокский район, в котором проживали моздокские (терские) калмыки.

Таблица 2. Распределение военнотружущих, призванных из регионов, не граничащих с Калмыцкой АССР, по месту призыва (военкомату)

[Table 2. Military servicemen conscripted in regions not adjacent to the Kalmyk ASSR, by place of conscription (military commissariat)]

Название региона и районного (городского) военкомата	Количество
Военкоматы Украинской ССР	27
в том числе Ворошиловоградской области	5
Военкоматы Казахской ССР	27
в том числе Западно-Казахстанской области	11
в том числе Гурьевской области	8
Военкоматы Коми АССР	15
Военкоматы Краснодарского края	12
Военкоматы Московской области	11
Военкоматы Ленинградской области	10
Военкоматы Дагестанской АССР	8
Военкоматы Узбекской ССР, Татарской АССР, Воронежской и Горьковской областей	по 5 (всего 20)
Военкоматы Карачаевской АО	4
Военкоматы Киргизской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Приморского края, Иркутской, Куйбышевской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Орловской, Челябинской и Ярославской областей	по 3 (всего 33)
Военкоматы Башкирской АССР, Адыгейской АО, Хабаровского края, Архангельской, Вологодской, Ивановской, Калининской, Кировской, Курской и Саратовской областей	по 2 (всего 20)

Военкоматы Азербайджанской, Грузинской и Таджикской ССР, Крымской и Якутской АССР, Алтайского края, Мурманской, Смоленской и Читинской областей	по 1 (всего 9)
Полевые военкоматы	2
Всего	198

Примечание к табл. 2: данные по районным военкоматам г. Москвы были учтены в графе военкоматы Московской области, данные по районным военкоматам г. Ленинграда — в графе военкоматы Ленинградской области.

Как видно из таблицы 2, персоналии, призванные из регионов, не граничащих с Калмыкией, оказались практически со всей страны: от Тихого океана и до Балтики, Черного моря. Наибольшее количество персоналий из таблицы 2 призвано военкоматами Украинской ССР и Казахской ССР. Наличие пяти имен призывников из Ворошиловградской области в списках «Санл» частично можно объяснить тем, что уроженцы Калмыкии работали на местном военно-конном заводе. Трудно объяснить присутствие в двух томах «Санл» персоналий из Винницкой, Ровенской, Хмельницкой, Каменец-Подольской, Одесской и Николаевской областей, за исключением, может быть, нескольких человек, погибших на территории Калмыкии. Возможно, речь может идти об уроженцах Калмыкии, которые оказались на оккупированной территории (или попали в плен) и были призваны

повторно после прихода советских войск.

Следующий по количеству персоналий из таблицы 2 Казахстан, при этом большинство из них призвано военкоматами Западно-Казахстанской и Гурьевской областей. Вполне возможно, что они могли быть жителями Калмыкии, эвакуированными на территорию указанных регионов и там призванными на военную службу.

Третьей по численности группой в таблице 2 являются призывники Коми АССР, причем только 4 человека из 15 являются уроженцами Калмыкии.

В результате в основной базе данных осталось 20 425 персоналий, призванных из Калмыцкой АССР. В эту категорию мы включили и 2 648 человек, у которых нет сведений о месте призыва, но их имена вошли в книгу «Память. Санл».

Сведения о распределении по месту призыва приведены в табл. 3.

Таблица 3. Распределение по месту призыва (военкоматам) военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР

[Table 3. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by place of conscription (military commissariat)]

Название региона и районного (городского) военкомата	Количество
Западный РВК	3 753
Приютинский РВК	2 909
Элистинский ГВК	2 828
Сарпинский РВК	2 293
Лаганский РВК	1 940
Малодербетовский РВК	1 485
Черноземельский РВК	1 026
Приволжский РВК	812
Долбанский РВК	699
Калмыцкий обком и горком ВКП(б) (партизаны)	22
Калмыцкий областной военкомат	10
Всего	17 777
Не установлены	2 648

Примечание к таблице 3: данные по Яшалтинскому улусу учтены в графе Западного военкомата, по Троицкому улусу — Приютинского, по Кетченеровскому улусу — Сарпинского, по Юстинскому улусу — Приволжского, по Улан-Хольскому улусу — Лаганского, так как в этих районах улусных военкоматов не было.

При своем формировании в 1938 г. улус, административным центром которого было с. Приютное, получил наименование «Приютинский». При восстановлении района в 1957 г. в рамках Калмыцкой автономной области он получил наименование — «Приютненский», под которым существует и поныне.

Сведения о призыве сравнены с численностью населения улусов по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. (см. табл. 4). При этом 2 648 персоналий безвозвратных потерь, о которых у нас нет сведений по месту призыва, из этого анализа исключены.

Таблица 4. Распределение по месту призыва (военкоматам) военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР

[Table 4. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by place of conscription (military commissariat)]

Название военкомата и входящих в него районов	Количество населения районов по данным переписи 1939 г.	Безвозвратные потери военнослужащих по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»
Западный РВК (Западный и Яшалтинский улусы)	28 867 (11 387 + 17 480)	3 753 (13,0 %)
Приютинский РВК (Троицкий и Приютинский улусы)	28 631 (16 877 + 11 754)	2 909 (10,1 %)
Элистинский ГВК (г. Элиста и пригородные села)	17 128	2 828 (16,5 %)
Сарпинский РВК (Кетченеровский и Сарпинский улусы)	25 604 (12 975 + 12 629)	2 293 (9,0 %)
Лаганский РВК (Лаганский и Улан-Хольский улусы)	35 399 (19 171 + 16 228)	1 940 (5,5 %)
Малодербетовский РВК (Малодербетовский улус)	19 360	1 485 (7,7 %)
Черноземельский РВК (Черноземельский улус)	15 777	1 026 (6,5 %)
Приволжский РВК (Приволжский и Юстинский улусы)	25 099 (16 348 + 8 751)	812 (3,2 %)
Долбанский РВК (Долбанский улус)	24 919	699 (2,8 %)
Всего (с учетом партизан и данных областного военкомата)	220 684	17 777 (8,0 %)

Согласно таблице 4, процент учета безвозвратных потерь в улусах, где преобладало калмыцкое население, заметно ниже, чем в остальных районах. Вероятно, сказались эвакуация призывников из Калмыкии в Казахстан в 1942 г., а также депортация калмыцкого народа 28 декабря 1943 г., которая привела к разрыву связей у многих семей спецпереселенцев и повлияла на отчетность военкоматов.

По таблицам 1, 2, 3 видно, что такой показатель, как «место (военкомат) призыва», в первых двух томах книги «Память. Санл» отражен достоверно: у 88 % персоналий эти сведения приведены за вычетом повторов.

Другие показатели в первых двух томах книги «Память. Санл» отражены хуже: например, по времени (году) призыва, результаты которого приведены в табл. 5.

Таблица 5. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по дате (году) призыва

[Table 5. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by date (year) of conscription]

Год призыва	Количество призванных
1935	1
1936	3
1937	7
1938	13
1939	68
1940	149
1941	645
1942	400
1943	105
1944	3
Всего	1 394

Сведения по времени призыва указаны лишь у 6,8 % персоналий, поэтому какие-то обобщения делать сложно.

Если применить метод экстраполяции, то можно утверждать, что большинство военнослужащих из Калмыкии было призвано в 1941–1942 гг., при этом потери призванных в 1941 г. явно выше, чем у призванных в 1942 г.

Это утверждение коррелируется с данными, опубликованными в работах К. Н. Максимова и У. Б. Очирова [Максимов

2010: 344–346; Очиров 2013: 54–59].

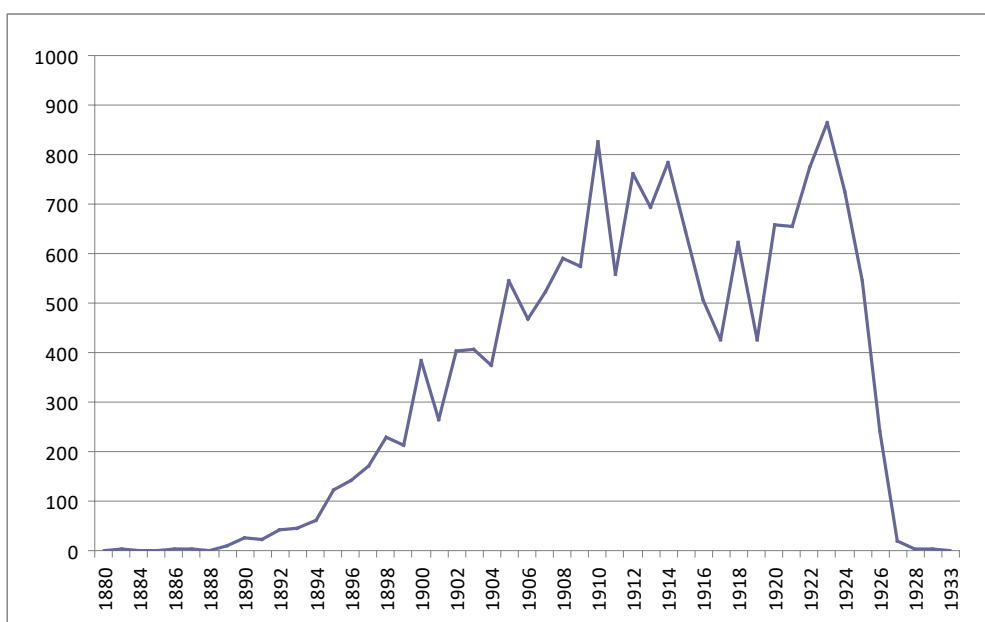
Следующий анализ данных связан с возрастом персоналий.

Следует заметить, что 4 065 персоналий из основной базы данных сведений о годе рождения не имеют. Но оставшиеся 80 %, на наш взгляд, репрезентативны для статистического анализа с учетом возможности некоторых ошибок.

Результаты анализа приведены в виде диаграммы на рис. 1.

Рис. 1. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по году рождения

[Fig. 1. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by year of birth]

Судя по диаграмме, первый пик безвозвратных потерь призывников из Калмыцкой АССР начинает рост от персоналий 1905 г. рождения и достигает апогея у персоналий 1910 г. рождения. После некоторых колебаний ритма с персоналий 1916 г. рождения начинается «спад», но с 1920 г. рождения количество безвозвратных потерь военнослужащих из Калмыкии вновь возрастает, достигая пика у персоналий 1923 г. рождения, причем потери призывников 1926 г. рождения довольно низки.

Возрастание безвозвратных потерь призывников 1905 г. рождения и моложе обусловлено тем, что в 1941 г. эти возрасты относились к 1-му разряду призывников (в возрасте до 35 лет). Призывники этого разряда призывались военкоматами в первую очередь в 1941 – начале 1942 гг., поэтому в первый период войны, отличающийся самым высоким уровнем безвозвратных потерь, погибали чаще, чем другие разряды. «Спад» у 1916–1920 гг. рождения связан с мобилизациями населения в период Первой мировой войны, высокой смертностью и низкой рождаемостью населения Калмыкии в период Гражданской войны. Голод 1921 г. в Нижнем Поволжье также отразился на смертности и рождаемости населения в Калмыкии. Начиная с 1922 г. происходит увеличение рождаемости, что соответственно отразилось и на количестве потерь соответствующих возрастов в годы Великой Отечественной войны. При этом призывники 1922–1923 гг. рождения активно мобилизовались на фронт в 1941 – начале 1942 гг., призывники 1924 г. рождения — летом 1942 г. [Очиров 2013: 55–57]. Таким образом, они имели большую вероятность гибели: служили в первый период войны с самым высоким уровнем безвозвратных потерь. Молодежь 1925 г. рождения была призвана в конце 1942 г. — начале 1943 г. и воевала во второй и третий периоды войны, когда уровень безвозвратных потерь Красной Армии стал ниже. Молодежь 1926 г. рождения была призвана в конце 1943 г., причем к тому времени стал действовать приказ о необходимости полугодового обучения новобранцев, что еще больше сократило уровень потерь этого возраста [Очиров 2013: 58–59].

Следует отметить, что в списке безвозвратных потерь есть 18 персоналий 1927 г.

рождения (как известно, призывники этого возраста на фронт практически не попали), 3 — 1928 г. рождения (один из них погиб в сентябре 1942 г.), 2 — 1929 г. рождения (оба погибли в 1942–1943 гг.), 1 — 1933 г. рождения (призван Лаганским РВК в 1943 г., дата гибели неизвестна). В последнем случае Александр Алексеевич Шердаков был призван в армию в возрасте 10 лет, что представляется невероятным. Вместе с ним в книге указан Алексей Константинович Шердаков, 1910 г. рождения, также призванный Лаганским РВК и похороненный в Лагани в 1943 г. [Память 1995а: 402]. Возможно, что они погибли вместе. Если учесть, что на территории Лаганского улуса боев не было, то здесь может идти речь, например, о гибели в период бомбежки вражескими самолетами судов Каспийской военизированной рыболовецкой флотилии, моряки которой имели статус военнослужащих. Такие случаи не были редкостью, и погибшие рыбаки считались убитыми в бою, как, например, Анатолий Степанович Пчелинцев, 1927 г. рождения, похороненный в Лагани [Память 1995а: 382].

Что касается военнослужащих 1927–1928 гг. рождения, то в большинстве своем они могли быть добровольцами, которые «приписали» себе лишний год или два и всеми правдами и неправдами добились отправки на фронт. Некоторые из них являлись курсантами или лейтенантами, они могли добровольно поступить на военную службу в 16 или даже 15 лет. Многие из них погибли в 1944–1945 гг., причем не только в Германии, но и на территории СССР. Среди них есть Егор Степанович Безуглов, 1927 г. рождения, умерший от ран в Новоград-Волынском 14 февраля 1947 г. [Память 1995а: 40]. Возможно, он принимал участие в борьбе с украинскими националистами. Некоторые военнослужащие 1927–1928 гг. рождения и оба военнослужащих 1929 г. рождения, погибшие в 1942–1943 гг., скорее всего, являлись «сыновьями полков» и погибли в возрасте 13–15 лет.

Следующий анализ персоналий из основной базы данных учитывает место рождения. К сожалению, из числа призванных военкоматами Калмыцкой АССР у 7 270 персоналий (35,6 %) сведений о месте рождения нет. Среди оставшихся 64,4 % большинство оказалось уроженца-

ми Калмыцкой АССР — 11 007 персоналий (53,9 % от всей базы); еще 1 611 персоналий — уроженцы приграничных с Калмыкией регионов (7,9 % от всей базы); еще 537 персоналий — уроженцы не граничащих с Калмыкией регионов (2,6 %).

Необходимо отметить, что в документах того времени названия населенных пунктов, районов и регионов зачастую указывалось не такими, какими они реально назывались в год рождения человека, а такими, какими они назывались на момент выдачи документа (паспорта). В СССР административно-территориальное деление неоднократно менялось, поэтому нами унифицированы все географические наименования и распределение населенных пунктов в районах по данным на 22 июня 1941 г., внесен ряд исправлений в соответствующие данные, приведенные в кни-

ге «Память. Санл». Например, Григорий Иванович Надмидов, 1921 г. рождения, указанный в книге как уроженец с. Октябрьское Западного района Калмыцкой АССР [Память 1995а: 260], в основную базу же был занесен как уроженец с. Тавн-Толга (совхоз № 105) Яшалтинского улуса. Или другой пример, Василий Семенович Скиданов, 1918 г. рождения, указанный в книге как уроженец совхоза Западный Калмыцкой АССР [Память 1995а: 214], в основную базу же был занесен как уроженец Зональной опытной станции Троицкого улуса (ныне это с. Аршан-Булг).

Распределение призывников-уроженцев Калмыкии из основной базы данных по районам республики в сравнении с численностью населения улусов, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., приведено в табл. 6.

Таблица 6. Уроженцы Калмыцкой АССР с распределением по районам рождения

[Table 6. Natives of the Kalmyk ASSR, by district of birth]

Название военкомата и входящих в него районов	Количество населения районов по данным переписи 1939 г.	Безвозвратные потери военнослужащих по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»
Яшалтинский улус	17 480	1 483 (8,4 %)
Сарпинский улус	12 629	1 074 (8,5 %)
Троицкий улус	16 877	1 068 (6,3 %)
Кетченеровский улус	12 975	965 (7,4 %)
г. Элиста и пригородные села	17 128	821 (4,7 %)
Черноземельский улус	15 777	656 (4,1 %)
Приютинский улус	11 754	570 (4,8 %)
Долбанский улус	24 919	554 (2,2 %)
Лаганский улус	19 171	477 (2,4 %)
Малодербетовский улус	19 360	414 (2,1 %)
Приволжский улус	16 348	381 (2,3 %)
Западный улус	11 387	319 (2,8 %)
Улан-Хольский улус	16 228	223 (1,3 %)
Юстинский улус	8 751	169 (1,9 %)
Не установлено	—	1 834
Всего (с учетом не установленных районов)	220 684	11 007 (4,9 %)

Результаты анализа таблицы 6 соответствуют результатам анализа таблицы 4 лишь частично. Конечно, определенные поправки можно внести за счет неустановленных мест рождения, но разница по некоторым районам выглядит большой, например, по г. Элиста. Результаты проведенного ана-

лиза подтверждают наличие в городе большого количества эвакуированных и недостаточную работу военкоматов в результате депортации калмыцкого населения.

Распределение из основной базы данных персоналий, являющихся уроженцами приграничных с Калмыкией регио-

нов (Ростовской, Сталинградской обла- Ставропольском) крае), по районам приве-
стях и Орджоникидзевском (с 1943 г. — дено в табл. 7.

Таблица 7. Уроженцы граничащих с Калмыцкой АССР регионов,
с распределением по районам рождения

[Table 7. Natives of regions adjacent to the Kalmyk ASSR, by district of birth]

Название района	Количество уроженцев
Ростовская область	831
Ремонтненский	238
Сальский	200
Заветинский	88
Калмыцкий	86
Зимовниковский	29
другие районы	82
не установлено	108
Орджоникидзевский край	424
Апанасенковский	152
Ипатовский	81
Молотовский (с 1957 г. — Красногвардейский)	62
Петровский	18
Арзгирский	12
другие районы	62
не установлено	37
Сталинградская область	356
Астраханский округ	179
г. Астрахань	41
Енотаевский	27
Икрянинский	23
Владимировский	22
Красноярский	20
Харабалинский	12
другие районы	12
не установлено	22
Красноармейский	27
Черноярский	24
Ворошиловский	15
г. Сталинград	12
другие районы	60
Не установлено	39
Всего	1 611

Среди приграничных регионов бо-
лее половины персоналий оказались
уроженцами Ростовской области. При
этом почти 40 % уроженцев Ростовской
области — представители гранича-
щих с Калмыкией Ремонтненского и
Заветинского районов (в 1920–1925 гг.
они в составе Ремонтненского уезда вхо-
дили в Калмыцкую автономную область).
Более трети уроженцев Ростовской обла-
сти — выходцы из Сальского, Калмыцкого
и Зимовниковского районов, территории

калмыцких станиц бывшего Сальского
округа Области Войска Донского, которые
в 1920-е гг. активно переселялись на тер-
риторию Калмыкии. Половина уроженцев
Сталинградской области были выходцами
из Астраханского округа, в первую очередь,
из самой Астрахани, а также из пригранич-
ных с Калмыкией районов (Енотаевский,
Икрянинский и др.). Среди остальных рай-
онов Сталинградской области, не входя-
щих в Астраханский округ, выделяются
приграничные районы: Красноармейский,

Черноярский и Ворошиловский, на территории которых находились калмыцкие села и хутора. В Орджоникидзевском крае более половины персоналий основной базы данных также являются представителями при-

граничных районов: Апанасенковского и Арзгирского.

Распределение из основной базы персоналий, являющихся уроженцами регионов, не граничащих с Калмыкией, приведено в табл. 8.

Таблица 8. Уроженцы регионов СССР, не граничивших с Калмыцкой АССР

[Table 8. Natives of USSR regions not adjacent to the Kalmyk ASSR]

Название региона	Количество уроженцев
Украинская ССР	163
в том числе Днепропетровская область	32
в том числе Полтавская область	15
Воронежская область	34
Саратовская область	31
Краснодарский край	29
Куйбышевская область	26
Пензенская область	23
Казахская ССР	23
в том числе Западно-Казахстанская область	6
Московская область	19
Курская область	18
Белорусская ССР	14
Новосибирская область	11
Тамбовская область	10
Ленинградская область	9
Горьковская, Ивановская, Челябинская и Чкаловская области	по 8 (всего 32)
Орловская область	7
Калининская, Омская и Рязанская области	по 6 (всего 18)
Северо-Осетинская и Татарская АССР, Красноярский край, Молотовская и Свердловская области	по 5 (всего 25)
Коми и Крымская АССР, Смоленская область	по 4 (всего 12)
Узбекская ССР, Башкирская, Дагестанская, Мордовская и Чувашская АССР, Приморский край, Архангельская, Вологодская и Ярославская области	по 2 (всего 18)
Грузинская, Латвийская, Литовская, Таджикская и Туркменская ССР, Абхазская и Кабардино-Балкарская АССР, Алтайский край, Амурская, Брянская, Калужская, Кировская и Читинская области, Китай (Манчжурия), Польша	по 1 (всего 15)
Всего	537

Среди этой категории персоналий представители Украинской ССР составляют почти треть, прежде всего, из таких регионов, как Днепропетровская, Полтавская и Херсонская области. Очевидно, они из эвакуированного в 1941 г. населения.

Заключение

Подводя итоги частичного статистического анализа списка безвозвратных потерь, извлеченного из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл», военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, приходим к выводу о том, что, несмотря

на наличие значительного количества повторов персоналий, ошибок и неточностей в сведениях, на одновременное использование устаревших и современных географических наименований, составленная и исправленная нами основная база данных содержит значимый массив статистических данных по различным параметрам, обработка которых дает большие возможности для формирования коллективного портрета военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны.

Источники

- Книга 1994 — Книга памяти. Алтайский край. Т. 6. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. 918 с.
- Память 1995а — Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995б — Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II.

Sources

- The memory book. Altai Krai. Vol. 6. Barnaul: Alt. kn. publishing house, 1994. 918 p.
- Memory. Sanl. T. I. Elista: Kalm. kn. ed., 1995. 416 p.
- Memory. Sanl. T. II. Elista: Kalm. kn. ed., 1995. 442 p.
- Memory. Sanl. Vol. III. Elista: Kalm. kn. ed., 2005. 156 p.
- Memory. Sanl. Vol. IV. Elista: Gerel, 2010. 492 p.
- Soldiers of Victory. Vol. II. The roll-call list of sol-

Литература

- Башанкаев, Папуев 2008 — *Башанкаев В., Папуев В.* Целинный район. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“, 2008. 248 с.
- Богаев 2005 — *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 235 с.
- Бюрчиев 2014 — *Бюрчиев З. Б.* Книга Памяти «Солдаты и труженики Эрднеевского». Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“, 2014. 192 с.
- Кичиков 1968 — *Кичиков М. Л.* О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки [КНИИЯЛИ]. Сер. истор. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 163–194.
- Кичиков 1970 — *Кичиков М. Л.* Во имя победы над фашизмом / ред. И. К. Пинчук. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очиров 2001 — *Очиров У. Б.* Военная мобилизация в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 45–64.
- Очиров 2005 — *Очиров У. Б.* Военные мобилизации // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 63–81.

Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавдивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

diers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division / comp. P. E. Alekseeva, A. T. Bayanova, S. A. Zayarny, L. Yu. Lantsanova. Ed. 2nd, reprint. And add. Elista: KIGI RAS, 2015. 373 p.

Shiroklag. Shirokstroy: Lists of Kalmyks-enlisted and non-commissioned soldiers recalled from the fronts in 1944–1945, vol. III. Book 1 / comp. A. B. Bairova, T. Ch. Bembyeva, S. E. Ligi-Goryaev, R. V. Neyachenko. Elista: Kalm. kn. ed., 2000. 294 p.

Очиров 2013 — *Очиров У. Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.

Очиров 2016а — *Очиров У. Б.* Аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии: историографический обзор // Бюллетень Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 29–40. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-29-40

Очиров 2016б — *Очиров У. Б.* Республиканские Книги Памяти Калмыкии как источник по истории Великой Отечественной войны // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 43–47.

Очиров, Воробьева 2020 — *Очиров У. Б., Воробьева В. Н.* Калмыки-военнослужащие Красной Армии в Широклаге: статистическое исследование // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330-357

References

- Bashankaev V., Papuev V. Tselinny District. Elista: Dzhangar, 2008. 248 p. (In Russ.)
- Bogaev B. A. Yashkul Natives in Battles for Motherland. Elista: Dzhangar, 2005. 235 p. (In Russ.)
- Byurchiev Z. B. Soldiers and Workers of Erdnievsky: Memorial Book. Elista: Dzhangar, 2014. 192 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fascism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. Kalmykia during the Great patriotic War: Some issues revisited. In: Scholarly Notes. Series 'History'. Vol. 6. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1968. Pp. 163–194. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. 28th Army in battles for the liberation of Kalmykia. In: Kalmykia during the Great Patriotic War. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 63–81. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Annotated lists of participants of the Great Patriotic War conscripted from Kalmykia: A historiographic review. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No 4. Pp. 29–40. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-29-40
- Ochirov U. B. Kalmykia's memorial books as a historical source on the Great Patriotic War. In: Humanities in South Russia. International and Regional Cooperation. Jubilee conference proceedings (Elista; September 14–15, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 43–47. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Military mobilization in the Kalmyk ASSR. In: The Great Patriotic War. Events, Personalities, Chronicles. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 45–64. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Mobilization campaigns in the Kalmyk ASSR, 1941–1943. In: The Turning Point in the Great Patriotic War. Jubilee conference proceedings (Rostov-on-Don; June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2013. Pp. 53–60. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330-357

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 972–980, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980

Здравоохранение Калмыкии после возвращения калмыков на родину в 1957 г.

Маргарита Владимировна Бадугинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадугинова М. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье исследуется сфера здравоохранения Калмыкии после возвращения калмыцкого народа из мест депортации в 1957 г. Хронологические рамки охватывают несколько периодов: состояние здравоохранения на территории упраздненной Калмыцкой АССР после незаконной депортации калмыков; первые годы с момента восстановления Калмыцкой автономной области в 1957 г. и возвращения калмыцкого народа после его реабилитации. *Цель статьи* — исследование состояния органов здравоохранения на территории Калмыкии после депортации калмыцкого народа и возвращения калмыков на родину в 1957 г. Кроме того, в статье рассматриваются вопросы состояния сферы здравоохранения региона в постдепортационный период, обеспечения кадрового состава, материально-бытовые проблемы, состояние и становление сферы здравоохранения после возвращения калмыков. *Материалы и методы.* Основным методом выступил проблемно-хронологический. В соответствии с ним были изучены преобразования в сфере здравоохранения Калмыкии на протяжении выделенных в работе исторических периодов. Для выявления динамики изменения в сети и кадрах здравоохранения Калмыкии использовался количественный (статистический) метод. *Источниками* послужили архивные документы Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В статье показаны состояние и изменения в сфере здравоохранения Калмыкии в указанные временные периоды. Учреждения здравоохранения региона организовывали свою работу в сложный исторический период для калмыцкого народа, после возвращения из незаконной ссылки. *Выводы.* Несмотря на тяжелые потери, трудности, работники здравоохранения республики смогли возобновить свою работу, начать восстановление медицинских учреждений, системы охраны здоровья после возвращения из мест депортации. Благодаря самоотверженности медицинских работников Калмыкии здравоохранение республики было восстановлено после полного уничтожения.

Ключевые слова: история здравоохранения, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая АССР, инфекционные заболевания, эпидемические болезни, депортация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Здравоохранение Калмыкии после возвращения калмыков на родину в 1957 г. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 5. С. 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980

Kalmykia's Public Healthcare after the Return of 1957

Margarita V. Baduginova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Baduginova M. V., 2021

Abstract. *Introduction.* This article examines the health care sector in Kalmykia after the return of the Kalmyk people from the places of deportation in 1957. The chronological framework covers several periods: the state of health care in the abolished Kalmyk ASSR after the illegal deportation of the Kalmyks; the first years since the restoration of the Kalmyk Autonomous Region in 1957 and the return of the rehabilitated people. The article *aims* to study the state of health care in Kalmykia after the deportation of the Kalmyk people and after their return in 1957. The article also examines the state of the health sector in the region in the post-deportation period, including staffing and material problems, and the state and development of the sector upon the return of the Kalmyks. *Materials and methods.* The problem-chronological principle became the basis of this article. In accordance with it, the transformations in the sector under study were examined during the historical periods in question. A quantitative (statistical) method was also used, which made it possible to trace the dynamics of changes in the health care network and personnel. *The sources* were archival documents of the State Archives of the Russian Federation and the National Archives of the Republic of Kalmykia. *Results.* The article shows the state and changes in the health care sector of Kalmykia in the time periods under study. The regional health care institutions managed to organize their work in a difficult historical period, after the people's return from exile. *Conclusions.* Despite heavy losses and difficulties, health workers in the Republic managed to resume their work, begin the restoration of medical institutions, the health care system after the deportation. Thanks to the dedication of medical workers, the republic's health care system was restored after its complete destruction.

Keywords: history of health care, Kalmyk Autonomous Region, Kalmyk ASSR, infectious diseases, epidemic diseases, deportation

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Baduginova M. V. Kalmykia's Public Healthcare after the Return of 1957. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980

Введение

Сфера здравоохранения Калмыкии в период возвращения калмыков из мест депортации в 1957 г. относится к малоизученной. Не освещен и тринадцатилетний период в истории Калмыцкой АССР после ее упразднения, как и история г. Элисты, переимено-

ванного в г. Степной в отсутствие коренного населения Калмыкии.

К тем немногим работам, посвященным теме здравоохранения республики в пост-депортационный период, можно отнести параграф о развитии региональной системы здравоохранения во 2-й половине XX в.

в трехтомной истории Калмыкии [Очиров, Сусеев 2009: 591–607], подпараграф в очерках истории Калмыцкой АССР [Очерки 1970: 265–266], статьи в сборниках, выпущенных к 100-летию столицы Калмыцкой АССР Элисты [Сусеев 1965], и 50-летию юбилею Октябрьской революции [Дойникова, Сусеев 1967]. Авторами данных последних статей были министр здравоохранения Е. А. Дойникова и ее заместитель (на тот момент) П. Н. Сусеев¹. Более подробно становление системы здравоохранения Калмыкии, начиная от дореволюционного периода и до середины 80-х гг. XX в. рассмотрено в книге «Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра)» П. Н. Сусеева [Сусеев 2006].

Истории формирования системы здравоохранения и лечебной помощи в Калмыкии в первые годы (1957–1967 гг.) после возвращения калмыцкого народа из мест депортации посвящена диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук Л. В. Наминова [Наминов 1968], в данной работе изучены болезни терапевтического профиля, а также освещена организация врачебной помощи населению республики. Кроме того, необходимо указать еще одну работу, изданную к 100-летию республиканской больницы [Ресбольница 2002]. Книга знакомит с историей создания лечебного учреждения, формированием его кадрового состава и материально-технической базы. Отдельные очерки посвящены работникам здравоохранения республики и образованию специализированных служб и отделений республиканской больницы.

К сожалению, работ по развитию регионального здравоохранения послевоенного периода не так много, отсутствует и подробное полноаспектное и объективное аналитическое исследование по здравоохранению Калмыкии, которое охватывало бы более чем 40-летний период становления и развития данной сферы.

Здравоохранение на территории упраздненной Калмыцкой АССР в период депортации 1943–1957 гг.

Точные данные о состоянии сети лечебно-санитарных учреждений, кадровом

составе, лечебно-профилактической работе на территории упраздненной республики до настоящего времени не выявлены. В имеющихся работах этот тринадцатилетний период упоминается лишь вскользь: «На территории бывшей Калмыкии с 1944 по 1957 год проводилась лечебно-профилактическая работа. Однако значительных сдвигов не произошло» [Сусеев 2006: 91] или вовсе пропускается [Очиров, Сусеев 2009: 591].

Некоторые данные можно восстановить из воспоминаний оставшихся жителей или приехавших сюда на работу врачей, после депортации калмыцкого народа. В 1948 г. выпускник Астраханского государственного медицинского института Н. Н. Гриньков² был распределён в г. Степной Астраханской области врачом-рентгенологом. По его воспоминаниям бывший г. Элиста и территория Калмыкии после немецкой оккупации так и не были восстановлены, всюду была разруха: «Я сюда (г. Степной. — М. Б.) приехал, здесь как будто вчера война закончилась... ничего тут не делалось» [ПМА: Гриньков Н. Н., 2014 г.].

Система здравоохранения на бывшей территории Калмыкии существовала на оставшейся базе, которую успели восстановить за то небольшое время после освобождения от фашистской оккупации и до депортации калмыцкого народа. Вспоминая о своей работе в 1940–1950-е гг., Н. Н. Гриньков отмечает, что: «Самостоятельно не существовало никаких учреждений, была одна городская больница, и при городской больнице были отделения скорой помощи, фтизиатрическое, детское отделение, и только в 1957 г. с приездом калмыков они стали отделяться. Еще была санэпидстанция, и больше ничего не было. Весь регион до 1957 г. обслуживало 12 врачей и больница на 95 коек. Много разных инфекций было, малярия, тиф, скарлатина, чума, страшной формы был туберкулез здесь, я сам сильно

¹ В 1971–1985 гг. Плехан Николаевич Сусеев работал в должности министра здравоохранения Калмыцкой АССР.

² Гриньков Николай Николаевич (1926–2015) окончил Астраханский государственный медицинский институт в 1948 г. Хирург, рентгенолог, судмедэксперт. Возглавлял рентгенологическое отделение в республиканской больнице, долгое время работал в поликлинике МВД Калмыкии. Награждён орденом Трудового Красного знамени, знаком «Отличник здравоохранения СССР», удостоен звания «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

болел туберкулезом. Скорая помощь была на тележке запряженной лошастью. На всю округу и даже Ставропольский край, Ростовскую область был один рентгенаппарат и одна машина, врачей, медикаментов очень не хватало» [ПМА: Гриньков Н. Н., 2014 г.].

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в стране начался восстановительный период, но на территории упраздненной республики на протяжении многих лет так ничего не было построено, введено в эксплуатацию. Население обслуживало только 12 врачей, это 7 % от 160 врачей Калмыкии, которые трудились в республике, по данным на 1940 г. [Очерки 1970: 266]. Анализируя вышеизложенное, можно сказать, что территория упраздненной республики находилась в полной стагнации, которая была прекращена только в 1957 г. с возвращением калмыцкого народа.

Восстановление системы здравоохранения Калмыкии в 1957–1960 гг.

Еще до выхода указов Президиума Верховного Совета СССР о создании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» (от 9 января 1957 г.) калмыцкий народ стал возвращаться на территорию создаваемой автономной области. К концу 1956 г. здесь уже находилось 420 калмыцких семей (1 265 человек), а к ноябрю 1957 г. проживало уже 9 325 семей (35 520 человек) [Максимов 2009: 614, 617]. В 1957–1959 гг. из различных районов Сибири, Казахстана и Средней Азии в родные степи возвратилось 18 158 семей (72 665 человек), в которых числилось 30 056 человек трудоспособного возраста [Очерки 1970: 353].

Экономическая и социально-культурная база региона не была готова к приему значительного количества возвращающегося населения. Сеть больничных учреждений, рассчитанная лишь на жителей нескольких сельских районов, еще не завершила своего восстановления после войны [Очиров, Сулеев 2009: 591].

Как вспоминает очевидец тех лет, заслуженный врач РСФСР М. К. Убушиева¹,

¹ Убушиева Мария Кавкишевна (род. в 1928 г.) окончила Алма-Атинский медицинский

практически из ничего стали возрождать здравоохранение республики в те годы: «В больнице вообще ничего не было: ни медоборудования, ни медтехники, ни инструментов, ни электроэнергии, ни воды» [ПМА: Убушиева М. К., 2014 г.]. Еще один очевидец тех лет вспоминает: «Мы не успевали принимать возвращающееся население, обеспечивать первым необходимым, трудоустраивать» [Бадмаев 2000: 148–149].

По данным Совета министров Калмыцкой АССР, в 1957 г. советское правительство выделило 16 млн рублей для развертывания сети медицинских учреждений и проведения профилактической работы среди населения Калмыцкой области. Кроме этого, в Калмыкию было направлено медицинское оборудование, 9 автомашин, а также значительное количество врачей на постоянную работу. Но восстановление сферы здравоохранения области — строительство, ремонт материально-технической базы, а также жилых зданий шло очень медленными темпами, значительные средства оставались неиспользованными. Многие медицинские работники из-за отсутствия нормальных жилищно-бытовых условий уехали в другие регионы. Отсутствовало большое число врачей, ведущих специалистов — терапевтов, хирургов, педиатров. В обзоре состояния и перспектив здравоохранения республики за

институт в июне 1957 г. и в связи с восстановлением Калмыцкой автономии сразу вернулась на родину. В 1957 г. была принята на работу врачом-отоларингологом в Элистинскую городскую поликлинику и стала одним из организаторов оториноларингологической службы в Калмыцкой АССР. Затем М. К. Убушиева перешла на работу в республиканскую больницу. С 1959 г. по 1960 г. работала заместителем главного врача республиканской больницы, с 1960 по 1962 гг. — заведующей поликлиническим отделением республиканской больницы, не оставляя все эти годы работу отоларинголога (по совместительству). С 1962 по 1987 гг. работала заведующей ЛОР-глазным отделением Республиканской больницы, являлась внештатным главным отоларингологом Минздрава Калмыцкой АССР, председателем Калмыцкого отделения Российского научного общества отоларингологов. В 1987–1996 гг. — врач-отоларинголог республиканской консультативной поликлиники и консультант ЛОР отделения Ресбольницы. Имеет звание «Заслуженный врач РСФСР»..

1957 г. отмечалась неудовлетворительная санитарно-профилактическая работа. Были недостатки в работе аппарата облздравотдела, на тот момент возглавляемого бывшим наркомом здравоохранения Э. Н. Лиджиевым [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 35а. Л. 5]. Вскоре на посту заведующего облздравотделом его сменила Е. А. Дойникова [Очиров, Сусеев 2009: 591].

В 1957 г. в республике было 11 районных и городских больниц на 495 коек, 31 участковая больница на 320 коек, 8 сельских амбулаторий, 5 фельдшерских здравпунктов, 11 санэпидстанций, 3 колхозных роддома, 40 детских яслей на 797 мест, 141 фельдшерско-акушерский пункт. В Калмыкии отсутствовали станция переливания крови, дома санитарного просвещения, врачебные здравпункты, бюро судмедэкспертизы, станция скорой помощи, туберкулезный диспансер, женские и детские консультации, аптеки и многие другие учреждения здравоохранения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–2].

Для сравнения: в 1940 г. «в республике действовали 38 больничных учреждений на

530 коек, 37 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, 120 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 9 различных диспансеров, 45 дошкольных учреждений на 1 634 места» [Максимов 2010: 45], а на конец 1943 г. насчитывалось 30 больниц на 540 коек, 90 фельдшерско-акушерских пунктов, 61 врачебная амбулатория, 3 вендиспансера, 10 венпунктов, 1 туберкулезный диспансер и 3 туберкулезных пункта, 3 пункта переливания крови, 14 станций скорой помощи, 10 малярных станций, 6 санэпидстанций, 10 родильных домов, 14 трахоматозных пунктов, 24 детских яслей [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 1775. Л. 1–7об.].

В 1940-х гг. в Калмыкии в городских поселениях и сельской местности работали 15 пунктов «скорой помощи», была очень востребована санавиация — за год выполнено 250 рейсов [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 148. Л. 2–2об., 5, 7].

В следующей таблице приведены данные по учреждениям здравоохранения Калмыкии в 1942, 1943 и в 1957 гг. (таблица 1).

Таблица 1. Учреждения здравоохранения Калмыкии в 1942, 1943 и в 1957 гг.

[Table 1. Medical and health organizations of Kalmykia in 1942, 1943, 1957]

Учреждения	На 1 июля 1942 г.	Декабрь 1943 г.	1957 г.
Больницы	29	30	42
Амбулатории сельские	—	61	8
Вендиспансеры, венпункты, тубдиспансеры и тубпункты	18	17	—
Фельдшерские и акушерские пункты	95	90	141
Эпидемические станции и отряды	4	6	11
Родильные дома	8	10	3
Детские ясли	25	24	40
Аптеки и ларьки	15	1	—
Пункты скорой помощи	15	14	—
Малярные станции	11	10	—
Женские и детские консультации	19	6	—
Трахоматозные пункты	24	14	—
Зубные кабинеты	5	3	—
Рентгеновские кабинеты	5	—	—

* Для составления таблицы использовались источники: [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–2], [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 126–127], [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 1775. Л. 1–7об.]. В исследуемый период ясли находились в ведении Министерства здравоохранения РСФСР.

Большая цифра по больницам — 42 учреждения — в 1957 г. фактически была только в отчетах. Здания больниц находились в непригодных помещениях, почти полтора десятилетия материально-техническая база здравоохранения республики не имела развития и была по своему состоянию сопоставима с довоенным уровнем или даже хуже него. После войны в Элисте еще не все разрушенные здания были отстроены, новые учреждения и организации, в том числе системы здравоохранения, ютились в непригодных помещениях. Не хватало жилья для медиков, медицинского оборудования и техники, отсутствовали условия для пребывания пациентов в больнице и нормальной работы стационаров и оказания помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Недостаток санитарного транспорта не позволял своевременно оказывать скорую и неотложную помощь, проводить профилактическую работу среди населения, особенно детей. Из-за бытовой неустойчивости прибывавших из Сибири, Казахстана и других мест населения¹ выросла заболеваемость, среди детей отмечена вспышка дифтерии [Очиров, Сусеев 2009: 592].

На самом деле в этот период в строившейся Калмыкии эпидемиологическая ситуация была очень сложной. По воспоминаниям М. К. Убушиевой, врача-отоларинголога, о время начавшейся вспышки дифтерии районных врачей еще не было, людей привозили в город, но они поступали поздно, болезнь была в запущенном состоянии, многие умирали, оставшиеся в живых не могли нормально дышать, врачей не хватало, инструментов и лекарств не было.

Параллельно, кроме вспышки дифтерии, были и другие тяжелые заболевания: «Корь была страшная, скарлатина, [болезнь] Боткина, кишечные инфекции, ветрянка, тифы. Периодически инфекции были сильные, много детей умирало, инфекционная больница была переполнена, все вместе лежали» [ПМА: Убушиева М. К., 2014 г.].

К началу войны, благодаря проводимым мероприятиям по народному здравоохранению, удалось добиться снижения показателей по заболеваемости туберкулезом, сифилисом, сыпным тифом, малярией, трахомой

и др., а такие болезни, как натуральная оспа, холера, чума, были полностью ликвидированы [Сусеев 2006: 74].

Эпидемиологическое состояние в восстановленной республике еще долго оставалось одним из главных вопросов на повестке дня. В 1959 г. в отчете министра здравоохранения отмечалось, что «за 10 месяцев текущего года эпидсостояние в республике продолжало оставаться напряженным, т. к. уровень заболеваемости ряда ведущих инфекций не снижался по сравнению с 1958 годом. Так, например, из 15 ведущих инфекций имеют снижение только на несколько случаев, каждая в отдельности: брюшной тиф, полиомиелит². Значительное снижение имеется по кори и дифтерии, а остальные 11 инфекций дали повышение против прошлого года (имеется в виду 1958 г. — М. Б.). Особенно наблюдался большой рост коклюша, эпидемического гепатита, вирусного гриппа, катары верхних дыхательных путей, сибирской язвы» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 11].

В 1959 г. эпидемические вспышки были отмечены в следующих районах республики: брюшного тифа в Каспийском, Приютненском, Черноземельском, бруцеллеза — в Юстинском, дифтерии — Каспийском (Артезиан), эпидемического гепатита — г. Элисте, п. Каспийском. Профилактические работы заключались в выделении районам дезсредств, бакпрепаратов, дезинфекционных машин. Кроме этого, проводилось прививание против оспы, дифтерии, бруцеллеза, туляремии, кишечных инфекций, сибирской язвы [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 12].

С лечебно-оздоровительной работой в Калмыкии были большие сложности, сказывался недостаток больниц и коек, автотранспорта, врачей и среднего медицинского персонала, отсутствовали роддома и учреждения для психических больных. Только три района — Юстинский, Сарпинский и Западный более или менее были укомплектованы врачебными кадрами и имели медучреждения. Некоторые районы даже не могли госпитализировать заболевших — районные больницы были в полуразрушенном состоя-

¹ Вероятно, мест поселения.

² Так в документе. Имеется в виду полиомиелит.

нии, отсутствовал мягкий и твердый инвентарь, отсутствовала специализированная помощь, и заболевших приходилось везти в соседние регионы или в г. Элисту [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5].

Очень многое зависело от руководства на местах, некоторые руководители колхозов и совхозов, на балансе которых находились медицинские учреждения, не ремонтировали больницы и фельдшерские пункты, не выделяли помещений для приема больных или для жилья медработникам. В справке и. о. министра здравоохранения Калмыцкой АССР Б. Д. Хахлынова, адресованной председателю Совета Министров Калмыцкой АССР Г. В. Бембинову, отмечается: «В Приютненском районе не созданы бытовые условия медицинским работникам с/с „40 лет ВЛКСМ“ на ферме № 1, где фельдшер живет с учительницей в одной комнатухе, там же и ведет прием больных» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 63. Л. 24]. «Фельдшерский пункт колхоза им. Кирова Яшалтинского района располагается в землянке 2 х 1,5 м., пол земляной, 2 комнаты, в ней живет фельдшер Артемьева с 1957 г. В том же колхозе на хуторе Орлов — фельдшерский пункт в землянке, пол земляной, 2 небольшие комнаты, где и живет семья фельдшера Герман с 1957 г. с 2-мя детьми. Принимает больных в первой комнате, один стол для приема больных и пищи, нет топлива, обращались к председателю исполкома Очирову, в Райком КПСС тов. Викулиной, топливо дали, а помещения нет» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 63. Л. 24–25].

В справке и. о. министра здравоохранения Калмыцкой АССР Б. Д. Хахлынова за 1961 г. отмечалось, что больницы, как в республиканском центре, так и в районах размещены тесно в плохо приспособленных помещениях. Например, Яшалтинская больница размещалась в аварийном здании в бывшей эстонской кирхе, построенной в 1897 г., Юстинская районная больница была расположена в жилом доме, Приютненская райбольница размещалась в 5 зданиях, Яшкульская больница во время ливневых дождей завалилась и была экстренно переведена в контору совхоза Кировский.

Из-за недостатка коек в республике была ограничена специализированная меди-

цинская помощь, республиканская больница фактически выполняла функции городской больницы, так как другой больницы в г. Элисте не было. Детская республиканская больница также выполняла функции городской больницы, находилась в приспособленном здании бывшей гостиницы, что не позволяло развернуть большее количество детских коек. Из-за этого было много отказов больным детям в госпитализации, что явилось одной из причин высокой детской смертности, а госпитализированных детей врачи были вынуждены выписывать в ранние сроки, что приводило к росту хронических заболеваний. Также в республике отсутствовала женская консультация, не было коек для лечения кожно-венерологических, психоневрологических, онкологических болезней, заболеваний глаз, особенно критически было с госпитализацией больных с грибковыми заболеваниями и психическими. Аптечная сеть размещалась в приспособленных зданиях, в г. Элисте была только одна аптека [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 45. Л. 2–4].

Такая бытовая неустроенность, отсутствие инфраструктуры, соответствующих рабочих мест приводили к большой текучести медицинских кадров. На территории Калмыцкой автономной области в 1957 г. фактически работал 91 врач, а по штату требовалось 158 специалистов. Средних медработников было 689, что даже больше, чем требовалось по штату (560 человек), а зубных врачей не хватало, — из 19 штатных сотрудников было только 7. Из прибывших 202 медицинских работников уехало 63 человека или 31,1 % от приехавших в Калмыкию, что свидетельствовало о большой текучести кадров [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 3].

Укомплектованность врачами по республике с 1957 г. по 1961 г. в среднем была в пределах 45–56 %. Построенная в 1940 г. в Элисте фельдшерско-акушерская школа в годы Великой Отечественной войны была разрушена, а в послевоенные годы восстановлена под гостиницу. По сравнению с 1957 г. в 1962 г. направление врачей в республику увеличилось в 5 раз, но фактический прирост врачей составлял только в 3 раза — многие врачи просто не доезжали до республики. Степень укомплектованности за эти

годы оставалась на одном уровне только за счет ежегодного увеличения направления молодых специалистов — с 20 врачей в 1957 г. до 104 врачей в 1962 г. Большое количество врачей после 3 лет отработки

по направлению Минздрава РСФСР уезжало из Калмыкии, оставались только врачи коренной национальности. В таблице 2 показаны данные по движению врачебных кадров.

Таблица 2. Врачебные кадры 1957–1962 гг.
[Table 2. Physician personnel, 1957–1962]

Год	Кол-во врачей по штату	Физических лиц	% укомплектованности	Прибыло	Выбыло	Прирост врачебных должностей	Фактически лиц
1957	158	91	57,6	38	28	—	10
1958	253	110	43,4	35	16	95	19
1959	326	167	51	76	22	73	54
1960	406	201	51,9	83	34	80	49
1961	450	252	56	67	34	44	33
1962	481	—	—	—	—	31	—

* Таблица составлена на материалах: [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 45. Л. 12].

Проблема медицинских кадров была особенно острой. Ведь во время депортации для калмыцкой молодежи дорога почти во все вузы и ссузы, в том числе и медицинские, была закрыта. Лишь в начале 1950-х гг. калмыкам-спецпереселенцам удалось пробиться в медицинские институты и училища, фельдшерско-акушерские школы по месту выселения [Очиров, Сусеев 2009: 592].

С открытием Калмыцкого медицинского училища в 1962 г. была решена проблема подготовки среднего медицинского персонала, но, к сожалению, медицинский вуз в Калмыкии так и не был открыт, и врачебные кадры пополнялись лишь ежегодным направлением молодежи коренной национальности в высшие учебные заведения других регионов.

Выводы

На протяжении 13 лет на территории упраздненной автономии все жизнеобеспечивающие сферы находились в стагнации.

Поэтому вернувшимся на родину в 1957 г. калмыкам приходилось заново отстраивать свою республику. Это был очень сложный период: полное отсутствие инфраструктуры, разрушенная сеть лечебных учреждений, дефицит врачебных кадров, материально-бытовые трудности, сложная эпидемиологическая обстановка существенно ограничивали осуществление медицинской помощи населению. И здесь большую роль в восстановлении системы здравоохранения Калмыкии сыграл человеческий ресурс — те немногие врачи и средний медицинский персонал, которые на грани своих возможностей, почти в военных условиях смогли заново выстроить одну из важнейших систем, которая является основой для успешного социально-экономического развития любого государства.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

State Archive of the Russian Federation.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Полевые материалы автора

Гриньков 2014 — Гриньков Н. Н. (1926 г. р.), записано в г. Элисте в 2014 г.
Убушиева 2014 — Убушиева М. К. (1928 г. р.), записано в г. Элисте в 2014 г.

Author's Field Data

Informant 1: N. N. Grinkov, b. 1926. Rec. in Elista, 2014. (In Russ.)
Informant 2: M. K. Ubushieva, b. 1928. Rec. in Elista, 2014. (In Russ.)

Литература

- Бадмаев 2000 — Бадмаев А. У. Б. Б. Городовиков и культура // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. 2-е изд. Элиста: Калмиздат, 2000. С. 148–156.
- Дойникова, Сусеев 1967 — Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.
- Максимов 2009 — Максимов К. Н. Возвращение калмыцкого народа и восстановление автономии // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 610–641.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Наминов 1968 — Наминов Л. В. История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Ростов н/Д, 1968. 18 с.
- Очиров, Сусеев 2009 — Очиров У. Б., Сусеев П. Н. Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 591–607.
- Очерки 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2 тт. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Ресбольница 2002 — Республиканская больница им. П. П. Жемчуева (1902–2002). История. События. Люди. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.
- Сусеев 1965 — Сусеев П. Н. Народное здравоохранение // Элиста. 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. С. 52–61.
- Сусеев 2006 — Сусеев П. Н. Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра) / отв. ред. У. Б. Очиров. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2006. 296 с.
- Badmaev A. U. Basan B. Gorodovikov and culture. In: Katushev K. P., Ochirova E. B. (comps.) Basan Gorodovikov: Memoirs, Studies, Documents. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. Pp. 148–156. (In Russ.)
- Budzhalov D. E. et al. (comps.) Zhemchuev Hospital of Kalmykia, 1902–2002: History, Events, Personalities. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. In 2 vols. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Doynikova E. A., Suseev P. N. Safeguarding public health. In: Fifty Years under the Great October's Banner. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 160–186. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Return and restoration of autonomy. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 610–641. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Naminov L. V. Kalmyk ASSR: A History of Healthcare System and Medical Treatment. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1968. 18 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Suseev P. N. Development of republican healthcare system, mid to late 20th century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 591–607. (In Russ.)
- Suseev P. N. Essays on the History of Kalmykia's Health Service: An Executive's Memoirs. U. Ochirov (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 296 s.
- Suseev P. N. Public health service. In: Elista. 100th Anniversary. Past, Present, Future. Elista: Kalmykia Book Publ., 1965. Pp. 52–61. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 981–1005, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-981-1005

Динамика хозяйственного освоения Посурья в I тысячелетии н.э. Часть 1: данные стратиграфического анализа пойменных и балочных отложений

Леонид Александрович Вязов¹, Елена Викторовна Пономаренко², Екатерина Георгиевна
Ершова³, Юлия Анатольевна Салова⁴, Николай Станиславович Мясников⁵

¹ Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (д. 86, ул. Малыгина,
625026 Тюмень, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-2074-9276. E-mail: l.a.vyazov@gmail.com

² Университет Оттавы (д. 60, Университет, K1N 6N5 3 Оттава, Канада)
кандидат биологических наук, профессор
 0000-0003-3718-7801. E-mail: eponoma3@uOttawa.ca

³ Московский государственный университет (1, ул. Колмогорова, 119991 Москва, Российская
Федерация)
кандидат биологических наук, доцент
 0000-0002-5421-9572. E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

⁴ Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (д. 86, ул. Малыгина,
625026 Тюмень, Российская Федерация)
научный сотрудник
 0000-0002-8076-6887. E-mail: yadviga13ya@gmail.com

⁵ Чувашский государственный институт гуманитарных наук (д. 29, корп. 1, Московский пр.,
428015 Чебоксары, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-4557-8995. E-mail: myasnikovn1988@gmail.com

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Вязов Л. А., Пономаренко Е. В., Ершова Е. Г., Салова Ю. А., Мясников Н. С., 2021.

Аннотация. В статье приводятся результаты комплексного ландшафтно-археологического исследования динамики взаимодействия человека и окружающей среды на территории Среднего Посурья в I тыс. н. э. Проанализированные данные были получены в ходе изучения поймы

р. Сура в нижнем течении р. Малая Сарка. Анализ пойменных отложений и погребенных почв показал, что в течение I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. сменилось несколько природно-климатических циклов, в течение которых пойма периодически становилась доступной для различных видов хозяйственного освоения. К раннему железному веку (I тыс. до н. э. – II–III вв. н. э.) относится формирование на исследованном участке поймы р. Суры серых лесных почв. В этот период пойма оставалась незаселенной, а население осваивало участки высоких террас и коренных берегов рек. Напротив, во второй четверти I тыс. н. э. наиболее благоприятные условия для заселения сложились именно на пойменных участках, покрытых широколиственным лесом. Освоение пойменных ландшафтов Посурья в это время осуществлялось носителями средневожского варианта киевской культуры, в результате хозяйственной активности которого происходит постепенное сведение лесов и залужение поверхности. Во второй половине V в. происходит резкая интенсификация паводков и увеличение стока. Памятники этого времени относятся к развитому этапу именьковской культуры; они расположены на верхних террасах. Новый этап низкой поемности относится к средневековому времени (VIII–XIII вв.), почвы этого времени несут следы остепнения и последующей распашки пойменных ландшафтов. Позднее, в эпоху позднего средневековья и начала Нового времени, распашка смещается на водоразделы и интенсифицируется, а в поймах вновь начинается накопление слоистых аллювиальных отложений, маркирующих частые и интенсивные паводки. Прослеженная динамика обводненности сурской поймы асинхронна данным, полученным по другим исследованным регионам Русской равнины, что ставит вопрос о наличии связи между доступностью пойм для хозяйственного освоения и миграционными процессами.

Ключевые слова: Среднее Посурье, ландшафтная археология, археология пойм, педолитогенные комплексы, ранний железный век, Великое переселение народов, динамика взаимодействия человека и окружающей среды

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Исследования археологических памятников Среднего Посурья периода римских влияний и Великого переселения народов» (№ 17-31-01065).

Для цитирования: Вязов Л. А., Пономаренко Е. В., Ершова Е. Г., Салова Ю. А., Мясников Н. С. Динамика хозяйственного освоения Посурья в I тысячелетии н.э. Часть 1: данные стратиграфического анализа пойменных и балочных отложений // Oriental Studies. 2021. Т. 14 (5). С. 981–1005. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-981-1005

Dynamics of Economic Development in the Sura River Valley, 1st Millennium CE. Part 1: Stratigraphic Analysis of Floodplain and Gully Sediments

Leonid A. Vyazov¹, Elena V. Ponomarenko², Ekaterina G. Ershova³, Yulia A. Salova⁴, Nikolay S. Myasnikov⁵

¹ Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (86, Malygin St., 625026 Tyumen, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2074-9276. E-mail: l.a.vyazov@gmail.com

² University of Ottawa (60, University, K1N 6N5 3 Ottawa ON, Canada)

Cand. Sc. (Biology), Adjunct Professor

 0000-0003-3718-7801. E-mail: eponoma3@uOttawa.ca

³ Lomonosov Moscow State University (1, Kolmogorov St., 119991 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Associate Professor

 0000-0002-5421-9572. E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

⁴ Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (86, Malygin St., 625026 Tyumen, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-8076-6887. E-mail: yadviga13ya@gmail.com

⁵ Chuvash State Institute for the Humanities (29/1, Moskovsky Ave., 428015 Cheboksary, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-4557-8995. E-mail: myasnikovn1988@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Vyazov L. A., Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Salova Yu. A., Myasnikov N. S., 2021

Abstract. The article summarizes the results of a comprehensive landscape-archaeological study of the dynamics of human-environmental interaction in the Middle Sura region during the first millennium AD. The data resulted from the study of the River Sura floodplain at the former confluence of the Sura and the Malaya Sarka. The analysis of the sediments and buried soils indicates that the period between the first millennium BC and the first millennium AD saw a series of climatic cycles changing each other, with the floodplain periodically being available for various types of economic development. The Early Iron Age (first millennium BC – 2nd–3rd centuries AD) saw the formation of grey forest soils in the part of the floodplain under study. During this period, the area remained uninhabited, while the population was involved in the development of the elevated terraces and riverbanks. In contrast, in the second quarter of the first millennium AD the floodplain covered at the time by broadleaf forest had the most favorable conditions for settlement; the area was developed by the population that belonged to the Middle Volga variant of the Kiev culture. Their economic activity resulted in the gradual deforestation of the floodplain, with meadow landscapes arising instead of the forest. The second half of the 5th century saw drastic intensification of the floods and an increased runoff. The sites assigned to this period represent the developed stage of the Imen'kovo culture; these were located on the elevated terraces. The new stage of low flooding dates to the medieval period (8th–13th centuries), the soils bearing traces of steppe formation and subsequent development of the floodplain. Later, in the late Middle Age and the early Modern period, tillage shifted to watersheds and intensified, while the accumulation of layered alluvial deposits on the floodplain started again, with frequent and intense floods taking place. The study of the dynamics of the moistening of the Sura floodplain is asynchronous with the data of other studied regions of the Russian Plain, which raises the question of a relationship between the availability of floodplains for economic development and migration processes.

Keywords: Middle Sura region, landscape archaeology, archaeology of floodplains, pedolithogenic complexes, the Early Iron Age, the Migration period, dynamics of human-environmental interaction

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 17-31-01065 'Exploring Archaeological Sites of the Middle Sura Region from the Roman and Migration Periods'.

For citation: Vyazov L. A., Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Salova Yu. A., Myasnikov N. S. Dynamics of Economic Development in the Sura River Valley, 1st Millennium CE. Part 1: Stratigraphic Analysis of Floodplain and Gully Sediments. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 981–1005. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-981-1005

Введение

До начала II тыс. н. э. подавляющее большинство археологических памятников в Среднем Поволжье располагалось на берегах рек, а многие — непосредственно в пойме [Vyazov et al. 2019]. Реки были неотъемлемой частью хозяйственной организации территории, поэтому следы присутствия человеческих коллективов должны быть наиболее заметными именно в этих

элементах ландшафта. В автоморфных местообитаниях следы разных стадий заселения могут быть спрессованы, перекрываясь в одном и том же слое почвы, в то время как в поймах даже очень близкие по возрасту события часто разделяются аллювиальными наносами.

В последнее десятилетие появились работы, демонстрирующие перспективность палеоботанического анализа (в частности,

анализа макроостатков и пылицы) овражно-балочных наносов для обнаружения следов обитания древних коллективов и реконструкции характера природопользования (например: [Scherer et al. 2021; Ponomarenko et al. 2020; Пономаренко и др. 2015; Kaal et al. 2011]). Несмотря на растущий интерес к археологии поймы [Кренке 2019], работы по реконструкции динамики хозяйственного освоения на основании сопряженного анализа стратиграфии и почвенных макроостатков в пойменных отложениях Русской равнины до сих пор немногочисленны [Alexandrovski et al. 2018].

Что же касается Среднего Поволжья, то такие исследования и вовсе единичны. Так, на территории региона были описаны три погребенные почвы, маркирующие региональные перерывы в осадконакоплении (периоды низкой поемности). Их возраст составляет около 6800–5000, 3800–3000 и 2400–1200 л. н. [Мозжерин, Курбанова 2004; Галимова и др. 2016; Курбанова 1991]. Слабая изученность погребенных пойменных почв средневожского региона в значительной степени обусловлена затоплением при создании водохранилищ части долины Волги и приустьевых участков ее притоков, т. е. наиболее освоенных в древности территорий. В этой ситуации важнейшими для изучения микрорегионами становятся срединные участки течения средних и малых рек. Одним из таковых выступает среднее течение р. Суры, где на протяжении 60 км от с. Сурское до г. Алатыря разведочным обследованием авторов выявлено два десятка местонахождений погребенных почв разного возраста. Часть из них ассоциирована с археологическими памятниками, что предполагает включение незатопляемых участков пойм в зоны хозяйственного освоения древним населением и делает погребенные почвы важным источником для реконструкции изменений климата, а также связанных с ними систем расселения и динамики землепользования на территории Среднего Поволжья.

Целью настоящей работы является применение детального палеоботанического анализа стратифицированных пойменных и балочных отложений для понимания динамики взаимодействия человека и окружающей среды в Среднем Посурье. Исследования проводились в рамках программы

работ международной рабочей группы по изучению проблем ландшафтной археологии лесостепной зоны в голоцене [Ситди-ков и др. 2016] и включали в себя два этапа: (1) стратиграфический анализ обнажений и разрезов с целью выделения слоев для опробования и их предварительной корреляции; и (2) палинологический анализ и анализ состава крупных фракций выделенных стратиграфических единиц.

В настоящей статье приводятся результаты стратиграфического анализа вскрытых отложений; данные анализа почвенных макроостатков, палинологического анализа, а также общие выводы относительно реконструкции динамики хозяйственного освоения микрорегиона будут приведены во второй части исследования, которая будет опубликована в одном из следующих номеров журнала.

Общая характеристика района работ и расположенных в нем археологических памятников

Территория Среднего Посурья охватывает пограничные участки Чувашской Республики, Республики Мордовия и Ульяновской области, на границе современных зон широколиственных лесов и лесостепи. Этот регион, как минимум с эпохи неолита, являлся контактной зоной различных групп населения. В раннем железном веке здесь проходила юго-западная граница распространения культур ананьинской области. Позднее, в первые века н. э., Среднее Посурье становится южным пределом распространения раннего этапа древностей типа Сендимирино-Таутово, относимых исследователями к раннему этапу развития древнемордовской культуры. Во второй четверти I тыс. н. э. области в среднем течении р. Суры вошли в ареал формирования средневожского варианта киевской и именковской культур, став на несколько столетий фронтиром древнемордовского и именковского населения. Позднее, в эпоху средневековья, этот регион становится западным пределом Волжской Булгарии, а в золотоордынский период здесь формируется восточный форпост древнерусского Нижегородского княжества [Вязов и др. 2020: 354–356¹].

¹ Там же см. обзор истории изучения региона.

Неоднократная и последовательная смена населения на территории Среднего Посурья сопровождалась изменением стратегий хозяйственного освоения региона, что проявилось в изменении систем расселения, топографии памятников и технологий ведения хозяйства. Поэтому изучение динамики взаимодействия человека и окружающей среды на материалах памятников региона стало одной из важнейших задач международной археологической экспедиции по изучению историко-культурной динамики в Посурье в I тыс. н. э. в 2015–2019 гг. Наиболее значимые результаты в области решения указанных проблем были получены в результате ландшафтно-археологических исследований в окрестностях с. Иваньково-Ленино [Вязов и др. 2020].

Здесь, на участке долины р. Суры протяженностью около 10 км между селами Иваньково-Ленино и Сара, в 2015–2019 гг. экспедицией была исследована группа памятников раннего железного века, эпохи Великого переселения народов и средневекового времени, большая часть которых была обнаружена краеведом А. А. Макеевым в 1970-е гг. (рис. 1).

С геоморфологической точки зрения, Иваньковский микрорегион представляет собой участок асимметричной долины р. Суры, с высоким (до 80 м над рекой) левым берегом, сложенным коренными породами, и низким правым, представленным поймой и комплексом разновозрастных террас. В центральной части участка исследования расположена долина р. Малая Сарка. Современное русло реки было искусственно проложено в XIX в.; древнее русло реконструируется по данным спутниковой и аэрофотосъемки (рис. 2).

Ранний железный век на территории Иваньковского микрорегиона представлен единичной находкой бронзовой кольцевой бляхи с орнитоморфным украшением, сделанной на территории Макеевского селища на правом берегу реки, относящаяся, по-видимому, к ананьинскому времени [Мясников 2014: 279].

К концу раннего железного века и началу эпохи Великого переселения народов (II–III вв. н. э.) относится городище *Иваньковская Стрелка*, с которого происходят находки сендимиркинско-таутовского круга — раннего этапа древнемордовской куль-

туры. Находки того же культурного круга происходят из подъемного материала с территории селища *Сара-1* и *2*.

Эпоха Великого переселения представлена памятниками двух культурных групп. Материалы, относящиеся к средневолжскому варианту киевской культуры (близкие памятникам типа *Сиделькино-Тимяшево*, выделенным Д. А. Сташенковым [Сташенков 2005; Вязов, Сташенков 2013: 51]), выявлены на Макеевском селище в пойме правого берега р. Суры; к этому же культурному кругу относятся расположенные на краю первой надпойменной террасы селища *Сара-1* и *2*, одно из них (*Сара-1*) исследовалось раскопками в течение двух полевых сезонов [Вязов и др. 2020: 359–361]. На основании полученных радиоуглеродных дат памятники средневолжского варианта киевской культуры в Посурье относятся ко второй половине III–IV вв. н. э.

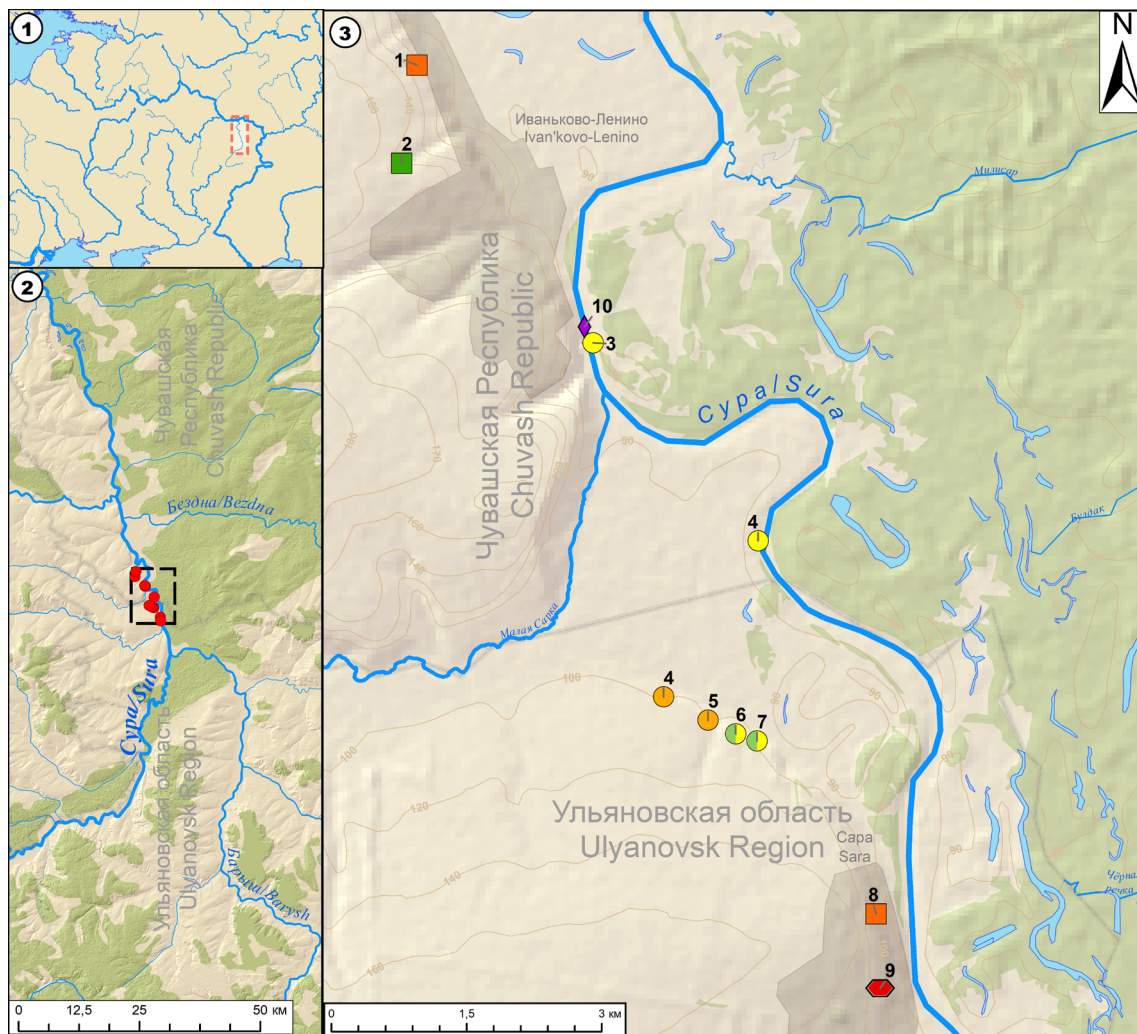
К более позднему времени относятся памятники развитого этапа именьковской культуры (V–VI вв. н. э.) — городища Иваньково-Ленинское *Шолм* и Сарское *Ладьяжья Гора* [Вязов и др. 2016: 60–70; 80–82], а также прилегающие к городищам селища. Именьковские памятники занимают высокое положение в рельефе, они расположены на краю коренного берега р. Суры, городища — на мысах между отрогами оврагов.

Еще два памятника — расположенные на краю первой надпойменной террасы селища *Сара-3* и *4* — известны только по материалам поверхностных сборов, на основании которых они могут быть широко датированы 2–3 четвертью I тыс. н. э., данных для уточнения культурной принадлежности недостаточно.

Наконец, к позднему средневековью (XIV в. и позднее) относятся памятники на территории с. Сара, отражающие освоение края населением нижегородского княжества [Вязов и др. 2020: 361–362].

Таким образом, по археологическим данным, фиксируются несколько этапов освоения исследуемого микрорегиона:

- 1) во 2–3 четверти I тыс. до н. э. — населением культур ананьинской области;
- 2) во II–III вв. н. э. — носителями древностей типа Сендимиркино-Таутово;
- 3) в III–IV вв. н. э. — населением средневолжского варианта киевской культуры;

Условные обозначения / Legend:

◆ местонахождение, VIII-IV вв. до н.э. / find, 800-300 BCE	● селище, 2-3 (?) четв. I тыс. н.э. / settlement, 250-500, 500-700 CE	■ современные населенные пункты / Modern localities
■ городище, 1-я четв. I тыс. н.э. / hillfort, 0-250 CE	■ городище, 3-я четв. I тыс. н.э. / hillfort, 500-700 CE	■ Залесенные территории / Forest
● селище, 2-я четв. I тыс. н.э. / settlement, 250-500 CE	◆ селище и могильник, II тыс. н.э. / settlement and necropolis, later 1250 CE	■ Озера / Lakes&oxbows
● селище, 1-я четв. I тыс. н.э.; 2 четв. I тыс. н.э. / settlement, 0-250; 250-500 CE		— Изолинии (через 20 м) / Contours (20 m step)

Рис. 1. Микрорегион исследований в нижнем течении р. Малая Сарка (Среднее Посурье). Цифрами на карте обозначены: 1 — Ивановско-Ленинское городище *Шолм*; 2 — Городище *Иваньковская Стрелка*; 3 — Макеевское селище; 4 — Селище *Устье Малой Сарки*; 4 — Селище *Сара-4*; 5 — Селище *Сара-3*; 6 — Селище *Сара-2*; 7 — Селище *Сара-1*; 8 — Городище *Лодыжься гора*; 9 — Селище *Сара-5* и грунтовый могильник; 10 — находка на Макеевском селище.

[Fig. 1. Area of study downstream the Malaya Sarka River (Middle Sura region). Figures indicate as follows: 1 — *Ivankovo-Lenino* hillfort of *Sholm*; 2 — *Ivankovskaya Strelka* hillfort; 3 — *Makeevskoe* site; 4 — *Ustye Maloy Sarki* (Malaya Sarka Estuary) site; 4 — *Sara-4* site; 5 — *Sara-3* site; 6 — *Sara-2* site; 7 — *Sara-1* site; 8 — *Lodyzhya Gora* hillfort; 9 — *Sara-5* settlement and burial ground; 10 — find from *Makeevskoe* site]

Рис. 2. Селище Устье Малой Сарки. Ортофотоплан поверхности
 [Fig. 2. Ustye Maloy Sarki (Malaya Sarka Estuary) site. Orthophotomap of the surface]

4) в V–VII вв. н. э. — именьковским населением;

5) в XIV в. н. э. — золотоордынским, мордовским и позднее русским населением.

Материалы и методы исследования

В ходе обследования Иваньковского микрорегиона в 2015–2019 гг. было отмечено, что из всех периодов освоения именно материалы III–IV вв. н. э. наиболее массово

встречаются в пойменных участках Сурской долины, в том числе — в слоях, перекрытых позднейшими аллювиально-пролювиальными отложениями. Для изучения взаимосвязи динамики флювиальных и историко-культурных процессов экспедицией был выполнен поиск береговых обнажений, содержащих погребенные культурные слои.

В результате был выбран участок, расположенный в береговом обрыве р. Суры

в 3 км к юго-востоку от с. Иваново–Ле-нино и в 4 км к северу–северо-западу от с. Сара, где краевед с. Иваново А. А. Макеев с 1970-х гг. фиксировал фрагменты керамики в слое, перекрытом позднейшими наносами. Осмотр обнажения подтвердил наличие погребенного культурного слоя, содержащего угли и фрагменты керамики, маркирующие наличие археологического памятника поселенческого типа. Посколь-

ку, согласно картам XIX в., выявленный памятник находится в непосредственной близости от исторического устья р. Малая Сарка, он получил название «Селище „Устье Малой Сарки“».

Для изучения пойменных отложений, вмещающих культурный слой памятника, были сделаны четыре зачистки (*пойменные разрезы 1–4*). Найденная при зачистке в погребенном культурном слое керамика

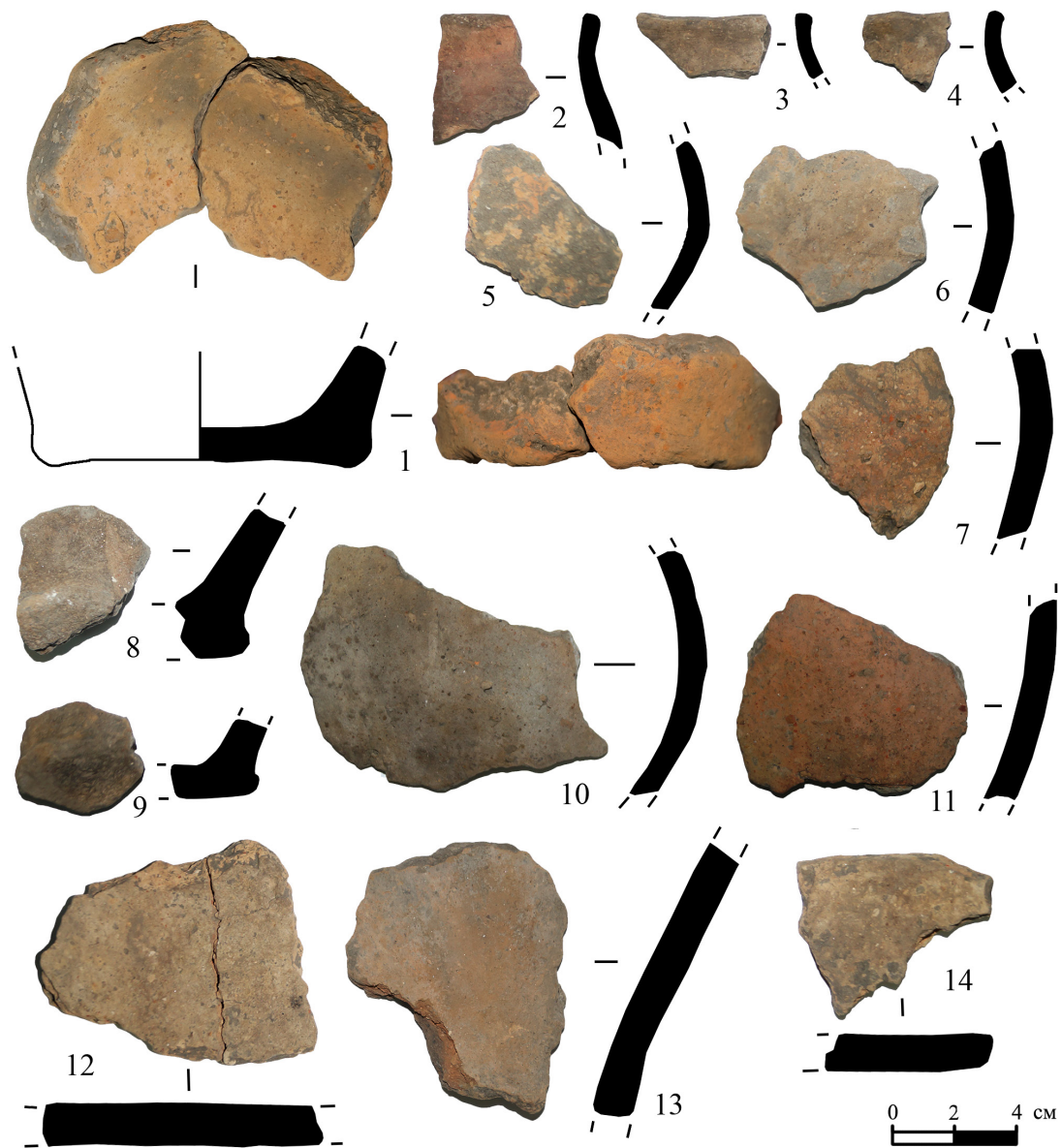

Рис. 3. Комплекс находок из заполнения котлована (разрез 4) и культурного слоя селища Устье Малой Сарки. 1–14 — лепная керамика.

[Fig. 3. Finds from the in-fill of the structure in Section 4 and from the cultural layer of *Ustye Maloy Sarki* (*Malaya Sarka Estuary*) site. 1–14 — handmade pottery]

представлена фрагментами толстостенных плоскодонных лепных сосудов с примесью шамота (рис. 3: А). Шейки короткие, слабо-профилированные, без выраженного уступа при переходе к тулову (рис. 3: 9–11); переход к днищу прямой или в виде небольшой закраины (рис. 3: 1, 6). Наибольшее расширение тулова часто оформлено в виде сглаженного ребра (рис. 3: 3, 5, 7, 8). Такой набор признаков характерен для средневожского варианта киевской культуры — время

формирования культурного слоя можно отнести ко 2-й четверти I тыс. н. э.

Исследование пойменных отложений, вмещающих культурный слой селища *Устье Малой Сарки*, показало наличие нескольких этапов эрозии и осадконакопления. Для верификации полученных результатов экспедицией был заложен еще один разрез, вскрывающий толщу стратифицированных овражно-балочных отложений на дне безымянного оврага, разделяющего

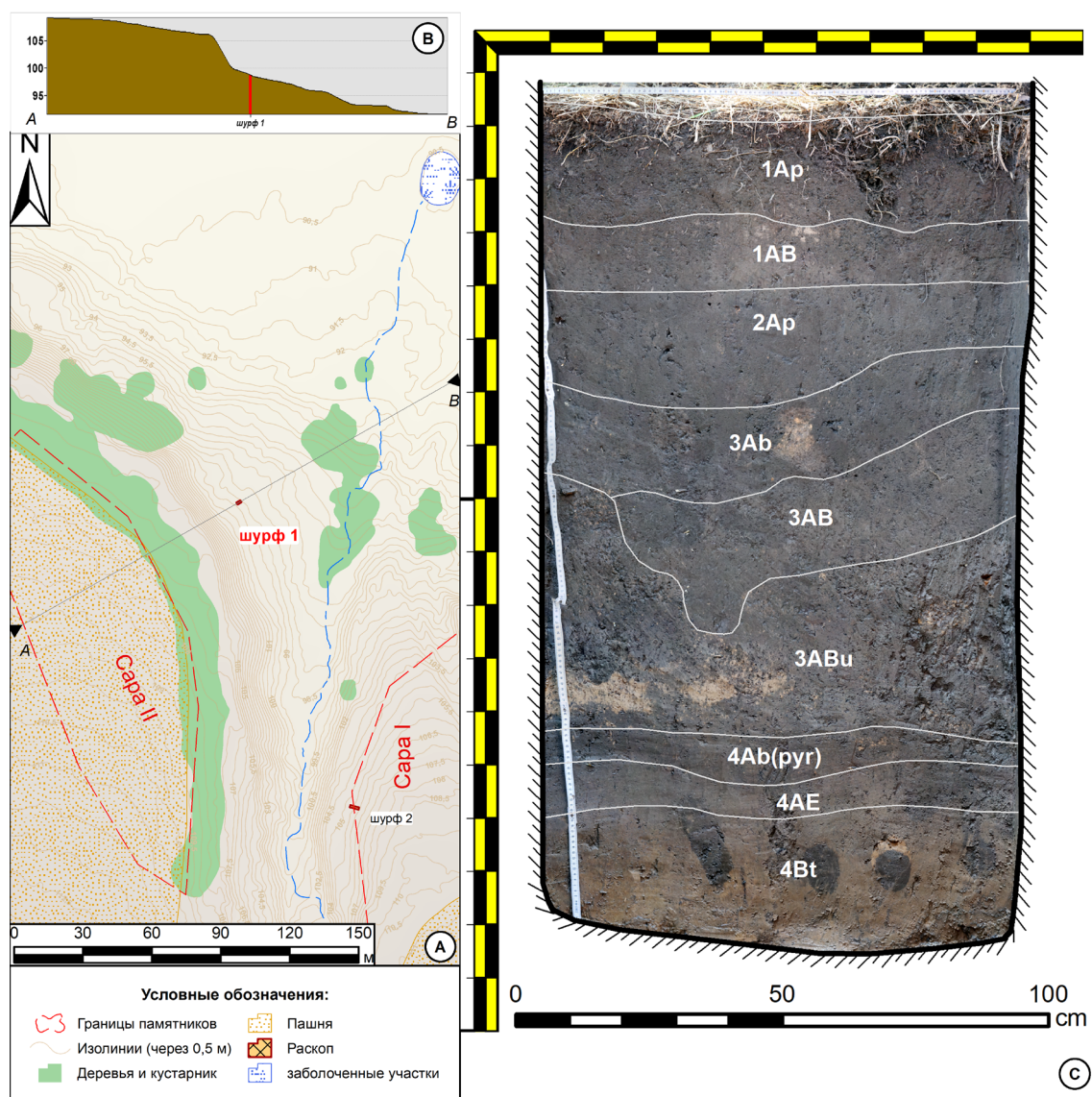

Рис. 4. Шурф в устье безымянного оврага у селищ *Сара-1* и 2.

А — место закладки шурфа, топографический план; В — профиль высот склона надпойменной террасы р. Суры по линии АВ; С — стратиграфия шурфа (западная стенка)

[Fig. 4. Test pit in the mouth of unnamed gully at *Sara-1*, 2 sites.

A — topographic map of the area where the test pit was elaborated; B — elevation profile of the terrace slope from point A to B; C — stratigraphy of the test pit (western wall)]

селища *Сара-1* и *Сара-2*, у подножия террасы, был заложен дополнительный разрез (*шурф 1*). Стратиграфические данные, полученные в шурфе 1, позволили сопоставить количество этапов эрозии в овражно-балочных и пойменных отложениях (рис. 4).

Артефакты из шурфа 1 (рис. 5: 11–14) представлены фрагментами лепных плоскодонных сосудов с примесью шамота. Присутствуют сосуды со слабопрофилированной шейкой и со сглаженным ребром (рис. 5: 14) и венчики с утолщением на крае (рис. 5: 12). Обнаруженная керамика близка к выявленной в культурном слое селища *Устье Малой Сарки* (рис. 3) и на селищах *Сара-1* и 2 (рис. 5: 1–10), что позволяет синхронизировать эти памятники.

Стратиграфия всех выполненных разрезов документировалась методом цифровой фотофиксации с последующим ортотрансформированием снимков и получением сводного ортофотоплана в программе Agisoft Photoscan. Для названия горизонтов использовалась номенклатура WRB [IUSS 2015]. Из выделенных стратиграфических слоев отбирались пробы для археоботанических определений. Обработка пространственных данных осуществлялась с использованием средств программного пакета ArcGIS.

Относительная хронология строилась на основании стратиграфических наблюдений и культурно-археологических данных о регионе. Абсолютное датирование угля

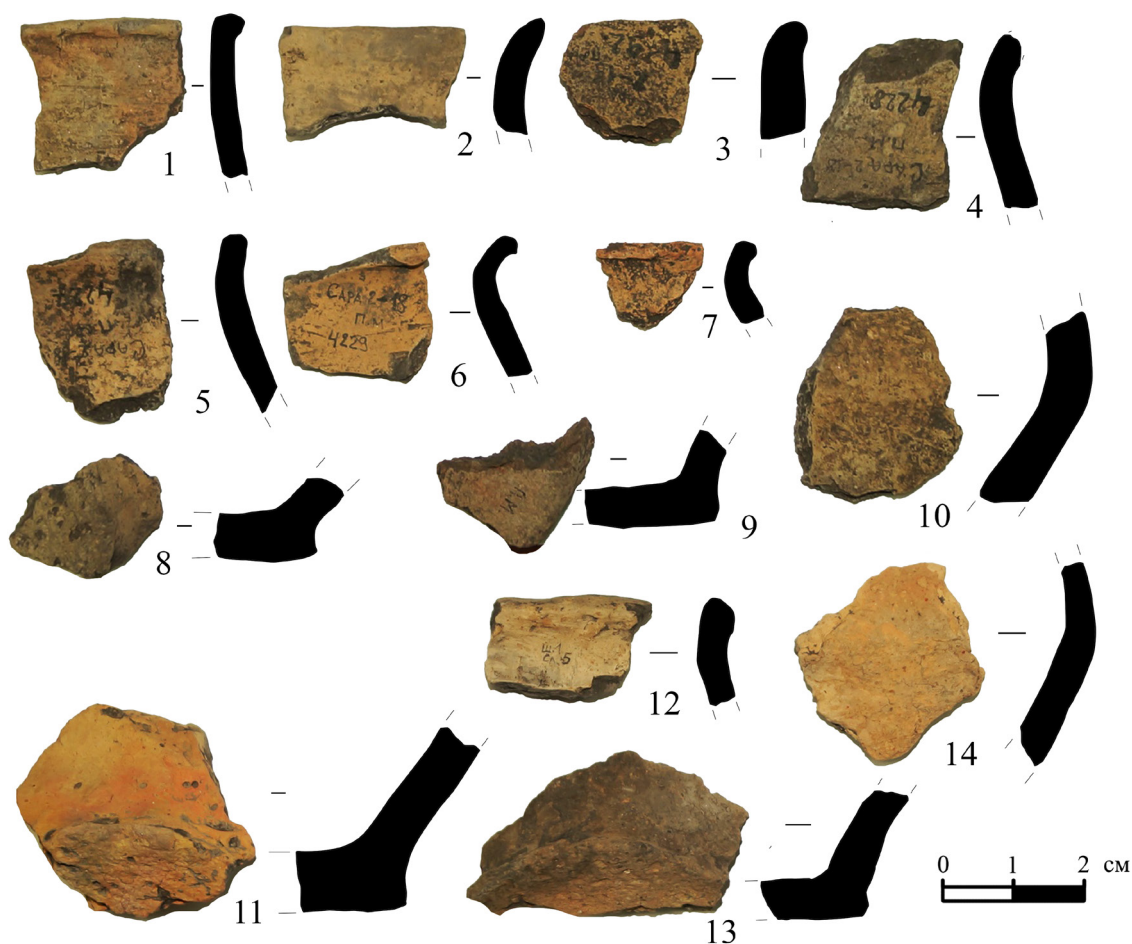

Рис. 5. Комплекс находок из шурфа 1 (11–14) и подъемный материал с поверхности селища *Сара-2* (1–10). 1–15 — лепная керамика

[Fig. 5. Finds from the test pit 1 (11–14) and surface finds from *Sara-2* site (1–10). 1–15 — handmade pottery]

методом AMS проводилось в Лаборатории им. А. Е. Лалонда (Оттавский университет, Канада).

I. Стратиграфия пойменных разрезов на селище Устье Малой Сарки

Для изучения культурного слоя селища и вмещающих его пойменных отложений были сделаны четыре зачистки берегового обнажения р. Суры. Во всех разрезах прослеживаются несколько погребенных древних поверхностей (молодых почв), пе-

рекрытых пачками аллювиальных наносов (табл. 1; рис. 6). В процессе исследования выявленные пачки слоев получили нумерацию с I до V в порядке сверху вниз, т. е. от более молодой к более древней; современная поверхность получила номер 0. Стратиграфические слои получили кодовые обозначения в соответствии с номенклатурой WRB [IUSS 2015], принадлежность слоев к той или иной пачке отражена римской цифрой в названии слоя.

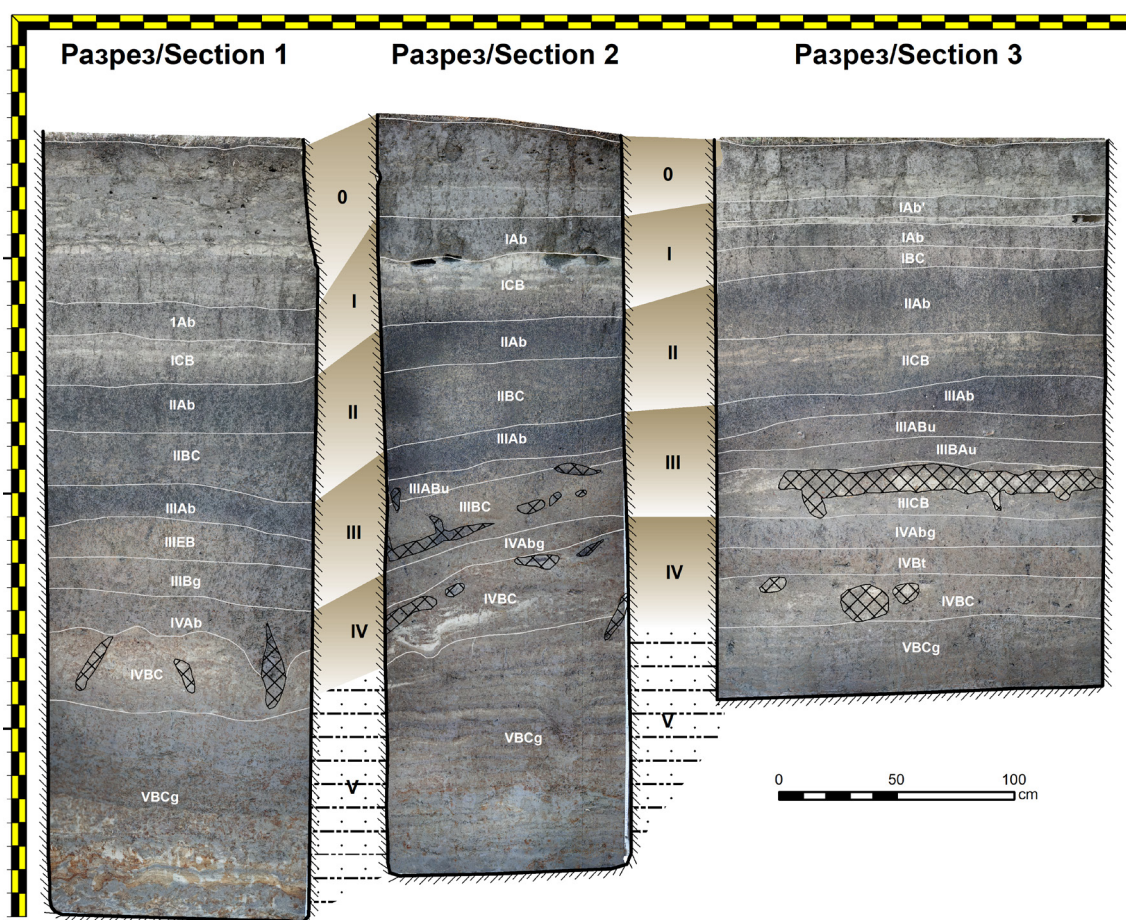

Рис. 6. Стратиграфия разрезов 1–3
[Fig. 6. Stratigraphic profiles for sections 1–3]

Таблица 1. Стратиграфия пойменных разрезов 1–4 на селище Устье Малой Сарки

№	Слой		Разрез 1			Разрез 2		
	Код	Описание	г.л.	м.	особенности	г.л.	м.	особ.
0		Современная почва, развитая на песчаных аллювиально-пролювиальных наносах с протяженными светлыми прослоями песка и гумусированными прослоями переотложенного эродированного почвенного материала (мощностью до 5 см). В некоторых из них есть следы жизнедеятельности наземных беспозвоночных	0	70	+	0	40	+
I	<i>IAb</i>	Гумусовый горизонт, заиленный песок серо-палевого цвета, структура зернистая	0,7	13–16	+	0,4	16–19	+
	<i>IBC</i>	Пачка песчаных аллювиальных наносов, перемешанных биотой, слоистость сохранилась локально		—	—		—	—
	<i>ICB</i>	Слоистая аллювиально-пролювиальная толща, частично перемешанная почвенной биотой		16–24	+		25–29	+
II	<i>IIAb</i>	Гумусовый горизонт темно-серого цвета, легкий суглинок, структура зернистая	1	20–22	ровная нижняя граница несет следы подрезки пахотными орудиями	0,85	18	+
	<i>IIbC</i>	Пачка перемешанных биотой суглинистых наносов с включениями крупных фрагментов древесного угля		23–30	мощность прослоев 9–13 мм, цвет желтовато-палевый и темно-серый		25–33	прослои 5–8 мм коричневатопалевого цвета, на большей части стенки перемешаны почвенной биотой
	<i>IIcB</i>	Пачка суглинистых и песчаных аллювиальных наносов, локально перемешанных биотой		—	—		—	—
III	<i>IIIAb</i>	Гумусовый горизонт однородного темно-серого цвета, легкий суглинок, структура зернистая, единичные крупные фрагменты древесного угля	1,4	14–18	+	1,1–1,4	14	+
	<i>IIIapyr</i>	Слой средне-серого гумусированного, углистого песка		—	—		—	—
	<i>IIIBu(1)</i>	Заполнение котлована постройки (шир. 1,1 м); перемешанный землероями песок с сохранившимися следами тонкой (< 4 мм) слоистости, содержит артефакты, кости животных и угли		—	—		—	—
	<i>IIIAu</i>	Неоднородно-окрашенный гумусированный легкий суглинок, слоистость отсутствует, зернистая структура, включения спекшихся комков ожелезненного песка и суглинка, углей и фрагментов лепной керамики — культурный слой		—	—		10	в нижней части встречаются единичные норы землероев (d=3–5 см)
	<i>IIIBu</i>	Темно-серый перемешанный песок с включениями ожелезненных комков суглинка, насыщен фрагментами угля и артефактами		—	—		—	—
	<i>IIIBAu</i>	Темно-серый перемешанный песок, насыщенный фрагментами угля и артефактами		—	—		—	—

[Table 1. Stratigraphic profiles for floodplains 1–4 at *Ustye Maloy Sarki* settlement]

Разрез 3			Разрез 4		
гл.	м.	особенности	гл.	м.	особенности
0	35	описана молодая дерновая почва с гумусовым горизонтом (<i>IAb'</i>) (8–10 см)	0	50	+
0,35	10	+	0,5	8–14	+
	9–13	переслаивающиеся наносы гумусированного песка и более светлого легкого суглинка, перемешаны на большей части слоя		—	—
	—	—		8–14	+
0,5	28	+	0,7	20	+
	—	—		76–115	аллювиальные суглинистые и песчаные прослои внутри этой пачки имеют большую мощность (1–7 см) по сравнению с аналогичными прослоями разрезов 1–3 за счет заполнения аллювием глубокой эрозионной врезки в нижележащую пачку слоев
	17–26	тонкие (до 1 см) прослои		—	—
1	8–17	+	1,7–2,1	10–44	+
	—	—		8	Правая часть разреза
	—	—		70	Верхняя часть заполнения котлована перемешана сильнее, до почти гомогенного состояния, дно его не несет следов утапывания
	—	—		—	—
	8–12	+		10+–17	+
	8–10	мелкая пятнистость окраски из-за многочисленных субвертикальных ходов беспозвоночных ($d=4\text{--}7$ мм)		—	—

№	Слой		Разрез 1			Разрез 2		
	Код	Описание	гл.	м.	особенности	гл.	м.	особ.
	<i>IIIBu(2)</i>	Тонкослоистые аллювиальные наносы светлого песка с включениями мелких (2–4 мм) пятен суглинка и ожелезненными включениями-заполнение котлована постройки		—	—		—	—
	<i>IIIBC</i>	Песчаный нанос коллювиально-аллювиального происхождения, перемешан землероями, слоистость сохранилась локально		—	—		22–25	+
	<i>IIICB</i>	Песчаный нанос аллювиального происхождения, содержащий ожелезненные включения, с большой долей отбеленного песка, замешан позвоночными землероями по ходам d=7–9 см		—	—		—	—
	<i>IIIEB</i>	Белесо-палевый легкий суглинок		10–15	+		—	—
	<i>IIIBg</i>	Оглеенный голубовато-серый средний суглинок с многочисленными охристыми железистыми включениями		20–25	+		—	—
IV	<i>IVAb</i>	Гумусовый горизонт, песок палево-серого цвета, бесструктурный	1,9	13–20	В слое и вдоль его верхней границы с кроющим наносом отмечены норы землероев (d=5–6 см)	1,7–1,8	—	—
	<i>IVAbg</i>	Голубовато-серый гумусированный, оглеенный оглиненный песок		—	—		6–16	поверхность эродирована, из почвы II спускаются ходы землероев (d=5–6 см)
	<i>IVBt</i>	Охристо-бурый опесчаненный суглинок, структура ореховатая		—	—		—	—
	<i>IVBC</i>	Песчаный нанос, содержащий слои темно-серого цвета с железистыми включениями, перемежающиеся с прослоями светлого песка, аллювиально-пролювиального происхождения		30–34	локально сохранились небольшие фрагменты исходной аллювиальной слоистости с линзами крупнозернистого песка, перемешанные биотой на большей части слоя		28–37	значительно перемешаны землероями
V	<i>VBCg</i>	Толща слоистых суглинисто-песчаных озерно-старичных отложений	2,3	> 1 м	слоистость локально нарушена педотурбацией	2,15	> 1 м	+

Примечания: Пачки слоев: I — первая погребенная почва; II — вторая погребенная почва; III — третья погребенная почва; IV — четвертая погребенная почва; V — озерно-старичные отложения.

Гл. — глубина (в метрах), м. — мощность (в см), особ. — особенности

Разрез 3			Разрез 4		
гл.	м.	особенности	гл.	м.	особенности
	—	—	16–28		Правая часть разреза. Котлован постройки ПБу(2) расположен в разрезе справа от заполнения котлована ПБу(1). Постройка (2) древнее, чем (1). Дно постройки (2) слегка утопано и покрыто тонким слоем светлого аллювиального песка; непосредственно на нем компактно залегают многочисленные рыбы кости. Левая часть разреза. Под слоями ПАи и ПАВи расположены котлованы построек, относящихся к более раннему этапу освоения территории. Относительно мощная (до 8 см) прослойка светлого песка на дне одной из них может свидетельствовать о том, что эти сооружения близки по возрасту к ранней постройке, прослеженной в правой части разреза (ПБу (2))
	—	—		—	—
	20	+		—	—
	—	—		—	—
	—	—		—	—
1,6	—	—	—	—	—
	14	+		—	—
	11–13	+		—	—
	19	перемешан землероями (ходы d=5–7 см)		—	—
2	> 1 м	+	2	> 1 м	+

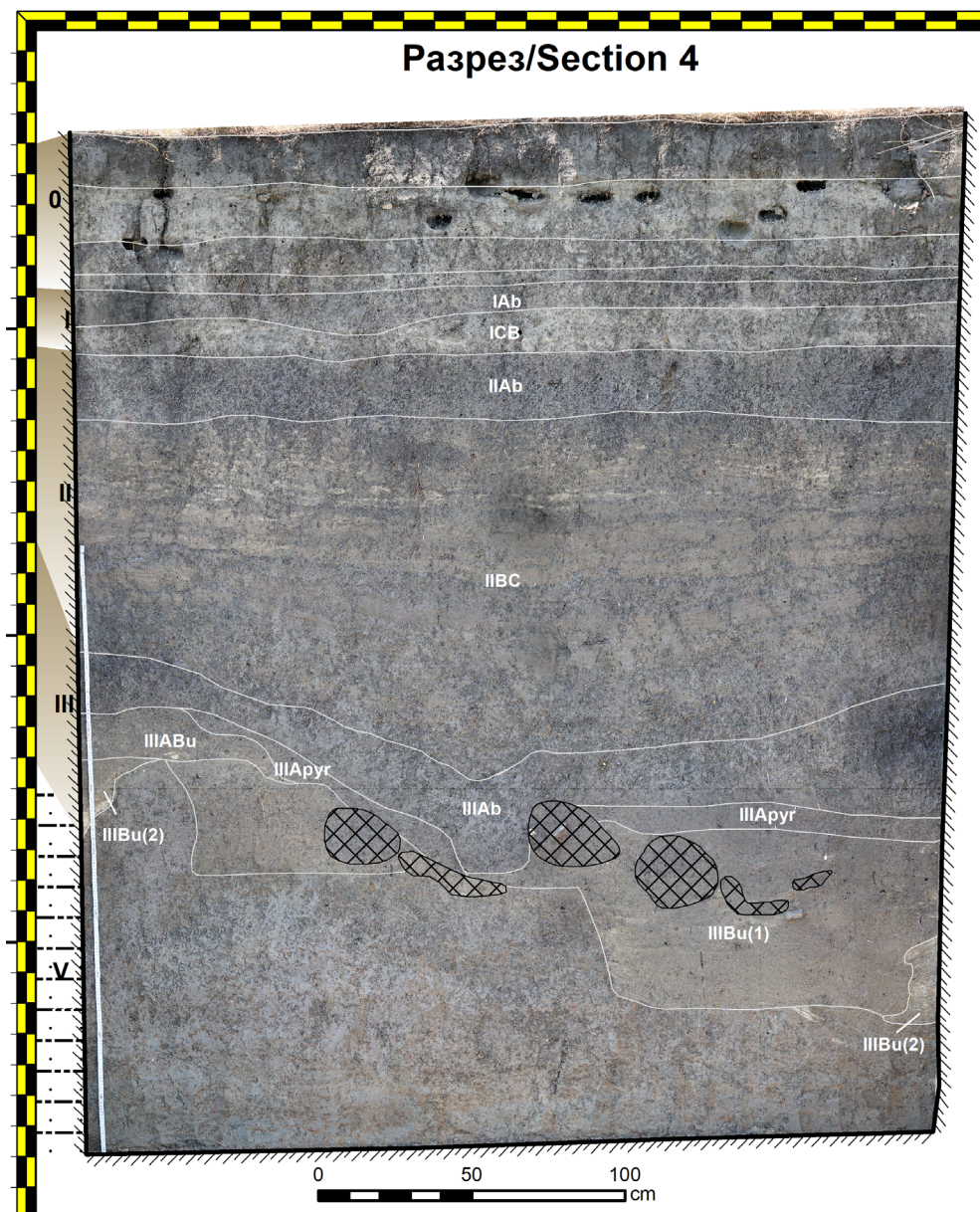

Рис. 7. Стратиграфия разреза 4

[Fig. 7. Stratigraphic profile for section 4]

Несмотря на отдельные отличия, все разрезы отражают общие процессы. Выделяются 5 древних и современный циклы осадконакопления (соответствие слоев циклам см. табл. 1); в четырех из этих циклов начальный этап активной поемности и накопления аллювия сменяется низкой поемностью, стабилизацией поверхности и формированием погребенной почвы, маркирующей ту или иную продолжительность стабилизации. Ниже приведена краткая характеристика этих циклов, от наиболее древнего к наиболее

молодому, то есть в хронологическом порядке их формирования.

Цикл V (гл. 200–235 см)

В основании разрезов залегает полосчатая толща тонко- и среднезернистых песков с суглинистыми прослоями мощностью от 1 до 5 см, границы между прослоями ровные, выдержаны по простиранию, слои оглеены — округлые пятна и линейные морфоны с железистым ободком маркируют садку железа вокруг корней. Погребенные дневные поверхности не обнаружены,

но в разрезе 1 мощность прослоев очень невелика — они почти смыкаются, что может свидетельствовать о наличии здесь *болотно-глеевой почвы*, срезанной эрозией. Верхняя граница пачки эрозионная, с перепадами уровней до 10 см, что говорит о быстром, резком изменении режима поемности. Характер выявленных напластований, таким образом, позволяет интерпретировать слои цикла V как *наносы, которые отложились в стоячей воде пойменного озера, пересохшего и заболотившегося к концу цикла*.

Цикл IV (гл. 160–200 см)

Эта пачка слоев представлена только в разрезах 1 и 3, в разрезе 4 она прорезана углубленными сооружениями селища, а в разрезе 2 сильно размыта. Пачка состоит из опесчаненного суглинка, преобразованного почвообразованием: с протяженными линзами песка в нижней части, прерывистыми линзами и пятнами в средней части и погребенного серо-гумусового горизонта IVAb мощностью 7–9 см. В нижней и верхней частях пачки есть оглеение по корневинам; в подгумусовом слое отмечена ореховатая структура, характерная для лесных почв: по-видимому, эта *дерново-глеевая почва* прошла лесную стадию почвообразования.

Границы между прослоями в средней и нижней части пачки эрозионные, прослой прослеживаются на протяжении 10–20 см. Верхняя граница пачки нарушена антропогенной деятельностью в двух из четырех разрезов; в разрезе 1 граница между погребенной почвой и кроющим наносом постепенная, что может свидетельствовать о постепенном увеличении продолжительности затопления в конце цикла. Таким образом, цикл IV отражает переход участка в режим поемности — *врезание русла и периодическое затопление участка паводковыми водами*.

Цикл III (гл. 200–150 см)

Пачка состоит из суглинка, полностью преобразованного почвообразованием; слоистость отсутствует, верхние 12–15 (до 40 см) имеют темно-серую окраску и зернистую структуру (погребенный гумусовый горизонт IIIAb). Слои, связанные с хозяйственной деятельностью населения, оставившего селище *Устье Малой Сарки*, залегают в этой пачке, под гумусовым горизонтом. Особняком стоит разрез 1, где слои,

содержащие артефакты, в составе III пачки не выявлены. Верхняя граница пачки эрозионная, с перепадами до 50 см, что говорит о быстром, резком изменении режима поемности в конце цикла. *Этот период характеризуется длительной стабилизацией поверхности и низкой поемностью (режим, при котором пойма затопляется непродолжительно или не каждый год)*.

Цикл II (гл. 1,0–0,6 м)

Пачка чередующихся прослоев светлого тонкозернистого песка и более темного суглинка, мощность прослоев от 1 до 8 см; верхние 10–15 см гумусированы, имеют насыщенную темно-серую окраску и зернистую копрогенную структуру (погребенный гумусовый горизонт IIAb), с поверхности опущены заполненные ходы землероев диаметром около 7 см. Интенсивно-темная окраска гумусового горизонта при отсутствии явной углистости и обилие землероин характерны для степного типа гумусонакопления, *почва лугово-черноземная*. Нижняя граница пачки эрозионная, верхняя — достаточно ровная, что говорит о постепенном увеличении водности в конце цикла. *Формирование травяной экосистемы (остепненный луг?) в пойме*.

Цикл I (гл. 1,0–0,6 м)

Пачка чередующихся прослоев светлого тонкозернистого песка и гумусированной супеси, мощность прослоев от 2 до 10 см — слоистый аллювий, характерный для сельскохозяйственного освоения (распашки) водосборного бассейна; верхние 13–18 см перемешаны и гумусированы, с бледно-серой окраской — погребенный гумусовый горизонт IAb с нижней границей, в некоторых разрезах подрезанной пахотными орудиями — *старопахотная дерновая почва*. Округлые копрогенные агрегаты организованы в пластинчатую структуру за счет поверхностного уплотнения. Верхняя граница слоя ровная, резкая, маркируется наносом песка на гумусированную поверхность. *В течение цикла произошло стремительное увеличение стока и распашка водосборного бассейна*.

Цикл 0 — современность (гл. 0,7–0 м)

Пачка чередующихся линз светлого песка и гумусированной супеси, мощность прослоев от 1 до 5 см. В этой пачке хорошо прослеживается перекрестная слоистость,

характерная для быстрого отложения песка из перенасыщенного потока. Степень перемешанности и гранулометрический состав прослоев быстро меняются на протяжении дециметров, что типично для склоновых процессов на пашне и пастбищах. Современный гумусовый горизонт мощностью 15 см с зернисто-комковатой структурой развит на этой аллювиально-пролювиальной толще. *Дерновая почва* сформирована на наносах, отложившихся после *обезлесения и сельскохозяйственного освоения прибрежной полосы*.

Таким образом, в трехметровом слое отложений, вскрытых береговыми обрывами Суры, прослеживаются следы пяти циклов, отражающих изменения режима поемности. Судя по мощности погребенных гумусовых горизонтов, сформировавшихся в периоды стабилизации поверхности, всего два этапа низкой поемности длились не менее нескольких столетий, отразившись в формировании почв III и II. Культурный слой селища *Устье Малой Сарки* связан с первым из них (почва III).

II. Стратиграфия разреза балочных отложений у селищ *Сара-1* и *2*

В балке, разделяющей селища *Сара-1* и *Сара-2* (рис. 4: С), был вскрыт стратозем, состоящий из современной почвы, залегающей на дневной поверхности, и трех почв, погребенных под овражно-балочными отложениями в результате эпизодов эрозии на водосборном участке. Ниже приведена краткая характеристика циклов осадконакопления и почвообразования, от наиболее древнего к наиболее молодому (табл. 2).

Цикл 4

В основании педолитогенного комплекса залегает серая лесная почва, развитая на лессовидном суглинке (*5Bt*). По строению профиля погребенная почва соответствует *серой лесной почве*. Наличие углей в гумусовом горизонте (*4Ab(pyr)*) указывает на то, что лес был пройден пожаром, а отсутствие следов комлей деревьев, плитчатость, характерная для уплотнения почвенной массы, и ровная верхняя граница гумусового горизонта с перекрывающим наносом — на то, что участок был залужен на момент погребения поверхности. *Лес-пожар или выжиг-залужение*.

Цикл 3

Поверхность погребенной почвы перекрыта преобразованным почвообразованием, наносом буровато-средне-серого суглинка (*3ABu*) — *переотложенным в результате склоновых процессов культурным слоем селища Сара-2*. Переотложенный культурный слой переходит по диффузной верхней границе в более светлоокрашенный делювиальный нанос (*3AB*), *переработанный почвообразованием (предположительно, лесного типа)*. Верхняя часть наноса преобразована в темноцветный гумусовый горизонт (*3Ab*), маркирующий *луговую черноземовидную почву, которая образовалась на обезлесенном участке во время теплой, сухой климатической фазы*.

Цикл 2

Гумусовый горизонт луговой почвы (*3Ab*) переходит по неровной, но четкой границе в более светлоокрашенный слой (*2Ap*), соответствующий *горизонту распахки*. Судя по тому, что в погребенном под (*2Ap*) гумусовом горизонте (*3Ab*) многочисленны землерои, которые отсутствуют в выше лежащих слоях, и по заметному осветлению общей массы пахотного горизонта по сравнению с погребенным под ним гумусовым горизонтом, между этапом залужения и распахки был перерыв, возможно, сопровождавшийся облесением. Цикл 2, таким образом, отражает *распахку примыкающего участка*.

Цикл 1

Поверхность распаханной почвы (*2Ap*) перекрыта наносом, на котором развит горизонт (*1Ap*) с характерной для пашни волнистой поверхностью, с амплитудой 5–7 см и длиной волны 19–20 см. На поверхности минеральной почвы накоплена дернина. *Старопахотная почва, заброшенная в залежь*.

III. Стратиграфическое соотношение пойменных и балочного разрезов

Точная хронологическая корреляция разрезов возможна только на основании радиоуглеродных датировок и анализа макроостатков в сравниваемых слоях, однако стратиграфический анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Как указывалось выше, в пойменных разрезах выделено пять древних и современ-

Таблица 2. Стратиграфия разреза в балке между селищами *Sara-1* и 2 (шурф 1)
 [Table 2. Stratigraphic profile for a gully between *Sara-1* and 2 settlements (test pit 1)]

Цикл	Слой	Мощность	Описание
0	<i>O</i>	4–9	Дернина
1	<i>1Ap</i>	21–25	Однородно-окрашенный темно-серый легкий суглинок, в нижней части более светлого тона за счет кремнеземистой присыпки, рыхлый, с комковато-зернистой структурой (зерна 2–3 мм), нижняя граница ровная. Поверхность почвы волнистая, с амплитудой 5–7 см и длиной волны 19–20 см, характерной для поверхности пашни
	<i>1AB</i>	9–15	Нанос опесчаненного светло-серого суглинка с прослоем песка, маркирующим линейную почвенную эрозию, в верхней части слоя
2	<i>2Ap</i>	12–25	Однородно- и светлоокрашенный средне-серый горизонт, опесчаненный средний суглинок с комковато-мелкозернистой (1–2 мм) структурой; по нижней границе слоя, на глубине 60 см, многочисленны норы землероев. Верхняя граница с кроющим наносом ровная, заметна по увеличению опесчаненности
3	<i>3Ab</i>	12–15	Темноцветный гумусовый горизонт — коричневатого-темно-серый средний суглинок с зернистой структурой, единичными вкраплениями угля и сажистыми включениями; окраска неоднородная за счет землероин — норы опущены с поверхности слоя ($d=6-8$ см) и заполнены темно-серым гумусированным материалом или мелкопятнистой смесью гумусированного и негумусированного материалов
	<i>3AB</i>	17–20	Палево-белесо-серый пылеватый суглинок, светлоокрашенный, с единичными артефактами, перенесенными землероями из нижележащего слоя — делювиальный нанос, переработанный почвообразованием
	<i>3ABu</i>	30–50	Нанос буровато-средне-серого суглинка, преобразованный почвообразованием — рыхлый, с зернистой структурой, с пятнами землероин ($d<10$ см) и с многочисленными включениями углей и керамики
4	<i>4Ab(pyr)</i>	7–10	Темно-серый гумусовый горизонт — плотный, бесструктурный пылеватый суглинок с включениями углей (<1 см), достаточно равномерно распределенных по слою, верхние 5–7 см гумусового горизонта темнее и плотнее нижележащего, структура плитчатая; переходит в нижележащий слой по ровной, диффузной границе
	<i>4AE</i>	6–10	Белесо-сери-палевый пылеватый суглинок, бесструктурный, переход в нижележащий горизонт постепенный
—	<i>5Bt</i>	—	Средний суглинок бурого цвета с глинистыми кутанами по поверхностям почвенных отдельностей, с узкими вертикальными заходами гумусированного материала по трещинам на глубине до 18 см от нижней границы гумусового горизонта. Граница с вышележащим наносом ровная, четкая по цвету и плотности

ный этапы осадконакопления. В отличие от них, в балке читаются всего два этапа.

Первому из них предшествовала фаза лесного почвообразования под широколиственным лесом, в результате которого была сформирована серая лесная почва (цикл 4). В пойме следы аналогичной лесной почвы отмечены только в IV цикле, что позволяет синхронизировать его с циклом 4 в балке. Первый этап осадконакопления, прослеженный в цикле 3, был связан с пожаром (выжигом?) и расчисткой лесного участка: в этот период поверхность серой лесной почвы в балке залужается, утапывается и погребается под переотложенным

культурным слоем селища. Цикл 3 шурфа 1, таким образом, может быть синхронизирован с III циклом в пойменных разрезах, на что указывает также близость археологических находок (рис. 6).

Этап эрозии на водосборе балки сменился залужением участка и формированием лугово-черноземной почвы, т. е. участок оставался безлесным на фоне сухого и жаркого климата. Темноцветные почвы лугово-черноземного типа формировались в пойме в течение цикла II, во время теплой и засушливой климатической фазы, вероятно датирующейся периодом Малого климатического оптимума (VIII–XIII вв.).

Второй этап осадконакопления в балке связан с повторной распашкой участка (цикл 2); большая мощность пахотного горизонта, близкая к современной, говорит в пользу его относительной молодости — предположительно, распашка произошла в Новое время. Исходя лишь из стратиграфического анализа, трудно заключить, какие события происходили между формированием темноцветной луговой почвы и распашкой участка — в частности, разделял ли их этап облесения. В пойме второму этапу осадконакопления соответствуют современная и наиболее молодая погребенная (*IAb*) почвы, разделенные аллювиальными наносами.

Заключение

Проведенное исследование пойменных и балочных отложений р. Суры выявило пять этапов низкой поемности, из которых четыре сопровождалось формированием автоморфных почв. Описанное местонахождение с более дробным, чем региональный, архивом палеогидрологических условий представляет возможности для более подробной реконструкции условий обитания человеческих коллективов. Каждый из описанных этапов отражает изменение природно-климатических условий в регионе, в первую очередь — динамику поверхностного стока, связанную с уровнем осадков и характером растительного покрова в пределах водосборного бассейна.

В основании изученных разрезов залегают отложения пойменного озера на месте современного русла. Их верхняя часть была преобразована в гидроморфную почву (V) при понижении водности и дренировании озера. Судя по времени заболачивания других пойменных озер в Татарстане, она могла сформироваться около 7,2–7,1 т. л. н. [Бакин и др. 2011; Бутаков и др. 2000].

В диапазоне от 7 до 5 т. л. н., во время средне-голоценового климатического оптимума, в поймах рек Восточноевропейской равнины формировались темноцветные погребенные почвы, зачастую вмещающие артефакты [Александровский, Александровская 2005]. Темноцветные «атлантические» почвы были описаны и в Среднем Поволжье [Галимова и др. 2016; Курбанова 1991]. На изученном участке следы этой почвы отсутствовали, что может говорить об изменении положении русла Суры при уве-

личении водности в начале суббореала (~5–4,7 т. л. н.) — по-видимому, этим же временем датируется нижняя граница пойменных отложений в наших разрезах. В этот период происходит увеличение стока р. Суры, смещение положения ее русла и формирование поймы на изучаемом участке. К концу цикла пойма зарастает лесом, под которым формируются автоморфные серые лесные почвы (почва IV), которые оглеиваются при повышении водности в начале следующего цикла. Этому периоду повышенной поемности соответствуют единичные находки раннего железного века — ананьинского (VIII–IV вв. до н. э.), а затем — сендимиркинско-таутовского (II–III вв. н. э.) облика. Отсутствие массовых находок керамического материала и селитебных слоев, соответствующих найденным артефактам, говорит об отсутствии поселений в пойме в этот период, что могло быть обусловлено периодическими паводками. Наблюдаемая картина соответствует имеющимся сведениям о системе расселения в целом по региону: так, для ранних древнемордовских групп характерно освоение участков высоких террас и коренных берегов рек [Мясников 2013].

Продолжительный этап низкой поемности и залесенности поймы. В этот период происходит хозяйственное освоение поймы — антропогенное сведение (выжигание) лесов и последующее залужение поверхности (почва III). Этап соответствует времени существования селища *Устье Малой Сарки* (IV–V вв. н. э.), а также других поселений III–V вв. в его округе. Освоение пойм в это время происходит и в других регионах Среднего Поволжья: в бассейнах рр. Большой Черемшан (*Новокиремetskое II* селище [Истомин и др. 2017], *Курманаевское IV* селище [Халимуллина 2020]), *Свияги* (*Карлинское III* и *IV* селища [Вязов, Семькин 2016: 77]) и др.

Погребенные почвы IV и III периодов — серые лесные, что свидетельствует о господстве в поймах широколиственных лесов. Длительный период низкой поемности, сопровождавшийся формированием автоморфных лесных (дерново-подзолистых и серых лесных) погребенных почв и появлением поселений раннего железного века в поймах, был описан для многих рек Восточно-Европейской равнины [Alexandrovsky et al. 2018; Сычева 2019]. Так, в поймах Сред-

него Поволжья и Прикамья были описаны погребенные серые лесные почвы, вмещающие находки III–V вв. н. э. [Мозжерин, Курбанова 2004; Галимова и др. 2016; Курбанова 1991].

Окончание III – начало II цикла ознаменовалось быстрым, резким увеличением стока и интенсификацией паводков. Этому этапу соответствует время существования именьковской культуры развитого этапа (2 половина V–VI вв. н. э.), носители которой осваивали высокие террасы [Вязов, Семькин 2016: 86].

За этим последовал этап низкой поемности и остепнения/залужения пойменных ландшафтов (почва II), который может быть отнесен к эпохе Малого Климатического Оптимума (МКО, VIII–XIII вв.) на основании «степного» типа гумусонакопления и распространения землероев [Пономаренко и др. 2015]. С этого же периода во всех погребенных гумусовых горизонтах поймы Суры отмечается копрогенная структура, связанная с деятельностью червей. Автоморфные почвы эпохи МКО описаны в бассейнах Оки, Москвы, Днепра и Верхнего Дона и рассматриваются как региональные маркеры низкой поемности [Сычева 2011; Сычева 2019]. Специальные исследования, посвященные освоению пойм в эпоху средневековья на территории Среднего Поволжья, отсутствуют. Вместе с тем исследователями отмечается топографическая приуроченность поселений конца IX – начала XI вв. к пойменным ландшафтам [Руденко 2007: 15; Руденко 2012: 73].

С начала суббореала до МКО (циклы IV, III и II) периоды стабилизации поверхности между паводками были достаточно продолжительными для того, чтобы исходная слоистость аллювиальных наносов большей частью стерлась биотурбацией. Ситуация радикально изменилась на последующем этапе: паводки становятся частыми и интенсивными, происходит отступление берега за счет эрозии, формируются конусы выноса аллювиально-пролювиальных отложений и откладывается слоистый аллювий-«наилок». В этот период происходит распашка приречных террас и водоразделов. Из-за высоких интенсивных паводков, характерных для обезлесенных водосборных бассейнов, мощность и количество уцелевших поверхностных образований (молодых почв)

варьирует даже в пределах нескольких десятков метров. Высокие и продолжительные паводки, связанные с многоснежными зимами и масштабной распашкой земель, на территории Русской равнины были характерны для Малого Ледникового Периода (XIV–XIX вв.) [Сычева 2011]. В Среднем Поволжье наилок начал накапливаться около 700 лет назад [Бутаков и др. 2000], но начало этого процесса в Посурье еще не датировано. Наконец, этап формирования старопашотной почвы I четко маркирует еще один период низкой поемности, который, вероятно, относится к концу позднего средневековья — началу Нового времени.

Для реконструкции динамики хозяйственного освоения Посурья в I тыс. н. э. принципиально важное значение имеет третий из выделенных периодов (цикл III). По имеющимся археологическим и радиоуглеродным датировкам¹, этот период в Посурье охватывает всю 2 четверть I тыс. н. э. Важно отметить, что динамика обводненности пойм, судя по всему, носила асинхронный характер, и фазы низкой поемности имели различную продолжительность, несмотря на связность обуславливавших их климатических колебаний на территории Восточной Европы [Benito et al. 2015; Panin, Matlakhova 2015]. Так, в пойме Москвы-реки возраст почвы раннего железного века (почва 2 по Александровскому) оценивается в рамках 2100–700 л. н. [Alexandrovsky et al. 2018], в пойме средней Оки 2800–1100 л. н. [Воробьев 2018], в пойме Днепра 2300–900 л. н. [Panin et al. 2014]. Не исключено, что именно отмечаемая асинхронность инундации пойм являлась одним из факторов миграционных процессов. Так, доступность пойм средневожских рек для хозяйственного освоения и даже заселения в этот период могла стать одним из факторов, обусловивших возможность расселения на этих территориях носителей киевской культуры, для которых именно пойменные ландшафты являлись привычной средой обитания в исходных регионах их миграций.

Проведенные исследования показали высокую информативность пойменных отложений долины Суры в целом и изучен-

¹ Радиоуглеродные датировки были получены по растительным макроостаткам и будут приведены во второй части настоящего исследования.

ного участка в частности для реконструкции динамики климатических изменений и этапов антропогенного освоения региона в древности и средневековье и заложили

основу для реконструкции динамики экосистем и истории природопользования, которая будет представлена во второй части статьи.

Литература

- Александровский, Александровская 2005 — Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 221 с.
- Александровский, Гласко 2014 — Александровский А. Л., Гласко М. П. Взаимодействие аллювиальных и почвообразовательных процессов на разных этапах формирования пойм равнинных рек в голоцене (на примере рек центральной части Восточно-Европейской равнины) // Геоморфология. 2014. № 4. С. 3–17.
- Воробьев 2018 — Воробьев А. Ю. Типы и особенности проявления морфолитогенеза в пойменной части долины Оки в ее среднем течении: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2018. 238 с.
- Бакин и др. 2011 — Бакин О. В., Панова Н. К., Антипина Т. Г. История Пестречинского торфяника (материалы по истории голоцена Татарстана) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 202–216.
- Бутаков и др. 2000 — Бутаков Г. П., Курбанова С. Г., Панин А. В., Перевоицков А. А., Серебренникова И. А. Формирование антропогенно-обусловленного наилка на поймах рек Русской равнины // Эрозионные и русловые процессы. Вып. 3. М.: МГУ, 2000. С. 78–92.
- Вязов и др. 2016 — Вязов Л. А., Гришаков В. В., Мясников Н. С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2016. № 6. С. 66–111.
- Вязов и др. 2020 — Вязов Л. А., Михайлов Е. П., Макарова Е. М., Мясникова А. Б., Мясников Н. С., Петрова Д. А., Салова Ю. А., Силанов Р. А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 354–373.
- Вязов, Семькин 2016 — Вязов Л. А., Семькин Ю. А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Серия «Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья». Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н. М. Карамзина, 2016. 227 с.
- Вязов, Сташенков 2013 — Вязов Л. А., Сташенков Д. А. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие — ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. (XIV Бадеровские чтения). Ижевск: Удмуртск. ун-т, 2013. С. 49–56.
- Галимова и др. 2016 — Галимова М. Ш., Хисметдинова А. А., Аськеев И. В., Шаймуратова (Галимова) Д. Н., Аськеев О. В. Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 168–193.
- Истомин и др. 2017 — Истомин К. Э., Вязов Л. А., Салова Ю. А. Исследования Новокиреметского II селища // Археологические открытия. 2015. М.: Наука, 2017. С. 324–326.
- Кренке 2019 — Кренке Н. А. Идея семинара «Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения» // Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения. Тезисы научного семинара (г. Москва, 23 апреля 2019 г.) / под ред. А. Л. Александровского, Н. А. Кренке. М.: КДУ, Университетская книга, 2019. С. 8–9.
- Курбанова 1991 — Курбанова С. Г. Палеогеографическое значение погребённых почв пойм малых рек бассейнов Вятки и Средней Волги // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечернозёмного Урала. Пермь: Изд-во ПГУ, 1991. С. 118–122.
- Мозжерин, Курбанова 2004 — Мозжерин В. И., Курбанова С. Г. Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. Казань: АртДизайн, 2004. 128 с.
- Мясников 2014 — Мясников Н. С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.
- Мясников 2013 — Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII вв. н. э. в свете археологических дан-

- ных. Доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2013 год. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 72 с.
- Пономаренко и др. 2015 — Пономаренко Е. В., Пономаренко Д. С., Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 126–160.
- Руденко 2007 — Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
- Руденко 2012 — Руденко К. А. Возникновение городов в Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 68–77.
- Ситдилов и др. 2016 — Ситдилов А. Г., Вязов Л. А., Пономаренко Е. В., Родионова В. Е. Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии (Болгар, 9–19 августа 2016 г.) // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 251–255.
- Сташенков 2005 — Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. М.: ИА РАН, СОИКМ им. П. В. Алабина, 2005. 150 с.
- Сычева 2011 — Сычева С. А. Малый климатический оптимум голоцена и малый ледниковый период в памяти почв и отложений пойм рек русской равнины // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. 2011. № 1. С. 79–93.
- Сычева 2019 — Сычева С. А. Палеопочвенные и археологические свидетельства ритмичного развития пойм рек в голоцене // Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения. Тезисы научного семинара (г. Москва, 23 апреля 2019 г.) / под ред. А. Л. Александровского, Н. А. Кренке. М.: КДУ, Университетская книга, 2019. С. 83–88.
- Халимуллина 2020 — Халимуллина Л. Р. О культурной принадлежности памятников эпохи ВПН в бассейне р. Большой Черемшан. К постановке проблемы // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК). Мат-лы Всеросс. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 217–220.
- Alexandrovsky et al. 2018 — Alexandrovsky A., Ershova E., Ponomarenko E., Krenke N., Skripkin V. Floodplain Paleosols of Moskva River Basin: Chronology and Paleoenvironment // Radiocarbon. 2018. 60 (4). Pp. 1169–1184.
- Benito et al. 2015 — Benito G., Macklin M. G., Panin A. et al. Recurring flood distribution patterns related to short-term Holocene climatic variability. *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. Report no. 16398(1)
- IUSS Working Group WRB. 2015. World Reference Base for Soil Resources 2014, update 2015 International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. World Soil Resources Reports No. 106. FAO, Rome.
- Kaal et al. 2011 — Kaal J., Carrion Marco Y., Asouti E. et al. Long-term deforestation in NW Spain: linking the Holocene fire history to vegetation change and human activities // *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. No. 1–2. Pp. 161–175.
- Panin et al. 2014 — Panin A. V., Adamiec G., Arslanov K. A., Bronnikova M. A., Filippov V. V., Sheremetskaya E. D. Absolute chronology of fluvial events in the Upper Dnieper river system and its palaeogeographic implications // *Geochronometria*. 2014. No. 41 (3). Pp. 278–293.
- Panin, Matlakhova 2015 — Panin A., Matlakhova E. Fluvial chronology in the East European Plain over the last 20 ka and its palaeohydrological implications // *Catena*. 2015. No. 130. Pp. 46–61.
- Ponomarenko et al. 2020 — Ponomarenko E., Ershova E., Ponomarenko D. S., Stashenkov D. A., Kochkina A. F. Tracing land use history using a combination of soil charcoal and soil pollen analysis: An example from colluvial deposits of the Middle Volga Region // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 31. Report no. 102269.
- Scherer et al. 2021 — Scherer S., Höpfer B., Deckers K. et al. Middle Bronze Age land use practices in the north-western Alpine foreland — A multi-proxy study of colluvial deposits, archaeological features and peat bogs. EGU General Assembly 2021, online, 19–30 Apr. 2021, EGU21-15578.
- Vyazov et al. 2019 — Vyazov L. A., Ershova E. G., Ponomarenko E. V., Gajewski K., Blinnikov M. S., Sitdikov A. G. Demographic changes, trade routes, and the formation of anthropogenic landscapes in the Middle Volga Region in the past 2500 years // *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road* / ed. by Liang Emlyn Yang, Hans-Rudolf Bork, Xiuqi Fang, Steffen Mischke. Springer International Publishing, 2019. Pp. 425–465.

References

- Aleksandrovsky A. L., Aleksandrovskaya E. I. Soil Evolution and Geographic Environment. Moscow: Nauka, 2005. 221 p. (In Russ.)
- Aleksandrovsky A. L., Glasko M. P. Interaction of alluvial and soil formation processes at different stages of the flood plains development during the Holocene (The rivers of the central part of the East European Plain as an example). *Geomorfologiya*. 2014. No. 4. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Alexandrovsky A., Ershova E., Ponomarenko E., Krenke N., Skripkin V. Floodplain paleosols of Moskva River Basin: Chronology and paleoenvironment. *Radiocarbon*. 2018. No. 60 (4). Pp. 1169–1184. (In Eng.)
- Bakin O. V., Panova N. K., Antipina T. G. History of Pestrechinsky peat bog: Holocene in Tatarstan. In: *Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan*. Vol. 4. Kazan: Foliant; Märcani Institute of History, 2011. Pp. 202–216. (In Russ.)
- Benito G., Macklin M. G., Panin A. et al. Recurring flood distribution patterns related to short-term Holocene climatic variability. *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. Report no. 16398(1) (In Eng.)
- Butakov G. P., Kurbanova S. G., Panin A. V., Perevoshchikov A. A., Serebrennikova I. A. Rivers of the Russian Plain: Formation of anthropogenic slit deposit. In: *Erosional and Channel Processes*. Vol. 3. Moscow: Moscow State University, 2000. Pp. 78–92. (In Russ.)
- Galimova M. Sh. et al. Environment and economic activity of the Pestretsy 2 site inhabitants on the Mesha River. *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 3 (17). Pp. 168–193. (In Russ.)
- Istomin K. E., Vyazov L. A., Salova Yu. A. Exploring settlement II at Novaya Kiremet. In: *Archaeological Discoveries of 2015*. Moscow: Nauka, 2017. Pp. 324–326. (In Russ.)
- IUSS Working Group WRB. 2015. World Reference Base for Soil Resources 2014, update 2015 International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. World Soil Resources Reports No. 106. FAO, Rome. (In Eng.)
- Kaal J. et al. Long-term deforestation in NW Spain: Linking the Holocene fire history to vegetation change and human activities. *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. No. 1–2. Pp. 161–175. (In Eng.)
- Khalimullina L. R. The Migration Period in the Bolshoy Cheremshan River Basin: Cultural features revisited. In: *The Fifty Second Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK)*. Conference proceedings. Perm: Perm State University, 2020. Pp. 217–220. (In Russ.)
- Krenke N. A. Archaeology of floodplains: Terrain, paleoenvironment, population history. Seminar concept. In: Aleksandrovsky A. L., Krenke N. A. (eds.) *Archaeology of Floodplains: Terrain, Paleoenvironment, Population History*. Seminar theses (Moscow; April 23, 2019). Institute of Archeology (RAS). Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga, 2019. Pp. 8–9. (In Russ.)
- Kurbanova S. G. The Vyatka and Middle Volga basins: Paleogeographic significance of buried soils within minor river floodplains. In: *Productive Forces of the Nonchernozem Urals. Physical and Geographical Essentials of Development and Distribution*. Perm: Perm State University, 1991. Pp. 118–122. (In Russ.)
- Mozzherin V. I., Kurbanova S. G. The Middle Volga: Anthropogenic Activity and Erosional-Chanel Systems. Kazan: ArtDizayn, 2004. 128 p. (In Russ.)
- Myasnikov N. S. Ethnocultural Processes in the Chuvash Volga Area, 1st to 8th Centuries AD: An Archaeological Perspective. Annual report (2013). Cheboksary: Chuvash state Institute of Humanities, 2013. 72 p. (In Russ.)
- Myasnikov N. S. New findings of the Ananyino era from Chuvashia. In: *The World of Ananyino Culture. Origins, Development, Ties, Historical Destinies*. Archaeology of Eurasian Steppes. Vol. 20. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 276–280. (In Russ.)
- Panin A., Matlakhova E. Fluvial chronology in the East European Plain over the last 20 ka and its palaeohydrological implications. *Catena*. 2015. No. 130. Pp. 46–61. (In Eng.)
- Panin A. V. et al. Absolute chronology of fluvial events in the Upper Dnieper river system and its palaeogeographic implications. *Geochronometria*. 2014. No. 41 (3). Pp. 278–293. (In Eng.)
- Ponomarenko E. V. et al. Approaches to the reconstruction of dynamic of the territory occupation according to the soil signs. *The Volga River Region Archaeology*. 2015. No. 1 (11). Pp. 126–160. (In Russ.)
- Ponomarenko E. et al. Tracing land use history using a combination of soil charcoal and soil pollen analysis: An example from colluvial deposits of the Middle Volga Region. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 31. Report no. 102269. (In Eng.)
- Rudenko K. A. Occurrence of cities Volga Bulgaria and Bulgars areas of the Gold Horde (according to archaeology). *The Volga River Region Archaeology*. 2012. No. 1 (1). Pp. 68–77. (In Russ.)

- Rudenko K. A. Volga Bulgaria, 11th to Early 13th Centuries: Settlements and Material Culture. Kazan: Shkola, 2007. ... p. (In Russ.)
- Scherer, S., Höpfer, B., Deckers, K. et al. Middle Bronze Age land use practices in the north-western Alpine foreland — A multi-proxy study of colluvial deposits, archaeological features and peat bogs. EGU General Assembly 2021, online, 19–30 Apr. 2021, EGU21-15578. (In Eng.)
- Sitdikov A. G., Vyazov L. A., Ponomarenko E. V., Rodinkova V. E. International theoretical and practical workshop on application of paleo-ecological methods in archaeology (Bolgar, 9-19 August 2016). *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 3 (17). Pp. 251–255. (In Russ.)
- Stashenkov D. A. Samara Forest-Steppe of the Volga Region, 1st–5th Centuries CE: Sedentary Population Reviewed. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, 2005. 150 p. (In Russ.)
- Sycheva S. A. Little climatic Holocene optimum and the Little Ice Age in the memory of soils and deposits of rivers floodplains of the Russian plains. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2011. No. 1. Pp. 79–93. (In Russ.)
- Sycheva S. A. Rhythmic development of floodplains in the Holocene: Paleosoil and archaeological evidence. In: Aleksandrovsky A. L., Krenke N. A. (eds.) *Archaeology of Floodplains: Terrain, Paleoenvironment, Population History. Seminar theses* (Moscow; April 23, 2019). Institute of Archeology (RAS). Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga, 2019. Pp. 83–88. (In Russ.)
- Vorobyov A. Yu. Morpholithogenesis in the Floodplain Part of the Oka River Valley (Middle Reaches): Types and Features. Cand. Sc. (geography) thesis. Moscow, 2018. 234 p. (In Russ.)
- Vyazov L. A. et al. Studies of the archaeological sites in the Middle and Lower Sura Region as a part of the work of the international archaeological expedition in 2015–2019. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2020. No. 3. Pp. 354–373. (In Russ.)
- Vyazov L. A., Ershova E. G., Ponomarenko E. V., Gajewski K., Blinnikov M. S., Sitdikov A. G. Demographic changes, trade routes, and the formation of anthropogenic landscapes in the Middle Volga Region in the past 2500 years. In: Yang L. E. et al. (eds.) *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Springer International Publishing, 2019. Pp. 425–465. (In Eng.)
- Vyazov L. A., Grishakov V. V., Myasnikov N. S. Features of ceramic complexes of the Great Migration period monuments in of the Middle Sura Region. *Voyadzher: mir i chelovek*. 2016. No. 6. Pp. 66–111. (In Russ.)
- Vyazov L. A., Semykin Yu. A. Hillfort and Settlement of Novaya Bedenga: The Migration Period in Ulyanovsk Area of the Volga Region. Series 'Volga Region: Archaeology of Simbirsk (Ulyanovsk)'. Vol. 1. Ulyanovsk: Karamzin Institute of History and Culture, 2016. 227 p. (In Russ.)
- Vyazov L. A., Stashenkov D. A. Samara and Ulyanovsk areas of the Volga Region during the Migration Period: Cultural and chronological population groups. In: *Historical and Cultural Heritage as a Resource to Shape Sociohistorical Memory of Civil Society. The Fourteenth Bader Readings*. Izhevsk: Udmurtiya Univ. Press, 2013. Pp. 49–56. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 1006–1015, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 390 (571-52)+392.1 (571.52)
DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1006-1015

Функции и семантика свадебных головных уборов женщин как часть материальной и духовной культуры тувинцев

Елена Валерьевна Айыжы¹, Роланда Биче-ооловна Ховалыг²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
главный хранитель
 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Айыжы Е. В., Ховалыг Р. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Целью данной статьи является исследование основных видов свадебных головных уборов тувинцев, играющих роль своеобразных знаков, обозначающих определенные этапы жизненного цикла. *Материалы и методы.* Основными источниками являются дореволюционные историко-этнографические сведения из фондов Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва, а также полевые материалы авторов. В исследовании использован метод историзма, позволяющий рассматривать элементы культуры в развитии. Также применяются традиционные методы этнографии: сравнительно-типологический и метод полевого исследования. *Результаты.* В работе авторы проанализировали исторические, этнографические, фольклорные материалы. На основе анализа содержания традиционного свадебного обрядового комплекса тувинцев раскрываются символические качества свадебных головных уборов, их семиотика, свойства материалов изготовления и внешнего вида, прагматика и специфика локальных вариантов. *Выводы.* Свадебная церемония в различных районах Тывы, несмотря на некоторые отличия по ряду параметров (наличию или отсутствию того или иного обряда, его функциональному значению), имеет общие основные структурно-типологические действия, такие как сватовство *кудааашкын*, *кудалай коор*, смотрины *дугдээшкин*, свадьба *куда-дой*. Свадебная одежда тувинцев, проживающих в разных кожуунах Тывы, имеет общие устойчивые обрядовые действия и в то же время некоторые специфичные локальные особенности. В данной статье рассмотрены основные виды головных уборов, применявшихся во время свадебного комплекса.

Ключевые слова: свадебные головные уборы тувинцев, *думаалай*, *баштангы*, покрывало, ритуалы, обряд традиционная одежда, ритуальная одежда, свадебный обряд

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Топаларии, Калмыкии и Монголии)» (№ 19-012-00073).

Для цитирования: Айыжы Е. В., Ховалыг Р. Б. Функции и семантика свадебных головных уборов женщин как часть материальной и духовной культуры тувинцев // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1006–1015. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1006-1015

Women's Wedding Headdresses in Tuvan Material and Spiritual Culture: Functions and Semantics

Elena V. Aiyzhy¹, Rolanda B. Khovalyg²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic (30, Titov St., 667000 Kyzyl,

Russian Federation)

Chief Custodian

 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Aiyzhy E. V., Khovalyg R. B., 2021

Abstract. Introduction. The article aims to study key types of Tuvan women's wedding headdresses as signs associated with certain stages of the wedding ritual. *Materials and methods.* The research is mostly based on pre-revolutionary historical and ethnographic materials from the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva and the authors' field data. The method of historicism employed for the analysis proves helpful in capturing the elements of culture in dynamics. The work also uses the comparative typological and field research methods that are traditional enough for ethnography studies. *Results.* The paper analyzes historical, ethnographic, and folklore materials to reveal the semantics of the Tuvan traditional wedding ritual and identify symbolism of wedding headdresses and their semiotics, materials used for their manufacture and decoration, local variants in terms of pragmatism and specific characteristics. *Conclusions.* The research indicates that despite some differences in several parameters (presence or absence of a particular rite or its functional significance), the traditional wedding ritual across different territories of Tuva is characterized by commonality of their basic structural and typological components, including matchmaking (Tuv. *kudalaashkin* and *kudalai koor*), bride show (*dugdeeshkin*), and wedding proper (*kuda-doi*). Accordingly, wedding clothes from different districts of Tuva have common ritual elements along with some specific local peculiarities. So, the paper focuses on key types of headdresses once used in wedding rites.

Keywords: wedding hats of Tuvans, *dumalai*, *bashtang*, *bedspread*, rituals, traditional clothes, ceremonial clothes, wedding ceremony

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-012-00073 'Transformation Processes in Onomastics of Central Asian Peoples: Past and Present. A Case Study of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia'.

For citation: Aiyzhy E. V., Khovalyg R. B. Women's Wedding Headdresses in Tuvan Material and Spiritual Culture: Functions and Semantics. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1006–1015. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1006-1015

Введение

Важной составляющей материального мира человечества всегда был и остается традиционный народный костюм. На протяжении столетий традиционная одежда выступала в качестве «зеркала культуры», в котором отражались не только внешние черты и аспекты бытовых условий жизни, особенности развития материальной культуры, но и важные периоды в жизни человека: детство, юность, зрелость, границы перехода из одной возрастной категории в другую, семейное положение, родство и похороны. Свадебный комплекс обрядов является неотъемлемой частью жизненного цикла любого этноса. Переход к зрелому возрасту характеризуется созданием семьи, приобретением нового статуса — уход из родного дома в другой; из одной родоплеменной группы в новую; из статуса парня, девушки — в мужа, жену и т. д. Во время проведения данного цикла обрядов огромную роль играет свадебный комплекс одежды жениха и невесты.

Характерной особенностью любой одежды обрядов жизненного цикла является семиотика, где каждый атрибут имеет определенное содержание и значение. Так, в традиционном обрядовом комплексе свадьба как у тувинцев, так и у других народов Центральной Азии играет важную роль в жизненном цикле.

Российский ученый-этнолог П. Г. Богатырев выделяет в традиционном народном костюме три основных вида: будничный, праздничный (торжественный) и обрядовый, при этом выделяя определенные специфические функции у каждого из них [Богатырев 1971: 297–366].

Включенный в ритуальную практику традиционный костюм языком символов и знаков отражал не только специфические особенности ролей участников свадьбы, но и наиболее существенные моменты самого свадебного обряда [Петров 2016: 110–114].

У невесты, кроме одежды, менялась прическа, а также украшения. По сведениям Л. П. Потапова, невесте полагалось надеть четыре серебряных перстня (следует отметить, что у бедняков они заменялись медны-

ми), по два перстня на каждую руку (надевались они на средний и безымянный пальцы). Затем девушке надевали на обе руки по одному женскому серебряному браслету с каким-либо рисунком или орнаментом [Потапов 1969: 234].

Наряд замужней женщины был более нарядным, рукава и левая пола обшивались шелковыми и бархатными полосами, концы этой полы срезали. Следует обратить внимание, что ступенчатый срез имел разную интерпретацию у тувинцев (видимо, здесь играют роль локальные особенности родовых групп тувинцев). Для одних срез полы — это знак ухода девушки из родительского дома (отрезанная часть материи оставлялась у родителей). Для других такой срез обозначал знак, что в будущем не будет достойного мужчины, способного возглавить общество (в данном случае тувинского), поэтому такого украшения не должно быть на женской одежде. В любом случае эти примеры свидетельствуют о смысловом значении тувинской одежды.

Социальный статус также находил отражение в одежде. Так, В. П. Дьяконова отмечала, что если девушка была из богатой семьи, то к свадьбе у нее было до десяти *тон*, а у бедных — только один–два *тон*. Если девушке из бедной семьи не могли приобрести шелковый свадебный *тон*, ей старались сшить хотя бы шелковый пояс (*кур*) [Дьяконова 1960: 234]. Скорее всего, здесь мы видим влияние монгольских порядков на тувинское общество, поскольку с XIII в. территория Урянхайского края входила в различные монгольские государственные образования. Этому имеется подтверждение: согласно принятому в 1640 г. «Их Цааз» («Великому Уложению»), у выходящей замуж богатой девушки должно быть 10 комплектов наплечной одежды [Их Цааз 1981: 64]. Кроме наплечной одежды, готовили также серебряные украшения, которые подвешивались к поясу.

Свадебный комплекс

Обрядовый цикл традиционной тувинской свадьбы до начала XX в. имел следующие этапы: *кудаалаашкын* или *кудалай көөр* (сватовство) [Потапов 1969: 234], *дугдээш-кин* (смотрины), *товун айтырар* (договор о

дне проведения свадьбы) — небольшой обряд, в котором участвуют только родители жениха и невесты, *куда-дой* (свадьба). При этом каждый этап имел, в свою очередь, определенную специфику в обрядовой одежде.

Своеобразным маркером социального статуса во время свадебного обряда служили и головной убор, и прическа невесты, которые определяли принадлежность к этнической и половозрастной группе. Головной убор невесты имел более знаковые функции в свадебном обряде, чем головной убор жениха. Смена его и обрядовые действия, которые проводили с волосами невесты, являлись одним из важных моментов свадебного ритуала.

Сватовство

Сватовство (*кудаалаашкын*) считается первым этапом свадебного цикла. В западной Туве, в частности в Бай-Тайгинском и Монгун-Тайгинском кожуунах, даже на современном этапе встречается традиция *кудалай көөр* (договоренность с младенческого возраста), когда родители договаривались о женитьбе своих детей еще в младенческом возрасте. Отцы мальчиков клали в колыбель маленьких девочек козий пух (*чөөк*), как знак, что она просватана. Подобную традицию также в некоторых местностях называли *шай бузар* (досл. 'разбить плитку чая'). Обряд проводился родителями уже позже, когда «жениху» и «невесте» исполнялось 7–8 или 10–12 лет, а по достижении ими 14–15 лет проходило сватовство. На современном этапе обряд *шай бузар* перешел в обряд прошения руки невесты *келин айтырар* (досл. 'испрашивать руки невесты') в несколько измененном виде: сегодня плиточный чай разбивают при обоюдной любви и согласии совершеннолетних молодоженов.

Обычай обручения «с колыбели» широко практиковался в прошлом у тюрков, родители договаривались о совместном будущем своих детей, когда те были еще младенцами. Если девушка или юноша по достижении соответствующего возраста отказывались от вступления в брак, то это могло рассматриваться, как позор для семьи, даже привести к кровной вражде. Данный обычай, также практиковавшийся в свадебной традиции тувинцев, свидетельствует о

единстве истоков традиционной культуры тюркоязычных народов.

Для большинства тувинцев характерным был брак путем сватовства девочек, достигших 14–15-летнего возраста, — *кудаалаашкын* [Потапов 1969: 234]. Сватать будущую невесту обычно приезжал отец жениха со своими родственниками, они привозили родителям невесты угощение: вареное мясо, сыр и, конечно, *арагу* (молочную водку), а также дарили шелковые *кадаки* (широкие ритуальные ленты).

В обряде *кудаалаашкын* или *кудалай көөр* (сватовства) сами жених и невеста не принимали участие, поэтому одежда девушек-невест не имела особого отличия от повседневной. Девушка 14–15 лет носила наплечную одежду *шыва тон* с красной или разноцветной (с преобладанием красного цвета) полоской на подоле и головной убор *довурзак*. Головной убор во время сватовства был не обязателен.

По сведениям информантов¹, в отличие от *эдектиг тон* (халата замужней женщины), *шыва тон* девушек не имел украшающих элементов. Но в работах С. И. Вайнштейна и М. О. Сиянбиль мы находим другие сведения о девичьем *тон*: на уровне прямоугольного среза (*чирик*) шла еще одна горизонтальная полоса из нашитой цветной ткани [Вайнштейн 1991: 158; Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 18]. Халаты, украшенные подобным образом, носили преимущественно замужние женщины и девушки с наступлением половой зрелости. Ф. Я. Кон не исключал возможности, что появление разноцветных полос вдоль всего халата на высоте колен на подоле халатов у девушек старше 14 лет связано с началом у них менструаций [Вайнштейн 1991: 158].

Если родители девочки были согласны выдать ее замуж после сватовства, то мать невесты брала поднесенные сватом *кадаки* и клала их в шкатулку дочери (*хомду хааржак*) [Потапов 1969: 235].

Смотрины

Окончательное согласие и договоренность о сроке свадьбы достигались и закреплялись во время второго специального

¹ Куулар Л. К., Байкара Е. Ш. — информанты, консультанты, старейшие сотрудники Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва.

приезда родственников жениха в дом родителей невесты, на этот раз уже с самим женихом. Этот свадебный цикл называется *дугдээшкин* (смотрины).

По сведениям информанта, когда мать просватанной девушки во время обряда *дугдээшкин* делила волосы на две части, заплетала в косы и крепила к ним парные накосные украшения *салбактар*, это означало приобретение девушкой нового статуса невесты и символизировало появление в ее жизни спутника¹. В Монгун-Тайге во время обряда *дугдээшкин* между двумя косами невесты крепили женское накосное украшение *чавага* [Потапов 1969: 237], которое в большинстве кожуунов Тувы женщины впервые начинали носить только во время свадьбы.

После обряда *дугдээшкин* до свадьбы девушка носила головной убор с длинной кистью *маак* (или *чалаа*) из красных шелковых нитей, которую крепили на макушку шапки, а также на головной убор невесты нашивали более широкую кайму *хаи* красного цвета. Этот головной убор символизировал новый статус девушки-невесты.

Невеста, кроме прически, должна была сменить свои девичьи украшения — колечки *чустук*, браслеты *билектээш* и серьги *сыргалар* — на женские [Потапов 1969: 239]. Полагалось надеть четыре серебряных перстня с большой накладкой-пластиной, по два перстня на каждую руку (на средний и безымянный пальцы). У бедных людей обычно эти перстни были медными. Кроме того, невесте надевали на обе руки по одному серебряному браслету с каким-либо рисунком, в отличие от совершенно гладких девичьих браслетов. Девичьи серьги, простые и круглые, также заменялись женскими — крупными, с длинными подвесками.

После *дугдээшкин* для невесты заказывали еще подвески-бляшки *дергилер*, игольницы *ховул*, огнива из серебра или меди, которые входили в состав поясных украшений замужней женщины. Стоимость всех этих не очень затейливых украшений равнялась цене хорошего коня, поэтому для многих семей приобретение их своими силами было затруднительно [Потапов 1969: 239].

Поэтому, кроме родственников невесты, в

расходах по изготовлению украшений иногда принимал участие и жених, который отдавал, например, свои собственные украшения для переделки на украшения своей будущей жены. Следует обратить внимание, что раньше у тувинцев кольца и серьги носили также мужчины и юноши. Как женатые, так и холостые мужчины носили круглые (медные, серебряные и золотые) кольца на большом и указательном пальцах, также могли носить еще и серьги в ушах. Серьги были круглыми из серебра, маленькими в виде колечек и также гладкими, без всяких рисунков и подвесок [Потапов 1969: 239–240].

После обряда *дугдээшкин* родители невесты начинали готовиться к свадьбе. Комплектование имущества для невесты называется по-тувински *бээр уругнун херексели* [Потапов 1969: 237].

Свадьба

Третий и заключительный этап свадебного цикла назывался *куда-дой*. Содержание данного обряда заключалось в переезде невесты в *аал* жениха и организации свадебного пира, который проводили на новом местожительстве молодых. Начинался этот заключительный этап с переезда невесты, что называлось по-тувински *уругну алыр* (принятие девушки) [Потапов 1969: 240].

Невеста надевала новую, специфическую для замужней женщины одежду, начиная с нательной. Ее новый *эдектиг тон* имел более широкие цветные каймы на подоле. На ней были надеты серебряные/медные украшения: серьги, кольца, перстни, браслеты, поясные, накосные украшения. Отъезжая из своего родного дома в дом жениха, невеста надевала особые свадебные головные уборы *думаалай* и *баишаңгы* [Вайнштейн 1991: 171].

Думаалай — тувинское свадебное покрывало (широкое четырехугольное полотно с отверстиями для глаз), которым молодая, прибыв в юрту мужа, прикрывала в первые дни лицо от старших родственников мужа. Второй свадебный головной убор — *баишаңгы* — накидывали поверх *думаалай*. В большинстве кожуунов после свадьбы невеста снимала *думаалай* и носила на голове *баишаңгы*. В Монгун-Тайге на второй день после свадьбы невеста снимала *дуумаалай* и надевала *кожагар бөрт* — островерхую праздничную шапку.

¹ Куулар Л. К. — информант, этнограф, сотрудник Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва, 1955 г. р.

У многих народов наиболее сакральной частью одевания невесты является свадебное покрывало, у тувинцев — *думаалай*. Во время укрывания покрывалом происходила символическая утрата невестой девичьего статуса, что являлось необходимым условием для её перехода в разряд замужних женщин [Петров 2016: 112].

Свадебные головные уборы и обрядовые действия

На основе обобщения литературы и архивных источников можно подчеркнуть, что покрывало невесты у разных народов, с одной стороны, выполняло функцию оберега, потому что закрывание лица невесты, по народным представлениям, являлось одним из важнейших средств защиты от сглаза и порчи, а с другой — являлось маркером, свидетельствующим о переходе девушки из одной социально-возрастной группы в другую, из категории невест в категорию замужних женщин [Петров 2016: 110–114].

Данный переход осуществлялся в процессе особого обряда, когда с невесты снимали покрывало и девичью шапку, меняли причёску и облачали в женский головной убор. У тувинцев женщины после снятия *думаалай* оставляли на голове женский головной убор *баиштангы*.

Подобные тувинскому *думаалай*, свадебные головные уборы существовали до начала XX в. у разных народов, например у киргизов *шокуле* [Антипина 1962: 226–227], у чувашей *пёркенчэк* [Петров 2016: 110–114], у турков *дувак*, у казахов *желек*. *Пёркенчэк* чувашей представляет собой сшитое из нескольких полос тонкого и белого домашнего холста большое прямоугольное полотно, которое закрывало не только голову и лицо, но и всю фигуру невесты. Киргизский *шокуле*, имеющий некоторое сходство с казахским *желек*, состоял из конической шапочки с наушниками и длинной треугольной лопасти, спускавшейся на спину. Его украшали сеткой из коралловых бус. Лишь с середины XIX в. этот убор *шокуле* стал свадебным [Антипина 1962: 250]. Возможно, что и тувинский *баиштангы* был раньше головным убором замужних женщин, став лишь позднее только свадебной принадлежностью, так как тувинские женщины надевали его после свадьбы в праздничные, иногда и в будничные дни.

Подлинное свадебное покрывало *думаалай* из коллекции ученого-исследователя Ф. Я. Кона, находящееся в фондах Российского этнографического музея (далее — РЭМ), представляет собой четырехугольное полотно из красной ткани длиной 1,8 м, шириной 1,34 м. К верхнему его краю пришит овальный кусок зеленовато-голубой ткани, надеваемой на голову. Он собран на вздержках, концы их соединены и образуют небольшое округлое отверстие, из которого расходятся складки.

Думаалай шили из ткани красного, зеленого, синего, голубого и белого цветов [Вайнштейн 1991: 171]. В фондах Национального музея Республики Тыва имеется один экземпляр *думаалай*, сшитый из белой шелковой ткани, украшенный бахромой из оранжевого и желтого бисера.

Женский свадебный головной убор *баиштангы* в виде накидки на голову и плечи длиной до талии выкраивался из цветной ткани [Вайнштейн 1991: 172]. В качестве украшений к краям *баиштангы* пришивали бусы, монеты, раковины каури, а также просверленные резцы марала. В свадебные дни *баиштангы* носили поверх *думаалай*, в дальнейшем надевали по праздникам, нередко и в будни уже без *думаалай*. Он состоит из трех предметов: свадебное покрывало *думаалай*, которое надевается на голову в первую очередь, потом *баиштангы*, состоящий из двух предметов — широкого платка, опускающегося на спину и плечи и маленькой круглой шапочки с плоским верхом, надеваемой поверх этого платка. Платок *баиштангы* на вздержке, к которой с боков и затылка пришит покров, опускающийся на плечи и спину. *Думаалай* шит из белой шелковой ткани прямоугольной формы, края которой окантованы разноцветной тесьмой и бахромой из бисера.

Богато украшенные *баиштангы* и *думаалай* хранили и передавали из поколения в поколение, как несомненный признак богатства. Ф. Я. Кон в своих дневниковых записях отметил, что во время посещения юрты тувинцев хозяйка показала свою *баиштанга* и *тумалай*. Оба этих головных убора убраны такими крупными кораллами, что сотни рублей стоят. Затем показали пару серебряных серег с такими же крупными кораллами.

Исследователь Е. К. Яковлев, описывая тувинскую свадьбу, обратил внимание, что во время самой свадьбы родичи невесты привозят юрту с полным хозяйственным обиходом, которая ставится сначала подле юрты родителей жениха. Молодежь с женихом и невестой устраивают пир в новой юрте, а пожилые родственники молодых пируют в юрте отца жениха. Невеста садится рядом со свекровью и закрывается брачной вуалью *думаалай*, пока свекор не сдернет ее с головы [Традиционная культура 2003: 58]. На второй день после свадьбы невеста уже снимала и укладывала *думаалай* в свой ящик-сундук *хомду хааржак*, где она и хранилась в течение всей жизни замужней женщины.

Во время экспедиционных работ авторы неоднократно были свидетелями этих традиций — обычай прикрывания лица невесты свадебным покрывалом *думаалай*.

Очень интересную характеристику дал Л. П. Потапов на основании четырех экземпляров, хранящихся в коллекциях, приобретенных в начале XX в. Ф. Я. Коном в различных районах Тувы [Потапов 1969: 240–241]. Головной убор невесты, который Ф. Я. Кон называет фатой, шили из одноцветного красного или вишневого шелка. Он состоит из легкой, небольшой и неглубокой шапочки круглой формы, сшитой из синего, голубого и зеленого шелка, на вздержке, к которой с боков и затылка пришит покров (длина от 95 до 134 см) из двух полос красного или вишневого шелка, он покрывает плечи и спину невесты. Накидка обшита по краям полосой шелковой ткани того же цвета, что и шапочка или колпачок покрывала. Украшение «фаты» сосредоточено у колпачка и состоит из околыша, сшитого из меха горностая (или другого ценного меха), иногда с лапками и хвостиками. К меховой опушке на черных шелковых шнурах пришиты кисточки из шелковых ниток разных цветов, с разноцветными бусинками, а на передней стороне над лицом висят снизки от бус, без кисточек. В других экземплярах иногда вместо меха шапочка обшита околышем из красной полоски шелка, к которому пришиты подвески из цветных бусинок, китайских медных монеток и пуговиц. Судя по данному описанию, это одна из разновидностей *думаалай*, в котором лицо прикрывается только снизками бус.

В фондах Национального музея Республики Тыва хранится вышеуказанный один экземпляр *думаалай*, полностью прикрывавший лицо невесты, в виде прямоугольного платка с дырками для глаз, сшитый Т. Н. Хертек.

Рассмотрим описание *баштаңгы*, составленное Л. П. Потаповым на основании образцов, увезенных Ф. Я. Коном в самом начале XX в. в РЭМ: «Баштаңгы даже во времена путешествия Ф. Я. Кона считался у тувинцев старинным головным убором. Он представляет собой большой капюшон, сшитый из красной шелковой материи, с несколько удлиненной частью, ниспадающей на спину. Шили его из двух продольных половин, покроем которых при соединении в плане имеет почти форму круга, нижняя половина которого немного удлинена и суживается, образуя овально-закругленный выступ, который при надевании *баштаңгы* лежит на спине.

Наголовная часть капюшона небольшая, едва спускающаяся на лоб. На верхушке капюшона (приходящейся при надевании на темя) маленькое круглое отверстие, прикрываемое теперь небольшой широкой лентой голубого цвета, идущей от лба через голову и опускающейся свободно на затылок» [Потапов 1969: 252].

Объяснить назначение этого отверстия не удалось даже Л. П. Потапову, который проводил научные экспедиции в Туву в конце 50-х гг. XX в.

Но предположение о содержании значения отверстия имеется: во многих традиционных культурах большое значение придавалось макушке или темени женщины. Именно поэтому девичьи шапки и женские свадебные уборы нередко имели сверху отверстие, накладки либо яркую вышивку. Такие отверстия имеются у головного убора, идентичного с *баштаңгы* из коллекции Ф. Я. Кона.

Только 1–2 экземпляра подлинных свадебных уборов сохранились в Национальном музее Республики Тыва и РЭМ. Описание одного из них — *баштаңгы* — было опубликовано в работе «Очерки этнографии тувинцев левобережья Хемчика» Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (ныне — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Ма-

кляя РАН) в 1966 г.: «Длина наибольшей, ниспадающей на спину части *баиштангы* в описываемом экземпляре 75 см. Характерной его особенностью являются его отлитые из свинца украшения — маленькие пластинчатые бляшки, оканчивающиеся шариком. Этими бляшками обшиты сплошь все края *баиштангы*, выше которых идут, также сплошной обшивкой, впритык друг к другу, два ряда красных бус» [Потапов 1969: 252]. Поскольку данный экземпляр *баиштангы* был обнаружен в местности реки Хемчик, можно сделать вывод, что он был характерен для хемчикских женщин. Идентичный и единственный подлинный экземпляр свадебного головного убора *баиштангы* имеется в фондах Национального музея Республики Тыва.

В работе другого ученого Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» мы находим подтверждение тому, что после свадьбы женщины в качестве повседневного головного убора носили *баиштангы*. Он отметил, что летом же чаще всего женщины заменяют шапку платком русского изделия или особым головным убором *баиштанга*, который представляет собой кусок красной шерстяной ткани величиной около 3/4 квадратного аршина, надеваемый таким образом, чтобы одним своим краем закругленным и подрубленным, он нависал надо лбом, защищая глаза от солнца, а тремя другими свободно спускался на плечи и спину [Грумм-Гржимайло 2003: 109].

В некоторых местностях после снятия на свадьбе *думаалай* женщины вместо *баиштангы* носили праздничную шапку *кожагар бөрт* (*маактыг бөрт*), характерную для богатых скотоводов западных районов, причем такую шапку носили и мужчины, и женщины [Вайнштейн 1991: 167].

Она имела простеганную высокую коническую тулью *шаалынчын*, обшитую цветной тканью. Тулью охватывали стоячие, разрезанные сзади поля (*кыдыг*, *бөрт-түң кыдыы*) из меха рыси, овцы или ягненка, обычно черного цвета. К макушке тульи пришивали плетеный узел-шишечку *дошка*, от которого на спину опускались две ленты *маак* длиной 30–40 см, еще две более широкие ленты *тумак* прикрепляли к заднему краю тульи.

Состоятельные люди обшивали тулью шелком, а поля делали из шкуры выдры или черного соболя. В сильные морозы вместе с шапкой носили наушники *чаактааи*, сшитые из шкур ягненка или косули. Подобные головные уборы распространены были и среди бурят. Такие шапки имеют сравнительно позднее происхождение, они появились в период правления Маньчжурской династии Китая в Урянхайском крае [Вайнштейн 1991: 169].

Еще одним свадебным обрядовым действием, символизировавшим переход невесты в категорию замужних, был обряд заплетания кос [Потапов 1969: 246]. По мнению Л. П. Потапова, монгун-тайгинцы не проводят обряд заплетания кос во время свадьбы, их невесты носили две косы с обряда *дугдээшкин* [Потапов 1969: 238]. В волосы вплетали искусственные косы *чалаа-кара*, к середине кос прикрепляли на косное украшение *чавага*.

Когда жених и невеста были полностью облачены в праздничную одежду, а косы невесты заплетены подобающим образом с украшением *чавага*, проводился главный обряд, когда жениху давали в зубы кусок вареной нижней губы овцы или барана (*хой чырыы*), а девушку заставляли откусить от этого куса мяса. В это время родители жениха и невесты стояли рядом и наблюдали, удастся ли девушке откусить кусок мяса, который держал в своих зубах жених, по этой примете определяли будущую супружескую жизнь своих детей. После того, как развязывали нитку, которой были связаны руки жениха и невесты, начиналось угощение [Потапов 1969: 246–247].

Заключение

В традиционном свадебном обряде концентрируется социальный опыт поколений. Результат совершенного в результате свадебного обряда перехода невесты в иное пространство и социальную группу закреплялся внешними выражениями — переплетением кос по-женски и ритуальным обходом молодой вокруг очага в доме мужа, что означало превращение ее в «свою» для членов семьи мужа, его родных, и, конечно, свадебной одеждой, которая меняла ее статус.

Таким образом, свадебные головные уборы тувинцев, особенно у женщин, были

значимым элементом не только свадебной одежды, но и всей свадебной обрядности в целом, обозначая ее основные этапы в ка-

честве своеобразных маркеров и знаков, символизирующих новые статусы невесты и замужней женщины.

Полевые материалы авторов

- Байкара Е. Ш.* — информант, 1927 г. р., уроженка Пий-Хемского кожууна, консультант, научный сотрудник Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва.
Куулар Л. К. — информант, 1955 г. р., уроженка Сут-Хольского кожууна, научный сотрудник Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва.
Сат А. В. — информант, 1977 г. р., уроженец с. Кунгуртуг Тере-Хольского района.

Author's Field Data

- Informant 1: E. Sh. Baikara, b. 1927, native of Piy-Khemsy District (Tyva Republic, Russian Federation). Consultant and research associate at Aldan-Maadyr National Museum. (In Tuv. and Russ.)
 Informant 2: L. K. Kuular, b. 1955, native of Sut-Kholsky District (Tyva Republic, Russian Federation). Research associate at Aldan-Maadyr National Museum. (In Tuv. and Russ.)
 Informant 3: A. V. Sat, b. 1977, native of Kungurtug (Tere-Kholsky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2019. (In Tuv. and Russ.)

Литература

- Антипина 1962 — *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во Академии наук Киргизской ССР, 1962. 288 с.
 Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 297–366.
 Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.
 Грумм-Гржимайло 2003 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX в.) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. С. 108–134.
 Дьяконова 1960 — *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев (по полевым матери-

лам 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 238–266.

- Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер. С. Д. Дылыкова. М.: Вост. лит., 1981. 148 с.
 Петров 2016 — *Петров И. Г.* Покрывало невесты в свадебной обрядности чувашей: функции и семантика // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 4. С. 110–114.
 Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
 Сиянбиль, Сиянбиль 2000 — *Сиянбиль М. О., Сиянбиль А. А.* Традиционный тувинский костюм. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2000. 320 с.
 Традиционная культура 2003 — Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX в.) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. 225 с.

References

- Antipina K. I. Southern Kyrgyzes: Peculiarities of Material Culture and Applied Arts Reviewed. Frunze: Kyrgyz SSR Academy of Sciences, 1962. 288 p. (In Russ.)
 Bogatyrev P. G. Functions of national costume in Moravian Slovakia. In: Bogatyrev P. G. Theory of Folk Art Exemplified. Moscow: Iskusstvo, 1971. Pp. 297–366. (In Russ.)
 Dyakonova V. P. Materials on Tuvan garments: A case study of 1958 field data. In: Scholarly Works of Tuvan Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. I: Materials on Archaeology and Ethnography of Western

- Tuva. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 238–266. (In Russ.)
 Grum-Grshimailo G. E. Northwestern Mongoliya and Uriankhai Land. In: Kuzhuget A. K. (comp.) Tuvan Traditional Culture in Foreign Eyes, Late 19th — Early 20th Centuries. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. Pp. 108–134. (In Russ.)
 Ikh Tsaaz (The Great Code of Laws): 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. S. Dylykov (transl.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1981. 148 p. (In Russ.)
 Kuzhuget A. K. (comp.) Tuvan Traditional Culture in Foreign Eyes, Late 19th — Early

- 20th Centuries. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. 225 p. (In Russ.)
- Petrov I. G. Bridal veil in the wedding tradition of the Chuvashes: Functions and semantics. *Izvestia Ufimskogo Nauchnogo Tsentra RAN (Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre)*. 2016. No. 4. Pp. 110–114. (In Russ.)
- Potapov L. P. Essays on Tuvan Traditional Household Life. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Traditional Tuvan Costume. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. The World of Central Asian Nomads. Moscow: Nauka, 1991. 294 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 1016–1031, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.(571.54)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1016-1031

О сочинении дорампа Игнен-Чоймпела «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая желания“»

Саяна Батуевна Бухоголова¹, Субад Бальжинимаевна Дашиева², Зинаида Анциферовна Дебенова³,
Баир Луданович Тушинов⁴, Номинь Дондоковна Цыренова⁵

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3290-7697. E-mail: 689699@mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

стажер-исследователь

 0000-0002-8824-6624. E-mail: debenova@gmail.com

⁴ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi@mail.ru

⁵ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бухоголова С. Б., Дашиева С. Б., Дебенова А. З., Тушинов Б. Л., Цыренова Н. Д., 2021

Аннотация. В статье рассматривается ксилограф «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая желания“», хранящийся в монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Цель статьи* — выполнить источниковедческий анализ содержания данного сочинения, для успешного решения которой были поставлены

следующие *задачи*: определить авторство сочинения; выполнить его транслитерацию и проверить точность его прочтения для выявления лексических особенностей текста; установить время составления; определить место написания и издания; выявить наличие сходных сочинений, связанных с культом горы Хан-Бархан; выявить структуру текста и дать краткое описание содержания. При написании статьи были использованы методы источниковедческого анализа письменных памятников, также метод текстологического анализа, позволивший показать высокий уровень знания буддийской философии и искусное владение монгольским языком автором-переводчиком Игнен-Чоймпелом. Были также применены сравнительно-исторический, типологический и описательный методы, предоставившие возможность проследить трансформацию ритуала почитания гор в процессе исторического развития. *Актуальность* исследования обусловлена широким распространением культа гор среди монголоязычных народов в последние десятилетия, в том числе и среди бурят. Выводы и результаты данной статьи могут стать источниковой базой для исследователей при определении причин возрождения этого культа и степени его влияния на современное состояние религиозности населения. *Результаты*. В данном тексте содержатся новые сведения о почитании *эжинов* — владык, духов, хозяев местности, гор и т. д., в частности горы Бархан Курумканского района Республики Бурятия. *Новизна* исследования заключается в том, что впервые вводится в научный оборот текст, являющийся важным историческим свидетельством культурных и религиозных процессов, происходивших среди бурят в XIX в. *Выводы*. Анализ структуры и содержания сочинения показал, что в нем присутствуют синкретические элементы, такие как заимствования некоторых шаманских обрядов, связанных с почитанием культа гор, также наличие в нем лексических особенностей, главным образом, архаических слов и выражений. Включение в буддийский пантеон местных божеств и шаманских обрядов способствовали распространению и укреплению буддизма среди местного населения.

Ключевые слова: письменный источник, культ гор, Хан-Бархан, баргузинские буряты, буддизм, синкретизм

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания — проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9).

Для цитирования: Бухоголова С. Б., Дашиева С. Б., Дебеннова А. З., Тушинов Б. Л., Цыренова Н. Д. О сочинении дорампы Игнен-Чоймпела «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтаamani, быстро исполняющая желания“» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1016–1031. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1016-1031

Precious Chintamani That Quickly Fulfills Aspirations: Text of Veneration of the Magnificent Khan Barkhan by Dorampa Ignen-Choimpel Revisited

*Sayana B. Bukhologova¹, Subad B. Dashieva², Zinaida A. Debenova³, Bair L. Tushinov⁴,
Nomin D. Tsyrenova⁵*

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3290-7697. E-mail: 689699@mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Research Assistant

 0000-0002-8824-6624. E-mail: debenova@gmail.com

⁴ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi@mail.ru

⁵ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bukhologova S. B., Dashieva S. B., Debenova Z. A., Tushinov B. L., Tsyrenova N. D., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with the xylograph *Tegüs čoytu qan gbar-mkan-u takily-a küsel türgen qangyačči čindamani erdeni kemegdekü orusiba* (*Worship of the majestic Khan-Barkhan: „Chintamani-treasure, quickly fulfilling desires“*) by dorampa Ignen-Choimpel; the treatise is part of the collection kept in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude). It *aims* to analyze the source along the following lines: *i*) to identify the author of the manuscript, *ii*) to transliterate the text and check the accuracy of its reading with a focus on its specific lexical features, *iii*) to identify the time and place of its compilation and publication, *iv*) to research similar works related to the cult of Mount Khan-Barkhan, and *v*) to examine the structure of the text and give a short description of its content. *Methods and materials.* The methodology of source studies, as well as the textological analysis used by the present researchers helped establish dorampa Ignen-Choimpel's exceptional knowledge of Buddhist philosophy and of the Mongolian language. Comparative-historical, typological, and descriptive methods were instrumental in examining the transformation of the mountain worship ritual in the process of its historical development. Granted the role of mountains as an essential element in the worldview of many cultures, as well as the significance of the text for practices of Buryats of Barguzin region today, the present research is of much relevance. The article may be used as a source for studies of the factors influencing the current revival of the mountain cult and the present religious practices of the population in the region. *Results.* The text under study contains new data concerning the veneration of *ezhins* — host-spirits of local features such as mountains, the Barkhan mountain of Kurumkan region in Buryatia, in particular. Also, this is a piece of important historical evidence shedding light on the cultural and religious processes that took place among the Buryats in the 19th century. *Conclusions.* The research indicated the presence of syncretic elements in the text of the treatise, including borrowings of some shamanic traditional rituals associated with the mountain worship, as well as the presence of specific lexical elements such as archaic words and expressions. Importantly, Buddhist borrowings of shamanic deities and rituals familiar to the local Buryat people contributed to the promotion of Buddhism among the local population.

Keywords: written source, mountain worship, Khan-Barkhan, Barguzin Buryats, Buddhism, syncretism

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000302-9 'Peoples of Russia and Inner Asia: Written Monuments in Oriental Languages and 18th–21st Century Archival Documents in the Context of Cross-Civilizational Interaction'.

For citation: Buhogolova S. B., Dashieva S. B., Debenova Z. A., Tushinov B. L., Tsyrenova N. D. *Precious Chintamani That Quickly Fulfills Aspirations: Text of Veneration of the Magnificent Khan Barkhan by Dorampa Ignen-Choimpel Revisited.* *Oriental Studies.* 2021. Vol. 14 (5): 1016–1031. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1016-1031

Введение

В статье рассматривается буддийское обрядовое сочинение XIX в. о порядке и правилах совершения подношений божествам местности на монгольской письменности «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая желания“»¹ (*Tegüs čoytu qan gbar-mkan-u takily-a küsel türgen qangγayčī čindamani erdeni kemegdekü orusiba*)², хранящееся в монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН) [*Tegüs čoytu*. Л. 21]. Текст этого ксилографа также имеется в коллекции монгольского фонда Института востоковедения РАН³ (далее — ИВ РАН). В нем описывается последовательность проведения буддийского ритуала почитания хозяина горы Бархан.

Текст примечателен представлением ритуальной структуры обряда почитания бурятами-буддистами XIX в. божества местности, хозяина конкретной культовой горы Бархан (Барагхан)⁴, расположенной в Курумканском районе Бурятии и являющейся одной из высочайших вершин (2 585 м) Баргузинского хребта, расположенной «на севере Замбулина между Россией и Монголией, позади Баргузинского дацана, посреди полей и лесов родимой стороны» [*Ламаизм в Бурятии* 1983: 132]. Важно отметить прак-

тическое применение этого текста на тибетском языке ламами во время проведения религиозного поклонения этой горе и в наши дни.

По мнению Б. Ц. Гомбоева, гору первыми начали почитать древние эвенки-охотники, жившие в то время на левой стороне р. Баргузин, на просторах Куйтунских степей, у подножия Икатского хребта, именовали её как *бар(к)хан хада* ‘величественная гора’ [*Гомбоев* 2006: 73–74].

На наш взгляд, топонимы Барагхан (Баргахан) и Баргажан имеют общий корень *барга*, который известный лингвист Т. А. Бертагаев переводит как ‘грубый, необразованный, некультурный’, а суффикс *-жан* — как ‘уголок, площадь неопределённой формы’, в целом означающие ‘глухой, лесистый, малоосвоенный уголок или край’ [*Бертагаев* 1958: 173–174]. Б. Ц. Гомбоев предлагает новый подход к переводу топонима Баргажан, состоящего из двух слов: эвенк. *баргу* ‘противоположный’ и бур. *эзэн* ‘хозяин’, означающие вместе ‘хозяин-владелец, живущий на противоположной горе’ [*Гомбоев* 2006: 74].

В архивном фонде известного этнографа С. П. Балдаева встречается упоминание известных шаманских 13 северных владык (хатов) *Арын арбан гурбан хаанууд*, в число которых входит *Хажар сагаан-нойон*, живущий в долине реки Баргузин на высочайшей горе Бархан, которому баргузинские буряты до сего времени устраивают жертвоприношения [*ААГХ*. Л. 1]. Также им зафиксированы со слов старожилов Баргузинского района, кроме горы *Бархан-үндэр*, другие места поклонения бурят: *Буумал түмэр* ‘метеорит’, *Хилман хушуун* ‘осетровый мыс’, *Нүбэйн эзэн* ‘хозяин Нүбэй’ и *Шастийн үндэр* ‘возвышенность девушки’ [*ААГХ*. Л. 1].

По всей видимости, хозяев горы Бархан несколько: в шаманских призываниях обращаются к *Хажар сагаан-нойону* [*ААГХ*. Л. 1], *Солбон Хаиши-нойону*, сыну Сабханда, который с проникновением буддизма вошел в религиозный пантеон в виде одного хубилгана из 9 докшитов [*Герасимова* 1969: 138]. Примечательно, что в текстах часто встречаются *Бархан баабай Балган Солишиго* (Балган Шальши — буддийское

¹ По буддийской мифологии, чинтамани — драгоценный камень, исполняющий желания.

² При работе над переводом текста нами были использованы академические словари: [*БАМРС* 2001–2002; *Ковалевский* 1844–1849].

³ Этот источник имеется в монгольском фонде ИВР РАН: *Tegüs čoytu qan gbar mkan-u takily-a küsel türgen qangγayčī čindamani erdeni kemegdekü orosiba* (Л. 1a). Q 178. экз. 1. (Каталог. II, № 3165) [*Сазыкин* 2001: 166; *Успенский* 1999: 360; *Сазыкин* 2004: 128].

⁴ Бархан уула — горная вершина Барагхан в Баргузинском районе Республики Бурятия, почитаемая местными бурятами. Духом-хозяином этой священной горы, по легенде, считается Солбон-Хаиши-нойон, живший на Барагхане. В XVI в. баргузинские буряты приносили этому духу ежегодные жертвы [*Абаев* 2017: 111].

божество с четырьмя ликами)¹, *Дээдэ баабай* — Хан Шазага-нойон [Батомункуева 2019: 76]. В рассматриваемом нами сочинении встречается буддийское имя хозяина горы — Хан-Бархан *ᠬᠠᠨ ᠪᠠᠷᠬᠠᠨ qan gbar-tkan-u* [Tegüs čoytu. Л. 1r, 3r, 4r, 4v, 9v, 11v, 15v], которое является калькой тибетского слова, переданного на монгольской графике. Данный факт в какой-то мере позволяет утверждать раннее появление произведения на тибетском языке: «Метод почитания великого божества Хан-Бархана: Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая надежды»².

Другой известный труд «Метод подношения воскурения одаренному магическими силами божеству Хан-Бархану: радостно улыбающийся лик великого божества»³ Игнен-Чоймпела также посвящен Хан-Бархану, в его колофоне указывается, что он выполнен по заказу «лам, нойонов и мирян агинских бурят» и издан в Агинском дацане [Ламаизм в Бурятии 1983: 132].

В колофонах автором обоих вариантов на тибетском языке и монгольской письменности указан дорампа⁴ (бур. *дооромбо*) Игнен-Чоймпел из монастыря Палден Дрепунг [Tegüs čoytu. Л. 16r], который побывал в середине XIX в. в Забайкалье [Ламаизм в Бурятии 1983: 28].

¹ По предположению С. Р. Батомункуевой, это четырехликий Махакала, один из больших докшитов, почитаемых в бурятских дацанах, или другое божество низкого ранга.

² *Lha rgyal chen po 'bar mkhan gyi mchod tshul re ba myur du skod ba'i tsintamani zhes bya ba*. Ксилограф Агинского дацана (5 л.) [Lha rgyal chen po].

³ *Mthu ldan lha rgyal spor mkhan la sang mchod 'bul tshul lha chen dgyes pa'i 'dzum zhal zhes bya ba*. Ксилограф Агинского дацана (3 л.) [Mthu ldan lha rgyal].

⁴ Дорампа (тиб. *rdo rams pa*) представляет собой — наряду с цограмба-гебши (тиб. *tshogs rams pa'i dge bshes*), лхарамба-гебши (тиб. *lhas rams pa'i dge bshes*), линсрэй-гебши (тиб. *gling bsre'i dge bshes*) — одну из четырех монашеских ученых степеней гебши (тиб. *dge bshes* / монг. *buyan-u sadun*). Эти степени монахи получали на общем собрании трех самых крупных тибетских монастырей Лхасы после 10 лет обучения на философском факультете. Ламы, обладавшие этим званием, принадлежали к наиболее почетной, образованной и уважаемой элите лам [Ванчикова, Жабон 2018: 74].

К сожалению, нам не удалось точно установить место издания ксилографа на монгольской письменности, но ввиду того, что сочинение на тибетском языке было напечатано в Агинском дацане, придерживаемся версии, что он был издан там же.

Культ и почитание гор в работах отечественных исследователей

Горы являются неотъемлемой частью ландшафта региона Центральной Азии, с которым тесно связаны жизнь и быт людей. Как известно, культ гор и традиции их почитания всегда являлись важной составляющей шаманских и буддийских верований, в частности, на территории Бурятии. В отечественной исследовательской традиции божества гор упоминаются в работах этнографов, антропологов, культурологов, фольклористов и религиоведов, изучающих ранние формы религии у монгольских народов.

В советское время данной теме были посвящены статьи и монографии таких авторов, как Г. Н. Потанин [Потанин 1881], Л. П. Потапов [Потапов 1946], П. П. Хороших [Хороших 1924], Т. М. Михайлов [Михайлов 1980], С. А. Токарев [Токарев 1982], И. А. Манжигеев [Манжигеев 1978], Р. Н. Дугаров [Дугаров 1986]. В этих трудах почитание гор рассматривается как часть шаманской обрядности, подчеркивается важность материальной составляющей, предпринимается попытка рационально объяснить происхождение тех или иных культов, систематизировать их компоненты.

Что касается современных исследователей, культ гор непосредственно в Бурятии рассматривается в работе Л. Л. Абаевой [Абаева 1991], в статьях Б. С. Дугарова [Дугаров 2005], в монографиях Б. Ц. Гомбоева [Гомбоев 2006], С. Р. Батомункуевой [Батомункуева 2019]. В них основное внимание авторов направлено на выявление степени влияния буддизма и его взаимодействия с автохтонными верованиями, в результате которого культ гор «представляется многогранным синкретизированным компонентом религиозной жизни бурятского населения, как синтез дошаманских, шаманских, буддийских религиозных компонентов» [Батомункуева 2019: 69].

Об авторе сочинения

Как мы выше отмечали, в колофоне исследуемого текста автором указан дорампа Игнен-Чоймпел из монастыря Палден Брайбун. В монографии, посвященной ламаизму в Бурятии XVIII — нач. XX вв., имеется утверждение без указания на источник, что дорампа Игнен-Чоймпел был из тибетского монастыря Палден Брайбун [Ламаизм в Бурятии 1983: 128]. В результате обращения к современным бурятским ламам, которые продолжают использовать ритуальные тексты этого автора в своей практике, нам удалось выявить некоторые дополнительные сведения о нем. Как сообщает лама Д. В. Дашицыренов¹, его Учитель почтенный Гэлэг Балбар-лама² упоминал, что Игнен-Чоймпел был *барга-хун*, т. е. человеком баргутского происхождения. Он хорошо знал местные объекты культового поклонения, поэтому являлся специалистом в написании ритуальных текстов, обращенных к мирским божествам северной стороны. Дондок-лама утверждает, что подобные обрядники, связанные с баргузинскими и байкальскими культами почитания, не смог бы составить лама из другого региона, не будучи хорошо осведомленным о них.

Игнен-Чоймпел в другом тибетоязычном *сольчите*³ перечисляет 15 хранителей сторон, 13 хозяев без имени, 13 жён этих хозяев, в числе 15 хранителей сторон на первом месте *Буха-нойон* и его жена, хозяин гор Ольхона, хозяин Тункинских гор и т. д. [Ламаизм в Бурятии 1983: 128–129].

Во фрагменте тибетского текста, предоставленного из архива Иволгинского дацана ламой Жаргалом Дугдановым⁴, имеют-

¹ 1963 г. р., известный строитель субарганов, уроженец Кижингинского района Республики Бурятия, из хоринского рода худай.

² Гэлэг Балбар-лама (1926–2020 гг.) родился в селе Зугалай Агинского округа (сегодня это территория Забайкальского края), относится к роду хуасай хоринских бурят. Он — выдающийся эмчи-лама XX–XXI вв., цаннид-лама (доктор философских наук), геше-манрамба (доктор тибетской медицины). С десяти лет Балбар-лама учился в монастырях, его врачебный стаж составлял более 55 лет [Филатова 2017: 1–2].

³ Сольчиты (*тиб. gsol mchod*) — молитвы в стихотворной форме.

⁴ 1983 г. р., уроженец Еравнинского района Республики Бурятия, из хоринского рода *улаалзай хубдууд*.

ся сведения об авторе исследуемого нами сочинения: «Одаренный в полноте всеми великолепиями десяти добродетелей бурят (*тиб. po ri yad*) из Палден Дрепунга (*тиб. dpal ldan 'bras spungs*) Дожал рабжампа Игнен-Чоймпел говорил: „вода великого озера Байкал (*тиб. mtsho chen pas kal*), окруженного нами, бурятами, с двух сторон, наделена восемью качествами совершенной воды: прохладная, вкусная, легкая, мягкая, прозрачная, чистая, не вызывает болей в животе, не раздражает горло“». Согласно этому небольшому свидетельству, где имеется словосочетание «нами, бурятами», мы предполагаем, что он и сам являлся бурятом.

Кроме этого, известно еще одно сочинение данного автора, написанное под именем Жигньен Шойпэл — «Метод практики глубокого среднего взгляда» (*Lta ba zab mo nyams su len pa'i tshul*, Ms. 12 л.) [Жигньен], на которое ссылается А. М. Донец в монографии «Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике» [Донец 2004: 261]. Ученая степень дорампа и его труд, разъясняющий содержание сложнейшего философского учения Мадхьямаки⁵, подтверждают высочайший уровень монастырского образования автора.

Версия «отнесения» Игнен-Чоймпела к Цонгольскому дацану Балдан Брайбун связана с тесными контактами этого дацана с Баргузинским дацаном на тот период.

Связи Цонгольского и Баргузинского дацанов

Сведения, подтверждающие связи Цонгольского дацана Палден Дрепунг и Баргузинского дацана Гандан Ше Дувлин в начале XIX в., содержатся в «Летописи Баргузинских бурят»: «Первый баргузинский лама Дансаран Ситнаев от имени всего Баргузинского бурятского ведомства впоследствии был отправлен в Селенгинское бурятское ведомство в Цонгольский дацан, откуда пригласил ламу Султума Арзанова в Баргузин для обучения бурятских детей тибетской и монгольской грамоте, от сего времени в Баргузине было довольно много знающих вышесказанную грамоту» [Вос-

⁵ Мадхьямака (санскр. / тиб. *dbu ma*) — одно из основных философских направлений Махаяны, «срединное воззрение», свободное от крайностей нигилизма и этернализма.

триков, Поппе 1935: 33]. Позднее, в 1829 г., Султум Арзанов становится настоятелем первого Баргузинского дацана, освящение которого в 1828 г. по просьбе баргузинского бурята Сувана Арашкиева провел при многочисленном собрании народа Нимайлан-лама Цонгольского дацана, при этом были устроены скачки до ста лошадей, стрельба, борьба и прочие увеселения [Востриков, Поппе 1935: 33].

Как повествует «Летопись баргузинских бурят», во второй половине XIX в. Баргузинская долина становится ареной тянущегося десятилетиями противостояния христианства и буддизма, дошедшего до уничтожения улусных бумханов по распоряжению иркутских властей, протеста бурят против постройки миссионерской церкви в Курумкане, которая была построена вопреки этому, и т. д. Период зарождения буддизма в Баргузине, согласно хронологическим событиям XIX в., стремительно переходит в стадию развития с основанием дацана, комплектованием пандита-хамбой штатных лам, интенсивным изучением тибетского и монгольского письма. Согласно сведениям конца XIX в., все баргузинские буряты являлись последователями буддийской религии [Востриков, Поппе 1935: 36]. В условиях ее доминирования они, отказываясь от шаманских устоев, становятся буддистами, в то же время между ними и активно действующими христианскими миссионерами происходит борьба за сферу влияния.

Таким образом, отдельные шаманские ритуалы, как поклонение локальным хозяевам земли, перенимает зарождающийся бурятский буддизм, гармонично встраивая их в свою мировоззренческую и ритуальную систему.

Тем самым данный текст почитания хозяина Бархан-уулы, относящийся к тому периоду и содержащий элементы синкретизма, становится важным историческим свидетельством культурных и религиозных процессов, происходивших в то время в Баргузинском районе.

Археографические особенности источника

Исследуемый нами источник отпечатан ксилографическим способом на бумаге российского производства, состоит из 21 листа малого формата, размеры листов — 22*7 см,

текст заключен в рамку на 19*6 см. Количество строк на каждой странице варьируется от 13 до 15, пагинация (на монгольской письменности) сплошная. Качество бумаги и печати удовлетворительное, бумага на просвете ровная, сплошная, текст читабельный за исключением страницы 11(v), где краска сильно размазана на нескольких строчках.

Отсутствующий лист 20 (г, v) ксилографа, хранящегося в ЦВРК ИМБТ СО РАН, был восстановлен нами идентичным текстом из личной коллекции ламы Дондока Дашицыренова.

Как мы выше упомянули, этот же источник имеется в монгольском фонде ИВР РАН под названием «Обряд жертвоприношения местным божествам» [Сазыкин 2001: 166], в библиотеке Санкт-Петербургского университета [Успенский 1999: 360]. Он приводится А. Г. Сазыкиным в «Каталоге бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга» [Сазыкин 2004: 128].

Совпадение транслитерированных названий, содержаний и размеров внутренних рамок экземпляров позволяет утверждать, что эти тексты были отпечатаны одними и теми же ксилографическими досками.

На некоторых листах обнаружены штемпельные маркировки в виде гнутого прямоугольника, а именно на 5r, 21v — «Фабрики наследников Сумкина № 7», на 10r, 11v, 12r, 17r — «Фабрики наследников Сумкина», которая занималась изготовлением бумаги с 1869 по 1909 гг. в Устюжском уезде Вологодской губернии [Клепиков 1959: 109]. Кроме них, на последнем листе найден вытянутый фигурный штамп сибирской «Успенской фабрики № 27», занимавшейся производством бумаги в 1880-е гг. [Клепиков 1959: 109]. Судя по штемпельным маркировкам бумаги, предполагаемая дата составления работы — 1869–1909 гг., но не ранее 1869 г.

Текст по содержанию состоит из нескольких частей: автором первой, основной, части является дорампа Игнен-Чоймпел из монастыря Палден Дрепунг (бур. *Балдан Брайбун*) (1r–16r), вторую часть сочинения (16v–19v) составляет извлечение из сутры «Агуу балгасанда орохо» («Великая сутра вступления в город Випулу»), четверостишия на последней странице, относящиеся к

завершающей части принадлежат перу Уран Мэргэн-ламы (*egüni uran mergen blam-a-bar jokiyaaysan bolai*, 20v)¹. Возможно, здесь речь идет об уратском Мэргэн-гэгэне Лубсандам-бижалцане, буддийском деятеле XVIII в., известном авторе светских, религиозно-обрядовых произведений. Изучением творчества Мэргэн-гэгэна в разные годы занимались Д. Б. Банзаров [Банзаров 1891], А. М. Позднеев [Позднеев 1900], Ц. Ж. Жамцарано [Жамцарано 1936], В. Хайссиг [Хайссиг 1954], Ц. Дамдинсурэн [Дамдинсурэн 1957], П. Б. Балданжапов [Балданжапов 1970], М. В. Аюшеева [Аюшеева 2006] и др.

Структурные особенности источника

В результате изучения ксилографа выявлена его структура, состоящая из **вводной** части: 1) самопорождение божеством Ваджрадхарой² и благословение подношений; 2) приглашение гостей; 3) семичастный ритуал³; **основной** части: 4) подношения хозяину Хан-Бархана: а) разнообразные подношения чистой воды, белой пищи и т. д.; б) подношения воскурения; в) подношения животных; г) подношения земли; д) подношения материальных ценностей; 5) молитвенное обращение; 6) проводы гостей; 7) посвящения заслуг; 8) молитва о пребывании счастья; 9) обряд призывания сил процветания; 10) стихи пожелания счастья и **заключительной** части: 11) побуждения к действию хозяев воды и местности. Здесь нужно подчеркнуть то, что в тексте имеются два колофона, поскольку источник имеет двух авторов: дорампа Игнен-Чоймпела (12r, 16r) и Уран Мэргэн ламу (20v, 21r).

Исследование структуры и содержания позволяет утверждать, что после совершения определенных подношений хозяину Бархана обязательно следует та или иная просьба: после очищения воскурением от

негатива, с приглашением высоких гостей, поклонением и угощением различными видами молочной, мясной пищи следует прошение об умножении пяти видов скота; с подношением прекрасных земель присутствует просьба сделать их жизнь счастливой; даруя сокровищницы с драгоценностями, взамен желают богатства; одаривая хозяина снаряжением воинов, умоляют уничтожить врагов и препятствия; с преподнесением нескольких предметов бытовой утвари молят об упрочении их счастья и т. д. Таким образом, ритуал подношений хозяину местности носит в определенной мере прагматическую направленность.

Первая подготовительная часть «Самопорождение божеством Ваджрадхарой и благословение подношений» начинается с тантрического метода визуализации порождения себя как божество Ваджрадхара с телом синего цвета, одним ликом и двумя руками. Затем совершается благословение субстанций подношений при помощи мантр, жестов и медитативной концентрации; здесь автор побуждает думать и желать, чтобы эти расплавленные подношения проявились и распространились перед очами лам⁴, идамов⁵, будд⁶, бодхисаттв⁷, богатырей, дакинй⁸, защитников Дхармы⁹,

⁴ Лама (тиб. *bla ma*) — наивысший, букв. 'выше нет'. Эпитет учителя, обладающего высокими реализациями. В Монголии и Бурятии этот термин распространился на всех буддийских священнослужителей.

⁵ Идам (тиб. *yi dam*) — личное божество-проводник в тантрическом буддизме.

⁶ Будда (санскр. / тиб. *sangs rgyas*) — пробужденное существо, очистившее (сан — *sangs*) все омрачения и развившее (гье — *rgyas*) все благие качества.

⁷ Бодхисаттва (санскр. / тиб. *byang chub sems dpa'*), где бодхи — это Пробуждение или Просветление, а саттва — это существо, т. е. существо, устремленное к Пробуждению ради блага всех живых существ.

⁸ Дакини (санскр. / тиб. *mkha' 'gro*) — на тибетском *кха дро* буквально означает идущие (*дро*) по небу (*кха*). Дакини — это богини в тантрическом буддизме, защищающие учения тантры и помогающие адептам тантры на пути совершенствования. Существуют мирские и внемирские дакини.

⁹ Дхарма на санскрите имеет множество значений, здесь означает Учение Будды. Ко-

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Ваджрадхара (санскр. / тиб. *rdo rje 'chang* (Держащий ваджру)) — изначальный Будда в тантре, воплощающий абсолютное состояние просветленного ума.

³ Традиционный буддийский ритуал, состоящий из семи ветвей: простирание, подношение, раскаяние, сорадование, просьба о даровании Учения, просьба о прочном пребывании, посвящение накопленных заслуг. Его совершение направлено на очищение негативной кармы и накопление духовных заслуг.

в особенности божества покровителя Хана богатыря Хозяина Бархана и его окружения — белых светлейших цариц, сыновей, чиновников и воинов [Tegüs čoytu. Л. 1r–3v].

Следующая часть под названием «Приглашение гостей вместе с улаждающими мелодиями» содержит сведения о том, как выполняющий ритуал призывает к себе исполненного добротой ламу, идама, будд и бодхисаттв трёх времён, богатырей и дакини десяти сторон света вместе с защитниками Дхармы, пять божеств покровителей, а также обладающего высокими духовными заслугами божество местности Хан-Бархана с его окружением. Затем предлагает им воссесть на трон, сделанный из драгоценностей; на сиденья из разноцветного лотоса, солнца и луны; на лучшие шелковые подушки [Tegüs čoytu. Л. 3v–4r].

В третьей части «Подношение (семичастного ритуала) собранию благородных» содержится поклонение высшим объектам Прибежища, почитание разнообразными подношениями, раскаяние в проступках и клятва не совершать их в будущем. А также, сорадуясь собраниям добродетелей, просит о прочном пребывании, с напоминанием о (даровании) нектара Дхармы, посвящает заслуги достижению Пробуждения [Tegüs čoytu. Л. 4v].

Четвертая часть «Подношения Хозяину Хан-Бархана», среднего объема, содержит четыре параграфа. В начальном параграфе «Разнообразные подношения чистой воды, белой пищи и т. д.» подробно перечисляются не только различные виды молочной, мясной пищи, но и сушеные экзотические фрукты: курага, мускатный орех, шафран, гвоздика, чёрный кардамон и т. д. Во втором параграфе четвертой части «Подношения воскурения» говорится о том, как дымом от воскурения белого и синего сандала, кипариса, можжевельника, медуницы и тимьяна (*ая-ганга*) совершается очищение. Здесь же автор сочинения просит очистить от таких порочных, греховных деяний, как выворачивание камней на горах, спиливание деревьев, загрязнение источников и озер, копка земли, убийство животных.

ренъ слова Дхарма *дхар* означает ‘держатъ’ или ‘удерживатъ’. Имеется в виду, что Дхарма удерживает живых существ от падения в низшие миры.

В следующем параграфе этой же части, называемом «Подношения животных» хозяину-божеству вместе с его окружением, преподносятся пять видов скота с просьбой об их обильном умножении. Необходимо отметить, что в данной части ритуала животные преподносятся только в (качестве) визуализации.

В четвертом параграфе четвертой части «Подношения земли» великому божеству вместе с его окружением преподносятся *обоо*¹, где резвятся олени, маралы и горные козлы; высокая гора, украшенная благозвучным пением кукушки; чащи, исполненные деревьями и водами; земли и пастбища, на которых пасутся антилопы, куланы и горные бараны; пастбища диких верблюдов, песчаная гора с солончаком; чистые и прозрачные озёра, где плещаются утки, гуси, лебеди, лебедицы и т. д. При этом все это сопровождается просьбой о счастливой жизни.

В заключительном пятом параграфе «Подношения материальных ценностей хозяину-божеству», исполненному духовных заслуг, преподносятся разнообразные виды предметов, семь драгоценностей Чакравартина, восемь предметов-символов удачи и счастья, сокровищницы с драгоценностями и разными ценными вещами, взамен просят наделить их богатством. Здесь описывается подношение снаряжений воинов с целью подавления врагов и препятствий. Наряду с прошением об упрочении счастья в дар приносятся ценные вещи, одежда, украшения, кровати, сидения, драгоценный престол, дворец, монгольская ставка, сосуды с драгоценностями и другие материальные ценности [Tegüs čoytu. Л. 5r–9v].

Пятая часть, именуемая «Молитвенное обращение», обращена к исполнен-

¹ *Обоо* (досл. ‘куча, груда; насыпь’) — *обо* в виде насыпи или естественного холмика, сопки представляет место, где совершался религиозный обряд, посвященный хозяину местности, является буддийской трансформацией шаманистического жертвенника. Буддийское духовенство для утверждения своей религии среди шаманистов было вынуждено сохранить в измененном и приспособленном виде некоторые шаманистические обряды, например, жертвоприношения на перевалах и в местах бывших тайлаганов, получившие название *обоо тахилган* [Манжигеев 1978: 61].

ному духовных заслуг Хозяину Бархану с просьбами о распространении Желтой веры во всех направлениях, прочном пребывании Владыки Учения, проведении хуралов на должном уровне, развитии деяний согласно Учению, обретении справедливости в государственных законах, упрочении политической стабильности, подавлении врагов и препятствий, умножении жизни, добродетели и счастья, пожелания благополучных погодных условий и умножения бесконечного благополучия, кроме этого, приводятся просьбы о благополучии, защите и спасении от болезней [Tegüs čoytu. Л. 9v–10v].

В шестой части «Проводы гостей», состоящей из небольшого четверостишия, выражается благодарность всем божествам, хозяевам местности за то, что они прибыли, принесли пользу и благо, ориентируясь на будущее, приглашают их к себе вновь [Tegüs čoytu. Л. 10v–11r].

Седьмая часть «Посвящение заслуг» включает в себя четыре строки благопожелательной молитвы о достижении состояния Будды всеми живыми существами и принесении пользы всем живым существам [Tegüs čoytu. Л. 11r].

Следующая часть под названием «Молитва о пребывании счастья» содержит строки, при произнесении которых разбрасываются лепестки цветов или горсть благословенного риса с пожеланием счастья Будды, Дхармы, Сангхи — Трёх драгоценностей [Tegüs čoytu. Л. 11r–12r].

Небольшая по содержанию девятая часть «Обряд призывания сил процветания» посвящена *даллага* — обряду призывания счастья и процветания. Каждая строка сопровождается присущими в шаманских обрядах возгласами — *хурай, хурай, хурай*, успешно проникшими в ритуальные действия местного буддизма [Tegüs čoytu. Л. 12v].

Десятая часть, называемая «Стихи пожелания счастья», самая объемная по размерам, является извлечением из сутры «Агуу балгасанда орохо»¹. По сути, представляет собой обряд призывания счастья во всех деяниях, начиная со встречи с истинным

¹ Великая святая сутра вступления в город Випулу (санскр. *Арья випуленправеша маха сутра*; тиб. *'phags pa yangs pa'i grong khyer du 'jug pa'i mdo chen po*).

Учителем и завершая достижением самого счастливого состояния (будд) [Tegüs čoytu. Л. 13r–20r].

В завершающей небольшой одиннадцатой части «Побуждение к действиям Хозяев местности и воды» говорится о поклонении хозяевам с целью предотвращения всего дурного и умножении великолепия добродетелей, подавления зловых врагов и реализации всех целей. Автором этих строк является Уран Мэргэн-лама [Tegüs čoytu. Л. 20r–21r].

Лексические особенности сочинения

С лингвистической стороны текст представляет немалый интерес, так как в нем содержатся примеры, зафиксировавшие определенные изменения в области орфографии, фонетики, лексики старописьменного монгольского языка и т. д.

В нем наблюдаются многочисленные переносы слов с одной строчки на другую, создающие некоторую трудность при транслитерации, переводе и восприятии текста в целом.

В орфографии ксилографа заметно отсутствие диакритического знака *давхар цэг* (двойная точка) в словах с твёрдорядной графемой *γ*, к примеру, *аγар* 'воздух, атмосфера' [Tegüs čoytu. Л. 2r]; *bolγan arilya* 'сделав, очисти' [Tegüs čoytu. Л. 2r]; *qoγusun* 'пустой' [Tegüs čoytu. Л. 2r]; *γaγar* 'земля' [Tegüs čoytu. Л. 2v]; *bayatur* 'герой, богатырь' [Tegüs čoytu. Л. 3r]; *sakiγulsud* 'гений-хранитель, покровитель' [Tegüs čoytu. Л. 3r]; *čayan* 'белый' [Tegüs čoytu. Л. 3r]; *bolγuyai* 'да будет! пусть будет!' [Tegüs čoytu. Л. 3r]; *čiyulyan-a* 'собрание' [Tegüs čoytu. Л. 4r]; *naγur* 'озеро' [Tegüs čoytu. Л. 5r]; *utuly-a* 'благовоние' [Tegüs čoytu. Л. 5r]; *umday-a* 'напиток, питье' [Tegüs čoytu. Л. 5v] и т. д. В некоторых случаях в словах не пишется *цэг* (точка) с буквой *n*, например, *erdenis* 'драгоценности' [Tegüs čoytu. Л. 4r]; *naran* 'солнце' [Tegüs čoytu. Л. 4r]; *čiyulyan-a* 'собрание' [Tegüs čoytu. Л. 6r] и т. д.

К фонетическим особенностям текста следует отнести фиксацию сложного и длительного периода выпадения интервокального согласного *γ/g* и образования долгих гласных в словах: *eyirmeg* вм. *egermeg* 'молочный напиток' [Tegüs čoytu. Л. 6r]; *joruu* вм. *jiruy-a* 'иноходец' [Tegüs čoytu. Л. 7v]; *öskül* вм. *öskegül* 'размножь' [Tegüs čoytu. Л. 7v]; *ousur* вм. *oγusur* 'шнур, веревка'

[Tegüs čoytu. Л. 10r]; *belčiyer* в м. *belčiger* ‘пастбище’ [Tegüs čoytu. Л. 8r]; *šiuryan* в м. *šiuryan* ‘метель, вьюга’ [Tegüs čoytu. Л. 10v]; *buuri* в м. *bayuri* ‘стоянка, кочевье’ [Tegüs čoytu. Л. 14v].

Кроме этого, наблюдается чередование согласного звука *č* в м. *s süliker* в м. *čulikir* ‘кумарчик гобийский, используемый для приготовления муки’ [Tegüs čoytu. Л. 6r]; *sečeg* в м. *čečeg* ‘цветок’ [Tegüs čoytu. Л. 5r].

Немаловажно привести примеры с переломом исторического гласного *i*, который под влиянием последующего сильного гласного звука, диссимилировался, например, *kišig* в м. *kešig* ‘благополучие, счастье’ [Tegüs čoytu. Л. 12r, 12v, 13r, 13v, 14r, 15v]; *nituy* в м. *nutuy* ‘местность’ [Tegüs čoytu. Л. 14v]. Наряду с этим встречается и архаическое написание слов, не подвергнутых вышеупомянутому перелому *i*: *bošiluy* в м. *bišilay* ‘сыр’ [Tegüs čoytu. Л. 6r]; *šilü* в м. *šülü* ‘бульон’ [Tegüs čoytu. Л. 6r].

В этой связи стоит упомянуть слова, написанные без соблюдения правил орфографии монгольской письменности, это: *čiluuy* в м. *čilay* ‘камень’ [Tegüs čoytu. Л. 7r]; *toyluysan* в м. *toylaysan* ‘игравший’ [Tegüs čoytu. Л. 8r]; *buu* в м. *puu* ‘ружье’ [Tegüs čoytu. Л. 9r]; *suraqu* в м. *surqu* ‘учиться’ [Tegüs čoytu. Л. 13r]; *arza* в м. *arja* ‘дважды перегнанная молочная водка’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *qorza* в м. *qorja* ‘молочная водка тройной перегонки’ [Tegüs čoytu. Л. 5v] и т. д.

В обряднике встречаются наименования, обозначающие реалии, которые выходят из активного употребления, например: *tuturyayin saysai* ‘отваренный рассыпчатый рис с молоком’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *yurban čayan sačuli* ‘три белые разбрасываемые подношения (масло, простокваша и отваренный рассыпчатый рис с молоком)’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *yurban amtan sačuli* ‘три вкусные разбрасываемые подношения (простокваша, молоко и рассыпчатый рис с медом)’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *čigei kükürsüg* ‘кумыс’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; ‘остаток сквашенного молока после перегонки вина’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *eyidemeḡ* ‘сырок’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *qurud* ‘хурут, спрессованный творог (вид сыра)’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *šiürmeḡ* ‘сушеный творог из молока верблюдицы’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *ürm-e ejegei* ‘молочная пенка и сушеный творог’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *eyirmeḡ* ‘накипь, пена на кислом молоке’ [Tegüs čoytu.

Л. 5v]; *amtan qurčadqaqu baysury-a* ‘приправы, усиливающие вкус’ [Tegüs čoytu. Л. 6r].

Неслучайно ксилограф изобилует терминами, присущими кочевому скотоводству, например, *foruu (jiruy-a) mori* ‘табун быстрых иноходцев’ [Tegüs čoytu. Л. 7v]; *sürüg tataly-a* ‘стадо’ [Tegüs čoytu. Л. 7v]; *tal-a adary-a* ‘степь’ [Tegüs čoytu. Л. 8r]; *qabtaqayin-u sürüg* ‘стадо диких верблюдов’ [Tegüs čoytu. Л. 8r] и др.

Использование различных фразеологизмов свидетельствует о богатом лексическом фонде сочинения, например, *ejen noyad olbuḡ juḡayan, altan ousur maši yurmusun* букв. ‘у правителей подушки для сидения — толстые, золотая веревка — трижды скрученная (подразумевается крепкая, прочная власть правителей)’ [Tegüs čoytu. Л. 10r]; *qoyar köl-ten* ‘двуногие (подразумеваются люди)’; *dörben költen* ‘четыреугольные (подразумеваются животные, скот)’ [Tegüs čoytu. Л. 19r].

Буддизм при проникновении на территорию Бурятии, где исповедовали шаманизм, успешно адаптировался, используя исконно шаманскую терминологию. Свидетельством этому могут послужить слова, встречающиеся в рассматриваемом тексте: *takil* ‘подношения’ [Tegüs čoytu. Л. 5r]; *takily-a* ‘почитание’ [Tegüs čoytu. Л. 11v]; *takiḡu bolqu* ‘почитаемые’ [Tegüs čoytu. Л. 12r]; *takil ergükü* ‘почитать, поклоняться’ [Tegüs čoytu. Л. 4v]; *tngri* ‘небо, небожитель’ [Tegüs čoytu. Л. 7v]; *ergül* ‘преподношение, поклонение, моление’ [Tegüs čoytu. Л. 2r]; *ariyuluydaqui* ‘очищаться’ [Tegüs čoytu. Л. 2r]; *ibegel-ün tabun tngri* ‘пять небожителей-покровителей’ [Tegüs čoytu. Л. 4r]; *sačuli* ‘возлияние духам, подношение молочной водкой и молоком’ [Tegüs čoytu. Л. 5v]; *buyan kesig* ‘благополучие, благоденствие’ [Tegüs čoytu. Л. 10v]; *qurui qurui* ‘возглас, которым сопровождают шаманские действия во время обряда’ [Tegüs čoytu. Л. 12v]; *qormusta* ‘хормуста, верховный из всемирных духов, глава 55 западных божеств, олицетворявший теплый моросающий дождь, необходимый скотоводам для хорошего травостоя, для упитанности скота’; *esrün tngri* ‘Эсрэн-небожитель, один из трех богов в индуизме’¹ [Tegüs čoytu. Л. 18v]; *orun жүг-*

¹ Брахма — имя одного из трех главных божеств в индуизме, создатель всех живых существ.

ün tngri ‘божество местности’ [Tegüs čoytu. Л. 20r]; *yaĵar usun-u ejed* ‘божества земли, воды’ [Tegüs čoytu. Л. 20r] и т. д.

Владение автором высоким художественно-поэтическим стилем подчеркивают следующие строки: *erdenis-ün tabčang sirege eldeb badm-a naran saran ba erkim külgе torĵan olbuĵ-tur engke batu saĵun soyurq-a*: ‘Соизвольте благополучно присесть на трон из драгоценностей; на сиденья из лотоса, солнца и луны; на лучшие шелковые тюфяки’ [Tegüs čoytu. Л. 4r]; *takilyan-u temdeg obuy-a buyu maral yanggir toyluĵsan: öndör aĵulan-u ĵegülge: kökügen-ü daĵun čimegetü: modun usun tegüs oi šiĵui: ĵegeren ba qoulан aĵali: belčeyerlegsен tal-a adary-a: qabtaqayin-u süřüg belčiyer-i: elesün-ü aĵula borulĵi*: ‘Знаковое место подношений — обоо, где резвятся олени, маралы и горные козлы; высокая гора, украшенная приятной на слух песней кукушки; чащи, исполненные деревьями и водами; земли и пастбища, на которых пасутся антилопы, куланы и горные бараны; пастбища диких верблюдов, песчаная гора с солончаком’ [Tegüs čoytu. Л. 8r]; *anggir qung čeng ĵalaĵun čenggegsen: čeber tungĵalaĵqan naĵur-ud: altan mönggün terigüten sang: ürgülĵite ĵarqu orun ba: eldeb ebesün-iyer bayaliĵ: tabtai sayiqan nutuĵ ergümüi*: ‘Подношу озера чистые и прозрачные, где плескаются утки, гуси, лебеди и лебедицы; подношу золото, серебро и другие сокровища; подношу постоянно рождающую землю с богатой разнообразной растительностью; подношу спокойный прекрасный край!’ [Tegüs čoytu. Л. 8v].

Выводы

На материале ксилографа «Почитание величественного Хан-Бархана: „Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая желания“» мы рассмотрели изменения, произошедшие в области орфографии, фонетики и лексики монгольской письменности, которые повлияли на историю формирования и развития языка в целом.

Как известно процесс становления буддизма на территории Бурятии был неразрывно связан с автохтонными шаманистскими верованиями, ярко прослеживающимися в ритуалах поклонения тем или иным божествам. В ходе анализа данного письменного источника нами был выявлен ряд синкретических особенностей. Как мы

выше отмечали, к ним относятся заимствование буддистами знакомых населению местных шаманских культов горы Бархан: Солбон Хаиши-нойон рассматривался как хубилган одного из 9 докшитов, хозяин горы Бархан-баабай предстает в виде Балган Шальши — буддийского божества с четырьмя ликами. Таким образом, буддизм с расширением своего пантеона новыми божествами, с применением в ритуалах почитания многих шаманских традиций набирал популярность среди верующих бурят. На сегодняшний день мы наблюдаем гармоничное сочетание элементов двух религий и сходство ритуалов в процессе взаимодействия и взаимовлияния, в конечном итоге создающие так называемый религиозный синкретизм.

Анализ содержания текста и сопоставление структуры поклонения шаманами и буддистами позволил сделать вывод о том, что элементы призывания, подношений, мирских просьб и их порядок практически идентичны. К буддийским привнесениям относятся методы тантр с визуализацией божества, благословением подношений, прочтением различных мантр, опирающихся на глубокую философию пустотности всех феноменов. Следует отметить, что буддийские подношения исключают кровавые жертвоприношения и животные подносятся только в визуализации в отличие от шаманских, когда животное приносилось в жертву непосредственно во время ритуала.

Наряду с этим к списку известных бурятских лам, оставивших богатое творческое наследие, таких как Агван Доржиев, Ринчен Номтоев, Эрдэни-Хайбзун Галшиев и др., нужно добавить известного в узких кругах имя дорампы Игнен-Чоймпела.

Кроме этого, важно отметить единение и исключительную мобильность бурят рассматриваемого исторического периода при распространении буддизма в Бурятии. Цонгольские ламы активно участвовали в становлении буддизма в Баргузинской долине, а обрядник Хан-Бархану был написан по просьбе агинских бурят дорампой из тибетского монастыря Палден Дрепунг. Таким образом, исследование ксилографа позволило очертить огромный географический четырехугольник на атласе истории баргузинского буддизма: Баргузин, Кяхта, Ага и Тибет. Несомненно, это письменное

свидетельство, связанное с историей развития буддизма в Баргузинской долине, способствует восстановлению фрагмента об-

щей картины распространения буддизма в религиозно-культурном пространстве Внутренней Азии.

Полевые материалы авторов

- Дашицыренов Дондок Ванчинович, 1963 г. р., уроженец Кижингинского района Республики Бурятия, из хоринского рода *худай*.
Дугданов Жаргал Дондокович, 1983 г. р., уроженец Еравнинского района Республики Бурятия, из хоринского рода *улаалзай хубдууд*.

Источники

- ААГХ — Арын арбан гурбан хаанууд (Тринадцать северных начальников). Фонд С. П. Балдаева. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1134. 9 л.
БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 486 с.
БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 507 с.
БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. Ё–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 438 с.
БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
Ковалевский — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань: Казанский государственный университет, 1844–1849. Т. I–III. 2690 с.
Lha rgyal chen po 'bar mkhan gyi mchod tshul re ba myur du skod ba'i tsintamani zhes bya ba (= Церемония почитания великого божества Хан Бархана: чинтамани, быстро исполняющий надежды). Ксилограф Агинского дацана (5 л.). РО БФ СО АН СССР № 3111.
Mthu ldan lha rgyal spor mkhan la sang mchod 'bul tshul lha chen dgyes pa'i 'dzum zhal zhes bya ba (= Церемония подношения воскурения одаренному магическими силами божеству Хан Бархану: радостно улыбающийся лик великого божества). Ксилограф Агинского дацана (3 л.). РО БФ СО АН СССР № 3111.
МТБ — Места тахилов Баргузина. Фонд С. П. Балдаева ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1109. 1958 г. 3 л.

Authors' Field Data

- Informant 1: Dondok V. Dashitsyrenov, b. 1963, native of Kizhinginsky District (Republic of Buryatia, Russia), Khori Buryat, Khuday clan. (In Bur. and Russ.)
Informant 2: Zhargal D. Dugdanov, b. 1983, native of Yeravninsky District (Republic of Buryatia, Russia), Khori Buryat, Ulaalzey Khubduud clan. (In Bur. and Russ.)

Tegüs čoytu — Tegüs čoytu qan gbar-mkan-u takily-a küsel türgen qangyayči čindamani erdeni kemegdekü orusiba (=Почитание величественного Хан-Бархана: “Драгоценность-чинтамани, быстро исполняющая желания // Монгольский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН М-III 493, 21 л.

Sources

- Kovalevsky O. M. (Kowalewski J. S.) Mongolian-Russian-French Dictionary. Kazan: Imperial Kazan University, 1844–1849. Vols. I–III. 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
The Barguzin Valley and Its Places of Offering. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36 (S. P. Baldaev Collection). Cat. 1. File 1109. 1958. 3 p. (In Russ.)
The Ceremony of Offering Incense to the Magic Deity Khan Barkhan: That What Makes the Mighty Deity Smile Joyfully. Xylograph from Aginsky Datsan. Acquired by Manuscript Department, Buryat Office of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. File no. 3111. 3 p. (In Tib.)

[The Ceremony of] Venerating the Magnificent Khan Barkhan: Precious Chintamani That Quickly Fulfills Aspirations. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Cat. M-III. File 493. 21 p. (In Mong.)

The Ceremony of Venerating the Mighty Deity Khan Barkhan: Chintamani That Quickly Ful-

fills Hopes. Xylograph from Aginsky Datsan. Acquired by Manuscript Department, Buryat Office of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. File no. 3111. 5 p. (In Tib.)

The Thirteen Lords of the North. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36 (S. P. Baldaev Collection). Cat. 1. File 1134. 9 p. (In Bur.)

Литература

Абаев 2017 — *Абаев Н. В.* Этимологический словарь тэнгрианских терминов бурят-монголов // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 1. С. 106–112.

Абаева 1991 — *Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1991. 141 с.

Аюшеева 2006 — *Аюшеева М. В.* Мэргэн-Гэгэн Лубсандамбижалцан (1717–1766) и его письменное наследие в истории культуры монголов: автореф. дисс. ... канд. ист. наук, 2006. 18 с.

Банзаров 1891 — *Банзаров Д. Б.* Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова / под ред. Г. Н. Потанина. СПб.: Вост.-сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва, 1891. XL, 129 с.

Балданжапов 1970 — *Балданжапов П. Б.* Altan tobci. Монгольская летопись XVIII в. — Исследование, перевод и примечания, монгольский текст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 415 с.

Батомункуева 2019 — *Батомункуева С. Р.* Культ гор в религиозной традиции бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. 153 с.

Бертагаев 1958 — *Бертагаев Т. А.* Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов. М.: Вост. лит., 1958. С. 173–174.

Ванчикова, Жабон 2018 — *Ванчикова Ц. П., Жабон Ю. Ж.* Сочинение дорамба Гэлэгжамцо по истории буддизма в Бурятии как уникальный памятник жанра чойнчжун // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11–2. С. 72–87.

Востриков, Поппе 1935 — *Востриков А. И., Поппе Н. Н.* Летопись баргузинских бурят тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.

Герасимова 1969 — *Герасимова К. М.* Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1969. С. 105–144.

Гомбоев 2006 — *Гомбоев Б. Ц.* Культные места Баргузинской долины. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 287 с.

Дамдинсурэн 1957 — *Дамдинсурэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.

Донец 2004 — *Донец А. М.* Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 268 с.

Дугаров 1986 — *Дугаров Р. Н.* Культ горы Шалсана // Исследования по исторической этнографии монгольских народов: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. 149 с.

Дугаров 2005 — *Дугаров Б. С.* Культ горы Хормуста в Бурятии // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 103–110.

Жамцарано 1936 — *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века // Труды и институты востоковедения. Т. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 122 с.

Клепиков 1959 — *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. 106 с.

Ламаизм в Бурятии 1983 — *Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в.* Новосибирск: Наука, 1983. 236 с.

Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 129 с.

Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Позднеев 1900 — *Позднеев А. М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб.: Изд. факультета вост. яз. Имп. СПб. ун-та, 1900. 416 с.

Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881. 326 с.

Потапов 1946 — *Потапов Л. П.* Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.

- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. 2. М.: Вост. лит., 2001. 416 с.
- Сазыкин 2004 — *Сазыкин А. Г.* Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга. Киото: Ун-т Киото, 2004. 172 с.
- Токарев 1982 — *Токарев С. А.* О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. № 3. С. 107–113.
- Успенский 1999 — *Успенский В. Л.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского Государственного университета. Токио: Научно-исследовательский институт по изучению языков и культур Азии и Африки, 1999. 530 с.
- Филатова 2017 — *Филатова Н.* Балбар-Лама: врач и учитель. История жизни старейшего ламы России. Улан-Удэ: Издательские решения, 2017. 80 с.
- Хороших 1924 — *Хороших П. П.* Исследования каменного и железного века Иркутского края // Известия Биолого-географического института. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 1–41.
- Heissig 1954 — *Heissig W.* Die pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Literaturgeschichte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 220 p.
- Filatova N. Balbar Lama: Healer and Teacher. Biography of Russia's Oldest Lama. Ulan-Ude: Izdatelskie Resheniya, 2017. 80 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. et al. Lamaism in Buryatia, 18th — Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1983. 236 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. The cult of obo as additional material to explore Buryatia's ethnic processes. In: Ethnographic Collection. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1969. Pp. 105–144. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Places of Cult in the Barguzin Valley. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2006. 287 p. (In Russ.)
- Heissig W. Die pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Literaturgeschichte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 220 p. (In Germ.)
- Jamtsarano Ts. J. 17th century Mongolian chronicles. In: Works and Institutes of Oriental Studies. Vol. XVI. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 122 p. (In Russ.)
- Khoroshikh P. P. Exploring the Stone and Iron Ages of Irkutsk lands. *Izvestiya Biologo-geograficheskogo instituta*. 1924. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–41. (In Russ.)
- Klepikov S. A. Filigrees and Stamps on Russian and Foreign Paper, 17th – 20th Centuries. Moscow: Soviet Book Chamber, 1959. 106 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 129 p. (In Russ.)
- Mikhailov T. M. A History of Buryat Shamanism: From Earliest Times to the 18th Century. Novosibirsk: Nauka, 1980. 320 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Mongolian Chrestomathy: A Reader for Beginners. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg University (Faculty of Oriental Languages), 1900. 416 p. (In Mong. and Russ.)
- Potinin G. N. Essays on Northwestern Mongolia.

References

- Abaev N. V. Etymological dictionary of Tengrian terms of Buryat–Mongols. *BSU Bulletin. Human Research of Inner Asia*. 2017. No. 1. Pp. 106–112. (In Russ.)
- Abaeva L. L. Mountain Cult and Buddhism in Buryatia. Moscow: Nauka, 1991. 141 p. (In Russ.)
- Ayusheeva M. V. Mergen-Gegeen Luvsandambijaltsan (1717–1766) and His Written Heritage in the History of Mongolian Culture. Cand. Sc. (history) thesis abstract. 2006. 18 p. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Altan Tobči: A 18th Century Mongolian Chronicle. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 415 p. (In Russ.)
- Banzarov D. B. Black Faith (Shamanism) Among Mongols and Other Articles by Dordzhi Banzarov. G. Potanin (ed.). St. Petersburg: Russian Geographical Society (East Siberia Branch), 1891. XL, 129 p. (In Russ.)
- Batomunkueva S. R. Mountain Cult in the Buryat Religious Tradition. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2019. 153 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Etymologies of the words 'bargujin', 'bargut' and 'tukum' revisited. In: Mongolian Philology and History. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. Pp. 173–174. (In Russ.)
- Donets A. M. Dependent Arising in Tibetan-Mongolian Scholastics. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2004. 268 p. (In Russ.)
- Dugarov R. N. Cult of Mount Chelsana. In: Studies in Historical Ethnography of Mongols. Collected articles. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Buryatia Office, Sib. Branch), 1986. 149 p. (In Russ.)
- Dugarov B. S. Cult of Mount Khormusta in Buryatia. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2005. No. 4. Pp. 103–110. (In Russ.)

- Vol. 2: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 188 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Mountain cult in the Altai. *Sovetskaya etnografiya*. 1946. No. 2. Pp. 145–160. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 416 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Oriental Collections of St. Petersburg: Catalogue of Buryat Xylographic and Lithographic Editions. Kyoto: Kyoto University, 2004. 172 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. About maintain cult and its place in the history of religion. *Sovetskaya etnografiya*. 1982. No. 3. Pp. 107–113. (In Russ.)
- Uspensky V. L. St. Petersburg University, Scientific Library, Oriental Department: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Tokyo, 1999. 530 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Zhabon Yu. Zh. Doramba Gelegjamts'o's work on the history of Buddhism in Buryatia as a unique monument of the *chos 'byung* genre. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Vol. 11. Part 2. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Sib. Branch of RAS), 2018. Pp. 72–87. (In Russ.)
- Vostrikov A. I., Poppe N. N. Chronicles of Barguzin Buryats: Texts and Studies. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 75 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 1032–1045, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1032-1045

Тувинская рукопись «Сутры о восьми хулилах»

Мирзаева Саглар Викторовна¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglamirzaeva@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Мирзаева С. В., 2021

Аннотация. Основной целью публикации является ввод в научный оборот монголоязычной рукописи «Сутра о восьми хулилах» из рукописного фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Концепция восьми хулилов (восьми триграмм), символизирующих стихии — огонь, землю, железо, небо, воду, гору, дерево и воздух / ветер — лежит в основе тибето-монгольской астрологической системы и восходит к китайским мантическим практикам, нашедшим отражение в сочинении «Книга перемен». Несмотря на название, рассмотренное сочинение не имеет отношения к каноническим сутрам Махаяны ни с точки зрения сюжетики, ни с точки зрения композиционной структуры. Аналогичные сочинения в составе тибетского канона, которые могли бы выступить оригиналом для данной сутры, не обнаружены, в связи с чем можно предположить, что она была переведена с китайского или имеет собственно монгольское происхождение. Текст предваряют схематические изображения восьми хулилов, сопровождаемые указанием восьми направлений (жизни, здоровья, удачи, счастья, зла, болезни, злого духа, пяти демонов) в восьми комбинациях, имеющих различную пространственную маркировку в зависимости от того или иного хулила. Далее в рукописи следуют указания, что следует и не следует делать в этих направлениях, после чего начинается объяснение негативных последствий пребывания в каждом из восьми хулилов и методов их нейтрализации. Это описание включает перечень мест и ситуаций, которых следует избегать, демонов (*албины*, *пишачи*, демоны *буг*, демоны проклятий и пр.), способных навредить, болезней, которые могут настичь, предметов или существ, которые могут навлечь беду, табуированной пищи, неблагоприятных направлений и периодов времени, буддийских молитв для ритуального сопровождения и подношений, используемых в процессе обряда. Данные по функционированию таких сочинений, как «Ваджравидарана-дхарани», «Сутра восьми светоносных неба и земли», «Ушниша-ситатапатра-дхарани», «Панчараक्षा» и др., в контексте ритуала, классификации бонских и буддийских священнослужителей, занимавшихся исполнением ритуалов, лам, которым следовало выполнять подношение, ритуальных подношений *дунгли* и *хэрэг* представляют значительный интерес, поскольку их дальнейший анализ позволит дополнить новыми данными исследования по буддийскому ритуалу монгольских народов. Присутствие в рукописном фонде Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва значительного количества

текстов, посвященных восьми хулилам, свидетельствует о том, что этот вид гадания был распространен в локальной традиции тувинского буддизма.

Ключевые слова: «Сутра о восьми хулилах», восемь триграмм, гадание, буддийский ритуал, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Мирзаева С. В. Тувинская рукопись «Сутры о восьми хулилах» // *Oriental studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1032–1045. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1032-1045

Sūtra of Eight Khulils: Analyzing One Manuscript from Aldan-Maadyr National Museum of Tuva

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. of Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mirzaeva S. V., 2021

Abstract. The article *aims* to introduce a manuscript of the “*Sūtra of Eight Khulils*” in Mongolian, part of the collection in Aldan-Maadyr National Museum of the Tuva Republic. The idea of eight *khulils*, or eight trigrams, which symbolize eight great elements (fire, earth, metal, sky, water, mountain, wood, and air / wind) and form the basis of the Tibetan-Mongolian astrological system may be traced back to ancient Chinese divinatory practices which one can find in *Yi jing*, or *Book of Changes*. Despite the title, the *Sūtra* has nothing in common with canonical Mahāyāna *sūtras* either in content or composition. No parallel work of the Tibetan canon identified as an original for the sutra in question, assumingly, it is either a translation from Chinese or of purely Mongolian origin. The body of the text is preceded by schematic pictures of eight *khulils*, supplied with indications of eight directions (life, health, luck, happiness, evil, illness, evil spirit and five demons), each direction having eight combinations that are differently positioned (south, north, east, west and four intermediary directions), depending on *khulil*. Then, there is a short instruction on what one should or should not do in these eight directions, as well as an explanation of negative consequences of abiding in each of the eight *khulils* and methods of their neutralization. This passage contains a list of places and situations that should be avoided, including demons (*albin*, *aišiginar* (Skt. *piśāca*), *bug* demons, demons of curses, etc.) that can do harm to humans, diseases, unfavorable objects, beings, types of food, as well as unfavorable directions and time periods. Also, Buddhist texts and various offerings needed for the ritual are mentioned, such as “*Vajravidāraṇa-dharaṇī*”, “*Sitātapatrā-dharaṇī*”, “*Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth*”, and “*Pañcarakṣā*”. Of great interest are the respective lists of Buddhist ritual texts, *dungli* and *kereg* ritual offerings, classifications of Bon and Buddhist priests to perform such rituals, and lamas who can take donations; their further investigation may shed additional light on the Buddhist practices of the Mongolian peoples. The fact that the manuscript repository of the National Museum of the Republic of Tuva includes about sixteen texts devoted to eight *khulils* may indicate that *khulil* divination was quite widespread and popular in the local tradition of Tuvan Buddhism.

Keywords: “*Sūtra of Eight Khulils*”, eight trigrams (*khulils*), divination, Buddhist ritual, Aldan-Maadyr National Museum of the Tuva Republic

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mirzaeva S. V. *Sūtra of Eight Khulils: Analyzing One Manuscript from Aldan-Maadyr National Museum of Tuva*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1032–1045. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1032-1045

Введение

Идея восьми хулилов, или восьми триграмм, относится к основам тибето-монгольской астрологии и восходит к древнекитайским мантическим практикам, которые нашли отражение в том числе в известном даосском сочинении «И-цзин» («Книга перемен») [The I Ching... 1967]. Восемь триграмм (кит. *ba gua*) — огонь (юг), земля (юго-запад), железо (запад), небо (северо-запад), вода (север), гора (северо-восток), дерево (восток), ветер (юго-восток)¹ — представляют собой различные комбинации из трех линий, которые могут быть сплошными, символизирующими мужское начало ян (кит. *yang*), и прерывистыми, символизирующими соответственно женское начало инь (кит. *yin*). В китайской космологии появление этих триграмм рассматривается как процесс создания вселенского порядка, когда Великий предел (кит. *tai ji*) трансформируется в дихотомию инь-ян, а затем — в восемь триграмм.

В традиции тибето-монгольского буддизма восемь триграмм системы Вэнь Вана [Цендина 2021: 554; Бир 2011: 125] как символы перечисленных стихий используются в различных гадательных практиках и астрологических диаграммах наряду с девятью *мева* / *менге* (тиб. *sme ba*, монг. *mengge*, букв. 'пятно'), животными двенадцатилетнего цикла, пятью великими элементами (дерево, огонь, земля, металл, вода) и т. д. Сам термин для обозначения хулила в тибетском (тиб. *spar kha*) и монгольском (монг. *kūlil*) языках трактуется по-разному. Современный буддийский астролог Лобсанг Доржи предлагает три варианта этимологии тибетского термина:

1) от глагола *spar* 'двигаться, возрастать', поскольку триграммы перемещаются каждый год;

2) сокращ. от *spar mo kha* 'ладонь, которая говорит', поскольку линии на пальцах руки напоминают триграммы;

3) искаженная фонетическая калька кит. *ba gua* [Лобсанг Доржи 2017: 152].

А. Д. Цендина предполагает, что монг. *kūlil* '1. узелок, связка; 2. линия, символическая черта' [МРФС, 3 1849: 2599] — отглагольное существительное, образованное от

¹ Представленная ориентация по сторонам света относится к тибето-монгольской традиции [Бир 2011: 130].

kūlikū 'связывать'. Можно предположить, что это перевод кит. *yao*, термина для обозначения линий, формирующих триграмму (см. *yao* 'смешивать, перемешивать, пересекать'). В монгольской традиции можно выделить два способа обозначения хулилов:

1) с помощью стихии, которую они обозначают: огонь (монг. *yal*), земля (монг. *širui*), железо (монг. *temür*), небо (монг. *oytarγui*), воздух / ветер (монг. *kei* / *salkin*), дерево (монг. *modu*), гора (монг. *ayula*), вода (монг. *usu*). Этот способ представлен в рассматриваемой рукописи.

2) с помощью китаизмов, представляющих собой искаженные фонетические кальки, попавшие через посредство тибетской традиции: *lii* — огонь, *kun* — земля, *dan* — железо, *gen* — небо, *sön* — воздух, *jen* — дерево, *gin* — гора, *kam* — вода [Baumann 2005: 126–127].

Кроме того, стоит указать, что в монгольском языке восемь хулилов могут быть обозначены как *naiman sayudal* 'восемь местопребываний'. Лексема *sayudal* 'сиденье; местопребывание', вероятно, является калькированным переводом с китайского или тибетского языков, однако аналогичные термины в указанных языках нами обнаружены не были.

Система хулилов в монгольской традиции мало изучена в исследовательской литературе, если не считать кратких описаний в контексте общей тибето-монгольской астрологической системы. В качестве исключения можно назвать публикацию А. Д. Цендиной, в которой на материале рукописи МН 1145 из квартиры-музея академика Ц. Дамдинсурэна подробно рассматривается гадание по хулилам [Цендина 2021]. Процесс гадания описывается следующим образом: три монеты «выбрасываются шесть раз, и если две или три из них ложатся аверсом, рисуется непрерывная линия, если две или три — реверсом, то прерывистая» [Цендина 2021: 552]. Монгольская практика гадания на основе восьми хулилов кратко описана в книге Л. Г. Скородумовой «Дзурхай»: чтобы определить, каким будет текущий или будущий год для человека, необходимо отсчитать по специальной таблице количество прожитых лет плюс один год, причем расчет для мужчины ведется со стихии огня по часовой стрелке, для женщины — со стихии воды против

часовой стрелки. Квадрат, в котором заканчивается счет, показывает стихию нужного года [Скородумова 1994: 12].

Материалы

Основной целью публикации является ввод в научный оборот монгольязычной рукописи «*Naiman küilil neretü yeke kölgen sudur orošiba*» ('Сутра Махаяны, называемая «Восемь хулилов»') из рукописного фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ), хранящейся под инвентарным номером М-799. Рукопись состоит из 7 листов (л. 1–5, 8–9, л. 6–7 отсутствуют), размеры 19,5*7 см, 16 строк на листе [Sazykin 1994: М-799, 379]. В фонде обнаружены еще 16 текстов (М-166, М-168, М-186, М-267, М-298, М-331, М-332, М-383, М-430, М-449, М-451, М-457, М-473, М-685, М-695, М-940), в названиях которых обозначены восемь хулилов, однако в качестве объекта исследования был выбран текст М-799, поскольку он наиболее полный из всех¹, а также маркирован как сутра Махаяны, в чем можно усмотреть попытку составителей «канонизировать» это сочинение, придав ему статус буддхавачаны, слова Будды.

Несомненно, рассматриваемое нами сочинение относится к мантическим практикам монгольских народов и, несмотря на название, не имеет ничего общего с каноническими сутрами Махаяны ни с точки зрения композиции, ни с точки зрения сюжетики. Аналогичные тибетские тексты в составе буддийского канона, которые могли выступить оригиналом для данного сочинения, нами не установлены, поэтому возможно предположить, что сочинение было переведено с китайского или имеет монгольское происхождение.

Содержание и структура рукописи

На первых листах (л. 1v–2r) в схематичном виде представлены восемь хулилов, названные согласно символизирующим их стихиям, как было указано выше. Названия

¹ Исключение составляет рукопись М-267, представляющая собой другой список того же сочинения, но дополненный еще двумя толкованиями системы восьми хулилов, которые обозначены в тексте как *naiman sayudal*. Однако в ней отсутствуют схемы восьми хулилов и восьми направлений, которые имеются в рукописи М-799.

заключены в двойную рамку красного цвета², причем четыре (огонь, железо, дерево, вода) полностью закрашены красным, а в оставшихся (земля, небо, воздух, гора) пространство внутренней рамки не закрашено. Вероятно, это отражает пространственную маркировку *хулилов*: закрашенные полностью соответствуют четырем сторонам света, закрашенные частично — промежуточным направлениям. Вокруг рамки с названием по часовой стрелке перечисляются направления в соответствии со следующим локативным кодом: верх — юг, низ — север, слева — восток, справа — запад и соответствующие промежуточные направления.

Как указывает Л. Г. Скородумова, четыре направления классифицируются как благоприятные: жизнь, здоровье, удача, счастье, четыре — как неблагоприятные: зло, болезни, ведьма, демон (дьявол) [Скородумова 1994: 12]. Поскольку автор не указывает оригинальные монгольские термины, сопоставление с приведенными в рукописи М-799 названиями вызвало определенные трудности. Так, ввиду разночтений между использованным Л. Г. Скородумовой источником и рукописью М-799 в двух случаях использование терминологии Л. Г. Скородумовой не представилось возможным: *šimnus-un jüg* переведено как 'направление злого духа' (у Л. Г. Скородумовой — 'направление ведьмы'), *tabun ada-yin jüg* — как 'направление пяти демонов' (у Л. Г. Скородумовой — 'направление дьявола'). В остальных случаях были оставлены варианты, предложенные Л. Г. Скородумовой: *amin-u jüg* 'направление жизни', *em-ün jüg* 'направление здоровья (букв. 'лекарств'))', *čoy jali-yin jüg* 'направление удачи', *kešig-ün jüg* 'направление счастья', *qorlayči-yin jüg* 'направление зла (букв. 'вредящего, творящего зло'))', *bei-yin jedker-ün jüg* 'направление болезни (букв. 'препятствий тела'))'.

На л. 2v приводится краткий перечень действий, которые следует / не следует выполнять в перечисленных восьми направлениях, после чего начинается толкование для каждого хулила, выпадающего человеку, и описываются способы «исправления» негативных последствий. Ритуал нейтрализации «пребывания» (монг. *sayuysan* /

² В первой рамке название хулила огонь сопровождается дхарани *om baġar dagini baġari soq-a*.

uṣīrayasaṇ) в том или ином хулиле включает в себя начитывание соответствующих дхарани и выполнение ритуальных действий, основанных на принципе имитативной магии: тот, кому выпадает огонь, должен взять пламя из рук другого человека и погасить его; тот, кому выпадает железо, должен зарыть его в землю; тот, кому выпадает дерево, должен сжечь полено, и т. д. Затем в той же последовательности, в какой хулилы представлены в схематичном виде на первых листах, следует описание их негативного воздействия на жизнь человека, которому они выпали (за исключением трех хулилов — небо, гора, вода, описание которых, очевидно, было на отсутствующих л. 6–7). Оно строится следующим образом:

- 1) перечень ситуаций или мест, от которых человеку следует воздерживаться;
- 2) перечень демонов, способных принести вред человеку;
- 3) список возможных болезней;
- 4) перечень предметов или существ, которые могут принести беду;
- 5) перечень табуированных видов пищи;
- 6) перечень неблагоприятных для человека направлений;
- 7) указание неблагоприятного периода;
- 8) перечень буддийских сочинений, которые следует начитывать;
- 9) перечень подношений, которые следует выполнять для умиловления различных духов и божеств (в основном, речь идет о ритуальных нитяных крестах *дунгли* (тиб. *mdos*) [Bawden 1961; Bawden 1962; Туччи 2005] и ритуальных предметах *kereg*, семантика которых не совсем ясна [Bawden 1962: 177]);
- 10) указание ламы, которому следует сделать подношение.

В качестве примера приведем описание хулила *дерева*:

1) нельзя рубить деревья, иначе произойдет несчастье; нужно избегать вещей, относящихся к плотникам;

2) вредящие демоны — это *албины*;

3) болезни — опухоли и колющие боли;

4) нельзя брать ткани, старые одеяния буддийских и бонских священнослужителей, шкуру барса, имущество бездетного или способного наложить проклятие человека;

5) нельзя есть мясо зайца;

6) плохие направления — запад, север и промежуточное направление северо-запада;

7) неблагоприятный период — когда листья зазеленеют и начнут цвести цветы;

8) тексты для чтения — «Украшение дерева» («Гандавьяуха-сутра»), «Сутра золотого света», «Сундуй», «Аюуш», «Ваджравидарана» и «Собрание дхарани»;

9) необходимо совершить ритуал почтения земли — воды;

10) необходимо совершить подношение ламе, сведущему в тантре и живущему в лесу.

Далее приведем транслитерацию¹ и русский перевод текста рукописи М-799.

¹ В транслитерации использованы следующие знаки: / — переход на следующую строку; // — переход на следующую страницу; : — точка; :: — двойная точка; [] — графема или пунктуационный знак, пропущенные в тексте и восстановленные как несомненные; [=] — восстановленное корректное написание слова; знак ※ передает соответствующий символ в тексте, вероятно, относящийся к выпавшей комбинации; знак ? использован после слов, значение которых не ясно. Номер страницы приводится в квадратных скобках с обозначением лицевой (*recto*) и оборотной сторон (*verso*) листа. Кроме того, в русском переводе при передаче названий хулилов использован курсив для удобства восприятия читателем.

Лист	Naiman küllil neretü yeke kölgен sudur orošiba	Сутра Махаяны, называемая «Восемь хулилов»
[1v]	yal [:] om baĵar dagini baĵari soq-a [:] čoy ĵali-yin jüg: amin-u jüg: qorlayči-yin jüg: kešig-ün jüg: em-ün jüg: bei-yin jedker-ün jüg: tabun ada-yin jüg: šimnus-un jüg: / širui [:] tabun ada-yin jüg: qorlayči-yin jüg: amin-u jüg: bei-yin jedker-ün jüg: šimnus-un jüg: kešig-ün jüg: čoy ĵali-yin jüg: em-ün jüg: / temür [:] bei-yin jedker-ün jüg: šimnus- un jüg: em-ün jüg: tabun ada-yin jüg: qorlayči-yin jüg: čoy ĵali-yin jüg: kešig-ün jüg: amin-u jüg: oytaryui [:] qorlayči-yin jüg: tabun ada-yin jüg: čoy ĵali-yin jüg: šimnus-un jüg: bei- yin jedker-ün jüg: em-ün jüg: amin-u jüg: kešig-ün jüg: //	<i>Огонь. Ом ваджра дакини ваджри сваха.</i> Направление удачи. Направление жизни. Направление зла. Направление счастья. Направление здоровья. Направление болезни. Направление пяти демонов. Направление злого духа. <i>Земля.</i> Направление пяти демонов. Направление зла. Направление жизни. Направление болезни. Направление злого духа. Направление счастья. Направление удачи. Направление болезни. <i>Железо.</i> Направление болезни. Направление злого духа. Направление здоровья. Направление пяти демонов. Направление зла. Направление удачи. Направление счастья. Направление жизни. <i>Небо.</i> Направление зла. Направление пяти демонов. Направление удачи. Направление злого духа. Направление болезни. Направление здоровья. Направление жизни. Направление счастья.
[2r]	kei [:] kešig-ün jüg: em-ün jüg: šimnus- un jüg: čoy ĵali-yin jüg: amin-u jüg: tabun ada-yin jüg: bei-yin jedker-ün jüg: qorlayči-yin jüg: modu [:] em-ün jüg: kešig-ün jüg: bei-yin jedker-ün jüg: amin-u jüg: čoy ĵali-yin jüg: qorlayči-yin jüg: šimnus-un jüg: tabun ada-yin jüg: aĵula [:] šimnus-un jüg: bei-yin jedker-ün jüg: kešig-ün jüg: qorlayči-yin jüg: tabun ada-yin jüg: amin-u jüg: em-ün jüg: čoy ĵali-yin jüg: usu [:] amin-u jüg: čoy ĵali-yin jüg: tabun ada-yin jüg: em-ün jüg: kešig-ün jüg: šimnus-un jüg: qorlayči-yin jüg: bei-yin jedker-ün jüg: //	<i>Воздух.</i> Направление счастья. Направление здоровья. Направление злого духа. Направление удачи. Направление жизни. Направление пяти демонов. Направление болезни. Направление зла. <i>Дерево.</i> Направление здоровья. Направление счастья. Направление болезни. Направление жизни. Направление удачи. Направление зла. Направление злого духа. Направление пяти демонов. <i>Гора.</i> Направление злого духа. Направление болезни. Направление счастья. Направление зла. Направление пяти демонов. Направление жизни. Направление здоровья. Направление удачи. <i>Вода.</i> Направление жизни. Направление удачи. Направление пяти демонов. Направление здоровья. Направление счастья. Направление злого духа. Направление зла. Направление болезни.
[2v]	em-ün jüg-eče blam-a ĵala: kešig-ün jüg- eče kesig-iyen dayuda:: amin-u jüg-tü ayan ab-tu / morda: baĵši ĵala:: tabun ada/-yin-du ĵai ĵary-a:: čoy ĵali/-yin-ača beri ab: simnus-un jüg-tü ayaĵulčin buu od: doĵšin / torna orki:: bey-e-yin jüg-tü / keregül buu ketüi: qorlayči-yin / jüg-eče ed mal buu ab [:] mori / buu od: ayaĵulčin buu qaly-a:: / basa sayudal-un ĵasal inu / šini nigen-tü yal-du sayuysan / kümün busu kümün-eče yal abču / sönege::	Приглашай ламу с направления здоровья. Призывай счастье с направления счастья. В направлении жизни отправляйся в путь, приглашай учителя. В направлении пяти демонов выпускай беду. С направления удачи бери невесту. Не отправляйся как путник в направлении злого духа, поднеси гневное торма⁵. В направлении болезни не чини ссор. С направления зла не бери имущество и скот, не отправляйся на лошади, не привечай путников. Кроме того, исправление местопребывания следующее: в первый день новой луны возьми огонь у человека, который не пребывает в <i>огне</i>, и погаси пламя.

⁵ Монг. *torma* / *baling*, тиб. *gtor ma* 'ритуальное подношение из теста'.

- ʁal-du sayuʁsan / kümün mör ʁaʁaqu-du
 ungšiqu tarini:: :: :: // Это дхарани, начитываемая при начинании дела
 человеком, пребывающим в *огне*.
 [3r] om baʁar dagini baʁari / soha [:] *Ом ваджра дакини ваджри сваха.*
 ken širai om badm-a / dagini hum: *Для земли [читай] Ом падма дакини хум.*
 temür om radn-a / dagini hum: *Для железа — Ом ратна дакини хум.*
 oʁtaryui om / baʁar bangmu hum: *Для неба — Ом ваджра бангму хум.*
 usu karm-a / dagini hum: *Для воды — [Ом] карма дакини хум.*
 aʁula om budda / dagini hum: *Для горы — Ом будда дакини хум.*
 modu om dagini / hum: *Для дерева — Ом дакини хум.*
 kei: hum baʁar bad:: / *Для воздуха — Хум ваджра пхэт.*
 külil tegüsbe:: :: :: // Закончены «Хулилы».
 širai-du ✱ kümün širai ab / ʁaʁ-a: Человек, которому выпадет *земля*, возьми землю и
 вынеси наружу.
 temür-tü ✱ kümün temür / ʁaʁar-tu bula: Человек, которому выпадет *железо*, зарой железо
 в землю.
 oʁtaryui-du ✱ / kümün šar-a širai abču Человек, которому выпадет *небо*, возьми желтую
 saju:: / землю и отсыпь.
 usun-du ✱ kümün usu tere jüg/-tü saju:: :: Человек, которому выпадет *вода*, окропи (букв.
 ‘выпусти, уменьши’) водой в том направлении.
 aʁula-du ✱ kümün / čilaʁu keltüljü qur:: Человек, которому выпадет *гора*, разломи камень
 :: :: // и собери [куски].
 [3v] modun-du ✱ modu abču ʁal-du sitaya:: :: Тот, кому выпадет *дерево*, возьми дерево и сожги.
 salkin-du ✱ kümün saban/-u dotur-a ʁai Человек, которому выпал *ветер*, помести беду в
 oroʁuʁu čilaʁun/-iyar daru:: :: сосуд и придави камнем.
 ʁal-du učiraʁsan / kümün dayisun inu Что касается враждебного для человека, который
 kegür beri / baʁulyaʁu kiged:: :: singjiku пребывает в *огне*, не отправляйся в места, где есть
 / kiged: kegür bariqu ba:: :: / ʁes šiber-iyer покойник, берут невестку в дом, проводят гадания,
 toʁ-a kekü ʁaʁar / buu od:: держат покойников, гадают с помощью меди или
 глины.
 ada inu albin kiged:: / aiši-ginar bomba- Что касается демонов, это *албины*⁶, *пишачи*⁷,
 yin qariyal/-un ada bui: демоны проклятия бонских служителей⁸.
 ebečin tolʁai / čigeʁi-šilei küjügün jir[u] Что касается болезни, могут болеть голова, грудная
 ken ebedkü:: / morin-ača unaqu:: клетка, шея, сердце. Можешь упасть с лошади.
 [4r] ʁaitaʁu ed / inu maʁ-a čegeʁi:: :: ʁou-a / Что касается того, что принесет беду, не
 bars irbis-ün arisu kiged:: :: / ʁes ba ulayan приобретаешь шапку, пеструю шкуру тигра и барса,
 esgei:: :: :: // ʁegerde mori eden-ni buu медь и красный войлок, а также лошадь рыжей
 abutu/ʁui [:] масти.

⁶ Монг. *albin* ‘демон, являющийся по ночам в виде сверкающего огня’ [МРФС, 1 1844: 84], тиб. *btsan* ‘вид злых духов; духи, вызывающие болезни; духи охоты’.

⁷ Монг. *aišiginar* ‘чародеи, колдуны’, тиб. *phra men* ‘божества-защитники гневной мандалы с головами животных’, санскр. *piśāca* ‘демоны’.

⁸ Лексемы *bombo* / *bomba* и *bandi*, встречающиеся часто в паре (*bandi bombo*), представляют определенную трудность для перевода, поскольку значения, указанные в словарях, иногда противоречивы. Например, О. М. Ковалевский переводит *bombo* как ‘приверженец секты бон, или школы Дао-сы’ [МРФС, 2 1847: 77], *bandi* — как

‘учитель, наставник; высшая степень буддийского духовенства’ [МРФС, 2 1847: 58]. Случаи использования данных терминов в рассматриваемом тексте свидетельствуют о том, что термин *bandi bombo* обозначал людей, которые занимались исполнением ритуалов. Ч. Боудэн предполагает, что словом *bombo* (*bomba*) обозначался человек, занимавшийся магией и не обязательно имевший отношение к бону. В качестве синонимов исследователь приводит следующие термины — *baysi*, *kigči baysi*, *ʁasaʁči*, *ʁasaʁči baysi*, *ʁasaʁu kümün*, *kigči blama*, *tarniči*, *gelung* [Bawden 1961: 251–252]. Монгольский термин *bandi bombo*, очевидно, восходит к тиб. *ban bon* ‘служители буддийского и бонского культа’.

- mori-u miq-a čisu ba:: :: / aliba tudury-a Не употребляй в пищу плоть и кровь лошади, будау-a ülü idekü:: :: любые крупы и рис.
- γayilaqu kümün inu / belbesün em-e:: :: Что касается тех, кто приносит беду, сторонись аči okid sir-a önggetei kümün-ni γaila:: :: вдов, внушек, людей желтого цвета.
- ebesün sarlaqu čaytu γai / bui:: Когда трава станет желтой, случится беда.
- jüg inu örün-e umur-a / buu od:: tere jüg-eče ireg/sen kümün-ni čegerle:: Что касается направления, не ходи на запад и север. Избегай людей, пришедших с этих направлений.
- ungši/qu nom inu baǰar badaran-a:: :: Что касается текстов, которые нужно читать, это ayuši:: :: čayan sikürtü: belig / barimad:: :: «Ваджравидарана»⁹, «Аюуш»¹⁰, «Белозонтичная»¹¹, ungši: sača deled [:] / тексты праздничных парамиты. Читай [их]. Поднеси цаца¹².
- dungli inu erketü kiged albin-u / dungli Что касается дунгли¹³, нужно сделать дунгли для kilge:: :: Хормусты¹⁴ и албинов.
- [4v] bomba kümün/-iyer tngri kiged albin-ni // С помощью бонских служителей соверши takiyul: подношение божествам и албинам.
- takiqu blam-a inu tarniči / yogučari-yi Что касается ламы, которому нужно совершить takiydaqui:: :: подношение, это йогачарин¹⁵, сведущий в тантре¹⁶.
- sirai-du ✱ učiraysan kümün-ü / γai inu Что касается беды для человека, который пребывает balıyasun il[=n]der jasaqu / kiged:: :: beri в земле, не отправляйся возводить фундамент в baγulyaqu:: :: / ger bariqu γaǰar köndeküi-dür / buu od:: :: городе, туда, где принимают невестку, строят дом, трогают землю.
- ada inu γaǰar-un / naiman mese-dür Что касается демонов, это зловердные духи ükügsen em-e / čidkür-ün ada bolumui:: :: /: женщин земли, умерших от восьми мечей.
- ebečin inu doγolan takir qatangaki / Что касается болезни, это хромота, увечность, bolqu:: :: idegen ese šinggegsen metü / elige излишняя худоба. Может болеть печень, словно ebedümüi:: :: пища не переваривается.
- γailaqu ed inu / γou-a kiged:: čamča šara Что касается того, что принесет беду, это красивая tergütü / qoni: yamaγ-a buu ab [:] [одежда], рубашка. Не бери желтоголовую овцу или козу.
- činu-a-yin / uyilangγui qara qury-a miq-a Не употребляй в пищу мясо волка, падаль, мясо buu / idi: черного ягненка.
- [5r] γailaqu kümün inu emegen // kümün-i Что касается людей, приносящих беду: избегай čegerle:: :: старух.

⁹ Санскр. *vajravidāraṇa*, *rdo rje rnam 'joms* ‘божество Ваджравидарана, полугневная форма Ваджрапани’. Вероятно, речь идет о «Ваджравидарана-дхарани».

¹⁰ Санскр. *amitāyus*, тиб. *tshe dpag med* ‘Амитаюс, одна из форм Будды Амитабхи’. Вероятно, речь идет о дхарани Амитаюса (тиб. *tshe dpag med kyi gzungs*) или его мантре *om amaraṇi jīvantaye svāhā*.

¹¹ Санскр. *śitātapatrā*, тиб. *gdugs dkar mo* букв. ‘Белозонтичная, богиня Ушниша-ситатапатра, практика которой отвращает препятствия’. Вероятно, речь идет о «Ушниша-ситатапатра-дхарани».

¹² Тиб. *tsha tsha* ‘маленькие конусообразные фигурки из глины, используемые для подношений’.

¹³ Тиб. *mdos* ‘ритуальный нитяной крест; ритуал освобождения от опасности враждебных

сил, дающий защиту от вреда, болезней, препятствий’ [Туччи 2005: 224].

¹⁴ Монг. *erketü*, тиб. *dbang po* ‘Хормуста, Индра’. Божество индуистского происхождения, занимающее важное место в монгольском пантеоне.

¹⁵ Йогачара (другие названия — читтаматра, виджнянавада) — одна из основных школ буддийской философии, воззрения которых легли в основу тибето-монгольского буддизма. Основателями считаются Асанга и Васубандху [Торчинов 2002: 72].

¹⁶ Монг. *tarniči*, тиб. *sngags pa*, санскр. *mantrika* / *tantrika*. Этот термин также сложен для перевода: в словарях даются значения ‘знаток таинственных изречений’ [МРФС, 3 1849: 1676], ‘занимающийся изучением тарни; знаток тарни’ [МРС, 3 1895: 63]. В данном переводе выбран вариант ‘сведущий в тантре’.

- ede бүгүде-йи / buu ab:
 ʧaʃar geskü ʧaʧ-tu / bolqu bui:
 жүг ину qoyitu жүг / jegün emün-e-yin
 ʃabsar-a buu oči/tuʃai [:] tere жүг-еңе
 yabuʃsan / kümün-i ʧegerle::
 ungšiqu nom / inu tarnis-un quriyangyui
 [:] ʧayan / mör-tür udur[i]duʃsan sudur /
 nom ungši:: naiman qoʃosun / sungdui [:]
 dogʃimoi:: :: mahakala / nidü (?) [:] baʃar
 badaran-a:: altan gerel / banʧarays-a [:]
 ʧayan šikürtü:: naiman / gegen:: ungši:
- ede [e]-tü kereg-ni / bakar (?) dungli buʃ-un
 kereg / ketügei:
- [5v] takiqu blam-a-ni / tarniçi quvaray-i
 takibas / sayin bolqu:
- temür-tü ✱ kümün/-ü ʧai mandal-un
 ʧilayun: ebdekü / bui:
 ulayan aʃula-yin qada / qada buu ebde:
 betegei yabu /
 keregül-tü buu yabu:: ede-ni ʧege/rle [:]
 jedker-ni albin ildü-dür / ökügen kümün-ü
 ada bolqu:: / töröl-iyen aldaysan kümün-ni
 / ada bui [:]
 ebečin inu jirüken ʧegeji / ebedkü ba::
 ʧisün ebečin türgen / qanadu qadqaqu
 ebečin bui:: :: /
 ʧegerleküi inu quay:: duʃul/ʧ-a kiged::
 yamay-a köke alay / eljiçe: böge ed
 бүгүде-йи buu / ab abubasu ʧaʧ-a::
- Не бери все это.
 Может случиться [беда], когда земля оттаивает.
 Что касается направления, не отправляйся на север
 и в юго-западном промежуточном направлении.
 Избегай людей, пришедших с тех направлений.
 Что касается текстов, которые нужно читать, чи-
 тай книги «Собрание дхарани»¹⁷, «Сутру, ведущую
 на совершенный (букв. 'белый') путь»¹⁸. Читай
 «Восемь пустотных»¹⁹, «Сундуй», «Догджимо»²⁰,
 [тексты] Махакалы²¹, «Ваджравидарану», «Сутру
 золотого света»²², «Панчаракшу»²³, «Белозонтич-
 ную», «Восемь светоносных»²⁴.
 Что касается подношения ритуальных предметов
 для них, нужно сделать *бакар дунгли* и *хэрэг*²⁵ для
 демонов *буз*²⁶.
 Что касается ламы для совершения подношений,
 если будешь подносить сведущим в тантре и
 монахам, будет хорошо.
 Для человека, которому выпало *железо*, беда в
 разбивании камня для мандалы.
 Не рушь скалу, [относящуюся к] красной горе, не
 ходи.
 Не отправляйся на тяжбы. Избегай этого.
 Что касается препятствующих духов, это *албины*
 и демоны людей, погибших от копья, людей,
 потерявших²⁷ родственников.
 Что касается болезни, будут болеть сердце, грудь,
 будут болезни крови, стремительная простуда,
 колющие боли.
 Что касается того, чего следует избегать, это коль-
 чуга, шлем, коза, сине-пестрый осел, шаман. Не
 бери ничего из этого. Если взял, вынеси.

¹⁷ Монг. *tarnis-un quriyangyui* представляет собой калькированный перевод тиб. *gzungs 'dus*, название сборника ритуальных текстов «Сундуй», который упомянут также далее в тексте как *sungdui*. Неясно, почему сборник упомянут дважды: по ошибке переписчика или это два разных сочинения.

¹⁸ Сочинение не идентифицировано.

¹⁹ Вероятно, неправильный перевод тиб. *brgyad stong pa* 'Восьмитысячная [Праздника-рамита], Ашта-сахасрика': тиб. *stong* переведено как 'пустой', а не 'тысяча'.

²⁰ Сочинение не идентифицировано.

²¹ Монг. *mahakala*, тиб. *nag po chen po*, санскр. *mahākāla* 'Махакала', один из защитников Дхармы.

²² Монг. *altan gerel*, тиб. *gser 'od*, санскр. *suvarṇāprabhāsa*. Одна из наиболее популярных сутр тибето-монгольского буддизма, относится к классу сутр раскаяния.

²³ Монг. *bančarays-a / tabun sakiyulsun*, тиб.

bsrung ba (srung ma) lnga, санскр. *pañcarakṣā*. Цикл ритуальных «защитных» текстов, содержащих просьбы о защите от болезней, бедствий и вредоносных влияний различных духов [Skilling 1992: 110].

²⁴ Монг. *naiman gegen*, тиб. *snang brgyad*. Одна из сутр Махаяны, получивших широкое распространение в традиции тибето-монгольского буддизма. Используется как ритуальный текст в обрядах жизненного цикла, а также связанных с астрологией.

²⁵ Как указано выше, семантика термина *хэрэг* не ясна (см. [Bawden 1962: 177]). Возможно, подразумеваются ритуальные принадлежности в целом, если рассматривать монг. *kereg* как перевод тиб. *yo byad*, санскр. *upakaraṇa* 'ритуальные принадлежности, предметы, используемые во время ритуала'.

²⁶ Монг. *buʃ*, тиб. *sri* 'демон, вампир'.

²⁷ В рукописи М-267: *töröl-iyen alaysan kümün-ni* 'людей, убивших своих родственников'.

- oboγ-a / buu könde:: baising buu bari Не трогай *обо*, не строй зданий.
- 2 листа отсутствуют.**
- [8r] ed[e] бүгүде-yi čegerle: Избегай всего этого.
 yeke / usun üyerleküi čaytu γai bui:: / Будет беда, когда случится наводнение.
 жүг inu barayun emün-e kiged: jegün / Что касается направления, избегай людей,
 жүг ede бүгүде-eče iregsen kümün-ni / пришедших с запада, юга и востока. Не отправляйся
 čegerle: tere жүг-tü buu od: / в тех направлениях.
 ungšiqu nom inu naiman qoγosun / Что касается текстов, которые нужно читать, читай
 sungdui bančarayš-a namsurai: / čayan «Восемь пустотных», «Сундуй», «Панчаракшу»,
 sikürtü: langru lung-ten: / qutuγtu-yin [тексты] Намсарая²⁸, «Белозонтичная», «Прорица-
 yeke egülen-ü nom / ungši: ние на горе Гошринга»²⁹, «Святое писание „Вели-
 кое облако“»³⁰.
- kereg inu ni[=a]γur-un / qatun-ni kereg Что касается *хэрэг*, сделай несколько *хэрэг* для
 kedü kei: хозяйки озера.
 bandi kümün/-iyer šibayun kereg terigüten- С помощью буддийского служителя сделай 3 *хэрэг*
 ni kil/ge: птиц и пр.
 luus-un qad-un γajar-un ejen/-ni taki: Совершай подношения царям нагов³¹ и хозяевам
 земли³².
- takiqu blam-a inu oron / kijayar-a Что касается ламы для совершения подношений,
 bišilyalči-ni taki:: :: / подноси созерцающему в окраинной местности.
- [8v] modun-du ※ kümün-ni γai inu / modu ülü Что касается беды для человека, которому
 oγtalqu: modučü kümün-ü // ed-i čegerle: выпало *дерево*, не руби деревья. Избегай вещей,
 относящихся к плотникам.
- ed inu baraya / bös kiged: bandi bomba- Так случилось из-за того, что были взяты ткани,
 yin / qayučin qubčasu: irbis-ün / arisu: ür-e старые одеяния буддийских и бонских служителей,
 ügei kele ama/-tai kümün-ü ed aburysan- шкура барса, имущество бездетного человека или
 ača / bolba: способного наслать проклятие.
 taulai-yin miq-a buu / ide: Не ешь мясо зайца.
 ada inu albin: Что касается демонов, это *албины*.
 ebečin-ni / be-tege kiged: qadqaqu ebečin Что касается болезни, это опухоли и колющие
 / bolumui: боли.
 ebedküi inu modun / nabči kökereküi usun Что касается болезни, она может проявиться после
 gesküi / čečeg delgereküi-eče qoyiši / того, как листья на деревьях позеленеют, вода
 bolqu: оттает и расцветут цветы.
 mayui жүг inu barayun / жүг: qoyitu ba Что касается плохого направления, не надо дви-
 jabsar-a ülü / yabuqu: tere жүг-eče iregsen гаться на запад, север и в промежуточном направ-
 / kümün-ni ed yaγum-a-yi čegerle: / лении [северо-запада]. Избегай имущества и ве-
 щей человека, пришедшего с того направления.
- [9r] ungšiqu nom inu modun-u čimeg: / Что касается текстов для чтения, читай «Украше-
 sungdui altan gerel: ayuši // dorji namjom ние дерева»³³ «Сундуй», «Сутру золотого света»,
 qoyar tümen / tarnisun quriyangγui ede-ni «Аюуш», «Дорджи-намджом» 20000 раз, «Собра-
 / ungši [:] ние дхарани».

²⁸ Монг. *namsurai*, тиб. *rnam thos sras*, санскр. *vaiśravaṇa* / *kubera* 'Вайшравана / Кубера'. Один из четырех локапал (хранитель севера), божество богатства.

²⁹ Монг. *langru lung-ten* / *üker ayula-dur viyanggirid üjügülügsen*, тиб.-г. *glang ru lung bstan pa*, санскр. *gośṛṅga-vyākaraṇa*. Сутра Махаяны, посвященная концепции взаимозависимого происхождения.

³⁰ Монг. *yeke egülen-ü nom*, тиб.- *sprin chen po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, санскр. *mahāmegha-nāma-mahāyāna-sūtra*.

³¹ Монг. *luus*, тиб. *klu*, санскр. *nāga*. Змееподобные сверхъестественные существа, обитающие в подземном мире. Входят в перечень восьми классов сверхъестественных существ (тиб. *sde brgyad*), для умилоствления которых в тибето-монгольской традиции начитываются специальные ритуальные тексты.

³² Монг. *γajar-un ejen*, тиб. *sa bdag*. Владыки местности, они также входят в упомянутый выше перечень восьми классов сверхъестественных существ.

bandi kümün-iyer ʔaʔar / usun-u takiyul:	С помощью буддийского служителя соверши ритуал почитания земли-воды.
taiqu blam-a anu / oi modun-dur yabuqu tarniçi / blam-a-yi takibasay sayin:: :: :: /	Что касается ламы для совершения подношений, хорошо, если совершишь подношение ламе, сведущему в тантре, живущему в лесу.
salkin-du ✱ sayuysan kümün ʔai/-ni süm-e ba: ʔayučin qoton-ni-u / ebdegsen [:] abçu berigsen tölegsən / ba:	Что касается беды для человека, который пребывает в <i>ветре</i> , это храмы; старые разрушенные поселения, взятие чего-либо, гадание.
mayui kümün-eçe ʔaʔar köser/-eçe ʔes ba: yuuli qou ülü / abumui:	Не бери у плохого человека, [не поднимай] с земли красную или желтую медь.
keb torʔ-a burqan-u čimeg / altan mönggün qara barayā üker / ülü abtuʔai:	Не бери шелк, украшения для будд, золото, серебро, черно-бурую корову.
mayu жүг-ni / qoyitu жүг-ün ʔegün жүг- ün ʔabsar / abqui yabuqui tere жүг-eçe / iregsen kümün-i čegerle:: ::	Что касается плохого направления, избегай брать, отправляться в промежуточном направлении северо-востока и избегай людей, пришедших оттуда.
[9v] ʔaʔar-un ebesün-ü terigün šarlaqui čay/-tu ʔai bui: qabur-un sara-ača ekelemüi:: :: /	Бедой произойдет в период, когда верхняя часть травы, [растущей на] земле, пожелтеет. [Это] начнется в весенние месяцы.
ebedküi inu čegeji ʔirüken eken ebi-dümüi: tegün-eçe yekedebesü ʔalʔayu ebečin ba / nidün qarlaqui: čiki čimengneji ebedümüi: / tegün-dür tusbasu üküü-yin yiru-a bui / ungši qu nom inu naiman qoʔosun dorji nam/ʔu: ayuši: qara čayan sidada: naiman gegen belig / barimad: dar-a eke ungši:	Что касается болезни, будут болеть грудь, сердце. Более того, могут проявиться безумие, потемнение в глазах, шум в ушах. Если попадет туда, проявятся признаки смерти.
ilaʔuysan čimeg / ba: ayišiginar-un čisun dung-li-iyar ʔaʔar-a /	Что касается текстов для чтения, читай «Восемь пустотных», «Дорджи-намджом», «Аюуш», «Черную и белую магию» ³⁴ , «Восемь светоносных», [тексты] праджняпарамиты, Тары.
bandi kümün-iyer qainuʔ kiged: bulq-a [=buq-a]-yin eber/-iyer küli ʔasatuʔai:	Вынеси победный стяг и кровавый <i>дунгли</i> для <i>пишачей</i> .
taiqu blam-a inu / qola-ača iregsen berke- yi čidaqu tarniçi / blam-a taiqu:: :: :: :: :: :: /	Соверши исправление хулила с помощью буддийского служителя с использованием рога буйвола или оленя.
čayan sarayin šinin nigen-tü mör ʔaʔar-a- basu tere ʔil-tü gem ügei bui:: :: :: ::	Что касается ламы для совершения подношений, нужно совершать подношения ламе, сведущему в тантре, прибывшему издалека и ведущему аскетичный образ жизни.
	Если открыть дорогу в первый день новой луны Белого месяца, в том году не будет проблем.

Как было сказано выше, отсутствующие лл. 6–7 содержали описание хулилов *небо*, *гора* и *вода*, а также частично — хулила *железо*. В целях воссоздания полноты материала по концепции восьми хулилов в

монгольской письменной традиции приведем фрагмент, аналогичный отсутствующему тексту в М-799, из рукописи М-267, представляющей собой другой список этого сочинения³⁵.

³³ Монг. *modun-u čimeg*, тиб. *sdong po bkod pa*, санскр. *gaṇḍavyūha*. Сутра Махаяны, входящая в цикл текстов «Аватамсака-сутра».

³⁴ Возможно, речь идет о некоем цикле текстов, к которому может относиться сочинение «*Burxan baqšiyn nom xara šidi orošiboï*» («Черная магия учения Будды») / «*Xutuqtu Očiro padara nomariqson yeke xara šiddha orosiboï*»

(«Великая усмиряющая черная магия благородного Ваджрадхары»), ойратская версия которого была введена в научный оборот автором [Мирзаева 2019].

³⁵ Помимо знаков, использованных в транслитерации и переводе выше, использовано также сокращение *нрзб* (неразборчиво).

ada-ni ečege ebüged-ün ada / bolqu:	Что касается демонов, это будут демоны предков.
toloyai ebedkü: noqai / juququ: quluḡuna kiged / yara:	Будет болеть голова, укусит собака, появятся нарывы и болячки.
karay ba: čakilḡan-u ayul / bolqu:	Возникнет опасность [вреда] планет и удара молнии.
ḡailaḡu ed inu ḡutul / kiged kau (?) bomba bandiyin ed / burqan-u čimeḡ terigüten-ni ülü / abqu: süm-e-dür ülü qono/qu: noqai buu ab:	Что касается того, что принесет беду, нельзя брать обувь, имущество бонских и буддийских служителей, украшения для будд и прочее. Нельзя ночевать в храме. Не бери собаку.
ükügsen / morin-i miq-a buu ide: /	Не ешь мясо умершей лошади.
bomba kümün kiged: doḡolang belbesün / em-e-yi ḡayila:	Избегай бонских служителей, хромых людей, вдов.
ḡaḡar küreküi/-dür ḡai bui:	Бедя случится, когда замерзнет земля.
jüg inu doron-a / kiged emün-e buu od: // [4r]	Что касается направления, не отправляйся на восток и юг. Избегай людей, пришедших с тех направлений.
tere jüg-eče iregsen kümün-ni / ḡaila:	Что касается текстов, которые нужно читать, читай «Сутру золотого света», [тексты] праджняпарамиты.
ungšiḡu nom inu altan / gerel: belge barimad-yi ungši: /	Что касается <i>дунгли</i> , сделай <i>бакар дунгли</i> и <i>хэрэг</i> девяти небес.
dungli inu bakar-un dungli: / yesün oḡtaryui-yin kereg / kegdeküi:	[Что касается] ламы для совершения подношений, нужно почитать ламу-старца.
takiḡu blam-a tarniči / ebügen blam-a-yi takiḡu: /	[Что касается] опасности для человека, который пребывает в <i>небе</i> , не трогай субурганы ³⁶ , храмы, большие камни, возвышенности <i>обоо</i> ³⁷ .
oḡtaryui-dur saḡuḡsan / kümün-i ḡai suburḡ-a süm-e / kiged qad čilayun ba: oboḡ-a / terigüten-i ülü köndekü:	Читай «Писание царей нагов» ³⁸ , «... горы Сумеру» ³⁹ , «Панчаракшу».
luus/-un qad-un nom: sümbür aḡula/-yin (нрзб) bančarakš-a / (нрзб) ungši:	Поднеси торма по количеству лет. Сделай <i>хэрэг</i> четырех континентов ⁴⁰ .
torm-a nasun-u / toḡabar talbi [:] basa dörben / tib-ün kereg ketügei:	С помощью буддийского служителя сделай подношение хозяевам земли–воды.
bandi / kümün-iyer ḡaḡar usun-u eḡen-ü / taki:	Что касается ламы, будет хорошо, если будешь делать подношения созерцающему среди скал.
blam-a inu qadan-ni bišil{ḡalčal}-i // [4v]	Что касается беды для человека, пребывающего в <i>воде</i> , она может прийти с севера, востока, западной стороны мандалы, от нечистой еды, [принадлежащей] вдове.
takiḡbasu sayin bui: :: :: /	Что касается болезни, будешь словно в жару, будет знобить и тянуть в сон. Когда садишься вниз, у мужчин будет болеть поясница, у женщин начнутся менструации и заболит поясница.
usun-dur saḡuḡsan kümün-i / ḡai inu qoyitu jēḡün jüg / mandal-a barayun jüg-eče belbe/sün em-e kümün-i idegen-eče / buḡar: ed[e] büḡüde-eče ḡai / bolba:	Что касается болезни, будут вредить демоны хозяев-нагов и хозяев местности.
ebedküi inu čeḡeḡi / qalayun-iyar bügsen metü / küyiten noyir-a kürkü: / doroyši saḡuqu: er-e / bolbasu uḡuča ebedkü: / em-e bolbasu sara-yin belge / ḡarču belgeküsi ebedkü: /	Читай «Ваджравидарану».
ebečin inu luusun eḡe[n] ḡaḡar/-un eḡen-ü ada adalumui:	Подноси водное торма.
baḡar / bidaran-a ungši:	Совершай подношения царям нагов ⁴¹ .
usun / baling talbi:	
luus-un qad-i takigdaqui: :: :: //	

³⁶ Монг. *suburḡ-a*, тиб. *mchod rten*, санскр. *stūpa*. Культовое сооружение полусферической формы, содержащее буддийские реликвии.

³⁷ Монг. *oboḡ-a*, тиб. *lab rtse*. Насыпь из камней, маркирующая сакральное место для проведения ритуалов.

³⁸ Сочинение не идентифицировано.

³⁹ Сочинение не идентифицировано.

⁴⁰ Четыре континента буддийской мифологии — Джамбудвипа, Пурвавидеха, Годания и Уттаракру [Васубандху 2001: 255].

⁴¹ Восемь царей нагов — Шеша (Ананта), Такшака, Каркотака, Кулика, Васуки, Шанкхапала, Падма, Махападама (Варуна) (подробнее см. [Мирзаева, Тувшинтугс 2020: 278]).

[5r] ayula-dur ućiraysan / kümün naγur: bulay köndeı / müred-un usun tataqui kiged / bulay usun-ni čegerle: qara / erümeı qadqaqu ba sönei / ülü yabuγdaqui:	Человеку, который пребывает в <i>горе</i> , нельзя отправляться набирать воду из озера, родника, пади, избегай воды из родника. [Избегай] укола травинкой с черной верхушкой, нельзя передвигаться ночью.
adan inu / naγur-un eĵen: luusun qad-un / em-e čıdkür: luusun em-e ada/-iyar adalaqu:	Что касается демонов, вред будет от демонов хозяев озера, царей нагов, женских духов, нагов-женщин.
ebečın-i küyiten / ebečın kiged: doroyši sayu/qu ebečın bolqu: usun qabudar / ebečın bolqu:	Что касается болезни, будут болезни от холода и сидения внизу, водянка.
ĵedker-ni qara ed / qoromoγči ba: qara saba: üri[=e] / ündüsün ügeı kele aman ȳaši/ȳutai bayan kümün-ü ed ȳai buı: /	Что касается препятствий, беду принесут черные вещи, передники, черный сосуд, имущество богатого человека без детей со сварливым [характером].
ȳıȳasun-u miq-a ide bolqu boro / görügesün-ü miq-a ide bögüde-yi / čegerle:	Воздерживайся от употребления в пищу мяса рыбы и козули.
yeke usun-i üyerleküı //	Будет наводнение.

Заключение

Вводимая в научный оборот рукопись М-799 из рукописного фонда НМ РТ представляет собой интересный образец письменной традиции монгольских народов, содержащий ценные данные по мантическим практикам на основе восьми *хулилов*, бестиарию монгольской мифологии, системе табу в сфере обыденной жизни, функционированию буддийских сочинений в контексте ритуала, а также в некоторой степени классификации священнослужителей, зани-

мавшихся исполнением ритуалов, лам и пр. Упоминаемые в тексте рукописи виды подношений *дунгли*, *хэрэг* также представляют значительный интерес, поскольку их дальнейший анализ позволит дополнить новыми данными исследования по буддийскому ритуалу тибето-монгольской традиции. Наличие в рукописной коллекции музея других сочинений, посвященных восьми *хулилам*, говорит о том, что гадательные практики на их основе присутствовали и были распространены в локальной тувинской традиции.

Источники

М-799 — *Naiman külıl neretü yeke kölgem sudur oroşıba* [= Сутра Махаяны, называемая «Восемь хулилов»] // Рукописный фонд Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Литература

- Бир 2011 — Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Васубандху 2001 — Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2. Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 2001. 755 с.
- Лобсанг Доржи 2017 — Доржи Л. Основы тибетской астрологии. Секреты практики / под ред. Т. Ульяновой. М.: Ганга, 2017. 336 с.
- Мирзаева 2019 — Мирзаева С. В. Ойратский сборник примет «Bırhan baqşıyın nom xaga šidi oroşıboı» как образец буддийской обрядовой литературы // Монголоведение. 2020. № 1. С. 37–54.
- Мирзаева, Тувшинтугс 2020 — Мирзаева С. В., Тувшинтугс Б. Модель буддийской космологии в «Сутре о восьми светоносных» // Монголоведение. 2020. № 2. С. 271–287.

Sources

- Mahayana Sutra Titled ‘Eight Khulils’. At: Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic, Manuscript Collection. (In Mong.)
- MPC 1895 — Монгольско-русский словарь, составленный профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1895. 268 с.
- МРФС 1844–1849 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 1–3. Казань: Университ. тип., 1844–1849. 2690 с.
- Скородумова 1994 — Скородумова Л. Г. Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток: Рубеж, 1994. 38 с.
- Торчинов 2002 — Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь / прилож. П. В. Бересенева. СПб.: Амфора, 2002. 197 с.
- Туччи 2005 — Туччи Дж. Религии Тибета / пер. с итал. О. В. Альбедиль. СПб.: Евразия, 2005. 448 с.
- Цендина 2021 — Цендина А. Д. Гадание по хулилам среди монголов // Oriental Studies. 2021. № 3. С. 550–567.

- Baumann 2005 — *Baumann B. G.* Divine Knowledge: Buddhist Mathematics According to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. A PhD dissertation for the Degree Doct. of Philosophy. Indiana, 2005. 2244 p.
- Bawden 1961 — *Bawden Ch.* The Supernatural Element in Sickness and Death According to Mongol Tradition. Part I // *Asia Major*. Vol. 8. 1961. Pp. 215–257.
- Bawden 1962 — *Bawden Ch.* The Supernatural Element in Sickness and Death According to Mongol Tradition. Part II // *Asia Major*. Vol. 9. 1962. Pp. 153–178.
- Sazykin 1994 — *Sazykin A. G.* Catalogue of the Mongol manuscripts and xylographs preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum “Sixty Heroes” (Kyzyl) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Tomus XLVII (3). 1994. Pp. 327–407.
- Skilling 1992 — *Skilling P.* The Rakṣā Literature of the Śrāvākayāna // *Journal of the Pali Text Society*. Vol. XVI. 1992. Pp. 109–182.
- The I Ching... 1967 — *The I Ching, or Book of Changes*/transl. by R. Wilhelm, Cary F. Baynes. 3rd ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 1967. 806 p.

References

- Baumann B. G. Divine Knowledge: Buddhist Mathematics According to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. PhD thesis. Indiana, 2005. 2244 p. (In Eng.)
- Bawden Ch. The supernatural element in sickness and death according to Mongol tradition. Part I. *Asia Major*. 1961. Vol. 8. Pp. 215–257. (In Eng.)
- Bawden Ch. The supernatural element in sickness and death according to Mongol tradition. Part II. *Asia Major*. 1962. Vol. 9. Pp. 153–178. (In Eng.)
- Beer R. The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs. L. Bubenkova (transl.). Moscow: Orientalia, 2011. 428 p. (In Russ.)
- Dorzhi L. The Foundations of Tibetan Astrology. Secrets of Practice. T. Ulyanova (ed.). Moscow: Ganga, 2017. 336 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. (comp.) Mongolian-Russian Dictionary. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1895. 268 p. (In Mong. and Russ.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vols. 1–3. Kazan: Imperial Kazan University, 1844–1849. 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Mirzaeva S. V., Tuvshintugs B. Burxan baqšiyin nom xara šidi orošiboi: Oirat collection of bad omens as an example of Buddhist ritual text. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 37–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-37-54
- Mirzaeva S. V., Tuvshintugs B. The Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth: A Buddhist cosmological model revisited. *Mongolian Studies*. 2020. No. 2. Pp. 271–287. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-271-287
- Sazykin A. G. Catalogue of the Mongol manuscripts and xylographs preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum ‘Sixty Heroes’ (Kyzyl). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Vol. XLVII (3). Pp. 327–407. (In Eng.)
- Skilling P. The Rakṣā literature of the Śrāvākayāna. *Journal of the Pali Text Society*. 1992. Vol. XVI. Pp. 109–182. (In Eng.)
- Skorodumova L. G. Zurkhai: Buddhist Astrology. Vladivostok: Rubezh, 1994. 38 p. (In Russ.)
- The I Ching, or Book of Changes. R. Wilhelm, C. F. Baynes (transl.). 3rd ed. Princeton: Princeton University Press, 1967. 806 p. (In Eng.)
- Torchinov E. A. Buddhism: A Pocket Dictionary. P. Bersenev (app.). St. Petersburg: Amphora, 2002. 197 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Divination with khulil as practiced by Mongolians. *Oriental Studies*. 2021. No. 3. Pp. 550–567. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-550-567
- Tucci G. Religions of Tibet. O. Albedil (transl.). St. Petersburg: Evraziya, 2005. 448 p. (In Russ.)
- Vasubandhu. The Encyclopedia of Abhidharma (Abhidharmakośa). Vol. 2. Chapter 3: Teaching about Universe; Chapter 4: Teaching about Karma. E. Ostrovskaya, V. Rudoi (prep.). Moscow: Lodomir, 2001. 755 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 1046–1075, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.37, 81-112, 801.82
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1046-1075

Между фактом и фантазией: ранние источники по ойратской исторической диалектологии

Павел Олегович Рыкин¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7566-9591. E-mail: pavryk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Рыкин П. О., 2021

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу трех наиболее ранних письменных источников по ойратской исторической диалектологии: *Джāми' ат-Тавārīх* («Сборник летописей») Рашид ад-Дина (закончен между 1306 и 1311 гг.) и монгольских хроник *Sir-a tuγūji* («Желтая история», между 1651 и 1662 гг.) и *Erdeni tunumal neretü sudur* («Сутра под названием Драгоценная ясность», ок. 1607 г.). Автор приходит к выводу о том, что эти источники имеют неодинаковую лингвистическую ценность. Свидетельства Рашид ад-Дина и автора *Sir-a tuγūji* о ранних лексических отличиях ойратских диалектов, по-видимому, были получены из недостоверных внешних источников и скорее основаны не на объективных фактах, а на субъективных представлениях о том, какими должны были быть ойратские диалекты по мнению этих внешних информантов. «Ойратский фрагмент» *Erdeni tunumal neretü sudur*, напротив, находится гораздо ближе к факту, чем к фантазии. В данном фрагменте делается сознательная и в целом достоверная попытка отобразить языковые особенности ойратских диалектов рубежа XVI–XVII вв. Таким образом, он представляет собой древнейший опыт передачи диалектологических данных в монгольской литературной традиции. Его особая ценность заключается в том, что он содержит не лексические, а морфонологические (инновативная разговорная форма клитик *ni ~ nī < *inu* и *la ~ =la < *ele*) и морфосинтаксические (прогрессив/дуратив на *-nA(y) i*) признаки, в период составления хроники воспринимавшиеся как специфически ойратские. Данные признаки более похожи на подлинно ойратские, по крайней мере для начала XVII в., хотя их современная дистрибуция является более широкой и лингвистически неспецифичной. Можно предполагать, что источник сведений по ойратским диалектам в *Erdeni tunumal neretü sudur* либо сам был ойратом, либо по крайней мере был хорошо знаком с языком ойратов той эпохи. Это делает хронику исключительно ценным источником по исторической диалектологии монгольских языков, значение которого сложно переоценить.

Ключевые слова: монгольские языки, ойратские диалекты, историческая лингвистика, историческая грамматика, историческая лексикология, народная лингвистика, филология

Для цитирования: Рыкин П. О. Между фактом и фантазией: ранние источники по ойратской исторической диалектологии // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1046–1075. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1046-1075

Between Fact and Fantasy: Early Sources on Oirat Historical Dialectology

Pavel O. Rykin¹

¹ Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9 Tuchkov Str., 199053 St. Petersburg, Russian Federation)

Ph. D. (Hist.), Senior Research Associate

 0000-0001-7566-9591. E-mail: pavryk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Rykin P. O., 2021

Abstract. The article presents the results of a linguistic analysis of three early sources on Oirat historical dialectology, Rashīd al-Dīn's *Jāmi' al-Tawārīkh* (*Compendium of Chronicles*, completed between 1306 and 1311) and the Mongol chronicles *Sir-a tuγuǰi* (*Yellow History*, between 1651 and 1662) and *Erdeni tunumal neretü sudur* (*The Jewel Translucent Sūtra*, c. 1607). The author concludes that these sources substantially differ in terms of their linguistic value and reliability. The early historical accounts of Oirat lexical differences, provided by Rashīd al-Dīn and the unknown author of the *Sir-a tuγuǰi*, are most likely to have been obtained from unreliable external sources and based on hearsay evidence, orally transmitted by non-Oirats, at best, only passingly familiar with the Oirat language and its actual features. Both authors probably heard something about distinctive lexical features of the Oirat dialects of their time, but they hardly had a clear idea of what these features were and how to explain them in an adequate manner. On the contrary, the 'Oirat fragment' contained in the *Erdeni tunumal neretü sudur* seems to be much closer to fact than to fantasy. It presents a deliberate and quite reliable attempt to introduce some features of the Oirat dialects spoken at the turn of the seventeenth century. In the absence of earlier internal evidence of the linguistic differences between the Mongolic languages, this may be the oldest known representation of dialectal data in the Mongolian literary tradition. The evidence is of special importance because it includes morphophonological (an innovative colloquial shape of the clitics *ni* ~ *ni* < *inu and *la* ~ *la* < *ele) and morphosyntactic (the progressive/durative in *-nA(y)i*), rather than lexical, features, which seem to have been considered Oirat by the early seventeenth-century author(s) of the chronicle. These features look more genuinely Oirat, at least for the early 17th century, although their modern distribution is certainly rather wide and non-specific. It may be assumed that the information on Oirat dialects that the *Erdeni tunumal neretü sudur* contains may have been obtained from an Oirat, or, at least, from an individual well-versed in the language of the time. Thus, one cannot overestimate the importance of the chronicle as a highly valuable source on historical dialectology of Mongolic languages.

Keywords: Mongolic languages, Oirat dialects, historical linguistics, historical grammar, historical lexicology, folk linguistics, philology

For citation: Rykin P. O. Between Fact and Fantasy: Early Sources on Oirat Historical Dialectology. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1046–1075. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1046-1075

Введение

Лингвистическая история ойратских диалектов, ныне распространенных на обширной территории от Западной Монголии до поволжских и прикаспийских степей, хорошо отражена в источниках начиная с рубежа XVII–XVIII вв. Наиболее значительную категорию этих источников

образуют письменные памятники на так называемом «ясном письме» — видоизменной форме уйгуро-монгольской письменности, созданной в 1648 г. ойратским ученым монахом Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662). Лежащий в основе этих памятников литературный язык ойратов, или письменный ойратский, согласно

современным исследованиям, представлял собой не что иное, как форму письменной фиксации книжного произношения текстов на уйгуро-монгольской письменности, бытовавшего среди ойратов и монголов в середине XVII в. [Rákos 2015a: 354–358; Rákos 2015b: 107–111]. Несмотря на свой наддиалектный характер, письменный ойратский содержит большое число разговорных или диалектных черт, как фонетических, так и грамматических, и лексических, и представляет несомненную ценность для изучения ойратской исторической диалектологии¹.

Вторую большую категорию источников составляют западноевропейские материалы по ойратским диалектам, опубликованные в латинской транскрипции. Самым ранним из них является калмыцкий словарь в составе пространного компилятивного сочинения голландского политика, путешественника и ученого Николааса Витсена (1641–1717) «Северная и Восточная Тартария» (*Noord en Oost Tartarye*), первое издание которого вышло в свет в 1692 г.² Другой калмыцкий глоссарий, включающий ок. 1 400 слов и выражений, опубликован Филиппом Юханом Таббертом фон Страленбергом, пленным шведским офицером, жившим в Сибири с 1711 по 1722 гг., в своей книге «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (*Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia*), изданной в Стокгольме в 1730 г.³ Известны также сочинения других

европейских авторов XVIII–XIX вв., в которых содержатся ценные сведения по ойратским и калмыцким разговорным вариантам того времени⁴.

2. Рашид ад-Дин и *Sir-a tuγiγi* о лексических особенностях ойратских диалектов

2.1. Джāми' ат-Тавārīх Рашид ад-Дина

Особого внимания заслуживают два ранних письменных свидетельства о лексических особенностях ойратских диалектов. Первое из них принадлежит знаменитому персидскому историографу и государственному деятелю Рашид ад-Дину (ок. 1247–1318), который в своем монументальном историческом труде *Джāми' ат-Тавārīх* («Сборник летописей», закончен между 1306 и 1311 гг.) так характеризовал языковые отличия ойратов от других монгольских племен его эпохи⁵:

(1)

و لغت ایشان هر چند مغولی است با لغت
دیگر اقوام مغول اندک تفاوتی دارد مثل
آنک کارد را دیگران کیتوقه گویند
و ایشان مدغه و مانند این الفاظ بسیار هست

‘Хотя их язык монгольский, он имеет небольшое отличие от языка других

[2018], большая часть глоссариев Ф. Ю. Т. фон Страленберга могла быть на самом деле собрана его близким другом Даниэлем Готлибом Мессершмидтом, известным немецким ученым и путешественником, который совершил несколько научных экспедиций в Сибирь между 1720 и 1727 гг.

⁴ Ранние европейские источники по лингвистической истории ойратов, включая материалы Н. Витсена и Ф. Ю. Т. фон Страленберга, факсимильно опубликованы Г. Дерфером [Doerfer 1965]. Об этих источниках см. также [Rákos 2015b: 105–106].

⁵ Здесь и далее среднемонгольские, письменные монгольские и письменные ойратские формы даются в стандартной академической транскрипции. Для доклассического монгольского использована система палеографической транскрипции, разработанная Л. Лигети (см. [Ligeti 1972: 9–11]; ср. также [de Rachewiltz, Rybatzki 2010: 164–165]). Лексика современных монгольских языков и диалектов приводится в фонематической транскрипции символами МФА.

¹ О разговорных и диалектных элементах в языке письменных ойратских документов см. [Rákos 2015b: 115–136].

² Этот словарь подробно исследуется в недавно опубликованной статье Ж. Б. Бадагарова [Badagarov 2018]. В труде Н. Витсена присутствует еще один небольшой список ойратских слов в латинской и тибетской («тангутской») транскрипции, рассмотренный Д. Карой [Kara 2005: 181–182, n. 323] и Ж. Б. Бадагаровым [Бадагаров 2017].

³ Скорее всего, этот глоссарий был составлен Ф. Ю. Т. фон Страленбергом между 1715 и 1721 гг. во время его путешествия к волжским калмыкам, однако есть версия, что сам он не был автором глоссария, но лишь опубликовал в своей книге материалы, собранные кем-то другим [Krueger 1975: 24–27]. Согласно А. Манастер Рамеру и Л. Д. Бондарь [Манастер Рамер, Бондарь

монгольских народов. Например, нож другие называют *kituqa*, а они [называют его] *madaya*¹. Есть много подобных этому слов² [Рашид ад-Дин 1968: I/1 222].

Это утверждение нельзя признать верным: ПМ **kituga(i)* ‘нож’³ фигурирует как в письменном ойратском⁴, так и в современном калмыцком языке и ойратских диалектах Монголии и Китая⁵, и оно наверняка

¹ По мнению П. Пелльо, *مدغه* <*madaga*> в тексте Рашид ад-Дина является искаженной передачей транскрипции *هڈغا* <*hūdga*>, которая якобы отображала форму, промежуточную между письм.-монг. *qituqa* (> *kituqa*) и совр. калм. *utxə* ~ *utgə* ‘нож’ [Pelliot 1944: 95–96]. Однако чтение *هڈغا**, как и *дамма* над первым согласным, не встречается ни в одной из рукописей и поэтому представляется крайне сомнительным.

² Мой перевод этого фрагмента несколько отличается от перевода Л. А. Хетагурова [Рашид-ад-дин 1952: 118]. Предложенные Л. А. Хетагуровым чтения ***китуга* и ***мудага* не подтверждаются рукописями и подлежат исправлению.

³ Об этом слове см. [Nugteren 2011: 414–415].

⁴ Ср. письм.-ойр. *kituqa* ~ *xutuqa* ~ *xutuqi* ~ *utuqa(i)* ‘knife’ [MOM, I 1978: 166a, b; II 1984: 291a; III 1984: 728a]. О других примерах нерегулярного чередования **k* ~ Ø в анлауте некоторых слов в монгольских языках см. [Pelliot 1944]. Близкая к письменной ойратской форма **kutuga* <*kutuga*> = <*khu th’u ga*> ‘knife’ фигурирует и в «тангутских» материалах Н. Витсена, которые на самом деле отображают один из ойратских идиомов конца XVII в. в параллельной тибетской и латинской транскрипции [Badagarov 2017: 220, no. 47; Badagarov, Natsagdorj, Janhunen 2018: 435, no. 47]. В собственно калмыцком глоссарии Н. Витсена ей соответствуют две формы: **xutaya* <*Chutaga*> и **kutaya* <*Koutaga*> ‘id.’ [Badagarov 2018: 481, no. 81; 494, no. 244], демонстрирующие развитие **u* > /a/ во втором слоге в результате регрессивной ассимиляции или ослабления артикуляции гласных непервых слогов. В «дагурском» глоссарии Н. Витсена, в действительности представляющем собой нечто иное, как сокращенный вариант калмыцкого глоссария, приводится только форма **kutaya* <*Koetaga*> ‘id.’ [Hajnal 1994: 306, no. 254]. Ср. также формы **kutaya* <*kutaga*> и **utaya* <*utaga*> ~ <*otaga*> ‘id.’ в калмыцком глоссарии Ф. Й. фон Страленберга [Krueger 1975: 96].

⁵ Ср. калм. *utx* ~ *utg* ‘Messer’ [KWb 1935: 452b], *utx* ‘нож, ножик’ [KPC 1977: 540a; MOT

должно было входить в состав ойратской лексики и в начале XIV в. Что касается слова *madaya*, оно не является ни специфически ойратским, ни вообще точным синонимом **kituga(i)*. Г. Дёрфер справедливо сближает *مدغه* с письм.-монг. *madaya/n* ‘маленький кортик’ [Ковалевский, III 1849: 19916], ‘маленький кортик; палаш’ [Голстунский, III 1894: 209a], ‘hunting knife; small sword’ [Lessing 1960: 519a] и — в несколько измененном значении — письм.-ойр. *madxam* ‘tongs, pincers’ [MOM, III 1984: 591b], полагая, что это слово обозначало не просто нож, а особый тип ножа, который во времена Рашид ад-Дина, по-видимому, встречался только у ойратов [Doerfer 1964; ср. также TMEN, I 1963: No. 362]. Рефлекс этой формы засвидетельствован в торгутском диалекте современного калмыцкого языка как *madəg* ‘тесак’ [KPC 1977: 3386]. Однако ее когнаты представлены и в других современных центральномонгольских идиомах; ср. халх. *mat^həg* ‘изогнутый нож, кортик’ [БАМРС, II 2001: 3266], бур. Тунк. *madəgə* ‘большой охотничий нож (длиной до полуметра)’ [БРС, I 2010: 527a], бур. М *madəgə* ~ *matəgə* ‘большой охотничий нож, тесак’ [БАТ 2010 (2011): 3156]⁶. Халха-монгольская форма с *-t^h*- и бурятская диалектная форма с *-t-* дают основание полагать, что *madaya/n* представляет собой отглагольное имя на *-GA/n* < **-hA/n*⁷ от основы *mata-* < **maDa-* ‘гнуть, сгибать, выгибать’⁸, т. е. буквально означает ‘то, что выгнуто’. Эта этимология дополнительно подтверждается многочисленными фактами нерегулярного чередования **d* и **t* (< **D*) в монголь-

2016: 2746]; ойр. М *xutxə* ~ *xutəg* ‘couteau’ [Kara 1958: 145], *xutxə* ~ *xutəg* ~ *utxə* ~ *utəg* ~ *utgə* ‘нож, ножик’ [OA 1989: 466, 878], *utxə* ‘длинный нож (носится в ножнах)’ [MOT 2016: 121a], ‘knife’ [DKE 2013: 13a]; ойр. С *utxə* ‘нож’ [OAÜ 1998: 237], *utəgə* ‘нож, ножик’ [ЯОС 2001: 359].

⁶ В остальных монгольских языках и диалектах, в том числе важных для протомонгольской реконструкции языках Ганьсу и Цинхая, это слово отсутствует.

⁷ Об этом суффиксе см. [Poppe 1974: § 149; Godziński 1985: § 57; Garudi 2002: 50–51].

⁸ Ср. письм.-монг. *mata* — ‘сгибать, выгибать, загибать’ [Ковалевский, III 1849: 19916], ‘сгибать, загибать, выгибать, гнуть в дугу’ [Голстунский, III 1894: 208], ‘to curve or bend; to hollow out in a vault-shape’ [Lessing 1960: 530a].

ских языках и диалектах, на которых мы предполагаем подробнее остановиться в другой работе.

2.2. *Sir-a tuyujī*

Второе свидетельство содержится в монгольской исторической хронике *Sir-a tuyujī* («Желтая история»), первая редакция или первоначальный текст которой датируется периодом между 1651 и 1662 гг.¹ Оно приводится в любопытном фрагменте, повествующем об ойратском походе Мандухай-хатун², жены и опекуны малолетнего Бату Мункэ (будущего Даян-хагана). После разгрома конфедерации четырех ойратов (*dörben oyirad*) в местности Тэс Бурту / Тас Бурту (*tesbür tü / tasbur tu*), который состоялся предположительно в 1490 г.³, она якобы установила для ойратов следующий закон или запрет (*čayaǰa*):

- (2) *ta egün-eče qoyisi . ger-iyen ordo geǰi buu kele : örge'e geǰi kele : jalaǰa-ban qoyar quruγun-ača ileǰüü buu ki : jabilaǰu buu saγu . sö<'>göǰü saγu : miqa-yi qutaγ-a-bar buu ide amayar nulyaǰi ide : ayiray-ıyan čege'e geǰi kele : ... edüge boltala tere čayaǰa-bar yabuqu buu .*⁴ «Впредь вы не называйте свою юрту дворцом (*ordo*), называйте [ее] ставкой (*örge'e*). Свою кисточку на шапке

¹ Подробнее о датировке этой летописи см. [Heissig 1959: 83–84; Цендина 2017: 58–62].

² Мандухай-хатун — младшая жена чахарского Мандуул-хагана, после смерти которого в 1479 г. принявшая на себя функции регентши. Ок. 1480 г. она вышла замуж за маленького мальчика, который, как утверждали, был сыном покойного *джинонга* (соправителя) Баян Мункэ Болху, и возвела его на престол под именем Даян-хагана, но продолжала править, пока он не достиг совершеннолетия. Подробнее о ее жизни см. [Горохова 1986: 36–39, 69–74, 99, прим. 38; Atwood 2004: 138a–b, 342a–b, 410a].

³ О хронологии ойратского похода Мандухай-хатун см. [Горохова 1986: 38].

⁴ Транскрипция данного фрагмента, выполненная автором статьи, несколько уточняет транскрипцию, опубликованную А. Д. Цендиной [Цендина 2017: 174]. Более поздние версии этого фрагмента фигурируют в других монгольских летописях, таких как *Mongyol borǰigid oboγun teike* («История монгольского рода борджигид») Ломи (1735) и *Bolor erike* («Драгоценные четки») Рашипунсуга (1775) [Heissig 1946: 90–91; Heissig, Bawden 1957: 70–71; см. также: Горохова 1986: 72].

не делайте больше, чем в два пальца. Не сидите, скрестив ноги, а сидите на коленях. Не ешьте мясо с помощью ножа, а ешьте, разжевывая⁵ [его] ртом. Свой кумыс (*ayiray*) называйте *čege'e*». ... До сих пор [ойраты] поступают в соответствии с этим законом»⁶ [Цендина 2017: 100:1–101:2].

Хотя этот закон носил явно унижительный по отношению к ойратам характер и позднее был частично смягчен⁷, он примечателен тем, что фиксирует две лексические единицы, *örge'e* и *čege'e*, которые в эпоху составления хроники, по-видимому, воспринимались как специфически ойратские. Подчеркнем, что речь идет не столько о реальных, сколько о воображаемых различиях. «Монгольское» слово *ordo* «дворец»⁸,

⁵ *Nulyaǰi*. Это разговорная форма имперфективного деепричастия на *-ǰi* (< *-ǰu*) от незасвидетельствованной в письменно-монгольских словарях основы *nulya*- < **nilya*-. От этой же основы образованы письм.-монг. *nilyura*- ~ *nulyura*- (< **nilyara*-) 'to be overcooked; to fall to pieces from excessive cooking' [Lessing 1960: 583b, 595b] — с помощью суффикса медия *-ra*- (о нем см. [Poppe 1974: § 237; Godziński 1985: § 98; Kempf 2013: 124–131]), халх. *nolga*- (< **nulyaγa*-) 'тянуть зубами; откусывать, отрывать зубами' [БАМРС, II 2001: 4246] — с помощью суффикса каузатива *-ga* (о нем см. [Poppe 1974: §§ 224–225; Godziński 1985: § 110, 119; Kempf 2013: 55–65]), орд. *nolkol*- (< **nulyul*- < **nulyal*-) 'réduire en bouillie (par cuisson)' [DO 1968: 500b] — с помощью итеративного суффикса *-(I)l*- (о нем см. [Poppe 1974: § 236; Godziński 1985: § 119; Kempf 2013: 103–113]). Исходя из этого, семантическим инвариантом основы *nulya*- < **nilya*- должно было быть нечто вроде **'превращать пищу в однородную массу посредством варки или жевания'*. О понятии семантического инварианта см. [Wierzbicka 1996: 239–244].

⁶ Перевод данного фрагмента, выполненный автором статьи, несколько отличается от переводов Н. П. Шастиной [Шастина 1957: 148] и А. Д. Цендиной [Цендина 2017: 88–89].

⁷ По просьбе ойратов Мандухай-хатун милостиво разрешила им есть мясо, отрезая его ножом [Горохова 1986: 72; Цендина 2017: 89].

⁸ Ср. ср.-монг.: SHM *ordo* 斡兒朵 'palace' [IX 47a1 и сл.], тж. в ИГ *ordo ger* 斡兒朵格兒 'palatial tent' [III 43a3 и сл.]; НУ *ordo* 斡兒朵 в ИГ *ordo ger* 斡兒朵格兒 'palais' [I 8b6]; DGZ *ordo* 斡兒朵 = *orto* / 'wrtw в ИГ *ordo ger* 斡兒朵格兒 = *orto ger* / 'wrtw k' r 'palace' [33a]. В китайско-монгольском словаре *Дада юй* 韃靼語 / *Бэйлу*

ранний тюркизм в монгольских языках¹, встречается как в письменном ойратском², *иной* 北虜譯語 (между 1567 и 1603), отражающем переходный этап между среднемонгольским и современным монгольским периодами в развитии монгольских языков, это слово встречается в форме *ordu* 我兒都 ‘дворец’ [DY No. 85]. К форме с **u* второго слога восходит и орд. *ortu* ‘palais’ [DO 1968: 739b], так как в ордосском **o* > *o* перед **u* [Poppe 1951: 193, 195–197, 206; Poppe 1955: 28–29]. Ср. также кид. **ordu* 米 <*ordu*> ~ 米升 <*ordu.u*> ~ 及米及 <*o.ordu.u*> ~ 米及 <*ordu.u*> ~ 米全 <*ordu.u*> ‘ordo, palace, court’ [Kane 2009: 77–78; Róna-Tas 2017: 164; Shimunek 2017: 359–360; см. также: Čenggeltei, Wu Yingzhe, Jiruhe, 1 2017: 432, No. 355]. Эти данные позволяют реконструировать ПМ **ordu*, которое могло быть заимствовано из древнетюркского либо напрямую, либо через киданьское посредство. Происхождение ср.-монг. *ordo* не вполне ясно: оно могло либо развиться из **ordu* на монгольской почве в результате прогрессивной ассимиляции, либо быть заимствованным из какого-то древнетюркского диалекта с выраженной лабиальной гармонией (см. [Erdal 2004: 88–91]), либо восходить к позднекиданьскому **ordo* 幹魯朵 ‘tent palace’ [LS 1974: 116.1541; Shimunek 2017: 360; ср.: Shimunek 2007: 88] < **ordu*. Об этом слове см. также [Pelliot 1930: 208–210; Cleaves 1951: 78, no. 32; TMEN, II 1965: No. 452; Munkuyev 1976: 430, no. 19; de Rachewiltz 1982: 72–73, no. 188; Cerensodnom, Taube 1993: 188; Atwood 2004: 16a, 426a–427a].

¹ Ср. др.-тюрк. *ordu* (*ordo*) originally ‘a royal residence’, that is ‘palace’ or ‘royal camp’ as the circumstances demanded [EDT 1972: 203a], ‘ставка, резиденция хана, дворец’ [ДТС 1969: 3706], ‘Palast (auch in metaphorischem Gebrauch für Himmelskörper), Schloss, göttliches Haus, Residenz, Behausung’ [HAU 2021: 513a]. Вокализм второго слога в данном слове, по-видимому, не может быть точно установлен по собственно древнетюркским данным, но по крайней мере в киданьский и протомонгольский это слово явно попало из диалекта, где оно имело форму *ordu* (см. прим. 21).

² Ср. письм.-ойр. *ordu* ~ *ordo* ‘palace, camp, horde’ [MOM, I 1978: 124a, b]. Одна из форм этого слова была в употреблении у азовских калмыков в самом начале XVIII в., по сведениям чешского иезуита Йоханнеса Милана, опубликованным в 1700 г.: “Attigimus primas *hordas Calmukorum ethnicorum* ... venimus ad *hordas Chani Magno Temir*” (цит. по [Poucha 1968: 61]).

так и в калмыцком языке начала XX в. и ойратских диалектах Китая³, а «ойратское» слово *örge* ‘e < **ergühe/n* ‘ставка’⁴, по-видимому, постпротомонгольского происхождения⁵, также засвидетельствовано в письменном монгольском⁶ и некоторых современных монгольских языках, в том числе халхаском, бурятском и дагурском⁷. Другое «монгольское» слово *ayiray* ‘кумыс’, еще один древний тюркизм⁸, первоначальным

³ Ср. калм. *ord* ‘(selt.) Hof, Lager, Horde od. Orda, syn. *örgē*’ [KWb 1935: 288a–b], также в ИГ *ord arf* ‘(уст.) дворец’ [KPC 1977: 402a]; ойр. *С эрдэн* ‘дворец’ [OAÜ 1998: 37; ЯОС 2001: 263].

⁴ Этимологически отглагольное имя на *-*hA/n* > -*GA/n* от основы **ergü-* ‘поднимать, устанавливать’; ср. письм.-монг. *ergü-* ~ *örgü-* ‘поднять вверх, возвести, возвысить’ [Ковалевский, I 1844: 273b–274a, 594b], ‘поднимать вверх; подавать, ставить, расставлять’ [Голстунский, I 1893: 118, 268], ‘to raise, lift up’ [Lessing 1960: 325b, 641b].

⁵ Оно отсутствует в среднемонгольском/доклассическом монгольском и во всех периферийных монгольских языках, кроме дагурского, где оно может быть заимствованием из письменного монгольского или центральномонгольских идиомов.

⁶ Ср. письм.-монг. *örgüge* ‘ставка (хана и высших особ)’ [Ковалевский, I 1844: 594b], ‘ставка, дворец’ [Голстунский, I 1893: 268b], *ergüge/n* ~ *örgüge/n* ~ *örgege/n* ‘residence or tent of a prince; palace of a khan or a person of rank’ [Lessing 1960: 641b].

⁷ Ср. халх. *orgo* ‘палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица’, ‘дворец; терем’ [БАМРС, III 2001: 38a–6], орд. *ørkø:* ‘tente ou maison (style élevé)’ [DO 1968: 537b]; хорч. *urkə* ‘palace’ [МЮЦ 1990: 547]; бур. *urgo/n* ‘ставка’, ‘дворец, резиденция (монарха или главы духовенства)’ [БРС, II 2010: 3466]; хам. *urke:/n* ‘station’ [Janhunnen 1990: 93, 94]; калм. *örge* ‘Hof, Palast (des Fürsten), Haus (in höflicher Rede)’ [KWb 1935: 299a], ‘палата; ставка, юрта (высокопоставленного лица)’, ‘дворец’ [KPC 1977: 423a]; даг. Б *urkr* (*krr*) ‘(уст.) палата, ставка, дом высокопоставленного лица’ [Тодаева 1986: 171], даг. Т *urkr* в ИГ *urkr krr* ‘Mongol tent, felt tent, canopy’ [Yu Wonsoo et al. 2008: 155].

⁸ Ср. др.-тюрк. *ayran* ‘churned milk’ [Maḥmūd al-Kāšḡarī 1982–1985: 73]. Широко распространенная этимология данного слова, связывающая его с тюркской глагольной основой *ayir-* < **aḍir-* basically ‘to separate’ (two things *Acc.*, or something *Acc.*, from something else *Abl.*)’ [EDT 1972:

значением которого у монголов, по-видимому, было '(кумыс из) верблюжьего молока'¹, фигурирует в письменном ойратском², калмыцком и ойратских диалектах³

66b–67a], 'разделять, отделять друг от друга; разлучать' [ДТС 1969: 116], оспаривается Г. Дёрфером и Дж. Клосоном на том основании, что в таком случае в караханидском тюркском это слово должно было бы сохранить исконный *d > [d] ~ [δ] [TMEN, II 1965: № 639; EDT 1972: 276a]. Однако у Махмуда Кашгарского встречается и другие производные от этой основы, демонстрирующие переход *d > /y/: *ayrok* 'other' [69] (огузская форма, наряду с *adrok* 'id.' [62]), *ayrik* 'peat' [69] (огузский вариант тюркского *adrik* 'id.' [62]), *ayriš* 'to part from one another' [138] (наряду с *adriš* 'id.' [123]) и *ayru* 'if not' [75] (наряду с *adri* 'winnowing fork; branched' [75]). Основная сложность этимологического соотнесения тюрк. *ayran* и монг. *ayiray* заключается в том, что первое содержит в своем составе суффикс -Xn, образующий имена со значением объекта от переходных глаголов и имена со значением субъекта от непереходных [Erdal, 1 1991: 3.107], тогда как во втором фигурирует другой суффикс тюркского происхождения -(X)g с теми же функциями [Erdal, 1 1991: 3.101]. Монгольская форма либо могла быть заимствована из какого-то неизвестного древнетюркского диалекта, в котором вместо *ayran* употреблялось **ayrag* < **ayriḡ*, либо, как полагали М. Ряснен [VEWT 1969: 12b] и Г. Дёрфер [Doerfer 1985: № 693], могла получить конечный -G по аналогии с другими названиями молочных продуктов, такими как *uyray* 'молозиво' и *taray* 'простокваша'. Об этимологии этого слова см. также [Владимирцов 1929: 283; Санжеев 1930: 618; Clauson 1960: 309; Щербак 1966: 29; Щербак 1997: 96; Щербак 2005: 20–21; ЭСТЯ 1974: 111; Rozycki 1994: 21; Рассадин 2007: 56; Рассадин 2019: 60, 514].

¹ Судя по китайским глоссам к этому слову в источниках по лексике восточномонгольских диалектов; ср. YSZY *aira*[q] 愛刺 'camel's milk' (駝乳) [III 10b4]; HY *ayiraq* 愛亦刺 'lait de chamelle' (駝奶) [I 13a2]; DGZ *ayiraq* 愛亦刺黑 = *ayiray*/'ууг'q 'id.' (駝奶) [52a]. В китайско-монгольском словаре конца XVI в. *Июй* 譯語 (Бэйлу *юй* 北虜譯語) из военной энциклопедии *Дэнтань бицзю* 登壇必究 слово *aira*[y] 矮刺 снабжено более общей и, вероятно, не вполне точной глоссой 'молоко' (奶子) [YY 75r1].

² Ср. письм.-ойр. *ayiraq* 'kumiss, sour milk drink, airak' [MOM, I 1978: 44a].

³ Ср. калм. *ε:rg* 'Kumys aus Kuhmilch' [KWb 1935: 26a], 'айран (квашеное молоко)'

и фиксируется у волжских калмыков по этнографическим материалам XIX в. в основном для обозначения кумыса из коровьего молока⁴. Его «ойратский» эквивалент *čege'e* < **čegehe*/n 'кумыс', этимологически связанный с **čegehe*/n 'белый; светлый'⁵ и, таким образом, представляющий собой метафорическое обозначение кумыса по его цвету, встречается не только в историче-

[KPC 1977: 626], 'айран (напиток из квашеного кобыльего или коровьего молока)' [MOT 2016: 2566]; ойр М *ε:rag* 'lait suri, fermenté; kumys' [Kara 1958: 128], *ε:rag* 'айрак, кумыс' [MOT 2016: 80a], 'kumis (a fermented drink made directly from cow's milk and from sheep, goat or female camel's)' [DKE 2013: 42a]; ойр. С *ε:rag* 'кисломолочный напиток' [OAÜ 1998: 15], 'айран (напиток из квашеного кобыльего или коровьего молока)' [ЯОС 2001: 44].

⁴ Согласно Б. Бергманну, изучавшему язык, быт и культуру калмыков в 1802–1803 гг., слово *Airak* обозначало напиток из кислого коровьего молока [Bergmann, 2 1804: 79]. *Ayiraq* 'sour milk (sour drink made from cow's milk)' фигурирует в калмыцком словаре Корнелиуса Рамна, который, скорее всего, был написан между 1819 и 1823 гг. [Svantesson 2012: 24b]. Н. А. Нефедьев, побывавший у волжских калмыков в 1833 и 1834 гг., наблюдал у них кумыс из кобыльего молока под названием *Чуган* и кумыс из коровьего молока под названием *айрек* [Нефедьев 1834: 135]. По данным П. И. Небольсина, который познакомился с бытом калмыков в 1850 и 1851 гг., у них наблюдалось различие кумыса («чиген») из кобыльего молока и арьяна («айрык») из коровьего или овечьего [Небольсин 1852: 41]. И. А. Житецкий, собиравший материал среди волжских калмыков в 1883–1886 гг., также фиксирует два названия молочных напитков: *арьян* или *арык* («окисшее молоко») и *чигэн* («кумыс») [Житецкий 1893: 156–16a].

⁵ Ср. письм.-монг. *čegen* (= *čegēn* < **čegehen*) 'самый белый, ясный, светлый, перловый цвет' [Ковалевский, III 1849: 2124a], 'совершенно белый, светлый' [Голстунский, III 1895: 263a], 'white, whitish, light' [Lessing 1960: 169b]. Это слово является фонетическим дублетом ПМ **čagaha*/n 'белый', о котором см. [Nugteren 2011: 298]. О фонетических дублетах в монгольских языках, имеющих одинаковое или близкое значение и различающихся только по ряду гласных, подробнее см. [Владимирцов 1929: 126–134; Tatár 1984: 169, 171–172; de Rachewiltz, 2 2006: 785–786].

ских и современных ойратских идиомах¹, но и в письменном монгольском², а также в халхаском, ордосском и бурятском³.

3. Ойратские диалектные признаки в *Erdeni tunumal neretü sudur*

Еще одно важное, но недооцененное раннее свидетельство о языковых особенностях ойратских диалектов содержится в другой монгольской исторической хронике, которая имеет более раннюю датировку по сравнению с *Sir-a tuγuǰi*. Речь идет об «Истории Алтан-хана», оригинальное название *Erdeni tunumal neretü sudur*, букв. ‘Сутра под названием Драгоценная ясность’ (далее — ETS), содержание которой представляет собой описание жизни и деятельности знаменитого Алтан-хана тумэтского (1508–1582)⁴ и его ближайших преемников. Сочинение было составлено в стихотворной форме ок. 1607 г.⁵, вероятно, по поручению

Ноянчу Джунггин-хатун (ок. 1551–1612)⁶ — любимой жены Алтан-хана и фактической правительницы тумэтов после его смерти⁷. Хроника содержит интересные данные по истории и культуре монголов XVI – начала XVII в., подтверждающие и дополняющие сведения китайских и тибетских источников об этом периоде. В частности, в ней имеется уникальный по своей лингвистической ценности отрывок, не имеющий аналогов в других монгольских летописях и документах. Он включен в описание военного похода Алтан-хана против ойратских угэлэтов¹ и багатутов², который имел место

⁶ Ноянчу Джунггин-хатун (*noyanču jüנגgin qatun*) — третья жена Алтан-хагана и одновременно его внучка (дочь дочери). Первоначально она была обещана в жены одному ордосскому князю, по-видимому, сыну Мэргэн-джинонга Нояндаре (ум. в 1572 г.), однако Алтан-хаган отменил свое решение и взял ее себе в жены сам, что произошло предположительно ок. 1567 г. После смерти Алтан-хагана она играла выдающуюся роль в политической жизни тумэтов вплоть до своей смерти в 1612 г., последовательно выйдя замуж за трех прямых потомков Алтан-хагана: его сына Сэнггэ Дугурэнга (ум. в 1585 г.), внука Чурукэ, или Намудая (ум. в 1607 г.), и праправнука Бушугту. В этот период она оказывала решающее влияние на принятие решений в тумэтской политике, активно выступая в поддержку дружественных отношений с Китаем и продолжая деятельность Алтан-хагана по организации переводов буддийских сочинений на монгольский язык. За ее заслуги по поддержанию мира на монголо-китайской границе минское правительство в 1587 г. пожаловало ей почетный титул *чжуншунь фуцзэнь* 忠順夫人 ‘верная и покорная госпожа’. О жизни и деятельности Ноянчу Джунггин-хатун подробнее см. [Serruys 1975; Kollmar-Paulenz 2000; Atwood 2004: 10a–b].

⁷ Об этом может свидетельствовать тот факт, что она является самым упоминаемым персонажем хроники после самого Алтан-хана, тогда как в других монгольских источниках ее имя встречается крайне редко [Kollmar-Paulenz 2000: 192–194]. Ноянчу Джунггин-хатун известна как покровительница литературной деятельности и спонсор нескольких переводов буддийских сочинений с тибетского на монгольский [Владимирцов 1927: 224, 226–227; Serruys 1975: 236], поэтому ее роль заказчика произведения, прославляющего деятельность ее покойного мужа и ее самой, не должна вызывать удивления.

¹ Ср. письм.-ойр. *cigen* ~ *cigē/n* (< *čigehe/n < *čegehe/n) ‘kumiss’ [MOM, III 1984: 637a, b]; калм. *figen* ‘Kumys’ [KWb 1935: 438b], ‘кумыс, айран’ [KPC 1977: 6476], ‘кумыс, айран (из кобыльего, коровьего или верблюжьего молока)’ [MOT 2016: 265a–6]; ойр. М *fige/n* ‘кумыс, айрак’ [OA 1989: 852], ‘кумыс’ [MOT 2016: 83a], ‘a fermented drink made directly from mare’s milk’ [DKE 2013: 42a]; ойр. С *figen* ‘fermented mare’s milk’ [OAÜ 1998: 237], ‘кумыс (из кобыльего или коровьего молока)’ [ЯОС 2001: 438] /i/ в первом слоге в этих идиомах обусловлено палатализующим влиянием предшествующего *č.

² Ср. письм.-монг. *čege* (= *čegē* < *čegehe) ‘кумыс, квашеное молоко (у бурят)’ [Голстунский, III 1895: 262в], *čege/n* ~ *čige/n* ‘mare’s milk, kumiss’ [Lessing 1960: 169a, 179a].

³ Ср. халх. *tsʰege/ŋ* ‘кумыс’ [БАМРС, II 2010: 2056]; орд. *fʰike*: ‘koumys fait avec du lait du jument’ [DO 1968: 702a]; бур. *sege* ‘кумыс (напиток из забродившего кобыльего молока; технология изготовления такая же, как у айрака)’ [БРС, II 2010^ 2056].

⁴ Подробнее об Алтан-хане и его эпохе см. [Kollmar-Paulenz 2001: 50–147; Elverskog 2003: 11–35; Elverskog 2014; Atwood 2004: 9b–10b].

⁵ Хроника не содержит сведений о времени создания и авторе текста, однако по косвенным данным ее составление может быть датировано примерно 1607 г. О датировке памятника подробнее см. [Heissig 1984: 191–192; Kollmar-Paulenz 2000: 191, Anm. 5; Kollmar-Paulenz 2001: 23–26; Elverskog 2003: 44–46].

предположительно в 1558 г.³ Когда войска тумэтов и ойратов сошлись друг с другом и вступили в бой, ойратские прорицатели

(*oyirad-un üjemerčin*) увидели сияние, исходящее из тела Алтан-хана и, уstraшенные этим, сказали друг другу:

- (3) *ayuyduqui metü bolbai ni asuru niytarqan yabunayila : aytan-u tuyuran-ača ni yal sitaqu metü yabuñai la : aru degere ni dayāyātu cölmen dayaju yabuñai la : amidu esen бүкүй-еңе gem ügei qayačalduy-la* [12r6–11]⁴

ayuyduqui metü бояться-NEC подобно	bol-bai становиться-PST.FC	ni 3SG.POSS	asuru очень
niytarqa-n быть.плотным-CVB.MOD	yabu-nayi=la идти-PROG=FOC	aytan-u мерин-GEN	
tuyuran-ača ni копыто-ABL 3SG.POSS	yal sita-qu огонь загораться-PTCP.NPST	metü подобно	
yabu-nai la идти-PROG FOC	aru degere ni зад на 3SG.POSS	dayaya-tu спутник-POSS	čölmen Венера
daya-ju следовать-CVB.IPFV	yabu-nai la идти-PROG FOC	amidu esen живой здоровый	bü-küy-eče COP-PTCP.NPST-ABL
gem ügei вред EX.NEG	qayača-ldu-ya отступать-SOC-NORT	la FOC	

‘Он⁵, вероятно, стал опасным⁶, и [его войско] ведь идет в очень плотном строю⁷’.

¹ Угэлэты (*ögeled*) — первоначально одна из четырех основных этнических групп ойратской конфедерации, довольно рано отколовшаяся от остальной части ойратов и вошедшая в состав кочевых туркменских племен Ирана. Позднее обобщающее название для всей ойратской конфедерации, практически синонимичное с самим названием «ойраты» [Okada 1987: 195, 210–211; ср. также: Atwood 2004: 425b; Lee Joo-Yup 2016: 20, n. 14].

² Багатуты (*bayatud*) — название одного из ойратских племен, по происхождению родственного хойтам, возглавлявшим ойратскую конфедерацию в эпоху Монгольской империи. Позднее багатуты были ассимилированы кукунорскими ойратами и торгутами [Okada 1987: 196; ср. также: Atwood 2004: 420a, 421a; Lee Joo-Yup 2016: 20, n. 14].

³ Точнее говоря, в период между 1558 и 1568 гг., но ближе к первой дате. Точная датировка похода в [ETS] отсутствует. *Erdeni-yin tobči* Саган Сэчэна относит его к 1552 г. [ET 70r17–22], но эта дата, скорее всего, ошибочна. О проблеме датировки ойратского похода Алтан-хана подробнее см.: [Kollmar-Paulenz 2001: 91–93].

⁴ Транскрипция этого отрывка, выполненная автором статьи, основана на недавнем факсимильном издании [ETS], опубликованном Джорунгой [Jorungy-a 2013: 192]. Она несколько отличается от транскрипций К. Коллмар-Пау-

ленц [Kollmar-Paulenz 2001: 165] и Й. Элверскога [Elverskog 2003: 240].

⁵ Алтан-хаган.

⁶ *Ayuyduqui metü*, букв. ‘подобным тому, кого нужно бояться’. *Ayuyduqui* представляет собой несесситатив (в грамматиках неточно называемый императивом 2-го лица мн. ч. [Poppe 1974: § 333] или бенедиктивом [Janhunen 2003: 22–23; Rybatzki 2003a: 73–74]) на *-GdUKU(i)* < *-GdAKU(i)*, исторически футуритивное причастие на *-KU(i)* от пассивной основы на *-GdA-*, от глагола *ayu-* ‘бояться’. Несесситатив в среднемонгольском/доклассическом монгольском языке использовался для выражения необходимости действия или состояния, обозначенного основой глагола (ср. [Poppe 1974: § 607; de Rachewiltz 1982: 21, 58, n. 37; de Rachewiltz, 1 2006: 545]). (Мнение Ф. Рыбацкого о том, что он мог выражать вежливую просьбу [Rybatzki 2003a: 74], не подтверждается анализом языкового материала). Ср. XJ *emiyegegedeküi* ‘(this) should make them fear’ [de Rachewiltz 1982: 42] — несесситатив на *-GdAKU(i)* от *emiyege-*, каузатива на *-GA-* от *emiye-* ‘бояться’. Лабиализованная форма несесситативного маркера *-GdUKU(i)*, развившаяся из *-GdAKU(i)* в результате регрессивной ассимиляции, в других известных нам памятниках не встречается.

⁷ *Niytarqan*. Это модальное деепричастие на *-n* от незасвидетельствованной в словарях

[Он] ведь едет [так], словно бы из-под копыт его мерина летит¹ огонь. А позади него ведь следует Венера² со спутниками. Пока мы живы-здоровы, давайте же отступим без ущерба³.

Речь этих прорицателей и образует отрывок, который мы назовем «ойратским фрагментом». В данном фрагменте неизвестным автором ETS делается сознательная попытка отобразить языковые особенности ойратских диалектов рубежа XVI–XVII вв. За отсутствием более ранних внутренних источников³ о лингвистических различиях монгольских языков, он представляет собой древнейший опыт передачи диалектологических данных в собственно монгольской литературной традиции. Ойратские диалектные признаки ETS ранее не становились предметом специального лингвистического анализа⁴. Разберем эти признаки более подробно.

3.1. Лично-притяжательная частица 3 л. ед. ч. *ni*

- (4) а. *aytan-u tuγuran-ača ni* (aytan-u tuγuran-ača ni мерин-GEN копыто-ABL 3SG.POSS) 'из-под копыт его мерина' [12r7–8]
 б. *aru degere ni* (aru degere ni зад на 3SG.POSS) 'позади него' [12r9]
 в. *ayuγduqui metü bolbai ni* (ayu-γduqui metü bol-bai ni бояться-NEC подобно становиться-PST.FC 3SG.POSS) 'он, вероятно, стал опасным' [12r6]

«Вульгаризованная» форма лично-притяжательной частицы 3 л. ед. ч. *ni* ~ *ni*, встречающаяся в западносреднемонголь-

ских диалектах и в поздних памятниках доклассического письменного-монгольского языка, традиционно считается коллоквиализмом (см., напр. [Бобровников 1849: 78; Poppe 1926: 20, 30; Poppe 1955: 221–223; Поппе 1938: 79–80]). В ETS она встречается только в «ойратском фрагменте» как диалектный маркер. В остальном тексте хроники фигурирует общая для среднемонгольского и письменного монгольского языка доклассического и классического периодов форма этой частицы *inu* [2r1, 2r12 и пр.]. В (4с) *ni* употребляется после финитной формы глагола в качестве модальной частицы, выражающей сомнение или неочевидность, как и в некоторых доклассических монгольских текстах⁵.

В письменном ойратском *ni* используется как сокращенный вариант лично-притяжательной частицы 3 л. ед. и мн. ч. *inu*, всегда пишущийся слитно с предшествующим словом [Rákos 2002: 23–24]. В современном калмыцком языке эта частица имеет форму *=n'* [Бадмаев 1966: 45–48; Санжеев 1983: 115–117; Benzing 1985: 98, 120–121; Сай 2009: 644], в калмыцких говорах — *=(ə)n'* [Кичиков 1963: 44], *=n'* ~ *=ni* или *=n* [Убушаев 2006: 132–134], в ойратских диалектах Монголии и Китая — *=n* ~ *=n'* и *=i* или *=j* (*=n' < ni*) [Тодаева 1960: 33–34; Вандуй 1965: 110; Цо-

глагольной основы **niγtarqa-*, образованной от *niγta* 'часто, близко, плотно, тесно' [Ковалевский, II 1846: 671a], 'thick[ly], dense[ly], compact[ly]' [Lessing 1960: 578b] с помощью суффикса *+rKA-*, который образует глаголы со значением 'проявлять себя так, как обозначено исходной основой; действовать в полном соответствии с тем, что обозначено исходной основой' [Kempf 2013: 176–178; ср. также: Poppe 1974: § 247; Godziński 1985: 100]. Таким образом, **niγtarqa-* должно иметь значение 'быть или становиться частым, близким, плотным, тесным', или, в военном контексте, 'быть в плотном строю'. Его (квази)синонимом, по-видимому, является глагол *niγtara-* 'to thicken, become compact or dense' [Lessing 1960: 579a], образованный от той же именной основы.

¹ *Sitaqu*, букв. 'зажигается'.

² *Čölmen*. Эта отсутствующая в словарях форма, по-видимому, является фонетическим

дублетом письм.-монг. *čolman* ~ *čolmon* 'morning star; Venus' [Lessing 1960: 197a], 'утренняя заря, денница, аврора' [Ковалевский, III 1849: 22066]. Об этом слове, имеющем многочисленные когнаты как в тюркских, так и в монгольских языках, см. [Clauson 1964: 361–362; Ligeti 1966: 153–154; VEWT 1969: 115a–b; EDT 1972: 418b; Nugteren 2011: 307]. В монгольской традиционной астрологии Венера ассоциируется с металлом и считается благоприятствующей военным успехам [Mostaert, Cleaves 1969: 9, 11; Baumann 2005: 589–590].

³ Об этом термине см. [Rákos 2015b: 104].

⁴ Один из этих признаков — частица *la* — ранее был идентифицирован как ойратский Й. Элверскогом [Elverskog 2003: 217], но без каких-либо подробностей.

⁵ Подробнее об этом см.: [Poppe 1924: 675; Poppe 1967: 77, n. 13].

лоо 1965: 75–76; Sečenbayatur et al. 2005: 281, 415; Oyunčečeg 2009: 91; Rákos 2012: 42; Rákos 2015a: 73–74; Цэндээ 2012: 149–151] и употребляется также для 3 л. обоих чисел. Сокращенная форма данной частицы без начального *i также встречается как в письменном монгольском языке¹, так и во всех современных монгольских языках и диалектах, за исключением дагурского; ср. халх. =n [Janhunnen 2012: 138], орд. =n [Sengge, Jin Iüi 2010: 92–93], бур. =n' [Санжеев 1962: 92], хам. =ni [Janhunnen 1990: 65], ш.-юг. =nɣ [Bulučilayū, Jalsan 1992: 180, 182], мнгл. =ni [Čenggeltei 1991: 174], мнгр. =ni [Slater 2003: 175–176], бн. =ни [Chen Naixiong 1987: 124–125], кнцз. =ni [Sečenčoytu 1999: 104–105], дунс. =ni [Böke 1986: 105], мог. =ni [Böke 1996: 118–119, 121]².

3.2. Прогрессив/дуратив на -nA(y)i

- (5) а. *yabuṇai* (yabu-naï идти-PROG) ‘идет, едет’ [12r8, 10]
 б. *yabunayila* (yabu-nayi=la идти-PROG=FOC) ‘идет ведь’ [12r7]

Суффикс прогрессива³ или дуратива⁴ *-nA(y)i > -n(A) по происхождению, вероятно, представляет собой сочетание модального («слитного») деепричастия на *-n с формой обобщенной предикации (по Б. Бросигу [Brosig 2014: 54–55, 59–62, 68]), или дедуктивного настоящего (по Н. Н. Поппе [Poppe 1974: § 349]), на *-(y) i вспомогательного глагола *а- ‘быть’⁵. Он не встречается в среднемонгольском и письменном монгольском⁶, а в современ-

ных монгольских языках его рефлексам являются халх. -n(A) [Janhunnen 2012: 157], орд. -n(A:) [Sengge, Jin Iüi 2010: 169, 171], хорч. -n(A) [Bayančoytu 2002: 284, 290], бур. -nə [Санжеев 1962: 263–264], калм. и ойр. -n(a)/-n(ε) (см. ниже), даг. (маргинально) -n [Engkebatu 1988: 302–304]⁷, ш.-юг. -ni: ~ -nAi [Bulučilayū, Jalsan 1992: 249, 253], мнгр. -ni [Slater 2003: 120], бн. -na ~ -ни [Chen Naixiong 1987: 191–194], кнцз. -na ~ -ni ~ -ne ~ -n/-η [Sečenčoytu 1999: 143–145], дунс. -ne [Böke 1986: 157], мог. -na ~ -ne [Böke 1996: 182–187]. Кроме того, некоторые монгольские языки употребляют другой маркер прогрессива/дуратива *-nAm⁸ (среднемонгольский, доклассический монгольский⁹, письменный монгольский, хам-

ния суффикса -nA(y)i в доклассическом монгольском [Weiers 1969: 138], на самом деле должна читаться *duradtai j-e* [Ligeti 1972: 103; см. также: Cleaves 1985: 253, n. 82] и интерпретироваться как обобщенная предикация на -(y)i от пассивной основы на -tA глагола *durad-* ‘вспоминать’, т. е. как *durad-ta-i j-e* (вспоминать-PASS-GN IP) ‘следует вспоминать’. Составной суффикс -dAi/-tAi (< -dA/-tA PASS + -(y)i GN) в сочетании с иллокутивной частью *j-e* в доклассическом монгольском выражал необходимость или уместность совершения действия [de Rachewiltz 1982: 21]. В классическом письменном монгольском суффикс -nAi употребляется только «в популярной литературе, вместо суффикса -nam/-nem (in popular books, instead of the suffix -nam/-nem)» [Poppe 1974: § 348].

⁷ Также вполне возможно, что маргинальная дагурская форма непрошедшего времени на -n восходит не к прогрессиву/дуративу на *-nA(y) i, а к нарративу на *-m/U(i) [Tsumagari 2003: 147; Rybatzki 2003b: 381].

⁸ Этимологически сочетание модального деепричастия на *-n с формой нарратива (прогрессива-хабитуалиса) на *-m/U(i) вспомогательного глагола *а- ‘быть’.

⁹ Только в некоторых рукописных фрагментах XVI в. из Олон Сумэ [Weiers 1969: 138–139].

^{62a} Ср. зап. ср.-монг. -nAm [Поппе 1938: 83–84], вост. ср.-монг. (маргинально) -nAm [Apatóczy 2009: 12, 202], доклас. монг. (маргинально) -nAm [Weiers 1969: 138–139], письм.-монг. -nAm [Poppe 1974: § 347], хам. -nAn [Janhunnen 1990: 72], олёт. -nAm [Sečen 1998: 444–445; Sečenbayatur et al. 2005: 420], ш.-юг. -nAn ~ -nAm [Bulučilayū & Jalsan 1992: 249, 254], мог. -nam ~ -nan [Böke 1996: 182–183].

^{62b} Ср. ср.-монг. -mU ~ -mUi ~ -m [Rybatz-

¹ Ср. письм.-монг. *ni* “разговорная частица вместо *ani* или *inu*” [Ковалевский, II 1847: 645b], “сокращение частицы *ani*, *inu*” [Голстунский, II 1894: 21b], “used for *ani*, *inu*” [Lessing 1960: 577a].

² О различных формах этой частицы в монгольских языках см. также [Delige’erma, Bo Suode 2006: 216; Manliyong 2012: 164–166].

³ В терминологии Б. Бросига [Brosig 2014: 21–23, 54].

⁴ В терминологии Ю. Янхунена [Janhunnen 2003: 23–25].

⁵ Об этимологии монгольского прогрессива/дуратива см. [Janhunnen 2003: 24–25]. Менее убедительная этимология предложена в работе [Poppe 1955: 262–263].

⁶ Форма ***duradunai j-e* в монгольском переводе *Сяо цзин* [XJ XVIII 37b4], которую М. Вайерс считал единственным примером употребле-

ниганский, олётский и некоторые другие диалекты ойратов Синьцзяна, могольский, шира-югурский)^{62a}, а в каких-то из них сохраняется исконный нарратив, иначе прогрессив-хабитуалис, на *-m/U(i) (средне-монгольский/доклассический монгольский, письменный монгольский, могольский, монгульский, баоаньский, дунсянский, канцзя)^{62b}. Согласно Ф. Рыбацкому, дуратив представляет собой инновацию, заменившую более исконный нарратив на *-m/U в качестве базовой индикативной формы настоящего времени [Rybatzki 2003b: 381]¹.

В ETS прогрессив/дуратив на *-nA(y)i* употребляется только в «ойратском фрагменте» и, таким образом, выступает одним из грамматических признаков ойратского диалекта. В остальном тексте формы прогрессива/дуратива не встречаются в принципе, вместо них употребляется нарратив (прогрессив-хабитуалис) на *-mU(i)*; ср., например, *jalamui* (jala-mui приглашать-NAR) ‘[я] приглашаю’ [21v13, 18], *mürgümü* (mürgü-mü поклоняться-NAR) ‘[я] поклоняюсь’ [53r13, 18, 24]².

ki 2003a: 75–76], доклас. монг. *-mU* ~ *-mUi* ~ *-m* [Weiers 1969: 133–137], письм.-монг. *-mUi* [Poppe 1974: § 345], мнгл. *-m* [Čenggeltai 1991: 224–225], бн. *-m* [Chen 1987: 191–194], кнцз. *-m* [Sečenčoytu 1999: 143–144], дунс. *-mu* [Böke 1986: 157–158], мог. *-m* [Böke 1996: 187–190].

¹ О дистрибуции нарратива и прогрессива/дуратива в монгольских языках см.: [Wu Chalu 1996: 57–65; Rybatzki 2003b: 381; Qasgerel 2014: 176–192]. См. также: [Delige’erma, Bo Suode 2006: 243–244; Manliyang 2012: 242–246].

² Интересно отметить, что прогрессив / дуратив на **-nA(y)i* как одна из специфически ойратских черт также засвидетельствован в калмыцком глоссарии Н. Витсена; ср. **idenei* <Idenei> (ide-nei eat-PROG) ‘they eat’, **inēnei* <Ineney> (inē-nei laugh-PROG) ‘they laugh’, **ūlanai* <Ulanay> (ūla-nai cry-PROG) ‘his crying’, **bosunai* <Boṣunay> (bos-u-nai get.up-E-PROG) ‘to get up’ [Badagarov 2018: 498, no. 298, 301; 499, no. 302, 310], и пр. Там попадает и редуцированная форма суффикса прогрессива/дуратива без конечного **i*: **ölösne* <Jelerma> (ошиб. вм. **<Jelesna>*) (ölös-ne feel.hungry-PROG) ‘hungry’, **medene* <medene> (mede-ne know-PROG) ‘prudence’ [Badagarov 2018: 513, no. 482; 514, no. 495], и пр. В монгольском глоссарии Витсена, как и в основном тексте ETS, вместо про-

В письменном ойратском суффикс *-nAi* (> *-nā/-nē*) образует разговорную форму настоящего-будущего времени и встречается в основном в поздних нарративных текстах [Бобровников 1849: 134, 343–345; Яхонтова 1996: 85; Rákos 2002: 33]. В современном калмыцком языке его когнатом является суффикс *-nA*³, который выражает граммемы зоны настоящего, а в определенных контекстах — будущего или даже прошедшего времени [Санжеев 1983: 206–211; Ebert 1999: 326–327; Bläsing 2003: 244; Сай 2009: 673–674]. В калмыцких говорах употребляются суффиксы *-nA* (торгутский, бузавский) или только *-nē* (дербетский) [Котвич 1929: 242–243; Benzing 1985: 86, 127–128], в ойратских диалектах Монголии и Китая — суффикс *-n(A)* [Kara 1958: 117; Тодаева 1960: 38; Вандуй 1965: 123; Цоллоо 1965: 77; Birtalan 2003: 221–222; Sečenbayatur et al. 2005: 285–286, 420; Oyunchēceg 2009: 161–162; Rákos 2012: 45–46; Rákos 2015a: 84–85; Цэндээ 2012: 173], с помощью которых выражаются значения настоящего или будущего времени.

грессива/дуратива употребляется только нарратив на **-m/U(i)*; ср. **deldmü* <Daltmou> ‘I will beat’ = письм.-монг. *deleddümü* (deled-d-ü-mü beat-E-E-NAR) ‘id.’, **ilmü* <Ailmou> ‘I will send’ = доклас. монг. *ilemü* (ile-mü send-NAR) ‘id.’, **idmü* <Aidniou> (ошиб. вм. **<Aidmou>*) ‘I will eat’ = письм.-монг. *idemü* (ide-mü eat-NAR) ‘id.’ [Badagarov, Natsagdorj, Janhunnen 2018: 428, no. 4–6]. В калмыцком глоссарии нарратив не встречается ни разу. В «дагурском» глоссарии Н. Витсена из форм непрошедшего времени тоже употребляется только прогрессив/дуратив на *-nA(i)*; ср. **karānai* <karānay> (karā-nai curse-PROG) ‘(you) curse’, **tölōnei* <tolonay> (tölō-nei pay-PROG) ‘(you) pay’, **erene* <erene> (ere-ne demand-PROG) ‘you demand’ [Hajnal 1994: 303, no. 217; 305, no. 241, 245], и пр. Прогрессив/дуратив в форме *-nA(i)* является единственной финитной индикативной формой непрошедшего времени и в калмыцком глоссарии Ф. Ю. Т. фон Страленберга (ср. [Krueger 1975: 29]).

³ В калмыцком языке начала XX в., согласно описанию Г. Й. Рамстедта, существовало две формы прогрессива/дуратива, независимые от сингармонического типа словоформы: *-nē*, обе из которых восходят к **-nA(y)i* [KWb 1935: XVIII § 26–11]. Современный калмыцкий язык утратил форму на *-n*, а у показателя *-nē* появился сингармонический вариант *-na*.

3.3. Фокусная частица *la ~ =la*

- (6) а. *qaγačalduy-a la* (*qaγača-ldu-ya la* отступать-SOC-NORT FOC) 'давайте же отступим' [12r11]
 б. *yabuṇai la* (*yabu-nai* идти-PROG FOC) 'ведь идет, едет' [12r8–9, 10]
 с. *yabunayila* (*yabu-nayi=la* идти-PROG=FOC) 'идет ведь' [12r7]

Эмфатическая частица/клитика *la ~ =la* является когнатом восточносреднемонгольской частицы *ele* (с вариантами *ql̥e*, *ql̥-e*, в квадратной письменности *ēle ~ ala*), которая в большинстве контекстов маркирует контрастивный или рестриктивный фокус (аргументный, предикатный или сентенциальный) [Street 1986]. Рефлексы этой частицы в современных монгольских языках и диалектах, возникшие в результате нерегулярной афрезы начального **e*, также функционируют преимущественно в качестве фокусных маркеров; ср. халх. *=l̥* [Janhunen 2012: 87, 218–219], орд. *=le: ~ =la: > =l̥* [Sečen, Bayatur, Sengge 2002: 245; Sengge, Jin Iui 2010: 237], хорч. *=l* [Bayančoytu 2002: 401–402], бур. *l̥ > =l̥* [Санжеев 1962: 318–319; Yamakoshi 2011: 171], хам. *=l* [Yu Wonsoo 2011: 84], калм. и ойр. *=l ~ =LA: ~ =l̥* (см. ниже), даг. *=l* [Engkebatu 1988: 444], ш.-юг. *=la ~ =le* [Bulučilayū, Jalsan 1992: 305–306], мнгл. *=lai* [Čenggeltei 1991: 296], бн. *=la* [Chen Naixiong 1987: 296], кнцз. *=la* [Sečenčoytu 1999: 218–219], дунс. *=la* [Böke 1986: 200].

В ETS частица *la ~ =la* засвидетельствована только в «ойратском фрагменте»; в остальном тексте употребляется исходная среднемонгольская/доклассическая монгольская форма этой частицы *ele* [17v2, 35r4, 50v15] *~ el-e* [17r25], чаще всего в конструкции с условным деепричастием *-bAsU ele/el-e*, вводящей рестриктивные условные клаузы¹. Данная клитика встречается в письменном ойратском именно в форме *la* [MOM, III 1984: 582a]² и описывается А. А. Бобровниковым как «частица подтверждения» [Бобровников 1849: 179]. В современном калмыцком языке она развилась в эмфатиче-

скую частицу *=l*, сферой действия которой в предложении может быть практически любая составляющая [Бадмаев 1966: 105; Санжеев 1983: 287–288; Benzing 1985: 74, 113; Сай 2009: 706]. В ойратских диалектах Монголии и Китая эта частица имеет форму *=LA: ~ =l ~ =l̥* [ОАҮ 1998: 139; Birtalan 2003: 226; Ойунсэеҗег 2009: 216–217; Цэндээ 2012: 187–188].

4. Заключение

Обобщая сказанное, можно утверждать, что свидетельства Рашид ад-Дина и автора *Sir-a tuγijī* о ранних лексических отличиях ойратских диалектов находятся между фактом и фантазией. Факт в том, что такие отличия, безусловно, должны были существовать, причем некоторые из них еще в начале XIV в., иначе бы источники о них просто не упоминали. Однако конкретные примеры этих отличий являются более воображаемыми, нежели реальными, а их описания скорее должны оцениваться с позиций народной лингвистики, точнее, такой ее отрасли, как перцептивная диалектология³. Авторы обоих источников, скорее всего, слышали о таких отличиях, но вряд ли имели о них точное представление и в своей характеристике ойратских диалектов, по-видимому, опирались на недостоверные устные сообщения — молву и слухи. Устные источники полученной ими информации, скорее всего, происходили не из среды самих ойратов и по большому счету оперировали не объективными знаниями о том, какими были ойратские диалекты соответствующих эпох, а субъективными представлениями о том, какими они должны были быть по мнению этих внешних информантов. При этом следует отметить, что само упоминание о лингвистической специфике ойратских диалектов несомненно свидетельствует о некоторых очень ранних тенденциях к дифференциации центральномонгольских языков, начавших проявляться еще в среднемонгольский период и усилившихся к середине XVII в.

«Ойратский фрагмент» ETS, напротив, стоит гораздо ближе к факту, чем к фантазии. Во-первых, его особая ценность заклю-

¹ Об этой конструкции в среднемонгольских и доклассических монгольских памятниках см. [Street 1986: 222–229].

² Ср. *la* 'in the colloquial language means the same as *bui*: it is' в калмыцком словаре Корнелиуса Рамна [Svantesson 2012: 104a].

³ Обзор современной проблематики и методологии перцептивной диалектологии см. в справочных пособиях, изданных под редакцией Д. Р. Престона [Preston 1999; Long, Preston 2002]. См. также: [Montgomeri, Beal 2011; Preston 2018].

чается в том, что он содержит не лексические, а морфонологические (инновативная разговорная форма клитик $ni \sim \dot{n}i < *inu$ и $la \sim =la < *ele$) и морфосинтаксические (прогрессив/дуратив на $-nA(y)i$) признаки, в период составления хроники воспринимавшиеся как специфически ойратские. Во-вторых, данные признаки более похожи на подлинно ойратские, по крайней мере для начала XVII в., хотя их современная дистрибуция является более широкой и лингвистически неспецифичной. Это особенно касается суффикса прогрессива/дуратива $-nA(y)i$, форма которого с конечным /i/ из всех монгольских языков встречается только в письменном ойратском¹, а также в ойратских материалах западноевропейских авторов XVII–XVIII вв. Редуцированная форма фокусной частицы $la \sim =la$ встречается практически во всех современных монгольских языках, но из исторических идиомов, хронологически наиболее близких к дате составления ETS, она фигурирует тоже только в письменном ойратском². Наименее специфичным является разговорный вариант клитики $ni \sim \dot{n}i$, который засвидетель-

ствован не только в большинстве современных монгольских языков, но и в среднемонгольском/доклассическом монгольском, в том числе в рукописях конца XVI – начала XVII в.³ Строго говоря, его и можно было бы интерпретировать не как ойратский, а как в широком смысле разговорный признак в языке памятника, если бы не тот факт, что его употребление ограничено исключительно «ойратским фрагментом». Такая узость дистрибуции этого варианта (3 употребления, все в составе «ойратского фрагмента», при более чем 100 употреблениях стандартной письменной формы этой частицы inu в тексте хроники) свидетельствует о том, что и он воспринимался как специфически ойратский составителем ETS. Все эти факты указывают на то, что источник сведений последнего по ойратским диалектам либо сам был ойратом, либо, по крайней мере, был хорошо знаком с языком ойратов той эпохи. Это делает хронику исключительно ценным источником по исторической диалектологии монгольских языков, значение которого сложно переоценить.

Список сокращений

Глоссы			
3	3 лицо	GEN	Генитив
ABL	Аблатив	GN	Обобщенная предикация
COP	Связка (копула)	HORT	Гортатив
CVB	Деепричастие	IP	Иллокутивная частица
E	Эпентетический сегмент	IPFV	Имперфективный
EX	Экзистенциальный	MOD	Модальный
FC	Фактуальный	NAR	Нарратив
FOC	Фокусная частица	NEC	Несесситатив
		NEG	Отрицание

¹ Суффикс $-nAi$ как один из показателей не-прошедшего времени представлен также в шира-югурском языке, который, конечно, в данном случае совершенно не релевантен.

² Она не засвидетельствована в среднемонгольском/доклассическом монгольском и отсутствует в наиболее надежных источниках по лексике письменного монгольского языка классического периода, представленных словарями О. М. Ковалевского [Ковалевский 1844–1849] и К. Ф. Голстунского [Голстунский 1893–1895]. $la \sim le$ ‘intensifying particle’ в словаре Ф. Д. Лессинга [Lessing 1960: 513a] может быть поздним разговорным или диалектным вариантом, учитывая хронологически и лингвистически неоднородный характер источниковой базы этого словаря.

³ Самые ранние примеры употребления лично-притяжательной частицы 3 л. ед. ч. в форме ni засвидетельствованы в монгольской части четырехязычного словаря *Мукаддимат ал-Адаб*, добавленной предположительно в XIV в. [Поппе 1938: 79–80]. Ni встречается также в монгольском тексте Тырской стелы 1413 г. [Тыр 6], рукописных фрагментах монгольского перевода *Bodhicaryāvatāra* из Олон Сумэ (XVI в.) [Hessig 1976: IV/63–64a2] и монгольских переводах *Lalitavistara* [Bud 6a, 17b, 29a; и пр.] и *Maudgalyāyanamatihṛdaya-sūtra* [Mol: III 3a], относящихся к XIV в., но сохранившихся только в поздних списках конца XVI–XVII вв. (о датировке этих списков см. [Владимирцов 1918: 1550–1551; Poppe 1967: 19; Lőrincz, 1 1982: 6–8]).

иг	Именная группа	доклас.	доклассический монгольский
NPST	Непрошедшее (настоящее-будущее) время	монг.	
PASS	Пассив	др.-тюрк.	древнетюркский
POSS	Посессив	дунс.	дунсянский
PROG	Прогрессив	зап. ср.-монг.	западносреднемонгольский
PST	Прошедшее время	калм.	калмыцкий
PTCP	Причастие	кид.	киданьский
SG	Единственное число	кнцз.	канцзя
SOC	Социатив	мнгл.	монгульский
Символы			
<	Восходит к	мнгр.	мангуэр
>	Развился в	мог.	могольский
*	Реконструкция	монг.	монгольский
**	Ошибочное чтение	ойр.	ойратский
Языки и диалекты			
бн.	баоаньский	ойр. М	ойратские диалекты Монголии
бур.	бурятский	ойр. С	синьцзянский ойратский
бур. М	бурятские диалекты Монголии	орд.	ордосский
бур. Тунк.	тункинский бурятский	письм.-монг.	письменный монгольский
вост. ср.-монг.	восточносреднемонгольский	письм.-ойр.	письменный ойратский
даг.	дагурский	ПМ	протомонгольский
даг. Б	бутхаский дагурский	ср.-монг.	среднемонгольский
даг. Т	тачэнский дагурский	халх.	халхаский
		хам.	хамниганский
		хорч.	хорчинский
		ш.-юг.	шира-югурский

Источники

- Bud — Монгольская версия «Двенадцати деяний Будды» (1320-е гг.) [Poppe 1967].
- DLT — *Dīwān lughāt at-turk* 'Свод тюркских слов' Махмуда Кашгарского (закончен в 1077 г.) [Maḥmūd al-Kāšgarī 1982–1985].
- DY — Китайско-монгольский словарь *Дада юй* 韃靼語/Бэйлу юй 北虜譯語 (между 1567 и 1603 гг.). Реконструкция автора.
- DGZ — Китайско-монгольский словарь *Дада гуань цзацзы* 韃靼館雜字 (кон. XV в.?) [Songqor 2017: 1–104, 343–401].
- ET — Монгольская хроника *Erdeni-yin tobči* 'Драгоценное сокращение' Саган Сэчэна (1662 г.) [Haenisch 1955; Sayang Secen 1990; Sayang Secen 1991].
- ETS — Монгольская хроника *Erdeni tunumal neretü sudur* 'Сутра под названием Драгоценная ясность' (ок. 1607 г.) [Kollmar-Paulenz 2001; Elverskog 2003].
- HY — Китайско-монгольский словарь *Хуаи юй* 華夷譯語 (1389 г.) [Mostaert 1977; Mostaert, de Rachewiltz 1995; Kuribayashi 2003].
- JT — *Джэми* 'ат-Тавāрийх' 'Сборник летописей' Рашид ад-Дина (закончен между 1306 и 1311 гг.) [Рашид ад-Дин 1968].
- LS — *Ляо ши* 遼史 'История Ляо', китайская династийная история, составленная в 1344 г. коллективом авторов под руководством Токто'а 脫脫, издание Чжунхуа шуцзюй 中華書局 1974 г.
- Mol — Монгольская версия «Истории о Молон-тойне» (XIV–XVI вв.) [Lőrincz 1982].
- OS — Монгольский перевод *Бодхичарьяватары* из Олон Сумэ (XVI в.) [Heissig 1976: 13–64].
- SHM — *Тайная история монголов* (сер. XIII в.) [Kuribayashi, Choijinjab 2001; Kuribayashi 2009].
- ŠT — Монгольская хроника *Sir-a tuγiγi* 'Желтая история' (между 1651 и 1662 гг.) [Цендина 2017].
- Туг — Монгольская надпись на Тырской стеле (1413 г.) [Головачев и др. 2011: 107–155; Rykin 2013; Rykin 2016; Rykin 2019].
- XJ — Доклассическая монгольская версия *Сяо цзин* 孝經 'Канона сыновней почтительности' (кон. XIII – нач. XIV в.) [de Rachewiltz 1982; Kuribayashi 2014].
- YSZY — *Иньшань чжэньяо* 飲膳正要 'Важнейшие принципы пищи и напитков', юаньская поваренная книга Ху Сыхуэя 忽思慧 (закончена в 1330 г.) [Lao Yan-shuan 1969; Buell, Anderson 2010].

ҮҮ — Китайско-монгольский словарь *Июй* 譯語 из сочинения Ван Минхэ 王鳴鶴 *Дэнтань*

бицзю 登壇必究 (1598 г.) [Apatóczy 2009; Bürgüd 2017].

Словари

- БАМРС 2001–2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 тт. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.
- БАТ 2010 (2011) — *Гантогтох Г.* Буриад аялгууны толь (= Словарь бурятского диалекта). Улаанбаатар: Бэмби-сан, 2010 (2011). 720 с.
- БРС 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи (= Бурятско-русский словарь). В 2 тт. Т. 1. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 635 с. Т. 2. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 707 с.
- Голстунский 1893–1895 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. В 3 тт. Т. 1. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893. 268 с. Т. 2. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с. Т. 3. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1895. 491 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Ковалевский 1844–1849 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 1–3. Казань: Унив. тип., 1844–1849. 2690 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- МОТ 2016 — *Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц.* Монгол ойрад ба халимагийн уламжлалт ахуйн тайлбар толь (= Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков). Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. 336 с.
- МЮЦ 1990 — *Чжаонасыту* 照那斯图, *Чэнь Найсюн* 陈乃雄, *У Цзюньфэн* 吴俊峰, *Ли Кэюй* 李克郁. Мэнгу юйцзу юйянь цыдянь 蒙古语族语言词典 (= Словарь монгольских языков) / отв. ред. Сунь Чжу Сунь. Синин 西宁: Цинхай жэньмин чубаньшэ 青海人民出版社, 1990. 844 с.
- ОА 1989 — *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг (= Диалектологический словарь монгольского языка в МНР). Т. 2: Ойрд аялгуу (= Ойратское наречие). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 944 с.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 495 с.
- DKE 2013 — *Tsendee Y.* Durvud-Khalkh-English Dictionary. Ulaanbaatar: Mongol Business Institute, 2013. 111 p.
- DO 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. 2nd ed. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 951 p.
- EDT 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. 989 p.
- HAU 2021 — *Wilkens J.* Handwörterbuch des Altuigurischen: Altuigurisch — Deutsch — Turkish (= Eski Uyğurcanın El Sözlüğü: Eski Uyğurca — Almanca — Türkçe). Göttingen: Universitätsverlag, 2021. 929 s.
- KWb 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p.
- Lessing 1960 — *Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S., Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary / ed. by F. D. Lessing. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
- MOM 1978–1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 1–3. Bloomington: The Mongolia Society — Indiana University, 1978–1984. 816 p.
- ОАÜ 1998 — *Čoyijungjab, Gereltü N.* Oyirad ayalyun-u üges = Вэйлатэ фанъянь цыхуй 卫拉特方言词汇 (= Лексика ойратского диалекта). Kökeqota: Öbör Mongγol-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 1998. 290 с.
- TMEN 1963–1975 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1–4. Wiesbaden: Steiner, 1963–75. 557, 671, 670, 640 s.
- VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.

Dictionaries

- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. XLVIII, 989 p. (In Turk. and Eng.)
- Čoyijungjab, Gereltü N. Dictionary of Oirat Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia University, 1998. 2, 4, 6, 6, 290 p. (In Russ.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Vols. 1–4. Wiesbaden: Steiner, 1963–75. XLVIII, 557, 671, 670, 640 p. (In Pers. and Germ.)
- Gantogtokh G. A Dictionary of Buryat. Ulaanbaatar: Bembi-San, 2010 (2011), 720 p. (In Bur.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vols. 1–3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893–1895. IV, 268, 423, 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Haltot M., Hangin J. G., Kassatkin S., Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. F. D. Lessing (ed.). Berkeley — Los Angeles: University of California Press, 1960. XV, 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Kowalewski O. Dictionnaire mongol-russe-français. Vols. 1–3. Kazan: Imperial Kazan University, 1844–1849. XIII, 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Parts 1–3. Ser. 'Publications of the Mongolia Society'. Bloomington, IN: The Mongolia Society — Indiana University, 1978–84. 2, 6, 816 p. (In Oir. and Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire ordos. 2nd ed. New York — London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XX, 951 p. (In Mong. and Fr.)
- Muniev B. D. Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkii Yazyk, 1977. 768 p. (In kalm. and Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII, 676 p. (In Turk.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vols. 1–4. Moscow: Academia, 2001–2002. XXXII, 486, 507, 438, 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Ser. 'Lexica Societatis Fenno-Ugricae', vol. 3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. XVI, 533 p. (In Turk. and Germ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Turk.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vols. 1–2. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 635, 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. G. Pyurbееv (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 495 p. (In Kalm., Oir. and Russ.)
- Tsendee Y. Durvud-Khalkh-English Dictionary. Ulaanbaatar: Mongol Business Institute, 2013. V, 111 p. (In Oir., Mong. and Eng.)
- Tsendee Yu., Pyurbееv G. Ts. Traditional Household Life of Oirats (Mongolia) and Kalmyks (Russia): An Explanatory Dictionary. Ulaanbaatar: Ganprint, 2016. 336 p. (In Mong.)
- Tsoloo Zh. A Dictionary of Mongolian Dialects in the Mongolian People's Republic. Vol. 2: Oirat Dialect. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn gazar, 1989. XVI, 944 p. (In Mong. and Oir.)
- Wilkens J. Handwörterbuch des Altuigurischen: Altuigurisch — Deutsch — Turkish = Eski Uyğurcanın El Sözlüğü: Eski Uyğurca — Almanca — Türkçe. Göttingen: Universitätsverlag, 2021. IX, [1], 929 p. (In Uig., Germ. and Turk.)
- Zhào N. et al. A Dictionary of Mongolic Languages. Sūn Zhū (ed.). Xining: Qīnghǎi rénmin chūbǎn shè, 1990. 2, 844 p. (In Mong. and Chin.)

Литература

- Бадагаров 2017 — *Бадагаров Ж. Б.* Первый ойратоязычный памятник на тибетской письменности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 33. Вып. 5. С. 211–223.
- Бадмаев 1966 — *Бадмаев Б. Б.* Грамматика калмыцкого языка: Морфология / отв. ред. Б. К. Пашков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 115 с.
- Бобровников 1849 — *Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. XI, 403 с.
- Вандуй 1965 — *Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу (= Дербетский говор) / ред. А. Лувсандэндэв. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэх үйлдвэр, 1965. 176 с.
- Владимирцов 1918 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от проф. А. Д. Руднева // Известия Российской Академии Наук. Новая серия. 1918. С. 1549–1568.

- Владимирцов 1927 — *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи: Статья вторая // Известия АН СССР. Сер. 6. 1927. № 3/4. С. 215–240.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л.: Изд. ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929. XII, 437 с.
- Головачев и др. 2011 — *Головачев В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О.* Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011. 320 с.
- Горохова 1986 — Монгольские источники о Да-ян-хане / введ., вступ. ст., коммент. Г. С. Гороховой. М.: Наука, 1986. 136 с.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. II, 74 с.
- Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
- Котвич 1929 — *Котвич Вл. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Изд. Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Чехословацкой Республике, 1929. XI, [1], 418 с.
- Манастер Рамер, Бондарь 2018 — *Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д.* Об авторстве “*Harmonia linguarum*”, опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 395–427.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. VIII, 287 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Рассадин 2007 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 166 с.
- Рассадин 2019 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- Рашид-ад-дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А. А. Семёнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
- Рашид ад-Дйн 1968 — *Фазлаллах Рашид ад-Дйн.* Джāми’ ат-тавāрийх. Т. 1, ч. 1 / критич. текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-заде. 2-е изд., стереотип. М.: Наука, 1968. 588 с.
- Сай 2009 — *Сай С. С.* Грамматический очерк калмыцкого языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2009. Т. 5. Ч. 2. С. 622–709.
- Санжеев 1930 — *Санжеев Г. Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 601–626; № 9. С. 673–708.
- Санжеев 1962 — Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- Санжеев 1983 — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Сусеева 2011 — *Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 199 с.
- Тодаева 1960 — *Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Вост. лит., 1960. 138 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.
- Цендина 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 406 с.
- Цолоо 1965 — *Цолоо Ж.* Захчины аман аялгуу [= Захчинский диалект] / эрхэлсэн С. Лувсанвандан. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1965. 216 с.
- Цэндээ 2012 — *Цэндээ Ю.* Ойрад аялгууны хэлзүй (Авиа зүй, үг зүй, өгүүлбэр зүй) [= Грамматика ойратского диалекта (Фонетика, морфология, синтаксис)] / хянан тохиолдуулсан Ц. Өнөрбаян. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 263 с.
- Шастина 1957 — Шара туджи: Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 200 с.

- Щербак 1966 — *Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак 1997 — *Щербак А. М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
- Щербак 2005 — *Щербак А. М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 196 с.
- Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Apatóczy 2009 — *Apatóczy Á. B.* Yiyu 譯語 (Beilu yiyu 北虜譯語): An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-century Sino-Mongolian Glossary. Folkestone: Global Oriental, 2009. xviii, 258 p.
- Atwood 2004 — *Atwood C. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. x, 678 p.
- Badagarov 2018 — *Badagarov J.* Witsen's Kalmyk glossary // The fascination with Inner Asian languages in the 17th century: The Amsterdam mayor Nicolaas Witsen and his collection of 'Tartarian' vocabularies and scripts / ed. by B. Naarden, T. van Brederode, T. de Graaf, et al. Amsterdam: Pegasus, 2018. Pp. 461–538.
- Badagarov, Natsagdorj, Janhunen 2018 — *Badagarov J., Natsagdorj Ts., Janhunen J.* Mongolic Material // The fascination with Inner Asian languages in the 17th century: The Amsterdam mayor Nicolaas Witsen and his collection of 'Tartarian' vocabularies and scripts / ed. by B. Naarden, T. van Brederode, T. de Graaf, et al. Amsterdam: Pegasus, 2018. Pp. 425–460.
- Baumann 2005 — *Baumann B. G.* Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's *Manual of Mongolian Astrology and Divination*. PhD Thesis. Bloomington: Indiana University, 2005. xviii, 2225 p.
- Bayančoytu 2002 — *Bayančoytu.* Qorčin aman ayalyun-u sudulul = Ke'erqin tuyu yanjiu 科尔沁土语研究 [= Исследование хорчинского говора]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 2002. 2, 28, 626 p.
- Benzing 1985 — *Benzing J.* Kalmückische Grammatik zum Nachschlagen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. XII, 196 s.
- Bergmann 1804–1805 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. T. 1–4. Riga: Hartmann, 1804–1805. 351, 352, 302, 355 s.
- Birtalan 2003 — *Birtalan Á.* Oirat // The Mongolic Languages / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 210–228.
- Bläsing 2003 — *Bläsing U.* Kalmuck // The Mongolic Languages / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247.
- Böke 1986 — *Böke.* Dūngsiyang kele ba Mongγol kele = Dongxiangyu he Mengguyu 东乡语和蒙古语 [= Дунсянский язык и монгольский язык] Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 2, 4, 265 p.
- Böke 1996 — *Böke.* Moγol kelen-ü sudulul = Moγeleyu yanjiu 莫戈勒语研究 [= Исследование монгольского языка]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 1996. 2, 8, 4, 410 p.
- Brosig 2014 — *Brosig B.* Aspect, evidentiality and tense in Mongolian: From Middle Mongol to Khalkha and Khorchin. Stockholm: Department of linguistics, Stockholm University, 2014. xx, 269 p.
- Buell, Anderson 2010 — *Buell P. D., Anderson E. N.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui's *Yinshan Zhengyao*: Introduction, Translation, Commentary, and Chinese Text. 2nd ed., rev. and expanded. Leiden; Boston: Brill, 2010. xv, [3], 661 p.
- Bulučilayū, Ĵalsan 1992 — *Bulučilayū, Ĵalsan.* Ĵegün yuyur kele ba Mongγol kele = Dongbu Yuguyu he Mengguyu 东部裕固语和蒙古语 (= Шира-югурский язык и монгольский язык). Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1992. 2, 8, 14, 390 p.
- Bürgüd 2017 — *Bürgüd K. D.* A Study of a Sino-Mongol Glossary Known as the Bei-lu Yiyu 北虜譯語. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2017. 225 p.
- Čenggeltei 1991 — *Čenggeltei.* Mongγor kele ba Mongγol kele = Tuzuyu he Mengguyu 土族语和蒙古语 [= Монгорский язык и монгольский язык]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1991. 2, 28, 396 p.
- Čenggeltei, Wu Yingzhe, Jiruhe 2017 — [*Čenggeltei*] *Qingge'ertai* 清格尔泰, *Wu Yingzhe* 吴英喆, *Jiruhe* 吉如何. Qidan xiaozi zai yanjiu 契丹小字再研究 [= Дополнительные исследования малого киданьского письма] Vol. 1–3. Huhehaote 呼和浩特: Nei Menggu daxue chubanshe 内蒙古大学出版社, 2017. [4], 8, 9, [3], 864, 2336, [1], 19 p.
- Cerensodnom, Taube 1993 — *Cerensodnom D., Taube M.* Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 230 s.
- Chen Naixiong 1987 — *Chen Naixiong* 陈乃雄. Boo an kele ba Mongγol kele = Bao'anyu he

- Mengguyu 保安语和蒙古语 [= Баоаньский язык и монгольский язык]. Kōkeqota: Ōbōr Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1987. 2, 8, 395 p.
- Clauson 1960 — *Clauson G.* The Turkish Elements in 14th Century Mongolian // *Central Asiatic Journal*. 1960. Vol. 5. No. 4. Pp. 301–316.
- Clauson 1964 — *Clauson G.* Early Turkish Astronomical Terms // *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1964. Vol. 35. Fasc. D. Pp. 350–368.
- Cleaves 1951 — *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1338 in Memory of Jigūntei // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 1/2. Pp. 1–104.
- Cleaves 1985 — *Cleaves F. W.* The Eighteenth Chapter of an Early Mongolian Version of the *Hsiao Ching* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1985. Vol. 45. No. 1. Pp. 225–254.
- Delige'erma, Bo Suode 2006 — *Delige'erma* 德力格尔玛, *Bo Suode* 波·索德. *Menggu yuzu yuyan gailun* 蒙古语族语言概论 [= Введение в изучение монгольских языков]. Beijing 北京: Zhongyang minzu daxue chubanshe 中央民族大学出版社, 2006. [3], 4, 3, 2, 245 p.
- de Rachewiltz 1982 — *de Rachewiltz I.* The Preclassical Mongolian Version of the *Hsiao-Ching* (In Memoriam A. Mostaert, 1881–1971) // *Zentralasiatische Studien*. 1982. Bd. 16. Pp. 7–109.
- de Rachewiltz 2006 — *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century* / transl. with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill, 2006. cxxvii, 1349 p.
- de Rachewiltz, Rybatzki 2010 — *de Rachewiltz I., Rybatzki V.* Introduction to Altaic Philology: Turkic, Mongolian, Manchu. With the collaboration of Hung Chin-fu. Leiden; Boston: Brill, 2010. xx, 446 p.
- Doerfer 1964 — *Doerfer G.* Oiratisch *mada-ga* 'Messer' // *Central Asiatic Journal*. 1964. Vol. 9. No. 1. S. 23–28.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Ältere westeuropäische Quellen zur kalmükischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 253 s.
- Doerfer 1985 — *Doerfer G.* *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. VI, 305 s.
- Ebert 1999 — *Ebert K. H.* Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov* / ed. by W. Abraham, L. Kulikov. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. Pp. 323–339.
- Elverskog 2003 — *Elverskog J.* *The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century*. Leiden; Boston: Brill, 2003. xii, 388 p.
- Elverskog 2014 — *Elverskog J.* Altan Khan, Ālātān Hān 阿拉坦汗, 1508–1582 — Mongol ruler // *Berkshire Dictionary of Chinese Biography* / ed. by K. Brown. Vol. 1. Great Barrington, MA: Berkshire, 2014. Pp. 866a–879b.
- Engkebatu 1988 — *Engkebatu.* *Dayur kele ba Mongyol kele = Dawo'eryu he Mengguyu* 达斡尔语和蒙古语 ([*Дагурский язык и монгольский язык*]) Kōkeqota: Ōbōr Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. 2, 561 p.
- Erdal 1991 — *Erdal M.* *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Vol. 1–2. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV, 874 p.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p.
- Garudi 2002 — *Garudi.* *Dumdadu üy-e-yin mongyol kelen-ü bütüče kelberi-yin sudulul* [= Исследование структуры и формы среднемонгольского языка]. Kōkeqota: Ōbōr Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 8, 452 p.
- Godziński 1985 — *Godziński S.* *Język średniomongolski: Slowotwórstwo. Odmiana wyrazów. Składnia* [= Среднемонгольский язык: Словообразование. Словоизменение. Синтаксис] Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1985. 271 s.
- Haenisch 1955 — *Haenisch E.* *Eine Urga-Handschrift des mongolischen Geschichtswerks von Secen Sagang (alias Sanang Secen)*. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. V, 102 s.
- Hajnal 1994 — *Hajnal L.* Witsen's "Dagur" Material // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. T. 47. Fasc. 3. Pp. 279–326.
- Heissig 1946 — *Heissig W.* Bolur Erike, "Eine Kette aus Bergkristallen": Eine mongolische Chronik der Kienlung-Zeit von Rasipungsuy (1774/75). Peiping: Fu-Jen University, 1946. xi, 225 s.
- Heissig 1959 — *Heissig W.* *Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen*. T. 1: 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959. [8], 206, 111 s.
- Heissig 1976 — *Heissig W.* *Die mongolischen Handschriften-Reste aus Olon sūme, Innere Mongolei (16.–17. Jhdt.)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. X, 634 s.
- Heissig 1984 — *Heissig W.* Zur „Biographie des Altan Khan“ der Tūmet (1507–1583) // *Ural-Altaische Jahrbücher*. Neue Folge. 1984. Bd. 4. S. 187–221.
- Heissig, Bawden (hrsg.) 1957 — *Mongyol borjigid oboy-un teuke von Lomi (1732): Meng-ku shih-hsi-p'u* / hrsg. und mit Einleitung versehen von

- W. Heissig und Ch. R. Bawden. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. V, [3], 133 s.
- Janhunen 1990 — *Janhunen J.* Material on Manchurian Khamnigan Mongol. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1990. 110 p.
- Janhunen 2003 — *Janhunen J.* Proto-Mongolic // *The Mongolic Languages* / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 1–29.
- Janhunen 2012 — *Janhunen J.* Mongolian. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2012. XV, 320 p.
- Ўорунгы-а 2013 — *Ўорунгы-а.* Erdeni tunumal neretü sudur orosiba [= Сутра под названием Драгоценная ясность]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. [4], 2, 8, 242 p.
- Kane 2009 — *Kane D.* The Kitan Language and Script. Leiden; Boston: Brill, 2009. xiv, 305 p.
- Kara 1958 — *Kara G.* Notes sur les dialectes oirat de la Mongolie Occidentale // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1958. T. 8. Fasc. 2. Pp. 111–168.
- Kara 2005 — *Kara G.* Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian. First English Edition / transl. from Russian by J. R. Krueger. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 2005. x, 331 p.
- Kempf 2013 — *Kempf B.* Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p.
- Kollmar-Paulenz 2000 — *Kollmar-Paulenz K.* New Data on the Life of the Jönggen Qatun, the Third Wife of Altan Qayan of the Tumed Mongols // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. No. 2. Pp. 190–204.
- Kollmar-Paulenz 2001 — *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur: Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. XVI, 390 s.
- Krueger 1975 — *Krueger J. R.* The Kalmyk-Mongolian Vocabulary in Strahlenberg's Geography of 1730. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975. 205 p.
- Kuribayashi 2003 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均. “Ka-I yakugo” (kōshuhon) Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『華夷訳語』 (甲種本) モンゴル語全単語・語尾索引 (= Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti). Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā 東北大学東北アジア研究センター, 2003. 4, xxiv, 178 p.
- Kuribayashi 2009 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均. “Genchō hishi” Mongorugo Kanji on'yaku, bōyaku Kango taishō goi 『元朝秘史』 モンゴル語漢字音訳・傍訳漢語対照語彙 (= Word-Index to the Secret History of the Mongols with Chinese Transcriptions and Glosses). Sendai 仙台市, Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā 東北大学東北アジア研究センター, 2009. 4, 538 p.
- Kuribayashi 2014 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均. Kokyo — Mongorugo koyakubon 孝経 — モンゴル語古訳本 — (= Hsiao-ching — An Early Mongolian Version). Sendai 仙台市: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā 東北大学東北アジア研究センター, 2014, [4], 186 p.
- Kuribayashi, Chojinjab 2001 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均, *Chojinjab* 確精扎布. “Genchō hishi” Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『元朝秘史』 モンゴル語全単語・語尾索引 (= Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti). Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā 東北大学東北アジア研究センター, 2001. 6, vi, 954 p.
- Lao Yan-shuan 1969 — *Lao Yan-shuan*. Notes on Non-Chinese Terms in the Yüan Imperial Dietary Compendium *Yin-shan cheng-yao* 飲膳正要 // *The Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica*. 1969. Vol. 39. Pp. 399–416.
- Lee Joo-Yup 2016 — *Lee Joo-Yup*. Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines* [Online]. 2016. Vol. 47. Pp. 1–25. [электронный ресурс] // URL: <http://emscat.revues.org/2820> (дата обращения: 13.05.2021).
- Ligeti 1966 — *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-ouïgour des Ming: Le *Kao-tch'ang-kouan yi-chou* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1966. T. 19. Fasc. 3. Pp. 257–316.
- Ligeti 1972 — *Ligeti L.* Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. 294 p.
- Long, Preston (eds.) 2002 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Vol. 2 / ed. by D. Long, D. R. Preston. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2002. xxv, [1], 412 p.
- Lőrincz 1982 — *Lőrincz L.* Molon Toyin's Journey into the Hell: Altan Gerel's Translation. Vol. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 160, 103 p.
- Maḥmūd al-Kāšyarī 1982–1985 — *Maḥmūd al-Kāšyarī*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / ed. and transl. with

- Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Vol. 1–3. Harvard: Harvard University, 1982–1985. xi, [1], 416, iii, [1], 381, 337 p.
- Manliyang 2012 — *Manliyang Bo*. Mongyol kele ayalun-u kelberi sudulul (= Исследование морфологии монгольских языков и диалектов). Šenyang: Liyooning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2012. [20], 012, 002, 004, 010, 484 p.
- Montgomery, Beal 2011 — *Montgomery C., Beal J.* Perceptual dialectology // *Analysing Variation in English* / ed. by W. Maguire, A. McMahon. New York: Cambridge University Press, 2011. Pp. 121–148.
- Mostaert 1977 — *Mostaert A.* Le matériel mongol du *Houa i i iu* 華夷譯語 de Houng-ou / ed. par I. de Rachewiltz, avec l'assistance de A. Schönbbaum. T. 1. Bruxelles: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1977. XXIII, 144 p.
- Mostaert, de Rachewiltz 1995 — *Mostaert A., Rachewiltz I. de.* Le matériel mongol du *Houa i i iu* 華夷譯語 de Houng-ou. T. 2: Commentaires. Bruxelles: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1995. xxii, 146 p.
- Mostaert, Cleaves 1969 — *Manual of Mongolian Astrology and Divination* / with a critical introduction by A. Mostaert, C.I.C.M. and an editor's foreword by F. W. Cleaves. Cambridge: Harvard University Press, 1969. vi, [2], 127 p.
- Münküjev 1976 — *Münküjev N. Ts.* A Mongolian Hunting Practice of the 13th Century and the Buryat Terms *zeegete aba* and *aba khaidag* // *Tractata Altaica: Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata* / ed. W. Heissig, J. R. Krueger, F. J. Oinas, E. Schütz. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. Pp. 417–433.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.
- Okada 1987 — *Okada H.* Origins of the Dörben Oyirad // *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge*. 1987. Bd. 7. Pp. 181–211.
- Oyunčeečeg 2009 — *Oyunčeečeg.* Degedü mongyol aman ayalun-u sudulul (= Исследование диалекта дээд монгол). Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2009. 2, 10, 292 p.
- Pelliot 1930 — *Pelliot P.* [Rev. of] G. I. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle*, Paris: Geuthner, 1929 // T'oung Pao. Second Series. 1930. Vol. 27. Livr. 2/3. Pp. 203–211.
- Pelliot 1944 — *Pelliot P.* Les formes avec et sans *q-* (*k-*) initial en turc et en mongol // T'oung Pao. Second Series. 1944. Vol. 37. Livr. 3/4. Pp. 73–101.
- Poppe 1924 — *Poppe N.* Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache // *Asia Major*. 1924. Vol. 1, H. 2. S. 668–675.
- Poppe 1926 — *Poppe N.* Geserica: Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesserikhan // *Asia Major*. 1926. Vol. 3. H. 1. S. 1–32; H. 2. S. 167–193.
- Poppe 1951 — *Poppe N.* Remarks on The Vocalism of The Second Syllable in Mongolian // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 1/2. Pp. 189–207.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Poppe 1967 — *Poppe N.* The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the *Lalitavistara*: Mongolian Text, Notes, and English Translation. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. 173 p.
- Poppe 1974 — *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. 3rd printing. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. XV, 195 p.
- Poucha 1968 — *Poucha P.* Kalmückische Ausdrücke beim tschechischen Jesuiten Johannes Milan — Franciscus Emilianus // *Rocznik Orientalistyczny*. 1968. T. 32. Z. 1. S. 61–66.
- Preston 2018 — *Preston D. R.* Perceptual Dialectology // *The Handbook of Dialectology* / ed. by C. Boberg, J. Nerbonne, D. Watt. Hoboken: Wiley, 2018. Pp. 177–203.
- Preston 1999 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Vol. 1 / ed. by D. R. Preston. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. xl, 413 p.
- Qasgerel 2014 — *Qasgerel.* Mongyol töröl kelen-ü kelberi sudulul (= Морфология монгольских языков). Kökeqota: Öbör Mongyol-un keblel-ün bülügöl: Öbör Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2014. [2], 4, 426 p.
- Rákos 2002 — *Rákos A.* Written Oirat. München: Lincom Europa, 2002. [2], 50 p.
- Rákos 2012 — *Rákos A.* Introduction to Oirat Dialectology // *Oirat and Kalmyk Linguistic Essays* / ed. by Á. Birtalan. [Budapest]: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. Pp. 25–58.
- Rákos 2015a — *Rákos A.* Clear script as source for the history of Oirat dialects // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. T. 11. Ч. 3. Pp. 352–364.
- Rákos 2015b — *Rákos A.* Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. PhD Thesis. Budapest, Eötvös Loránd University, 2015. 164 p.
- Róna-Tas 2017 — *Róna-Tas A.* Khitan Studies I. The Graphs of the Khitan Small Script. 2. Vow-

- els // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 70. No. 2. Pp. 135–188.
- Rozycki 1994 — *Rozycki W.* Mongol Elements in Manchu. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. VI, 255 p.
- Rybatzki 2003a — *Rybatzki V.* Middle Mongol // *The Mongolic Languages* / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 57–82.
- Rybatzki 2003b — *Rybatzki V.* Intra-Mongolic taxonomy // *The Mongolic Languages* / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 364–390.
- Rykin 2013 — *Rykin P.* The Mongolian Text of the Tyr Trilingual Inscription (1413) // *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge*. 2012/2013. Bd. 25. Pp. 182–207.
- Rykin 2016 — *Rykin P.* The Reading of the Mongol Inscription on the 1413 Tyr Stele: Some Fresh Revelations // *The Journal of Northern Cultures Studies* = *Beifang wenhua yanjiu* 北方文化研究. 2016. Vol. 7. Pp. 29–46.
- Rykin 2019 — *Rykin P.* The Mongol Text of the Tyr Trilingual Inscription (1413): Some New Readings and Interpretations // *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 125–161.
- Sayang Secen 1990 — *Sayang Secen*. Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'): A Mongolian Chronicle of 1662. Vol. 1: The Urga text transcribed and edited by M. Gō, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Canberra: Faculty of Asian Studies, The Australian National University, 1990. xxiii, 270 p.
- Sayang Secen 1991 — *Sayang Secen*. Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'): A Mongolian Chronicle of 1662. Vol. 2: Word-Index to the Urga text prepared by I. de Rachewiltz and J. R. Krueger. Canberra: Faculty of Asian Studies, The Australian National University, 1991. x, 259 p.
- Sečen, Bayatur, Sengge 2002 — *Sečen Č., Bayatur M., Sengge*. Ordos aman ayalyun-u sudulul [= Исследование ордосского говора] Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 4, 18, 388 p.
- Sečēnbayatur et al. 2005 — Mongγol kelen-ü nutuγ-un ayalyun-u sinjilel-ün uduridqal [= Введение в изучение диалектов монгольского языка] / *Sečēnbayatur erkilen nayirayulba; Qasgerel, Tuyay-a, Bu. Ĵirannige, U Ying ĵe nayirayulba; Čenggeltei kinaba*. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2005. 2, 4, 572 p.
- Sečenčoytu 1999 — [*Sečenčoytu*] *Siqinchaoketu* 斯钦朝克图. Kangjiayu yanjiu 康家语研究 (= Исследование языка канцзя). Shanghai 上海: Yuandong chubanshe 远东出版社, 1999. [3], 2, 2, 330 p.
- Sengge, Ĵin İüi 2010 — *Sengge, Ĵin İüi*. Mongγol kelen-ü Ordos aman ayalyu [= Ордосский говор монгольского языка]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un keblel-ün bülüglet: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2010. [4], 2, 3, 7, 378 p.
- Serruys 1975 — *Serruys H.* Two Remarkable Women in Mongolia: The Third Lady Erketü Qatun and Dayičing-beyiĵi // *Asia Major. New Series*. 1975. Vol. 19. Pt. 2. Pp. 191–245.
- Shimunek 2007 — *Shimunek A.* Towards a Reconstruction of the Kitan Language, with Notes on Northern Late Middle Chinese Phonology. M. A. Thesis. Department of Linguistics and the Department of Central Eurasian Studies, Indiana University, Bloomington, 2007. xviii, 142 p.
- Shimunek 2017 — *Shimunek A.* Languages of Ancient Southern Mongolia and North China: A Historical-Comparative Study of the Serbi-Mongolic Language Family, with an Analysis of Northeastern Frontier Chinese and Old Tibetan Phonology. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. xlix, 1, 519, [1] p.
- Sira Tuyučı: A 17th Century Mongolian Chronicle. N. Shastina (text, introd., etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 200 p. (In Russ. and Mong.)
- Slater 2003 — *Slater K. W.* A Grammar of Mangghuer: A Mongolic language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund. London; New York: Routledge Curzon, 2003. xviii, 382 p.
- Šongqor 2017 — *Šongqor A.* Quva i i iui bičig (= *Xyau woiŋ*). Kökeqota: Öbör Mongγol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2017. [8], 12, 8, 4, 70, 10, 499, [1] p.
- Street 1986 — *Street J. C.* The particle *ele* in early Middle Mongolian // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1986. Vol. 80. Pp. 195–258.
- Svantesson 2012 — *Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary* / transl. and ed. by J.-O. Svantesson. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. [6], 199 p.
- Tatár 1984 — *Tatár M.* Palatal/Velar Doublets in the Uralic and Altaic Languages // *Riepmočala: Essays in Honour of Knut Bergsland Presented on the Occasion of his Seventieth Birthday* / ed. by B. Brendemoen, E. Hovdhaugen, O. H. Magga. Oslo: Novus, 1984. Pp. 165–181.
- Tsumagari 2003 — *Tsumagari T.* Dagur // *The Mongolic Languages* / ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. Pp. 129–153.

- Weiers 1969 — *Weiers M.* Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des prälitterarischen Schriftmongolisch. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. VIII, 238 s.
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. xii, 500 p.
- Wu Chaolu 1996 — *Wu Chaolu (Üjiyediin Chuluu).* A Survey of Tense Suffixes in Mongolian Languages // *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40. No. 1. Pp. 56–86.
- Yamakoshi 2011 — *Yamakoshi Y.* Shinekhen Buryat // *Grammatical Sketches from the Field* / ed. by Y. Yamakoshi. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), Tokyo University of Foreign Studies, 2011. Pp. 137–177.
- Yu Wonsoo 2011 — *Yu Wonsoo.* A Study of the Mongol Khamnigan Spoken in Northeastern Mongolia. Seoul: Seoul National University Press, 2011. xii, 254 p.
- Yu Wonsoo et al. 2008 — *Yu Wonsoo, Kwon Jae-il, Choi Moon-Jeong, Shin Yong-kwon, Bayarmend B., Bold L.* A Study of the Tacheng Dialect of the Dagur Language. Seoul: Seoul National University Press, 2008. xii, 227 p.
- Zwicky 1852 — *Zwicky H. A.* Handbuch der westmongolischen Sprache. Villingen: Förderer, 1852. 481 s.

References

- Apatóczy Á. B. Yiyu 譯語 (Beilu yiyu 北虜譯語): An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-Century Sino-Mongolian Glossary. Folkestone: Global Oriental, 2009. XVIII, 258 p. (In Eng.)
- Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. X, 678 p. (In Eng.)
- Badagarov J. Witsen's Kalmyk glossary. In: B. Naarden, T. van Brederode, T. de Graaf et al. (eds.) *The Fascination with Inner Asian Languages in the 17th Century: The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Vocabularies and Scripts*. Amsterdam: Pegasus, 2018. Pp. 461–538. (In Eng.)
- Badagarov J., Natsagdorj Ts., Janhun J. Mongolic Material. In: B. Naarden, T. van Brederode, T. de Graaf et al. (eds.) *The Fascination with Inner Asian Languages in the 17th Century: The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Vocabularies and Scripts*. Amsterdam: Pegasus, 2018. Pp. 425–460. (In Eng.)
- Badagarov Zh. B. The first Oirat-language monument written in Tibetan script. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 211–223. (In Russ.)
- Badmaev B. B. Kalmyk Grammar: Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 115 p. (In Russ.)
- Baumann B. G. Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. PhD Thesis. Bloomington, IN, Indiana University, 2005. XVIII, 2225 p. (In Eng.)
- Bayančoytu. A Study of the Khorchin Dialect. Hohhot: Inner Mongolia University, 2002. 2, 28, 626 p. (In Mong.)
- Benzing J. Kalmückische Grammatik zum Nachschlagen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. XII, 196 p. (In Germ.)
- Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. In 4 vols. Riga: Hartmann, 1804–1805. 351, 352, 302, 355 p. (In Germ.)
- Birtalan Á. Oirat. In: Janhun J. (ed.) *The Mongolic Languages*. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 210–228. (In Eng.)
- Bläsing U. Kalmuck. In: Janhun J. (ed.) *The Mongolic Languages*. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247. (In Eng.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. XI, 403 p. (In Russ.)
- Böke. A Study of the Moghol Language. Hohhot: Inner Mongolia University, 1996. 2, 8, 4, 410 p. (In Mong.)
- Böke. Dongxiang and Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 2, 4, 265 p. (In Chin. and Mong.)
- Brosig B. Aspect, Evidentiality and Tense in Mongolian: From Middle Mongol to Khalkha and Khorchin. Stockholm: Stockholm University (Department of Linguistics), 2014. XX, 269 p. (In Eng.)
- Buell P. D., Anderson E. N. A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao. Introduction, Translation, Commentary, and Chinese Text. 2nd ed., rev. and expanded. Leiden—Boston: Brill, 2010. XV, [3], 661 p. (In Eng. and Chin.)

- Bulučilayu, Ĵalsan. Eastern Yugur and Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1992. 2, 8, 14, 390 p. (In Chin. and Mong.)
- Bürgüd K. D. A Study of the Sino-Mongol Glossary Known as Bei-lu Yi-yu 北虜譯語. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2017. 225 p. (In Mong.)
- Čenggeltei et al. Further Research on Khitan Small Script. In 3 vols. Hohhot: Inner Mongolia University, 2017. [4], 8, 9, [3], 864, 2336, [1], 19 p. (In Chin.)
- Čenggeltei. Monguor and Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1991. 2, 28, 396 p. (In Chin. and Mong.)
- Cerensodnom D., Taube M. Die Mongolica der Berliner Turfansammlung. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 230 p. (In Germ. and Mong.)
- Chen N. Bonan and Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1987. 2, 8, 395 p. (In Chin. and Mong.)
- Clauson G. Early Turkish astronomical terms. *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1964. Vol. 35. Part D. Pp. 350–368. (In Eng.)
- Clauson G. The Turkish elements in 14th century Mongolian. *Central Asiatic Journal*. 1960. Vol. 5. No. 4. Pp. 301–316. (In Eng.)
- Cleaves F. W. The Sino-Mongolian inscription of 1338 in memory of Jigüntei. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 1/2. Pp. 1–104, 32 pl. (In Eng.)
- Cleaves F.W. The Eighteenth Chapter of an early Mongolian version of the Hsiao Ching. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1985. Vol. 45. No. 1. Pp. 225–254. (In Eng.)
- de Rachewiltz I. The Preclassical Mongolian version of the Hsiao-Ching (In memoriam A. Mostaert, 1881–1971). *Zentralasiatische Studien*. 1982. Vol. 16. Pp. 7–109. (In Eng.)
- de Rachewiltz I. (trans.). The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. In 2 vols. Leiden—Boston: Brill, 2006. CXXVII, 1349 p. (In Russ.)
- de Rachewiltz I., Rybatzki V. Introduction to Altaic Philology: Turkic, Mongolian, Manchu. Leiden—Boston: Brill, 2010. xx, 446 p., 39 pl., 25 fig. (In Eng.)
- Deligerma, Bo Suode. A General Survey of the Mongolic Language Family. Beijing: Central University for Nationalities, 2006. [3], 4, 3, 2, 245 p. (In Chin.)
- Doerfer G. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmükischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ.)
- Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. VI, 305 p., 2 maps. (In Germ.)
- Doerfer G. Oiratisch *madaga* 'Messer'. *Central Asiatic Journal*. 1964. Vol. 9. No. 1. Pp. 23–28. (In Germ.)
- Ebert K. H. Degrees of focality in Kalmyk imperfections. In: Abraham W., Kulikov L. (eds.) Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam—Philadelphia: Benjamins, 1999. Pp. 323–339. (In Eng.)
- Elverskog J. Altan Khan, Ālātān Hān 阿拉坦汗, 1508–1582 — Mongol ruler. In: Brown K. (ed.) Berkshire Dictionary of Chinese Biography. Vol. 1. Great Barrington, MA: Berkshire, 2014. Pp. 866a–879b. (In Eng.)
- Elverskog J. The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden—Boston: Brill, 2003. XII, 388 p. (In Eng.)
- Engkebatu. Dagur and Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1988. 2, 561 p. (In Chin.)
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden—Boston: Brill, 2004. XII, 575 p. (In Eng.)
- Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. In 2 vols. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV, 874 p. (In Eng.)
- Godziński S. Middle Mongol: Word formation, Inflection, Syntax. Warsaw: Warsaw University Press, 1985. 271 p. (In Pol.)
- Golovachev V. C., Ivliev A. L., Pevnov A. M., Rykin P. O. 2011. The Tyr Steles of the Fifteenth Century: Translations, Commentaries, Study of the Chinese, Mongol and Jurchen Texts. St. Petersburg: Nauka, 2011. 320 p., 117 pl. (In Russ.)
- Gorokhova G. S. (ed.) Mongolian Sources on Dayan Khan. Moscow: Nauka, 1986. 136 p. (In Russ.)
- Haenisch E. The Urga Manuscript of the Mongolian Historical Work by Sečen Sayang (alias Sanang Sečen). Berlin: Akademie-Verlag, 1955. V, 102 p. (In Germ. and Mong.)
- Hajnal L. Witsen's "Dagur" material. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Vol. 47. Part 3. Pp. 279–326. (In Eng.)
- Heissig W. Bolur Erike, "Eine Kette aus Bergkristallen": Eine mongolische Chronik der Kienlung-Zeit von Rasipungsuy (1774/75). Beijing: Fu-Jen University, 1946. XI, 225 p. (In Germ. and Mong.)
- Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Vol. 1:

- 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959. [8], 206, 111 p. (In Germ.)
- Heissig W. Die mongolischen Handschriften-Reste aus Olon sūme, Innere Mongolei (16.–17. Jhdt.). Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. X, 634 p. (In Germ. and Mong.)
- Heissig W. Zur „Biographie des Altan Khan“ der Tümet (1507–1583). *Ural-Altaische Jahrbücher*. Neue Folge. 1984. Vol. 4. Pp. 187–221. (In Germ.)
- Heissig W., Bawden Ch. R. (eds.). *Mongγol borjigid oboy-un teūke von Lomi (1732): Meng-ku shih-hsi-p'u*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. V, [3], 133 p. (In Germ., Eng., Mong. and Chin.)
- Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Mongol. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1990. 110 p. (In Eng.)
- Janhunen J. *Mongolian*. Amsterdam—Philadelphia: Benjamins, 2012. XV, 320 p. (In Eng.)
- Janhunen J. Proto-Mongolic. In: Janhunen J. (ed.) *The Mongolic Languages*. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 1–29. (In Eng.)
- Їorungy-a. The Jewel Translucent Sūtra. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2013. [4], 2, 8, 242 p. (In Mong.)
- Kane D. *The Kitan Language and Script*. Leiden—Boston: Brill, 2009. XIV, 305 p. (In Eng.)
- Kara G. Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian. 1st English edition. J. R. Krueger (transl.). Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 2005. X, 331 p., XXXVIII pl. (In Eng.)
- Kara G. Notes sur les dialectes oirat de la Mongolie Occidentale. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1958. Vol. 8. Part 2. Pp. 111–168. (In Fr.)
- Kempf B. Studies in Mongolic Historical Morphology: Verb Formation in the Secret History of the Mongols. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 239 p. (In Eng.)
- Kichikov A. Sh. The Dorbet Dialect: A Study of Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 87 p. (In Russ.)
- Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur: Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. XVI, 390 p. (In Germ. and Mong.)
- Kollmar-Paulenz K. New Data on the Life of the Jönggen Qatun, the Third Wife of Altan Qayan of the Tümed Mongols. *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. No. 2. Pp. 190–204. (In Eng.)
- Kotwicz W. A Grammar of Colloquial Kalmyk. 2nd ed. Rževnice u Pragi: Kalmyk Commission of Cultural Workers in Czech Republic, 1929. XI, [1], 418 p. (In Russ.)
- Krueger J. R. The Kalmyk-Mongolian Vocabulary in Strahlenberg's Geography of 1730. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975. 205 p. (In Eng.)
- Kuribayashi H, Choijinjab. Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2001. 6, VI, 954 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuribayashi H. Hsiao-ching — An Early Mongolian Version. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2014. [4], 186 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuribayashi H. Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, Based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2003. 4, XXIV, 178 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuribayashi H. Word-Index to the Secret History of the Mongols with Chinese Transcriptions and Glosses. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2009. 4, 538 p. (In Jap. and Mong.)
- Lao Yan-shuan. Notes on non-Chinese terms in the Yüan imperial dietary compendium Yin-shan cheng-yao 飲膳正要. *The Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica*. 1969. Vol. 39. Pp. 399–416. (In Eng.)
- Lee Joo-Yup. Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2016. Vol. 47. Pp. 1–25. Available at: <http://emscat.revues.org/2820> (accessed: May 13, 2021). (In Eng.)
- Ligeti L. Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. 294 p. (In Fr. and Mong.)
- Ligeti L. Un vocabulaire sino-ouïgour des Ming: Le Kao-tch'ang-kouan yi-chou. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1966. Vol. 19. Part 3. Pp. 257–316. (In Fr.)
- Long D., Preston D. R. (eds.) *Handbook of Perceptual Dialectology*. Vol. 2. Amsterdam—Philadelphia: Benjamins, 2002. xxv, [1], 412 p. (In Eng.)

- Lőrincz L. Molon Toyin's Journey into the Hell: Altan Gerel's Translation. In 2 vols. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 160, 103 p. (In Eng.)
- Maḥmūd al-Kāšyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk). R. Dankoff, J. Kelly (ed., transl., etc.). In 3 vols. Harvard: Harvard University, 1982–85. XI, [1], 416, III, [1], 381, 337 p. (In Eng.)
- Manaster Ramer A., Bondar L. D. About the authorship of 'Harmonia linguarum' published by Ph. J. Strahlenberg. In: Tunkina I. V. (ed.) The Second Müller Readings: Continuity and Traditions in Conservation and Study of Documentary Academic Heritage. Conference proceedings (St. Petersburg; May 24–26, 2018). St. Petersburg: Renome, 2018. Pp. 395–427. (In Russ.)
- Manliyang Bo. Morphology of the Mongolic Languages and Dialects. Shenyang: Liaoning Nationalities Press, 2012. [20], 012, 002, 004, 010, 484 p. (In Mong.)
- Montgomery C., Beal J. Perceptual dialectology. In: Maguire W., McMahon A. (eds.) Analysing Variation in English. New York: Cambridge University Press, 2011. Pp. 121–148. (In Eng.)
- Mostaert A. Le matériel mongol du Houa i i iu 華夷譯語 de Houng-ou. I. de Rachewiltz, A. Schönbaum (eds.). Vol. 1. Bruxelles: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1977. XXIII, 144 p. (In Fr., Mong. and Chin.)
- Mostaert A., Cleaves F. W. (eds.) Manual of Mongolian Astrology and Divination. A. Mostaert (introd.), F. W. Cleaves (foreword). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. VI, [2], 127 p. (In Eng.)
- Mostaert A., Rachewiltz I. de. Le matériel mongol du Houa i i iu 華夷譯語 de Houng-ou. Vol. 2: Commentaries. Bruxelles: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1995. XXII, 146 p. (In Fr.)
- Münküjev N. Ts. A Mongolian hunting practice of the 13th century and the Buryat terms *zeegete aba* and *aba khaidag*. In: Heissig W., Krueger J. R., Oinas F. J., Schütz E. (eds.) Tractata Altaica: Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. Pp. 417–433. (In Eng.)
- Nebolsin P. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: Sketches of Everyday Life. St. Petersburg: K. Krai, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefediev N. A Detailed Account of the Volga Kalmyks. St. Petersburg: K. Krai, 1834. VIII, 287 p. (In Russ.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Okada H. Origins of the Dörben Oyirad. *Ural-Altaische Jahrbücher*. Neue Folge. 1987. Vol. 7. Pp. 181–211. (In Eng.)
- Oyunčeegeg. A Study of the Upper (Deed) Mongol Dialect. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2009. 2, 10, 292 p. (In Mong.)
- Pelliot P. Les formes avec et sans *q-* (*k-*) initial en turc et en mongol. *T'oung Pao*. Second Series. 1944. Vol. 37. No. 3/4. Pp. 73–101. (In Fr.)
- Pelliot P. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle (Rev. by G. I. Bratianu). *T'oung Pao*. Second Series. 1930. Vol. 27. No. 2/3. Pp. 203–211. (In Fr.)
- Poppe N. Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache. *Asia Major*. 1924. Vol. 1. No. 2. Pp. 668–675. (In Germ.)
- Poppe N. Geserica: Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesser Khan. *Asia Major*. 1926. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–32; No. 2. Pp. 167–193. (In Germ.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 3rd ed. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. XV, 195 p. (In Eng.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. Remarks on the vocalism of the second syllable in Mongolian. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 1/2. Pp. 189–207. (In Eng.)
- Poppe N. The Mongolian Dictionary Muqaddimat al-Adab. 2 parts. Moscow—Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1938. 452 p. (In Russ. and Mong.)
- Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha: A Mongolian Version of the Lalitavistara: Mongolian Text, Notes, and English Translation. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967. 173 p., 65 pl. (In Eng.)
- Poucha P. Kalmückische Ausdrücke beim tschechischen Jesuiten Johannes Milan — Franciscus Emilianus. *Rocznik Orientalistyczny*. 1968. Vol. 32. No. 1. Pp. 61–66. (In Germ.)
- Preston D. R. Perceptual dialectology. In: Boberg C., Nerbonne J., Watt D. (eds.) The Handbook of Dialectology. Hoboken, NJ: Wiley, 2018. Pp. 177–203. (In Eng.)
- Preston D. R. (ed.) Handbook of Perceptual Dialectology. Vol. 1. Amsterdam—Philadelphia: Benjamins, 1999. XL, 413 p. (In Eng.)

- Qasgerel. Morphology of Mongolic Languages. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 2014. [2], 4, 426 p. (In Mong.)
- Rákos A. Clear script as source for the history of Oirat dialects. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015a. Vol. 11. Part 3. Pp. 352–364. (In Eng.)
- Rákos A. Introduction to Oirat dialectology. In: Birtalan Á. (ed.) Oirat and Kalmyk Linguistic Essays. [Budapest]: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. Pp. 25–58. (In Eng.)
- Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. PhD Thesis. Budapest, Eötvös Loránd University, 2015b. 164 p. (In Eng.)
- Rákos A. Written Oirat. München: Lincom Europa, 2002. [2], 50 p. (In Eng.)
- Rashīd al-Dīn Faḍlullāh. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Part 1. A. Romaskevich, L. Khetagurov, A. Ali-zade (crit. text). 2nd ed. Moscow: Nauka, 1968. 588 p. (In Pers. and Russ.)
- Rashīd al-Dīn. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Part 1. L. Khetagurov (transl.); A. Semenov (ed., comment.). Moscow—Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 221 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays on the History of Formation of the Turko-Mongolic Language Community. Part 1: Turkic Influence on the Mongolic Vocabulary. Elista: Kalmyk State University, 2007. 166 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays on the History of Formation of the Turko-Mongolic Language Community. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 608 p. (In Russ.)
- Róna-Tas A. Khitan Studies I. The Graphs of the Khitan Small Script. 2. Vowels. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 70. No. 2. Pp. 135–188. (In Eng.)
- Rozycki W. Mongol Elements in Manchu. Bloomington, IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. VI, 255 p. (In Eng.)
- Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy. In: Janhunen J. (ed.) The Mongolic Languages. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 364–390. (In Eng.)
- Rybatzki V. Middle Mongol. In: Janhunen J. (ed.) The Mongolic Languages. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 57–82. (In Eng.)
- Rykin P. The Mongol text of the Tyr trilingual inscription (1413): Some new readings and interpretations. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 125–161. (In Eng.)
- Rykin P. The Mongolian text of the Tyr trilingual inscription (1413). *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge*. 2012/2013. Vol. 25. Pp. 182–207. (In Eng.)
- Rykin P. The reading of the Mongol inscription on the 1413 Tyr Stele: Some fresh revelations. *Běifāng wénhuà yánjiū*. 2016. Vol. 7. Pp. 29–46. (In Eng.)
- Sai S. S. A sketch of Kalmyk grammar. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. 5. No. 2. Pp. 622–709. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Manchu-Mongol language parallels. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Otdelenie Gumanitarnykh Nauk (Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS, Classe des Humanités)*. Ser. 7. 1930. No. 8. Pp. 601–626; No. 9. Pp. 673–708. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. (ed.) Buryat Grammar: Phonetics and Morphology. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 340 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. (ed.) Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
- Sayang Secen. Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'): A Mongolian Chronicle of 1662. Vol. 1: The Urga Text Transcribed and Edited by M. Gö, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Canberra: Faculty of Asian Studies, The Australian National University, 1990. XXIII, 270 p. (In Eng.)
- Sayang Secen. Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'): A Mongolian Chronicle of 1662. Vol. 2: Word-Index to the Urga Text Prepared by I. de Rachewiltz and J. R. Krueger. Canberra: Faculty of Asian Studies, The Australian National University, 1991. X, 259 p. (In Eng.)
- Sečen Č., Bayatur M., Sengge. A Study of the Ordos Dialect. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2002. 4, 18, 388 p. (In Mong.)
- Sečenbayatur et al. An Introduction into Mongolian Dialectology. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2005. 2, 4, 572 p. (In Mong.)
- Sečenčoytu. A Study of the Kangjia Language. Shanghai: Far Eastern Press, 1999. [3], 2, 2, 330 p. (In Chin.)
- Sengge, Jin Iui. The Ordos Dialect of Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2010. [4], 2, 3, 7, 378 p. (In Mong.)
- Serruys H. Two remarkable women in Mongolia: The third lady Erketü Qatun and Dayičing-beyiji. *Asia Major. New Series*. 1975. Vol. 19. No. 2. Pp. 191–245. (In Eng.)

- Shcherbak A. M. Early Turko-Mongolic Language Relations, 8th to 14th Centuries AD. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies (RAS), 1997. 292 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. On the nature of lexical relationships between Turkic, Mongolic and Tungusic. *Voprosy Jazykoznanija*. 1966. No. 3. Pp. 21–35. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Turkic-Mongolic Language Contacts in the History of Mongolic Languages. St. Petersburg: Nauka, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Shimunek A. Languages of Ancient Southern Mongolia and North China: A Historical-Comparative Study of the Serbi-Mongolic Language Family, with an Analysis of Northeastern Frontier Chinese and Old Tibetan Phonology. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. XLIX, 1, 519, [1] p. (In Eng.)
- Shimunek A. Towards a Reconstruction of the Kitan Language, with Notes on Northern Late Middle Chinese Phonology. M.A. Thesis. Department of Linguistics and the Department of Central Eurasian Studies, Indiana University, Bloomington, IN, 2007. XVIII, 142 p. (In Eng.)
- Slater K. W. A Grammar of Mangghuer: A Mongolic language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund. London — New York: RoutledgeCurzon, 2003. XVIII, 382 p. (In Eng.)
- Šongqor A. The Huayi Yiyu. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 2017. [8], 12, 8, 4, 70, 10, 499, [1] p. (In Mong. and Chin.)
- Street J. C. The particle *ele* in early Middle Mongolian. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1986. Vol. 80. Pp. 195–258. (In Eng.)
- Suseeva D. A. Grammatical Structure of the Eighteenth-Century Kalmyk Language. Morphophonology and Morphology: A Case Study of Letters by Kalmyk Khans and Their Contemporaries. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 199 p. (In Russ.)
- Svantesson J.-O. (ed., transl.) Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. [6], 199 p. (In Kalm. and Germ.)
- Tatár M. Palatal/velar doublets in the Uralic and Altaic languages. In: Brendemoen B., Hovdhaugen E., Magga O. H. (eds.) *Riepmočala: Essays in Honour of Knut Bergsland Presented on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Oslo: Novus, 1984. Pp. 165–181. (In Eng.)
- Todaeva B. Kh. Mongolic Languages and Dialects of China. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 138 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Dagur Language. Moscow: Nauka, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Tsendee Yu. A Grammar of the Oirat Dialect: Phonetics, Morphology, Syntax. 2nd ed. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 263 p. (In Mong.)
- Tsendina A. D. (transl.) *Yellow History* (Sir-a tuyuji) Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (In Russ. and Mong.)
- Tsoloo J. The Zakhchin Dialect. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1965. 216 p. (In Mong.)
- Tsumagari T. Dagur. In: Janhunen J. (ed.) *The Mongolic Languages*. London—New York: Routledge, 2003. Pp. 129–153. (In Eng.)
- Ubushaev N. N. Dialect System of Kalmyk. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Vandui E. The Dorbet Dialect. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1965. 176 p. (In Mong.)
- Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Leningrad Oriental Institute, 1929. XII, 437 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Mongolian manuscripts and xylographs handed over to the Asiatic Museum, Russian Academy of Sciences, by Prof. A. D. Rudnev. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk (Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie)*. Nouvelle Série. 1918. Pp. 1549–1568. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. The rock inscriptions of Čoytu-tayiji: Second article. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR (Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS)*. Ser. 6. 1927. No. 3/4. Pp. 215–240. (In Russ.)
- Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des prällassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. VIII, 238 p. (In Germ.)
- Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford—New York: Oxford University Press, 1996. xii, 500 p. (In Eng.)
- Wu Chaolu (Üjiyediin Chuluu). A survey of tense suffixes in Mongolian languages. *Central Asiatic Journal*. 1996. Vol. 40. No. 1. Pp. 56–86. (In Eng.)
- Yakhontova N. S. Standard Oirat of the Seventeenth Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)
- Yamakoshi Y. Shinekhen Buryat. In: Yamakoshi Y. (ed.) *Grammatical Sketches from the Field*. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), Tokyo

- University of Foreign Studies, 2011. Pp. 137–177. (In Eng.)
- Yu Wonsoo, Kwon Jae-il, Choi Moon-Jeong, Shin Yong-kwon, Bayarmend B., Bold L. A Study of the Tacheng Dialect of the Dagur Language. Seoul: Seoul National University Press, 2008. XII, 227 p. (In Kor.)
- Yu Wonsoo. A Study of the Mongol Khamnigan Spoken in Northeastern Mongolia. Seoul: Seoul National University Press, 2011. XII, 254 p. (In Kor.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884 to 1886. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. II, 74 p. (In Russ.)
- Zwick H. A. *Handbuch der westmongolischen Sprache*. Villingen: Förderer, 1852. 481 p. (In Germ.)
- Гаруди. A Study of the Structure and Form of Middle Mongol. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 2002. 8, 452 p. (In Mong.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 1076–1088, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1076-1088

Лингвистическое наследие А. Г. Бессонова как диалектный памятник башкирского языка начала XX в.

Зарема Назировна Экба¹, Рамиля Нигаматьяновна Каримова²

¹ Институт языкознания РАН (стр. 1, Большой Кисловский пер. 1, 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник
 0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
научный сотрудник

 0000-0002-5645-6731. E-mail: 1967-ram@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Экба З. Н., Каримова Р. Н., 2021

Аннотация. Целью данной статьи является обобщение выявленных диалектных особенностей на материале письменных памятников башкирского языка, автором которых является русский ученый-миссионер начала XX в. А. Г. Бессонов. *Результаты.* В первой части работы показаны основные результаты, которых удалось достичь на основании подробного анализа языковых данных «Букваря для башкир» (1907) в ходе предыдущих исследований. Приводятся фонетические, морфологические и морфонологические признаки, указывающие на использование при написании текста памятника двух основных говоров, сравнение которых с современными диалектными данными позволили сблизить их с аргаяшским и кызыльским говорами восточного диалекта. Кроме того, в Букваре отмечен уникальный морфонологический вид аффиксов, свойственный катаяшскому говору. Во второй части статьи впервые приводится детальный лингвистический анализ языковых особенностей учебника А. Г. Бессонова «Первая после букваря книжка для чтения и практически первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» (1907). Фонетические, морфологические, морфонологические и лексические особенности языка памятника сопоставляются с современными диалектными формами, подробно исследованными в работах по башкирской диалектологии, а также с литературным башкирским языком. На основании подробного анализа на всех языковых уровнях диалект памятника сблизается с аргаяшским говором, отмечаются и проявления в тексте особенностей других говоров восточного диалекта. *Выводы.* Делаются общие выводы о диалектной принадлежности языка исследуемых памятников. Подчеркивается значение работ А. Г. Бессонова для

истории развития башкирской лингвистики и диалектологии, отмечается его роль в просветительской работе по обучению башкир грамоте.

Ключевые слова: башкирские диалекты, башкирский литературный язык, восточный диалект башкирского языка, А. Г. Бессонов, письменные памятники, Букварь для башкир, Книжка для чтения, обучение грамоте

Благодарность. Авторы выражают благодарность Норманской Юлии Викторовне, доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику Института языкознания РАН (Москва), руководителю проекта «Первые кириллические книги на тюркских и уральских языках» за консультирование при работе над статьей.

Для цитирования: Экба З. Н., Каримова Р. Н. Лингвистическое наследие А. Г. Бессонова как диалектный памятник башкирского языка начала XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1076–1088. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1076-1088

Linguistic Heritage of A. G. Bessonov as a Dialect Monument of Early 20th Century Bashkir

Zarema N. Ekba¹, Ramilya N. Karimova²

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Ph. D. (Philology), Research Associate

 0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-5645-6731. E-mail: 1967-ram@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ekba Z. N., Karimova R. N., 2021

Abstract. Goals. The article seeks to sum up Bashkir dialect features traced in early 20th century written monuments authored by the Russian scholar and missionary A. G. Bessonov. **Results.** Part One of the article discusses the main results of previous detailed analyses into linguistic data contained in the *Alphabet Book for Bashkirs* (Russ. *Bukvar' dlya Bashkir*, 1907). Phonetic, morphological, and morphonological elements cited indicate the use of two dialects comparable to the Argayash and Kyzyl subdialects of contemporary Eastern Bashkir. Besides, the edition under consideration contains a unique morphonological type of affixes characteristic of the Qatai subdialect. Part Two provides a first detailed linguistic analysis of language features inherent to Bessonov's *First Reader* and *First Lessons of Russian for Southeastern Bashkirs* (1907). Phonetic, morphological, morphonological, and lexical patterns are compared to contemporary dialect forms examined in works on Bashkir dialectology, as well as to standard Bashkir. This scrupulous analysis at all linguistic levels shows the language of the monument largely approaches the Argayash subdialect, while some peculiar features of other Eastern Bashkir subdialects are also noticeable. **Conclusions.** The paper makes certain conclusions as to dialect affiliation of language patterns involved in the compilation of monuments under study. Special attention is paid to the significance of Bessonov's works for the history of Bashkir linguistics and dialectology, as well as to his role in teaching literacy to Bashkirs.

Keywords: Bashkir dialects, Bashkir literary language, eastern dialect of the Bashkir language, A. G. Bessonov, written monuments, Primer for the Bashkirs, Reader, literacy work

Acknowledgements. The authors extend gratitude to Dr. Julia V. Normanskaya (Institute of Linguistics, Moscow), Head of Earliest Cyrillic Books in Turkic and Uralic Languages Project for kind expert opinions delivered.

For citation: Ekba Z. N., Karimova R. N. Linguistic Heritage of A. G. Bessonov as a Dialect Monument of Early 20th Century Bashkir. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1076–1088. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1076-1088

Введение

На протяжении последних лет исследовательской группой ученых изучаются Памятники письменности на башкирском языке [Норманская, Каримова, Экба 2017; Экба, Норманская, Каримова 2019], созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии православного миссионерского общества, которая находилась в ведении Братства Св. Гурия [Православное церковное братство 1867: 168]. Первыми членами Переводческой Комиссии были миссионеры Николай Ильминский, Ефим Малов, Николай Золотницкий [ПК 1901: 6]. В основу работы комиссии была положена методическая система Н. И. Ильминского, которая базировалась на принципах обучения детей русской грамоте с учетом особенностей их родного языка. Миссионер активно привлекал к работе носителей языков с тем, чтобы они тщательно проверяли каждый перевод прежде, чем он будет опубликован. Н. И. Ильминский, а вслед за ним и другие ученые признали необходимым учитывать при работе особенности родного языка, и, таким образом, методика получила статус официальной.

В рамках деятельности Переводческой комиссии для башкирского языка были созданы буквари и словари, а также первые переводы богослужебных, назидательных и учебных книг¹: 1893, 1894, 1896 гг. — Краткий русско-башкирский словарь [ПК 1901: 52, 54, 57]; 1895 г. — Башкирские пословицы [Куватов 1895]; 1897 г. — Житие св. Великомученика и целителя Пантелеимона, Литургия св. Иоанна Златоустого — на башкирском и казахском языках [ПК 1901: 60]; 1892, 1898, 1907, 1908 гг. — Букварь для башкир [Букварь 1892; Букварь 1898; Букварь 1907]; 1899 г. — Святое Евангелие от Матфея (опыт) [Святое Евангелие 1899]; О загробной жизни [ПК 1901: 66]; башкирско-русский словарь [БРС 1899]; 1902 г. — Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна [Святое Евангелие 1902], 1907 г. — Первая после

букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкиров [Книжка 1907].

В данный момент установлены следующие переводы изданий: Башкирские пословицы (1895), Букварь для башкир (1898, 1907), Святое Евангелие от Матфея (опыт) (1899), Башкирско-русский словарь (1899), О загробной жизни (1901), Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна (1902), Первая после букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир (1907).

На основе предварительного лингвистического анализа нескольких памятников было установлено, что для большинства из них был привлечен материал нескольких диалектов башкирского языка. Например, в Первой после букваря книжке автор отмечает, что «башкирский язык разделился на несколько наречий (до 5-и)» и «первое издание сих книжек, как сделанное только на одном из сих наречий, именно — на наречии башкир юго-восточной части Орского уезда» [Книжка 1907: 55]. В. В. Катаринский в башкирско-русском словаре обращает внимание читателей на диалектные варианты некоторых лексем. Например: *агай* «акай — агай в Кат. волости» [БРС 1899: 4].

Значение указанных изданий для изучения истории башкирского и других тюркских языков было неоднократно подчеркнуто в научной литературе [Киекбаев 1958; и др.]. Фактически в рамках деятельности Переводческой комиссии впервые была создана письменность на кириллице, разработаны первые буквари, словари и грамматики. Но подробный лингвистический анализ языковых особенностей в отдельности каждого издания ранее не проводился.

Краткая биография А. Г. Бессонова

В плане исследования башкирского языка особый интерес представляют собой труды русского миссионера, лингвиста и этнографа Александра Григорьевича Бессонова. Важно подчеркнуть, что А. Г. Бессонов был широко и разносторонне образованным человеком, прекрасно владел национальными

¹ В статье названия и цитаты из нижеуказанных материалов приводятся в современной орфографии.

языками — башкирским, казахским, татарским и удмуртским. В 1877 г. он окончил Казанскую духовную академию, по окончании которой работал учителем в национальных школах Вятской губернии и в Казани, а позднее — инспектором школ и народных училищ Оренбургской губернии. На протяжении многих лет Александр Григорьевич изучал не только языки, но и фольклор народов Поволжья: собирал сказки, песни, пословицы и легенды, издавал собранный материал, сопровождая его ценными научными комментариями. К сожалению, не все из его научного наследия дошло до наших дней.

В 1881 г. А. Г. Бессонов написал статью «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» [Бессонов 1881]. В статье представлена подробная характеристика звукового состава, грамматического строя и лексических особенностей башкирского и татарского языков с их основными говорами. Эта работа стала своего рода первым научным анализом, в котором с большой степенью точности отражены диалектные особенности башкирского языка, в особенности в области фонетики, и предпринята попытка классифицировать его диалекты и говоры. Значение данного труда для последующего развития науки в свое время было отмечено классиком отечественной тюркологии А. Н. Кононовым [Кононов 1982: 257].

Основными трудами А. Г. Бессонова, в текстах которых отражены особенности башкирского языка по состоянию на начало XX в., являются его «Букварь для башкир» (Казань, 1907), «Первая после Букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для северо-восточных башкир» (Казань, 1908) и «Первая после Букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для юго-восточных башкир» (Казань, 1907). Языковые данные Букваря подвергнуты подробному рассмотрению в работе [Экба, Норманская, Каримова 2019]. Тезисно остановимся на основных диалектных особенностях, которые удалось выявить на основе языкового анализа текста этого памятника, так как эти данные лежат в основе наших настоящего и последующих исследований.

Диалектные особенности памятника «Букварь для башкир»

В ходе исследования было установлено, что в основу Букваря положены два различных диалекта: основной текст Букваря написан на диалекте, который А. Г. Бессонов называет «наречием северной части зауральской Башкирии», а для отдельных форм для сравнения (в скобках) автор приводит формы «наречия южной части зауральской Башкирии». Как самостоятельный выделен и третий диалект, который назван Восточным (или катaysким): в заключительной части Букваря приводится текст сказки на трех диалектах: «северном», «южном» и «восточном» (катaysком). Анализ графико-фонетических особенностей Букваря позволил сблизить основной «северный диалект» с аргаяшским говором современного башкирского языка: реализация лит. *зз, зл, зг* в качестве *ст, ск*, в интервокальной позиции на месте пратюркского *-s- так же, как и в современном аргаяшском говоре, может озвончаться и переходить в -д-. Такое явление характерно именно для аргаяшского говора в противоположность другим восточным диалектам. В некоторых случаях пратюркский *-s- сохраняется как межзубный *с*, что, скорее всего, может указывать на то, что процесс озвончения во времена А. Г. Бессонова только начинался и имел продолжение в более поздний период. Диалект, обозначенный автором как «южный», по ряду признаков удалось соотнести с кызыльским говором восточного диалекта. Для подтверждения правомерности такого сопоставления были подробно рассмотрены основные морфонологические и морфологические особенности Букваря.

В ходе анализа морфонологического уровня ряда словоформ было определено последовательное, практически без исключений употребление особой формы аффиксов, свойственной именно восточному диалекту, в отличие от литературной нормы, в которой приняты формы южного диалекта с аффиксами с начальным -л [Грамматика 1981: 171, 228; Максютлова 1976: 16]:

- NomAbstr *-lik: *дустык* ‘дружба’ (лит. *дуслык*), *йалкаудык* ‘лень’ (лит. *йалкаулык*);
- Adj *-li: *укымышты* ‘ученый’ (лит. *укымышлы*), *төрдө* ‘разный’ (лит. *төрлө*);
- Conv *-lap: *иптән* ‘осторожно’ (лит. *ипләп*), *уйдан* ‘слушая’ (лит. *уйлан*);

– PartPast *-*lagan*: *баштаган* (лит. *башилаган*) ‘начал, начатый’, *уйдаган* (лит. *уйлаган*) ‘думал, подумавший’;

– Imp 2 Sing *-*la*: *таштама* ‘не бросай’ (лит. *ташлама*), *урдама* (лит. *урлама*) ‘не воруй’; и др.

Такая система аффиксов характерна для всех форм, представленных в Букваре, т. е. как для «северного», так и для «южного» наречия. Кроме того, в памятнике отмечена отличительная особенность говора китайских башкир¹, которой нет ни в каких других говорах и диалектах: наиболее существенным признаком, отличающим ялан-китайский подговор восточного диалекта, среднего, караидельского говоров южного диалекта, от выше рассмотренных, является особая форма суффиксов, которые после сонорных имеют оглушенную форму на *-t* в отличие от лит. озвонченных *-l/d-* [Максютова 1976: 104; Миржанова 1979: 98] и «северного», и «южного» восточных диалектов на *-d*:

– Abl *-*dan*: *урмантан* (сев., юж. *урман-дан*, лит. *урмандан*) ‘из леса’;

– Adj *-*li*: *шикелте* (сев. *шикелде*, юж. *шикельде*, лит. *шикелле*) ‘подобно’;

– Imp 2Sing *-*la*: *жөрәнтә* (юж. *жөрәндә*, лит. *жөрәнлә*) ‘кричи’;

– PartPast *-*lagan*: *жөрәнтәгән* (юж. *жөрәндәгән*, лит. *жөрәнләгән*) ‘крикнул’.

В более общем виде распределение этого признака в башкирских диалектах и говорах было исследовано Ф. Г. Хисамитдиновой: «отмечается такая диалектная особенность, как глухая ступень чередований *l/t/d/δ*, *n/t/d/δ* и *q/k/γ/g*, выступающая после плавных (*r*, *l*): *jamqyr* ‘дождь’, *tamqa* ‘тамга’, *sanqa* ‘лыжи’, *jeŋkä* ‘сноха’, *anta* ‘там’, *mynta* ‘здесь’, *kiltem* ‘я пришел, приехал’, *uŋtuq* ‘нам повезло’, *qulta* ‘в руке’, *köntöd* ‘днём’, *uramqa* ‘на улицу’, *boronqo* ‘древний’, *irtänke* ‘утренний’, *kemkä* ‘кому’, *bartym* ‘я ходил’» [Хисамитдинова 1989: 14], а также показано, что «она не коррелирует с современными диалектными и говорными границами, но довольно хорошо связывается с территорией расселения башкирских племен *катай*, *табын* и *балыксы*» [Юлдашев 2010: 139].

Диалектными особенностями Букваря в области морфологии было отмечено упо-

¹ Китайские башкиры и сегодня проживают по течению р. Инзер и далеко на восток вплоть до Курганской области.

ребление глагольного инфинитива на *-ыу*: *арыу* ‘уставать’, *кыйыу* ‘резать’, а также императива (2Pl) на *-ын/он*: *ыскындырын* ‘отстегните’, *торон* ‘стойте’, которые являются характерными для всех восточных диалектов [Максютова 1976: 195, 197]. Еще одной особенностью отмечено употребление аффиксов будущего времени *-ар/-әр*, которое является важной диалектной чертой аргаяшского и сальзигутского говоров в отличие от ай. *-ым*, *-ырым*, миас. *-ыр/-ер*, кыз. *-ылыр* [Максютова 1976: 54, 134, 194, 233, 276]: *эшетәрзин* — лит. *ишетерһең* ‘услышишь (ты)’. Специфические черты восточных диалектов имеет и система местоимений, представленная в Букваре и выделенная в работе [Мудрак 2009]: *анын* ‘его’ — лит. *уның*; *алардын* ‘их’ — лит. *уларзың*; *анан* ‘от него’ — лит. *унан*; *алардан* ‘от них’ — лит. *аларзан*; *а*, *ал* ‘тот’ — лит. *ул* ‘тот’. В тексте Букваря обнаружен также и ряд диалектизмов, характерных для говоров восточного диалекта [Экба, Норманская, Каримова 2019: 116].

Фонетические, морфонологические и морфологические особенности текста Букваря позволяют с большой долей вероятности приблизить основной «северный» говор к современному аргаяшскому, а «южный» — к кызыльскому; кроме того, в памятнике отмечен уникальный морфонологический вид суффиксов, свойственных китайскому говору.

Диалектные особенности памятника «Первая после букваря книжка для чтения для юго-восточных башкир»

Общие замечания

Продолжением Букваря стала «Первая после букваря книжка для чтения и практические первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» [Книжка 1907].

Она состоит из довольно пространныго текста назидательного характера, не имеющего названия, повествующего о необходимости почитания Бога, родителей и старших по возрасту людей [Книжка 1907: 3–12], а также шести небольших рассказов, имеющих в некотором роде философский и поучительный характер, жанр которых можно было бы обозначить как притча: «*Ике баланын йүнәләүе*» («Исправление двух детей»), «*Антыраган карт*» («Удивленный старик»),

«*Ходай йитемдәрде таштамай*» («Бог не покидает сирот»), «*Түдемдек*» («Терпение»), «*Йаман йүлдаштар*» («Страшные попутчики»), «*Ике йүлдаш*» («Два попутчика»)¹ [Книжка 1907: 12–18]. Язык памятника чрезвычайно богат, для него характерна образность, в тексте использованы многочисленные пословицы и поговорки.

«Первая после букваря книжка для чтения» объединена в общее издание, куда относятся также и «Первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир», книга напечатана в 1907 г. в Казанской типографии. Эта работа послужила, по словам автора, естественным продолжением «Букваря для башкир»: А. Г. Бессонов в заключительной части своей работы в «Примечании ко 2-му изданию» пишет, что «обе эти книжки — первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка, представляющие собой перевод с татарского языка на башкирский, уже были однажды изданы, при покойном окружном инспекторе В. В. Катаринском» [Книжка 1907: 55], однако не имели широкого распространения ввиду несовершенства орфографии. Автором также указывается, что книги были изданы только «на наречии башкир юго-восточной части Верхнеуральского уезда и северной части Орского уезда», хотя ко времени создания этих работ было известно о существовании, как минимум, пяти различных наречий башкирского языка [Книжка 1907: 55–56]. По этой причине А. Г. Бессонов считал необходимым переиздать эти работы, по крайней мере, на двух наречиях, одно из которых, как уже говорилось выше, он называет наречием юго-восточных башкир, а второе — наречием северо-восточных башкир [Книжка 1907: 56].

Так как в Букваре с большой долей достоверности были обнаружены черты аргаяшского и кызыльского говоров, то вполне ожидаемо, что и Книжка для чтения будет отражать особенности тех или иных говоров восточного диалекта, поэтому все обнаруженные формы, отличные от литературного языка, мы сопоставляем с современными диалектными формами, подробно описанными в работе Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка в

сравнительно-историческом освещении» [Максютова 1976].

В настоящем исследовании выписаны все формы, встречающиеся в памятнике, которые отличаются от литературного языка в фонетическом и морфологическом отношениях, рядом приводится литературная форма с переводом на русский язык. В круглых скобках указаны страницы, на которых встречаются указанные формы в тексте памятника; в квадратных скобках приводится ссылка на работу Н. Х. Максютовой [Максютова 1976] и страница, на которой указан соответствующий признак для говоров восточного диалекта. Диалектная принадлежность некоторых форм местоимений и послелогов приводится в соответствии с [ДСБЯ 2002] и [Грамматика 1981].

1. Фонетика

1.1. Полное произношение гласных в середине слов, которое характерно для юго-восточных башкир: *мәшөгөл* (бул) (3) — лит. *мәшкүл* (бул) 'будь занятым'; *курк* (4) — лит. *курк* '(ты) бойся'; *карышылык* (5) — лит. *карышылык* 'возражение, сопротивление'; *күрешеге* (12) — лит. *күрешеге* 'сосед (его)'; *бөкөрө* (12) — лит. *бөкөрө* 'сутулый, горбатый'. Ср.: в тексте В. В. Катаринского вышеуказанные слова: *курк* (19), *мәшгөл* (18), *карышылык* (19), *куршеге* (28) и т. д. [Букварь 1898]. В работе Н. Х. Максютовой отмечено, что такое явление характерно для аргаяшского говора [Максютова 1976: 95].

1.2. Редукция гласных: *балдар* (5, 12, 13) — лит. *балалар* 'дети'; *ауырган* (6) — лит. *ауырыган* 'болеющий'; *йақыш-тыныс* — лит. *яқыш-тыныс* 'тихо-спокойно'; *йөргән* (15, 16) — *йөрөгән* 'ходил'; *йөргәм* (15) — лит. *йөрөһәм* 'если буду ходить'; *сергән(ен)* (17) — лит. *серегән(ен)* 'сгнившее'; *йөргән* (17) — лит. *йөрөһән* 'если будешь ходить'. В работе [Максютова 1976: 175, 182] явление полной редукции гласных *а, ы, о, ө, е* обозначено как характерная черта сальютского говора.

1.3. Выпадение согласных, в особенности *-л-*: в памятнике представлены многочисленные формы глагола *бул-* 'быть': *бугам (ине)* (3) — лит. *булһам (ине)* 'если бы я был'; *бумай* (5) — лит. *булмай* 'не бывает'; *буган* (6, 11) — лит. *булһаң* 'если будешь'; *бугын* (8) — лит. *булһын* 'пусть будет'; *бума* (9) —

¹ Орфография первоисточника сохранена, перевод наш.

лит. *булма* ‘не будь’; *буганын* (*әйтмә*) (10) — лит. *булганын* (*әйтмә*) ‘не говори, что есть’; *булаганын* (*әйтмә*) (10) — лит. *булмаганын* (*әйтмә*) ‘не говори, что нет’; *буга ине* (10, 11) — лит. *булһа ине* ‘если бы был’; *тап буган* (12) — лит. *тап булган* ‘пошел, совпал’; *буган* (12, 14, 15) — лит. *булган* ‘был’; *бумас* (15) — лит. *булмас* ‘не будет’; а также формы *кигә* (11) — лит. *килһә* ‘если придет’; (*тын*) *амай* (17) — лит. (*тын*) *алмай* ‘не дышит’. Н. Х. Максюткова отмечает этот признак как характерный для айского говора [Максюткова 1976: 44]. Здесь следует заметить, что в отличие от Букваря, где в максимальном количестве примеров сохраняются оба согласных в кластере, ср. [Букварь 1907] *көлгән* — лит. *көлһән* ‘если смеешься’, *үлгә* — лит. *үлһә* ‘если умрет’, *буларгын* — лит. *булырһын* ‘будешь’ и др., «Книжка для чтения», напротив, последовательно отражает признак, отмеченный Н. Х. Максютковой для аргаяшского говора как выпадение одного из согласных в кластерах с *h*: арг. *аһан* — лит. башк. *алһаң* ‘если взять’, арг. *буһа* — лит. башк. *булһа* ‘если будет’, но *йылһыс* — лит. башк. *йылһыз* ‘без года’ [Максюткова 1976: 101, 168–169]. Отметим, что Н. К. Дмитриев рассматривает данное явление как неустойчивость сонорных звуков *p*, *l* и как одно из древних явлений [Дмитриев 1955: 179]. С. Ф. Миржанова в своих исследованиях указала, что сонорный *l* склонен к выпадению в диалектах многих тюркских языков, в том числе и башкирского [Миржанова 1979: 113].

1.4. Выпадение *h* в середине слова: *бишәүе* (15) — лит. *бишәүһе* ‘пятеро’; в работе [Максюткова 1976: 101] приводится пример аналогичного употребления *икәүенең* в м. лит. *икәүһенең* для аргаяшского говора.

На следующие фонетические признаки встретились единичные примеры:

1.5. *-o* соотв. лит. *-u* в первом слоге [Максюткова 1976: 87]: *төгөл* (7, 53) — лит. *түгел* ‘посл. не, нет’;

1.6. *-u* соотв. лит. *-o* в первом слоге [Максюткова 1976: 87]: *үгөт иткән* (15) — лит. *өгөт иткән* ‘наставлял’ (здесь — в мягком варианте);

1.7. *-n* соотв. *-b* в лит. и др. говорах [Максюткова 1976: 96]: *пөтмәс бугын* (8) — лит. *бөтмәс булһын* ‘пусть не закончится’;

1.8. *-ж* соотв. *-й* в лит. и др. говорах [Максюткова 1976: 97]: *рәнжетмә* (9) — лит. *рәңйетмә* ‘нанести травму, ранить’;

Признаки 1.5.–1.8. отмечены в работе [Максюткова 1976: 87–97] как характерные для аргаяшского говора. Хотя примеры таких употреблений в памятнике единичны, но было бы правильно признать работу А. Г. Бессонова в том русле, что на основании данных проявлений автор в какой-то мере привязывал язык текста непосредственно к данному говору. Ср: в тексте В. В. Катаринского вышеуказанные слова: *тугел* (23), *потмас булһын* (23), *каришылык* (19), *рәнйетмә* (24) и т. д. [Букварь 1898].

Как видно из анализа данных по фонетике, автор старательно подчеркивал диалектные отличия описываемого наречия: фонетические особенности памятника примерно в равной степени отражают признаки аргаяшского, айского, кызыльского и сальзигутского говоров восточного диалекта; количественно аргаяшских признаков обнаруживается несколько больше, чем остальных.

2. Морфология

2.1. Глагол

2.1.1. Inf: единично представлен инфинитив на *-ырга*: *йадарга* (3, 4) — лит. *язырга*, *языу* ‘писать’; инфинитив на *-ыу*: в отличие от Букваря, примеров нет.

2.1.2. Imp2Pl: *торогод* (4, 6) — лит. *торогоз* ‘стойте’, *тотогод* (5) — лит. *тотогоз* ‘держите’. В отличие от Букваря, где форма императива 2 л. мн. ч. выражает принадлежность к восточному диалекту и имеет аффиксы *-ын/он*, в Книжке она соответствует литературной норме. Уточним, что в обоих памятниках этих форм встретилось всего по две, поэтому говорить о системном отображении этого признака не приходится.

2.1.3. Fut: Как уже было сказано выше, наиболее показательным признаком ряда современных говоров восточного диалекта является употребление показателей будущего времени *-ар/-әр*, что отмечено в качестве важной диалектной особенности аргаяшского и сальзигутского говоров [Максюткова 1976: 54, 134, 194, 233, 276]. В отличие от Букваря, где такие случаи единичны, в Книжке представлены многочисленные формы глагола *бул-* ‘быть’ с аффиксом *-ар*, в том числе в составе сложных слов, а также

ряд других глаголов: *табарғын* (3) — лит. *табырһың* '(ты) найдешь'; *буларғын* (4, 11, 12) — лит. *булырһың* '(ты) будешь'; *хур булар* (5) — лит. *хур булыр* 'пропадет'; *йакын булар* (6) — лит. *якын булыр* 'будет близок'; *инанмас булар* (9) — лит. *инанмас булыр* 'не поверит'; *йаратар* (12) — лит. *яратыр* 'будет любить'; *буларбыҙ* (13) — лит. *булырбыҙ* '(мы) будем'; *шул булар* (15) — лит. *шул булыр* 'так будет'; *китәр* (17) — лит. *китер* 'уйдет, уедет'.

2.2. Система местоимений. В аргаяшском и миасском говорах *-а* — соотв. лит. *-у* [Максютова 1976: 123, 125, 229]. Примеры употреблений в памятнике: *анан* (3, 7, 8, 15) — лит. *унан* 'от него', *аларга* (5) — лит. *уларга* 'им', *анын* (7, 15) — лит. *уның* 'его', *анда* (15) — лит. *унда* 'там', *аларды* (15) — лит. *уларды* 'их', *аңа* (15) — лит. *уңа* 'ему', *алар* (16) — лит. *улар* 'они'. Встречаются и две формы с начальным *-у*: *унда* 'там' (15), *ундай* 'такой' (17). В последующих уроках автор дает параллельно обе формы: *ага* — *уга* 'ему' (26), *аны* — *уны* 'его' (27), *анын* — *унын* 'его' (31).

Встречаются также местоименные формы, употребляемые как в говорах восточного, так и южного диалектов:

— *шу* (7), *шу(лар)* — *улар* (18) — *шу* (дем., кызыл., ср.-урал) — лит. *шул* 'тот' [ДСБЯ 2002: 395];

— *шушы(лар)* (4) — *шушы* (дем., ср., ик-сакм.) — лит. *ошо* 'этот' [ДСБЯ 2002: 396];

— *булай* (11) — диал. *булай* — лит. *былай* 'так' [Грамматика 1981: 155];

— *нй* (7, 10, 13, 14, 17, 18) — *ней* (вост. диал.) — лит. *нимә* 'что' [ДСБЯ 2002: 243]; *нй эштәрән белмәй* (13, 14, 17) — лит. *нимә эшләрен белмәй* 'не зная, что делать';

— *нйсек* (13) — лит. *нисек* 'как' [Грамматика 1981: 157];

— *нйгә* (14) — *нейә* (вост. диал., ср.) — лит. *ниңә?* 'почему?' [ДСБЯ 2002: 244].

Представлены и многочисленные падежные формы диалектного местоимения *нәрсә* (юж., ср., ик-сакм.) — соотв. лит. *нимә?* 'что?' [ДСБЯ 2002: 247]: *нәрсәге йук* (4), *бар нәрстә* (6), *бер нәрсәне* (10), *үд нәрсәңә* (10), *кеше нәрсәңә* (10), *нәштә* (10), *нәрсәңде* (10).

2.3. Послелог: *белән* (4, 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16, 17) — диал. *белә*, *белән* (юж., кызыл.), лит. *менән* 'с' [ДСБЯ 2002: 44]; *шикелде* (13) — диал. *шикелдеге* (арг., дем.,

кызыл.) — лит. *шикелле* 'вроде, подобно' [ДСБЯ 2002: 393].

Таким образом, система местоимений представлена как восточными, так и южными формами, то же относится и к употреблению послелогов. Возможно, это связано с тем, что кызылский говор восточного диалекта имеет непосредственное территориальное соприкосновение с говорами южного, что и способствовало такому взаимопроникновению, и это в полной мере нашло свое отражение в памятнике.

3. Морфонология

Так же, как и в Букваре, морфонологический анализ различных частей речи текста «Книжки для чтения» указывает на особую форму аффиксов, которая характерна только диалектам восточного наречия и отличается от литературной нормы, где приняты формы южного диалекта с аффиксами с начальным *-л* [Грамматика 1981: 171, 228; Максютова 1976: 16]:

3.1. Adj **-li*: аффиксы прилагательных *-ты/-те* (после основ на конечный глухой), *-ды/-де* (после основ на конечный сонорный), *-дө/-дө* (после основ на *и, й, у, ү, р, з*), соответствующие литературному *-лы/-ле*: *акылды* (3, 17) — лит. *акыллы* 'умный', *тәмде* (3, 9, 14) — лит. *тәмле* 'вкусный', *төрдө* (3, 11) — лит. *төрлө* 'разный'; *ғауапты* (4) — лит. *ғауаплы* 'благословенный'; *ғонахты* (6) — лит. *ғонаһлы* 'грешный'; *шу хәтте* (7) — лит. *шул хәтте* 'до такой степени', *көстө-кыуатты* (8) — лит. *көслө-кеүәтте* 'сильный'; *данды* (8) — лит. *данлы* 'прославленный'; *гөйөктө* (9, 11) — лит. *һөйөклө* 'милый, добрый'; *рәхимде* (9) — лит. *рәхимле* 'милосердный'; *йаман телде* (9) — лит. *яман телле* 'злословный'; *тырышты* (10) — лит. *тырышлы* 'прилежный, старательный'; *ғонахты* (11) — лит. *ғонаһлы* 'грешный'; *йөрәкте* (11) — лит. *йөрәкле* 'добрый, сердечный'; *йәрды* — лит. *ярлы* 'бедный'; *укымышты* (15) — лит. *укымышлы* 'образованный'; *иртәле-кисте* (15) — лит. *иртәле-кисле* 'круглосуточно';

3.2. NomAbstr **-lik*: аффиксы абстрактных существительных *-тык/-тек*, *-дык/-дек*, *-дык /-дек* — соотв. лит. *-лык/-лек*: *гүмердек* (3) — лит. *гүмерлек* 'на всю жизнь'; *баишык* (5) — лит. *баишык* зд. 'главенство'; *йамандык* (6, 7, 9, 11, 12) — лит. *яманлык* 'злодеяние'; *уғалдык* (6) — лит. *уғаллык* 'зло';

гаудык (7, 8, 12) — лит. *ғаулық* ‘здоровье’; *бәхеттек* (8) — лит. *бәхетлек* ‘счастье’; *дұстык* (9) — лит. *дұсылык* ‘дружба’; *дошмандык* (9) — лит. *дошманлык* ‘вражда’; *бәхилдек* (9) — лит. *бәхиллек* ‘прощение’; *йалкаудык* (10) — лит. *ялкаулык* ‘лень’; *бодокток* (11, 16) — лит. *бозоклок* ‘порча’; *йитәрдек* (11) — лит. *етәрлек* ‘достаточно’; *кыйындык* (16) — лит. *кыйынлык* ‘затруднение’;

3.3. PartPast **-lagan*: аффиксы причастий прошедшего времени *-таган/-тәгән*, *-даган* — соотв. лит. *-лаган/-лэгән*: *эштәгән* (7) — лит. *эшлэгән* ‘сделал, сделанный’; *уйдаган* (7, 10) — лит. *уйлаган* ‘думал, обдуманый’; *йөктәгән* (13) — лит. *йөклэгән*, *йөкмәгән* ‘нагрузил, нагруженный’; *коттагандар* (13) — лит. *котлаганлар* ‘поздоровили’; *зарданган* (14) — лит. *зарланган* ‘мучился, измученный’; *баштаган* (15, 16, 17) — лит. *башилаган* ‘начал, начатый’;

3.4. ConV **-lap*: аффиксы деепричастий на -п *-та/-тә(п)*, *-да/-дә(п)*, *-да/-дә/-де(п)* — соотв. лит. *-ла/-лә/-ле(п)*: *хөрмәттәп* (4) — лит. *хөрмәтләп* ‘уважая’, *эштәп* (5, 15) — лит. *эшләп* ‘работая’, *гөйдәп* (5, 15) — лит. *һөйләп* ‘говоря’, *тындап* (8, 9) — лит. *тыңлап* ‘слушая’; *иптәп* — лит. *ипләп* (10) ‘осторожно’, *уйдап* (10, 15) — лит. *уйлап* ‘думая, обдуманно’; *йүндәп* (10) — лит. *йүнләп* ‘как следует’; *үсектәп* (12) — лит. *үсекләп* ‘передразнивая’; *бәйдәп* (13) — лит. *бәйләп* ‘перевязав’; *(урам) буйдап* (14) — лит. *(урам) буйлап* ‘вдоль улицы’; *йәлдәп* (14) — лит. *йәлләп* ‘пожалев’; *рәхәттәнәп* (14) — лит. *рәхәтләнәп* ‘с удовольствием’; *йоктап* (14) — лит. *йоклап* ‘заснув’; *таштап* (15, 18) — лит. *ташлап* ‘бросив’; *йырдап* (18) — лит. *йырлап* ‘напевая’;

3.5. Imp2Sing **-la*: формы императива глагола (2 л. ед. ч.) *-та/-тә*, *-да/-дә* — соотв. лит. *-ла/-лә*: *хурдама* (5) — лит. *хурлама* ‘не обвиняй’; *эштә* (7, 10) — лит. *эшлә* ‘делай’; *закта* (8, 12) — лит. *һакла* ‘храни’, *зактан* (9) — лит. *һаклан* ‘берегись’; *тында* (9) — лит. *тыңла* ‘слушай’; *таштама* (9) — лит. *ташлама* ‘не бросай’; *кәдердә* (9) — лит. *кәзерлә* ‘береги’; *хөрмәттә* (9) — лит. *хөрмәтлә* ‘уважай’; *әддәмә* (9) — лит. *әзләмә* ‘не ищи’; *гөйдә* (10), *хөйдә* (12) — лит. *һөйлә* ‘говори’; *гөйдәмә* (10, 12) — лит. *һөйләмә* ‘не говори’; *баштама* (10) — лит. *башлама* ‘не начинай’; *зоктанма* (10) — лит. *һокланма* ‘не любуйся’; *урдама* (10) — лит. *урлама*

‘не воруй’; *көндәмә* (11) — лит. *көнләмә* ‘не ревнуй’;

3.6. Cond2Sing **-lahan/-lähän*: формы условного наклонения глагола (2 л. ед. ч.) *-таган/-тәгән* — соотв. лит. *лаһаң/-ләһәң*: *эштәгән* (6) — лит. *эшләһәң* ‘если сделаешь’;

3.7. Prs3Sing **-lay/läy*: формы наст. вр. глагола (3 л. ед. ч.) *-тай/-тәй*, *-дай/-дәй* — соотв. лит. *-лай/-ләй*: *зактай* (7) — лит. *һаклай* ‘хранит’; *эштәмәй* (10) — лит. *эшләмәй* ‘не делает’; *таштамай* (11, 14) — лит. *ташламай* ‘не бросает’; *уйдай* (15) — лит. *уйлай* ‘думает’;

3.8. PrsCaus3Sing Poss **-la (ta)*: *йоктата* (18) — лит. *йоклата* ‘убаюкивает’.

Кроме того, в памятнике встречаются характерные для большинства диалектов, а также разговорной речи стяженные формы различных частей речи: *кашында* (3) — лит. *каришыһында* ‘напротив’; *атаңды* (14) — лит. *атайыңды* ‘отца (своего)’; *шулуйтып* (15) — лит. *шулай итеп* ‘так, таким образом’; *күрән ме?* (17) — лит. *күрәһең ме?* ‘видишь ли (ты)?’ и др.

Таким образом, многочисленные примеры в области морфонологии подтверждают последовательное, практически без исключений, отражение в памятнике признаков восточного диалекта.

4. Лексика

Как и в Букваре, в этом памятнике обнаруживаем ряд слов, которые могут быть отнесены к лексическим и фонетическим диалектизмам. Все диалектные формы сопоставлены с литературными, для лучшего понимания лексемы приведены в контекстах, орфография первоисточника сохранена, перевод наш:

– *йазылыу* (ср., ай.) — соотв. *һауығыу* ‘выздоровливать’ [ДСБЯ 2002: 106]. *Балам! аурган сағында айылдама, Ходайдан телә, гинә йадалтыр* ‘Дитя мое! Во время болезни не жалуйся, попроси Бога, (он) тебя исцелит’ [Книжка 1907: 6];

– *һыктау* (арг., миас., сал.) — соотв. *илау* ‘плакать’ [ДСБЯ 2002: 384]. *Йөрәкте кеше сыдап үткәргән эш йөрәкгәд кешегә төшгә, ул кайгырып ғыктай* ‘Если событие, которое может вытерпеть добрый человек, выпадет злому, тот, огорчившись, плачет’ [Книжка 1907: 11];

– *улан* (ток-соран, ср.) — соотв. *ул* ‘сын’ [ДСБЯ 2002: 354]; *өгөү* (ай.) — лит. *өмөт*

ләнеү, өмөт итеү ‘надеяться, питать надежду’ [ДСБЯ 2002: 255]; *тәләкә, тәләкә* (кызыл.) — лит. *мысқыл* ‘оскорбление’, *тәләкә итеү* (*мысқыллау*) ‘оскорблять’ [ДСБЯ 2002: 348]. В памятнике все эти слова употреблены в пределах одного предложения: *Ул кеше уландарын өгөттәп әйткән: «карт кешеләргә тәләкә итмәгед, гонас була» тип* ‘Тот человек, питая надежду на своих сыновей, сказал: «Не оскорбляйте старых людей, это является грехом»’ [Книжка 1907: 12];

— *бәйзәм* (вост. диал.) — соотв. *бәйләй торган нәмәләр* ‘вещи, предназначенные для вязания’ [ДСБЯ 2002: 69], зд. использовано в значении ‘вязанка дров’: «...*әгәр-дә рәхим итгән мин мына бер бәйдәм утынды күтәрергә сакыргаиным*» тип ‘...«с твоего позволения, я позвал тебя помочь поднять вот эту вязанку дров»’ [Книжка 1907: 14];

— *йома* (кызыл., миас., ыргыз.) — соотв. *азна* ‘неделя’ [ДСБЯ 2002: 122]. В памятнике приводятся оба варианта этого слова: *бер йомганан (аднанан) гун килеп карарбед* ‘через неделю вернемся и посмотрим’ [Книжка 1907: 16];

— *тәкмәрләү* (сев.-зап., ыргыз.) — соотв. *тәкмәсләү* ‘перекувыркаться’ [ДСБЯ 2002: 348]. *Аныгы ний эштәргә белмәй, үлгән кеше булып тәкмәрәгән дә йаткан* ‘Тот, не зная, что делать, перекувыркнулся и лег, словно мертвый’ [Книжка 1907: 17];

— *хәтәрле* (сакм.) — соотв. *хәтәр* ‘опасно’ [ДСБЯ 2002: 368]. *Насар кешеләр — шулар-улар: хәтәрде көндә йүлдаштарын таштап касалар тип* ‘Таковы плохие люди: в опасный момент убегают, бросив своего попутчика (сказал)’ [Книжка 1907: 18];

әпсә (кызыл., миас, сакмар, ыргыз) — соотв. *әсә* ‘мать’ [ДСБЯ 2002: 426]. *Әпсәге сәмгелдәк бәйтә, үде йырдап, балагын йоктата* ‘Мать качает колыбель, сама песню напевая, убаюкивает ребенка’ [Книжка 1907: 18].

Как отмечает Н. Х. Максютлова, по составу лексики наиболее приближены айский, аргаяшский, сальютский, частично миасский говоры восточного диалекта, а также караидельский и средний говоры южного диалекта, т. е. полный ареал лексических особенностей включает северо-восток Башкирии, северную часть Челябинской области до р. Уй и северо-восточную часть Курганской области [Максютлова 1976: 63–64].

Выводы

Анализ фонетических, морфологических, морфонологических и лексических особенностей «Книжки для чтения» позволяет сделать вывод о том, что язык памятника в полной мере отражает черты восточного диалекта башкирского языка и автор достиг поставленной цели — отразить особенности наречия юго-восточных башкир. Фонетические особенности памятника по многим признакам совпадают с особенностями аргаяшского говора, хотя содержат также отдельные признаки айского, кызыльского и сальзигутского говоров восточного диалекта.

В области морфологии регулярно употребляется форма глагола будущего времени на *-ар*, характерная для аргаяшского и сальзигутского говоров восточного диалекта. Формы личных местоимений в достаточной степени указывают на принадлежность к миасскому и аргаяшскому говорам. Морфонологический анализ различных частей речи, использованных в тексте, однозначно указывает на употребление особой формы аффиксов, которая характерна только для диалектов восточного наречия и отличается от литературного языка, в котором приняты формы южного диалекта.

Таким образом, значение работ А. Г. Бессонова для современной лингвистической науки трудно переоценить. В первую очередь можно отметить, что как в Букваре, так и в Книжке для чтения последовательно отражены как общая специфика восточных диалектов, так и особенные черты отдельных говоров. Благодаря этим данным мы имеем достаточно полное представление о состоянии говоров восточного диалекта, зафиксированном в период на начало XX в. Соответственно, сравнивая диалектные особенности, приведенные в работах А. Г. Бессонова, с новейшими данными этих говоров, в перспективе можно будет судить об изменениях, произошедших на протяжении более чем ста лет.

Другим важным значением его работ можно считать то, что благодаря этим памятникам письменности мы имеем представление об изменениях территории расселения носителей отдельных говоров, так как в послесловии к «Книжке для чтения...» указано место проживания носителей «северного» и «южного» наречий [Книжка 1907:

55–56]. В частности, территории, занимаемые носителями современных аргаяшского и кызыльского говоров, в значительной степени сократились по сравнению с началом XX в. (см. подробнее об этом [Экба, Норманская, Каримова 2019: 116]). Известный башкирский ученый проф. Дж. Киекбаев, изучавший научное и творческое наследие А. Г. Бессонова в середине прошлого столетия, по праву назвал его «основоположником башкирской диалектологии» [Киекбаев 1958: 41].

Следует подчеркнуть и роль А. Г. Бессонова как талантливого педагога и просветителя, внесшего существенный вклад

в дело обучения башкир грамоте. В пояснении к Букварю он написал: «Арабская азбука сопоставлена нами с русской азбукой, примененной к башкирскому языку, с той целью, чтобы башкирские дети, изучающие как арабскую грамоту, так и русский язык с русской грамотой, могли вместе с тем выяснить для себя все особенности произношения (фонетики) своего родного языка, не стыдились бы его, а полюбили бы этот чудный, благозвучный язык» [Букварь 1907: 46]. Это характеризует ученого не только как прекрасного лингвиста и методиста, но и настоящего патриота башкирского языка, ставшего для него родным.

Сокращения

Общие

диал. — диалектное

зд. — здесь

лит. — литературное

посл. — послелог

сев. — «северный» диалект по А. Г. Бессонову

сев.-зап. — северо-западный диалект

башкирского языка

соотв. — соответствие

юж. — «южный» диалект по А. Г. Бессонову

Глоссы

Abl — аблатив

Adj — прилагательное

Cond2Sing — условное наклонение 2 л. ед. ч.

Conv — деепричастие

Imp2Sing — императив 2 л. ед. ч.

Imp2Pl — императив 2 л. мн. ч.

Inf — инфинитив

Fut — будущее время

NomAbstr — абстрактное существительное

PartPast — причастие прошедшего времени

Prs 3Sing — настоящее время 3 л. ед. ч.

Prs Caus 3Sing — настоящее время 3 л. ед. ч.

понудительный залог

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект

ай. — айский говор

арг. — аргаяшский говор

кызыл. — кызыльский говор

куб. — кубалакский подговор кызыльского говора

миас. — миасский говор

сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект

дем. — демский говор

ик-сакм. — ик-сакмарский говор

ыргыз. — иргизский (ыргызский) говор

сакмар. — сакмарский говор

сред. — средний говор

ток-соран. — ток-соранский говор

Литература

БРС 1899 — Башкирско-русский словарь. Оренбург: Типо-лит. Б. Бреслина, 1899. 240 с.

Бессонов 1881 — Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Август. 1881. Часть ССХVI. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 200–242.

Букварь 1892 — Букварь для башкир. Оренбург: Типо-лит. Б. Бреслина, 1892. 58 с.

Букварь 1898 — Букварь для башкир. Оренбург: Типо-лит. Б. Бреслина, 1898. 58 с.

Букварь 1907 — Бессонов А. Г. Букварь для башкир. Казань: Центральная тип., 1907. 46 с.

Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского языка / ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.

Дмитриев 1955 — Дмитриев Н. К. Неустойчивое положение сонорных р, л, м, н в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 279–281.

ДСБЯ 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка (= Башкорт теленең диалекттары һүзлеге). Уфа: Китап, 2002. 430 с.

Киекбаев 1958 — Киекбаев Ж. Башкорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыскаса инеш // Ученые записи Башкирского государственного университета. 1958. Вып. 3.

- Серия Филология. № 2. Уфа: б. и., 1958. С. 27–81.
- Книжка 1907 — Бессонов А. Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань: Центр. тип., 1907. 56 с.
- Кононов 1982 — Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Л.: Наука, ЛО, 1982. 272 с.
- Куватов 1895 — Куватов М. Башкирские пословицы // Известия Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Вып. 6. Оренбург: Тип. Духовной консистории, 1895. С. 31–48.
- Максютова 1976 — Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.
- Миржанова 1979 — Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.
- Миржанова 1983 — Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении): дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1983. 365 с.
- Мудрак 2009 — Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М.: РГТУ, 2009. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и антинности. Вып. XXIII). 187 с.
- Норманская, Каримова, Экба 2017 — Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Экба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017. № 2 (25). С. 46–52.
- ПК 1901 — Переводческая Комиссия православного миссионерского общества при Братстве Св. Гурия в Казани. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1901. 70 с.
- Православное церковное братство 1867 — Православное церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе // Известия по Казанской Епархии. Казань: б. и., 1867. № 6. С. 168.
- Святое Евангелие 1899 — Святое Евангелие от Матфея на башкирском языке (опыт). Казань: Типо-литография В. М. Ключникова в Казани, 1899. 84 с.
- Святое Евангелие 1902 — Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Издание Британского Иностранного Библейского общества. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1902. 314 с.
- Экба, Норманская, Каримова 2019 — Экба З. Н., Норманская Ю. В., Каримова Р. Н. Три диалекта в Букваре для башкир А. Г. Бессонова // Урало-алтайские исследования. 2019. № 2 (33). С. 101–111.
- Хисамитдинова 1989 — Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа: БГПИ, 1989. 81 с.
- Юлдашев 2010 — Юлдашев А. А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М.: Вост. лит., 2010. С. 121–156.

References

- An Alphabet Book for Bashkirs. Orenburg: B. Breslin, 1898. 58 p. (In Bash. and Russ.)
- An Alphabet Book for Bashkirs. Orenburg: B. Breslin, 1892. 58 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Dialect Dictionary. Ufa: Kitap, 2002. 430 p. (In Bash.)
- Bashkir-Russian Dictionary. Orenburg: B. Breslin, 1899. 240 p. (In Bash. and Russ.)
- Bessonov A. G. An Alphabet Book for Bashkirs. Kazan: Tsentralnaya Tipografiya, 1907. 46 p. (In Bash. and Russ.)
- Bessonov A. G. Revisiting dialects of Kazan Tatar and the latter's relation to its closest dialects and languages. *Zhurnal Ministerstva narodno-goprosveshcheniya*. 1881, August. Part CCX-VI. Pp. 200–242. (In Russ.)
- Bessonov A. G. The First Primary School Reader and Fundamentals of Russian for Southeastern Bashkirs. Kazan: Tsentralnaya Tipografiya, 1907. 56 p. (In Bash. and Russ.)
- Dmitriev N. K. Unstable sonorants *r*, *l*, *m*, *n* in Turkic languages. In: *Studies in Comparative Turkic Grammar*. Vol. 1: Phonetics. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. Pp. 279–281. (In Russ.)
- Ekba Z. N., Normanskaya Yu. V., Karimova R. N. Three dialects in Alexander Bessonov's 'ABC book for the Bashkirs'. *Ural-Altaic Studies*. 2019. No. 2 (33). Pp. 101–111. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. History of the Bashkir Language: Materials on Historical Phonetics. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute, 1989. 81 p. (In Bash.)
- Kiebaev Zh. Bashkir dialects and a brief history of their origin. *Uchenye zapisi BGU*. 1958. Vol. 3. No. 2. Pp. 27–81. (In Bash.)

- Kononov A. N. History of Turkic Linguistics in Russia: The Pre-October (1917) Period. 2nd ed., suppl. and rev. Leningrad: Nauka, 1982. 272 p. (In Russ.)
- Kuvatov M. Bashkir proverbs. *Izvestiya Orenburgskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1895. Vol. 6. Pp. 31–48. (In Russ.)
- Maksyutova N. Kh. Eastern Bashkir: A Comparative Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1976. 292 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Southern Bashkir. Moscow: Nauka, 1979. 272 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Southern Bashkir: A Comparative Historical Perspective. Dr. Sc. (philology) thesis. Ufa, 1983. 365 p. (In Russ.)
- Mudrak O. A. Classifying Turkic Languages and Dialects through the Use of Glottochronological Methods: Insights into Morphology and Historical Phonetics. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. 187 p. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V. Katarinski the author of the first Cyrillic Bashkir-language book? *Ural-Altaic Studies*. 2017. No. 2 (25). Pp. 46–52. (In Russ.)
- Orthodox Christian Missionary Society of St. Gouri Brotherhood in Kazan: A Review of Activities by Translation Commission. Moscow: A. I. Snegireva, 1901. 70 p. (In Russ.)
- St. Gouri Orthodox Christian Brotherhood at the Cathedral of Kazan. *Izvestiya po Kazanskoy Eparkhii*. 1867. No. 6. P. 168. (In Russ.)
- The Holy Gospel of Matthew: A Bashkir Translation. Kazan: V. M. Klyuchnikov, 1899. 84 p. (In Bash.)
- The Holy Gospels of Matthew, Mark, Luke, and John: Bashkir Translations. Edition by the British and Foreign Bible Society. Kazan: V. M. Klyuchnikov, 1902. 314 p. (In Bash.)
- Yuldashev A. A. (ed.) Modern Bashkir Grammar. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. Bashkir dialects. In: *Dialects of Turkic Languages*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. Pp. 121–156. (In Bash.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 1089–1101, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.153

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1089-1101

Модели осложненных предложений с сопоставительными оборотами в хакасском языке

Алена Николаевна Чугунекова¹

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (д. 94, пр. Ленина, 655017

Абакан, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1046-5699. E-mail: chugunekowa@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Чугунекова А. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье на материале хакасского языка описываются модели осложненных предложений с сопоставительными оборотами. В настоящее время многие вопросы, касающиеся описания осложненных предложений в хакасском языке, еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. *Целью* статьи является выявление и анализ структурно-семантических типов и способов выражения осложненных предложений с сопоставительными оборотами в хакасском языке. *Материалом* исследования послужила сплошная выборка примеров из текстов произведений художественной литературы различных жанров, фольклорных и публицистических текстов на хакасском языке, а также записи устной речи. *Результаты.* На основании проведенного исследования для хакасского языка автор выделяет три типа осложненных предложений с сопоставительными оборотами: сопоставительная модель с равенством признаков; сопоставительно-градационная модель и заместительная модель. У каждой модели содержится описание основной семантики, способ оформления отношений между зависимой и главной частями и конкретных примеров, иллюстрирующих их употребление. Каждая модель варьируется в семантическом и структурном планах. У сопоставительной модели с равенством признаков и сопоставительно-градационной модели выделяется по два варианта, а у заместительной — пять. В сопоставительной модели с равенством признаков передается отношение равенства между двумя событиями. В основе сопоставительно-градационной модели располагается сопоставление по степени значимости событий. Так, значимым становится действие, представленное в главной части. У заместительной модели выделяются два типа моделей: собственно-заместительная и заместительно-предпочтительная. В собственно заместительных моделях действия главной части не совпадают с ожиданием говорящего, а в заместительно-предпочтительных моделях предпочтение отдается главному событию.

Ключевые слова: модели осложненных предложений, сопоставительные модели равенства, сопоставительно-градационная модель, заместительная модель, собственно-заместительная модель, заместительно-предпочтительная модель, хакасский язык

Для цитирования: Чугунекова А. Н. Модели осложненных предложений с сопоставительными оборотами в хакасском языке // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1089–1101. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1089-1101

Khakass Expanded Sentence Patterns with Comparative Expressions

*Aljona N. Chugunekova*¹

¹ Katanov Khakas State University (94, Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0003-1046-5699. E-mail: chugunekowa@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Chugunekova A. N., 2021

Abstract. Introduction. This article, based on the material of the Khakass language, describes models of complicated sentences with comparative constructions. Notably, many issues related to the description of complicated sentences in Khakass have not received proper coverage yet, which determines the relevance of this study. The article *aims* to identify and analyze the structural-semantic types, as well as ways of expressing complicated sentences with comparative constructions in the Khakass language. The research is based on a solid sample of examples from the texts of fiction of various genres, folklore, and journalistic texts, as well as recordings of oral speech. **Results.** The research shows that there are three types of complicated sentences in Khakass, including a comparative model based on the equality of compared features, a comparative-gradation model, and a substitution model. Each model is described in terms of its basic semantics and ways of formalizing the relationship between dependent and main parts, with specific examples illustrating their use. Each model varies in semantic and structural terms. The comparative model of equal features and the comparative-gradation model have two variants, the substitution model has five. In a comparative model based on equality of features, equal relations between two given events are expressed, while the comparison-gradation model compares the degree of significance of given events, with the action in the main part becoming significant. The substitution model may be of two types: substitutive *per se* and substitutive-preferential. In substitutive models proper, the actions of the main part do not meet the speaker's expectation, while in the other model, preference is given to the main event.

Keywords: models of complicated sentences, comparative models of equality, comparative-gradation model, substitution model, proper substitutive model, substitutive-preferential model, the Khakass language

For citation: Chugunekova A. N. Khakass Expanded Sentence Patterns with Comparative Expressions. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1089–1101. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1089-1101

Введение

Осложненные предложения занимают важное место в общей системе компаративных конструкций. В хакасском языке, как и во многих тюркских языках, осложненные предложения с сопоставительными оборотами еще не получили должного освещения. Под осложненными предложениями с сопо-

ставительными оборотами мы будем понимать предложения, «главная и зависимая части которых выражают события, может быть и реальные, но не в одинаковой мере значимые» [Тыбкова, Черемисина, Тыбыкова 2013: 191]. Альтернативный вариант в подобных предложениях всегда остается за говорящим.

На материале разных языков рассматриваемым предложениям было уделено внимание многих исследователей [Русская грамматика 1980; Бондаренко 1981; Предикативное склонение 1984; Оркина 2000; Шамина 2001; Буркова 2003; Тыбкова, Черемисина, Тыбыкова 2013; Скрибник, Даржаева 2016; Озонова 2019; и др.]. Так, например, авторы коллективной монографии [Тыбкова, Черемисина, Тыбыкова 2013] рассмотрели типологию осложненных предложений алтайского языка в сопоставлении с русскими, в числе которых и осложненные предложения с сопоставительными оборотами. Исследователь А. А. Озонова тоже на материале алтайского языка провела подробный анализ заместительных конструкций, выделив причастные и деепричастные конструкции [Озонова 2019: 281–289]. Е. К. Скрибник и Н. Б. Даржаева выявили сопоставительные конструкции для бурятского языка [Скрибник, Даржаева 2016: 262–280].

Из всех разнообразных типов осложненных предложений с сопоставительными оборотами в данной статье будут рассматриваться только моносубъектные полипредикативные конструкции. В моносубъектных конструкциях отношения между двумя событиями связаны только с одним субъектом.

Каждое рассматриваемое предложение строится по разным моделям: «план выражения модели есть структурная схема, план содержания модели составляет пропозиция, выражаемая синтаксической формой. Все необходимые компоненты структурной схемы фиксируются в ней при помощи условных символов» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 7], а «многообразие речевых воплощений конкретной модели представляет собой ее структурное и семантическое варьирование» [Черемисина, Скрибник 1996: 48]. Например: символом $N_{\text{НОМ}}$ фиксируется имя существительное в именительном падеже, $Tv=ганча$ — основа глагола в форме деепричастия и др.

Как показал наш исследовательский материал, в хакасском языке можно выделить три типа осложненных моделей предложений с сопоставительными оборотами:

- 1) сопоставительная модель с равенством признаков;
- 2) сопоставительно-градационная модель;
- 3) заместительная модель.

В рассматриваемых моделях отношения между главной и зависимой предикативной единицей передаются самыми различными способами: коррелятивные пары *хайди* — *иди* ‘как — так’, *хай син* — *анча* ‘сколько — столько’, форма исходного падежа =дан, форма причастия со служебным словом *орнына* ‘вместо’, деепричастие — *ганча*.

Зависимая часть всегда препозитивна.

Материал исследования

Фактическим материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из ряда текстов произведений художественной литературы различных жанров, фольклорных и публицистических текстов на хакасском языке, а также записи устной речи.

Основным методом исследования является метод структурного моделирования предложения, сущность которого заключается в выделении из речи образцов (моделей), по которым строится высказывание.

1. Сопоставительная модель с равенством признаков

В сопоставительной модели с равенством признаков между зависимой и главной частями устанавливаются отношения равенства. Равенство сопоставляемых признаков передается разными «местоименно-сопоставительными словами», среди них мы выделяем следующие: *хайди* — *идёк* ‘как — так же’ и *хай син* — *анчох* ‘сколько — столько же’. Следует отметить, что в данной модели местоимения *иди* ‘так’ и *анча* ‘столько’ всегда употребляются в сочетании с частицей *=ох/=ёк*, который вносит значение «утверждения и подтверждения, со словами пишутся слитно, при этом имена, оканчивающиеся на гласный, обычно теряют конечный гласный» [ГХЯ 1975: 249], например: *иди+ёк→идёк*, *анча+ох→анчох* и др.

В зависимости от местоименно-сопоставительных слов мы выделяем два варианта данной модели:

1. (...хайди), [...ідѡк...]¹ — «...как,... также...»

(1) <i>Малны</i>	<i>хайди</i>	<i>азыразаң, /</i>	<i>Сүтти</i>	<i>ідѡк</i>
мал=ны	хайди	азыра=за=ң	сүт=ті	іді=ѡк
скот=ACC	как	кормить=COND=2Sg	молоко=ACC	так=же: POSTP
<i>аларзың.</i>				
ал=ар=зың				
братъ=FUT=2Sg				

‘Как будешь кормить скот, так же будешь получать молоко’ [Мудрое слово 1976: 85].

2. (...хай син), [анчох...] — «...сколько, столько же...»

(2) <i>Хай син</i>	<i>тогынарзың,</i>	<i>анчох</i>	<i>ахча</i>	<i>аларзың.</i>
хай син	тоғын=ар=зың	анча=ох	ахча=Ø	ал=ар=зың
сколько	работать=FUT=2Sg	столько=же: POSTP	деньги=NOM	братъ=FUT=2Sg

‘Сколько будешь работать, столько же будешь получать денег’² [Мудрое слово 1976: 86].

2. Сопоставительно-градационная модель

В данной модели зависимая и главная части сопоставляются по степени их значимости. Так, значимым в данной модели считается действие, выраженное в главной части. Оно считается более реальным, чем действие, представленное в зависимой части.

В зависимости от предиката зависимой части мы выделяем два варианта сопоставительно-градационной модели:

1) (N=даң+полар), [N таа — V^{Negfin}] — «не то что, даже»

У данного варианта модели предикат зависимой части выражается именем в форме исходного падежа (=даң) в сочетании с вспомогательным глаголом *пол* в форме будущего времени (=ар), сказуемое главной части обычно стоит в отрицательной форме. Кроме того, в главной части обязательно наличие усилительной частицы *даа/дее; таа/тее*:

(3) <i>Төрт</i>	<i>туйғактығ</i>	<i>малдаң</i>	<i>полар, /</i>	<i>Азыр</i>	<i>ханаттығ</i>
төрт	туйғак=тығ	мал=даң	пол=ар	азыр	ханат=тығ
четыре	копыта=ADJ	скот=ABL	быть=FUT	раздвоение	крыло=ADJ
<i>хус</i>	<i>таа /</i>		<i>Азыра</i>	<i>учухпаандыр.</i>	
хус=Ø	таа		азыра	учух=паан=дыр	
птица=NOM	даже=PTCL		через	летать=NEG=PAST3	

‘Не то, что четырехкопытное животное, / Даже двукрылая птица здесь не пролетала’ [Хара хусхун 1977: 12].

2) (Tv=ардаң), [N даа — V^{Negfin}] — «не то что, даже»

Предикат зависимой части выражается субстантивированным причастием буду-

щего времени в форме исходного падежа, сказуемое главной части также стоит в отрицательной форме и обязательно наличие усилительной частицы *даа (дее; таа/тее)*:

(4) <i>Холын</i>	<i>көдірердең,</i>	<i>пазын</i>	<i>даа</i>	<i>көдірбинче.</i>
хол=ын	көдір=ер=дең	паз=ы=н	даа	көдір=бин=че
рука=POSS/3	поднимать=FUT=ABL	голова=POSS/3=ACC	даже=PTCL	поднимать=NEG=Pr1

‘Не то, что руку поднимать, [он] даже голову не поднимает’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 35].

¹ Здесь и далее: в круглых скобках представляется зависимая часть предложения, в квадратных — главная.

² Перевод на русский язык всех примеров,

кроме пословиц и поговорок, осуществлен автором статьи. Пословицы и поговорки в сборнике представлены с переводом на русский язык.

Следующий пример (5) интересен тем, что в зависимой части представлено реальное не совершенное/ совершенное кем-то, а в главной части — потенциально возможное,

более сильное действие. Сказуемое главной части в данном случае стоит в положительной форме и также обязательно наличие усиленной частицы в главной части:

(5) <i>Cirer</i>	<i>полардаң,</i>	<i>piс</i>	<i>tee</i>	<i>андар</i>
Cirer=Ø	пол= ар =даң	piс=Ø	tee	андар
вы=NOM	быть=FUT=ABL	мы=NOM	даже=PTCL	туда
<i>kirerge</i>	<i>хорыхчабыс.</i>			
kir=erge	хорых=ча=быс			
входить=INF	бояться=Pr1=1PL			

‘Не то, что вы, даже мы боимся туда заходить’ [Боргояков 2000: 37].

2. Заместительная модель

В заместительных моделях выражаются отношения взаимного исключения двух событий, из которых реально может произойти только одно: либо событие, представленное в главной части предложения, либо — зависимой. Причем события, представленные в подобных моделях, всегда оцениваются говорящим, который одно действие оценивает как позитивное, а другое — негативное; одно действие отвергает, другое утверждает [Черемисина 2004: 777].

По нашим данным, в хакасском языке можно различать два типа моделей с заместительными отношениями: «собственно заместительные» и «заместительно-предпочтительные». В собственно заместитель-

ных выражается несоответствие действия в главной части ожиданиям говорящего», а в заместительно-предпочтительных — передается предпочтение действия в главной части действию в зависимой части» [Озонава 2019: 281].

1.1. Собственно-заместительная модель

(Tv=**ар орнына**), [N_{NOM} ↔ V_{fin}] ‘вместо того чтобы А, Б’

Сказуемое зависимой части выражается аналитико-синтетической формой: сочетание причастия будущего времени на =**ар** с послелогом *орнына* ‘вместо того чтобы’, а сказуемое главной части стоит в форме изъявительного наклонения.

Например:

(6) <i>Спортшколазар</i>	<i>kir=ep</i>	<i>орнына,</i>	<i>мында [аалда]</i>
спортшкола=зар	kir= ep	орнына	мында [аал=да]
спортшкола=LAT	поступать=FUT	вместо	здесь [село=LOC]
<i>халган.</i>			
хал=ган			
остаться=PAST1			

‘Вместо того чтобы поступать в спортшколу, [он] остался здесь [в селе]’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 37];

(7) <i>Минің</i>	<i>адымны</i>	<i>огырлап,</i>	<i>пыролан=ар</i>	<i>орнына</i>
мин=iң	ад=ым=ны	огырла=п	пыролан=ар	орнына
я=GEN	конь=POSS/1=ACC	воровать=CV1	винить=FUT	вместо
<i>минӧк</i>	<i>сӧклепче.</i>			
мин=ӧк	сӧкле=п=че			
я=PTCL	обзывать=CV1=Pr1			

‘Своровав моего коня, вместо того чтобы чувствовать себя виноватым, меня же обзывает’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 43].

(8) <i>Ӗрiнер</i>	<i>орнын=a,</i>	<i>ылгапча.</i>
Ӗрiн= ep	орнын=a	ылга=п=ча
радоваться=FUT	место=DAT	плакать=CV1=Pr1

‘Вместо того чтобы радоваться, плачет’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 35].

Эти примеры подтверждают мысль о том, что «из двух возможных ситуаций осуществлена ситуация, представленная в главной части, которая не соответствует норме или системе ожиданий говорящего» [Озонава 2019: 282].

Кроме того, у этой модели субъект действия может быть и неодушевленным, таким, которому не свойственно нормативное поведение (например, природные явления).

Например:

- (9) *Наңмыр тохт=ир орнын=а, улам чаапча.*
 наңмыр=Ø тохта=ар орнын=а улам чаб=ып=ча
 дождь=NOM останавливаться=FUT место=DAT еще идти=CV1=Pr1
 ‘Вместо того чтобы прекратиться, дождь идет еще сильнее’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 37].

- (10) *От узар орнын=а, улам тың кӱй*
 от=Ø уз=ар орнын=а улам тың кӱй=Ø
 огонь=NOM гаснуть=FUT место=DAT сильно еще гореть=CV1
сыххан.
 сых=хан
 AUX: начать=PAST1
 ‘Вместо того чтобы потухнуть, огонь начал гореть еще сильнее’ [Боргояков 2000: 30]

Следует заметить, что в хакасском языке послелог *орнына* сочетается с причастием будущего времени на *=ар* только в неопределенном (именительном) падеже (Tv=ар орнына), а в других тюркских языках Южной Сибири — тувинском и алтайском — сочетается с причастием будущего времени и в неопределенном, и притяжательном падеже (=ның/=дын), например: тув. Tv=ар//=ның *орнунга* ‘вместо того чтобы’ [Шамина 2001: 192–193], алт. Tv=ар=-дын *ордына* ‘вместо того чтобы’ [Озонава 2019: 282–283].

1.2. Заместительно-предпочтительная модель

В хакасском языке, насколько позволяет судить наш материал, выделяются пять вариантов заместительно-предпочтительных моделей, в которых сказуемое зависи-

мой части стоит в форме деепричастия на *=ганча*³:

- 1) (Tv=ганча), [N_{NOM} ↔ Vfin];
- 2) (Tv=ганча), [N_{NOM} ↔ V^{=арчык}fin];
- 3) (Tv=ганча), [Tv=арга кирек полган];
- 4) (Tv=ганча), [Tv= V^{IMP}];
- 5) (Tv=ганча), [Tv=за артык (полар)].

В этих моделях предпочтение всегда отдается главной части предложения.

2.2.1. Модель (Tv=ганча), [N_{NOM} ↔ Vfin] ‘чем А, лучше Б’

В зависимой части данного варианта описывается ситуация, которую не нужно выполнять, а заменить другим действием — более предпочтительным для говорящего. Сказуемое главной части принимает форму индикатива в форме будущего времени (показатель — *=ар/=ер*).

Например:

- (11) *Сірернең хада полганча, харибде чадарбын.*
 сірер=нең хада пол=ганча хариб=де чад=ар=бын
 вы=INSTR вместе быть=CV тюрьма=LOC лежать=FUT=1SG
 ‘Чем с вами быть, лучше в тюрьме буду лежать’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 34].

³ В академической грамматике хакасского языка форма *=ганча* /*=генче*; *=ханча* /*=кенче*;

=анча /*=енче* названа показателем деепричастия предела в будущем [ГХЯ 1975: 242].

- (12) *Мин андаг чуртас көргенче, ол парарбын.*
 мин=Ø андаг чуртас=Ø көр=генче ол=Ø пар=ар=бын
 я=NOM такой жизнь=NOM смотреть=CV2 умирать=CV1 AUX: идти=FUT=1SG
 ‘Чем жить так, я лучше умру’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 118].

- (13) *Чазан аттаң парганча, / Хара чазаг*
 чазан=Ø ат=таң пар=ганча хара чазаг
 ленивый=NOM лошадь=INSTR ехать=CV& совершенно пешком
чөрербін.
 чөр=ер=бін
 ходить=FUT=1SG
 ‘Чем на ленивой лошади ехать, / Лучше ходить пешком’ [Хыйға сөс 2021: 45].

- (14) *Чорга атнаң тайгаа чөргенче, / Арыг*
 чорга ат=наң тайгаа чөр=генче арыг
 иноходь лошадь=ORUD тайгаа=DAT ездить=CV PTCL
чазаг чөрем⁴.
 чазаг чөр=е=м
 пешком ходить=FUT=1SG
 ‘Чем на иноходце в тайгу ездить, / Лучше пешком буду ходить’ [Хыйға сөс 2021: 120].

1.1.2. Модель (Tv=ганча),
 [N_{ном} ↔ V^{арчых} fin] – ‘чем А, лучше бы Б’

У этого варианта в зависимой части описывается «реальное негативно оцениваемое положение дел, а в главной — положитель-

но оцениваемый, но уже упущенный выбор» [Скрибник, Даржаева 2016: 272]. Главное сказуемое выражено сослагательным наклонением (=арчых/=ерчик, =рчых/=рчик), которое часто спрягается:

- (15) *Мындаг чуртасты көргенче, тайгада аңнар*
 мындаг чуртас=ты көр=генче тайгаа=да аң=нар
 такой жизнь=ACC смотреть=CV2 тайгаа=LOC зверь=PL
аразында чуртирчыхпын.
 ара=зын=да чурта=арчых=пын
 среди=POSS/3=LOC жить=CONJK=1SG

‘Чем видеть такую жизнь, я бы лучше жил в тайге среди зверей’ [Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 18].

1.1.3. Модель (Tv=ганча),
 [N_{ном} ↔ V^{IMP}] — ‘чем А, лучше Б’

У данной модели главное сказуемое оформляется показателями 1 л., 2 л. и 3 л. ед. ч. и мн. ч. императива. По нашим дан-

ным, если главное сказуемое используется в 1 л. и 2 л. ед. ч. и мн. ч., то мы наблюдаем решение говорящего реализовать действие, которое является предпочтительным для него самого:

- (16) *Хат чох халганча, / Хуу пүүрні*
 хат=Ø чох хал=ганча хуу=Ø пүүр=ні
 жена=NOM нет=NEG оставаться=CV2 серый=NOM волк=ACC
сүр көрим.
 сүр=Ø көр=им
 гнать=CV1 AUX: мочь=IMP

‘Чем остаться без жены, попробую догнать серого волка’ [Ай Хуучин 1991: 32].

⁴ В хакасском языке при спряжении глагола будущего времени согласный *р* вы-

падает: *азыран=ар=бын* // *азыран=а=м* [ГХЯ 1975: 228].

- (17) «Хуруг хол айланганча, өлібізим», —
хуруг=Ø хол=Ø айлан=ганча өлібіз=им
пустой=NOM рука=NOM возвращаться=CV2 умереть=IMP/1SG
сагыныбысты [аңчы].
сагыныбыс=ты [аңчы=Ø]
подумать=PAST2 [охотник=NOM]
‘«Чем возвращаться из тайги без добычи, лучше умру», — подумал [охотник]’ [Татарава 1991: 171].

Если главное сказуемое используется во 2 л. ед. ч. и мн. ч. императива, то мы наблюдаем рекомендации говорящего другому лицу:

- (18) Огырлап алганча, тілеп ал /
огырла=п ал=ганча тіле=п ал
воровать=CV1 AUX: брать=CV2 просить=CV1 AUX: брать
Күчүрлеп алганча, суруп ал.
күчүрле=п ал=ганча сур=ып ал
обманывать=CV1 AUX: брать=CV2 просить=CV1 AUX: брать
‘Лучше попросить, чем воровать, / Лучше спросить, нежели обманывать’ [Хыйга сөс 2021: 83].

- (19) Хубай хус чоохтанча: «Минің үчүн өлім
хубай хус чоохтан=ча мин=ің үчүн өлім=Ø
хубай хус⁵ говорить=Pr1 я=GEN из-за: POSTP смерть=NOM
тапханча, садыбызыңар мині».
тап=ханча садыбыз=ыңар мин=і
находить=CV продать=IMP/2Pl я=ACC
‘Хубай хус говорит: Чем умереть из-за меня, лучше продайте меня’ [Татарова 1991: 172].

Если сказуемое выражено 3-м л. ед. и мн. ч. императива, то выбранное действие соответствует желанию говорящего:

- (20) Андаг кізі, чир типсеенче, чох ползын.
андаг кізі=Ø чир=Ø типсе=енче чох пол=зын
такой человек=NOM земля=NOM топтать=CV2 нет=NEG AUX:
быть=IMP/3SG
‘Чем такому человеку топтать землю, пусть лучше [его] не будет’ [Кильчичаков, Шульбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 21].

- (21) — Сини ўреенче, позымни тоозылзын.
син=и ўре=енче позым=ни тооз=ыл=зын
ты=POSS/1 разоряться=CV2 сам=POSS/1 заканчиваться=PASS=POSS/3
‘Чем ты разоришься, пусть лучше у меня все закончится’ [Доможаков 1975: 182].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, деепричастная форма на =ганча активно используется в паремических выражениях (22–26). Сказуемое главной части обычно принимает форму императива 2-го и 3 л. ед. ч.:

⁵ Хубай хус — миф. белая гончая собака, по народному преданию, вылупившаяся из яйца птицы турпан [Хакасско-русский словарь 2006: 856].

- (22) *Чабалның* *холына* *пиргенче, /* *Чахсының*
 чабал=ның хол=ын=а пир=**генче** чахсы=ның
 плохой=GEN рука=POSS/3=DAT дать=CV2 хороший=GEN
чолына *сал.*
 чол=ын=а сал=Ø
 дорога=POSS/3=DAT класть=IMP/2SG
 ‘Чем отдавать в руки плохому человеку, / Лучше положи на пути хорошего человека’
 [Хыйға сөс 2021: 78].
- (23) *Хыс* *тутханча,* *көс* *тут.*
 хыс=Ø тут=**ханча** көс=Ø тут=Ø
 девушка=NOM держать=CV уголь=NOM держи=IMP
 ‘Чем девушку умыкать, / Лучше горячие угли держи’ [Хыйға сөс 2021: 78].
- (24) *Арага* *искенче, /* *Ачыг* *айран⁶* *ис* *тур.*
 арага=Ø ис=**кенче** ачыг айран=Ø ис тур
 водка=NOM пить=CV горький айран=NOM пить AUX: стоять=IMP
 ‘Чем араку пить, / Лучше крепкий айран пей’ [Хыйға сөс 2021: 79].
- (25) *Чүс* *манидың* *полғанча, /* *Чүс* *нанчың* *ползын.*
 чүс манид=ың пол=**ғанча** чүс нанчы=ң пол=зын
 сто рубль=POSS/2 быть=CV2 сто друг=POSS/2 быть=POSS/3
 ‘Не имей сто рублей, / А имей сто друзей (букв. Чем иметь сто рублей, лучше пусть будет у тебя сто друзей)’ [Хыйға сөс 2021: 59].
- (26) *Көп* *полып,* *сөп* *полғанча, /* *Ас .*
 көп пол=ып сөп=Ø пол=**ғанча** ас
 много быть=CV1 мусор=NOM быть=CV мало
полып, *ўс (чағ)* *ползын!*
 пол=ып ўс (чағ) пол=зын
 быть=CV1 три (сало) быть=POSS/3
 ‘Лучше меньше, / Да лучше’ [Хыйға сөс 2021: 15].

2.2.4. Модель (Tv=ғанча), [Tv=арға кирек полған] — ‘чем А, нужно было Б’

Данный вариант описывает «действие, которое субъект должен был бы совершить, а вместо него, по мнению говорящего, он совершает другое, „неправильное“, действие.

Говорящий твердо уверен в своей правоте, в его словах присутствует оттенок назидательности и упрека» [Тыбкова, Черемисина, Тыбкова 2013: 195].

Сказуемое главной части выражается аналитической конструкцией *Tv=арға кирек полған* ‘надо было...’:

- (27) *Кинога* *парғанча,* *минзер* *килерге* *кирек* *полған.*
 кино=ға пар=**ғанча** мин=зер кил=**ерге** кирек пол=ған
 кино=DAT идти=CV2 я=LAT приходиться=INF надо AUX: быть=PAST1
 ‘Вместо того чтобы пойти в кино, лучше ко мне надо было прийти’ [Кильчичаков, Шульбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991: 22].

Часто в хакасском языке в подобных конструкциях модальный предикат *кирек*

опускается, и тогда сказуемое выражается формой *Tv=арға полған*:

⁶ Айран — кислый молочный напиток особой закваски [Хакасско-русский словарь 2006: 44].

- (28) *Кинога парганча, минзер килерге полган.*
 кино=ға пар=ганча мин=зер кил=ерге пол=ган
 кино=DAT идти=CV2 я=LAT приходить=INF AUX: быть=PAST1
 ‘Вместо того чтобы пойти в кино, лучше ко мне надо было прийти’.
- (29) — *Тик ысханча, чарымызын даа ал халар*
 тик ыс=ханча чарымызын даа ал хал=ар
 зря отправлять=CV2 половина даже=POSTP AUX: брать оставить=FUT
кирек, — чөбін пирче Тоёң.
 кирек чөб=ін пир=че Тоёң
 нужно совет=POSS/3 давать=Pr1 Тоёң
 ‘— Чем зря пропадать, хотя бы половину нужно забрать, — дает совет Тоёң’ [Домо-
 жаков 1975: 181].

В следующем примере (30) главное сказуемое выражено глаголом в инфинитивной форме (Tv=арға), а модальный предикатив *кирек* и связка *пол* опущены:

- (30) — *Ол чалбах сулганчыхтарны сулганып*
 ол чалбах=Ø сулганчых=тар=ны сулган=ып
 тот широкий=NOM портянка=PL=ACC наматывать=CV
ирееленгенче, садыг туразынаң үс-төрт
 иреелен=генче садыг тура=зы=наң үс-төрт
 мучится=CV2 продажа дом=POSS/3=ABL три-четыре
ух алып, кис саларга.
 ух ал=ып кис сал=арға
 носки брать=CV надеть AUX: класть=INF
 ‘— Чем надевать эти широкие портянки и мучиться, лучше купить в магазине трое-
 четверо носков и надеть их’ [Боргояков 2000: 49].
- (31) *Чарых кименең кискенче, / Чар*
 чарых киме=нең кис=кенче чар=Ø
 трещина лодка=INSTR переплывать=CV2 берег=NOM
хастап чөрерге.
 хаста=п чөр=ерге
 ходить вдоль чего-л.=CV1 ходить=INF
 ‘Чем плыть в дырявой лодке, / Лучше вдоль берега ходить’ [Хыйға сөс 2021: 113].

Кроме того, в разговорной речи зависима-
 мая часть данной модели может занимать
 финитную позицию:

- (32) *Минзер килерге полган, кинога парганча*
 ‘Ко мне надо было прийти, чем идти
 в кино’ или (34) *Чистектеп парарга*
полган, ибде одырганча ‘Нужно было
 идти по ягоды, чем сидеть дома’ и др.

полар] ‘чем А, лучше Б’

В данной модели сказуемое главной ча-
 сти выражено аналитической конструкцией
Tv=за + артых полар. В зависимой части
 описывается отвергаемая ситуация, а в глав-
 ной — приемлемая. Примеров на данную
 модель в нашей картотеке мало. Подобную
 конструкцию нам удалось выявить среди
 паремических выражений.

Например:

1.1.5. Модель (Tv=ганча), [Tv=за артых

- (33) *Сын ниместі чоохтаанча, / Тапсабаза —*
 сын=Ø нимес=ті чоохта=анча тапса=ба=за
 правда=NOM PTCL: не=ACC говорить=CV2 говорить=NEG=COND
артых полар.
 артых пол=ар
 лучше AUX: быть=FUT
 ‘Чем говорит неправду, будет лучше промолчать’ [Хыйға сөс 2021: 70].

Заключение

Все вышеизложенное позволяет заключить, что для хакасского языка можно выделить три типа моделей осложненных предложений с сопоставительными оборотами: сопоставительная модель с равенством признаков, сопоставительно-градационная и заместительная модели. Сопоставительные отношения каждой модели передаются самыми различными способами. Для сопоставительной модели с равенством признаков — это местоименно-сопоставительные слова: *хайди* — *idök* 'как — также'; *нинче* — *анчоо* 'сколько — столько же'; *хай син* — *анчоо* 'сколько — столько же'; для сопоставительно-градационной — имя в форме исходного падежа (=даң) в сочетании со вспомогательным словом *пол* 'быть' в форме будущего времени и субстантивированного причастия будущего времени в форме исходного падежа. Для заместительной модели — причастная и деепричастная формы. В составе осложненных предложений с сопоставительными оборотами замести-

тельная модель в хакасском языке является самой частотной. Судя по нашим данным, в соответствии с различными установками говорящего заместительные модели делятся на два типа. К первому типу относятся собственно заместительные модели, ко второму — заместительно-предпочтительные. В собственно заместительных моделях зависимая часть выражается причастной формой будущего времени на *=ар* в сочетании с послелогом *орнына* 'вместо', а сказуемое главной части всегда стоит в форме изъявительного наклонения. В подобных моделях констатируется, что ситуация, представленная в главной части предложения, не соответствует желанию говорящего. В заместительно-предпочтительных моделях сказуемое зависимой части выражается деепричастной формой на *=ганча*, а сказуемое главной части — формами изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. Для говорящего в таких моделях нужной, важной является ситуация, представленная в главной части.

Грамматические значения в глоссах

1Sg — аффикс 1-го л. ед. ч.
 1PL — аффикс 1-го л. мн. ч.
 ACC — винительный падеж
 ADV — наречие;
 ADJ — прилагательное
 AUX — вспомогательный глагол
 DAT — дат. падеж
 GEN — род. падеж
 CONJK — сослагательное наклонение
 CV1 — соединительное деепричастие на *=n* (полная и усеченная форма)
 CV2 — деепричастие на *=ганча*
 NEG — отрицание
 PAST1 — прошедшее время на *=ган*
 PAST2 — прошедшее время на *=ты*
 PAST3 — прошедшее время на *=тыр*
 Pr1 — настоящее время на *=ча*

NOM — неопределенный падеж
 FUT — будущее время
 INSTR — орудный падеж
 POSS — аффикс принадлежности
 POST — послелог
 PL — множественное число
 PTCL — частица
 Tv — основа глагола
 V^{Neg} — глагол в отрицательной форме
 V_{fin} — глагол в финитной форме
 IMP — императив
 Ø — нулевая морфема
 = — морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах
 / — разграничитель значений в комплексной морфеме.

Источники

Ай Хуучин 1991 — Ай Хуучин: Богатырское сказание, записанное от П. В. Курбижекова и подготовленное в изд. В. Е. Майнагашевой. Абакан: Хакасск. изд-во, 1991. 302 с.
 Боргояков 2000 — Боргояков Н. Т. Сагыбаан тогазыг (= Нежданная встреча). Абакан: Отдел издат. деят-ти ХРИПК и ПРО «Роса», 2000. 100 с.

Доможаков 1975 — Доможаков Н. Г. Ырахы аалда (= В далеком аале). Роман. Абакан: Хакасск. отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1975. 255 с.
 Кильчичаков, Шулбаева, Митхас Туран, Котожеков 1991 — Кильчичаков М. Е., Шулбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хакасск. изд-во, 1991. 264 с.

- Мудрое слово 1976 — Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок / сост. У. Н. Курбижекова, пер. с хакасск. Я. А. Козловского. Абакан: Хакасск. отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 99 с.
- Татарова 1991 — *Татарова В. К.* Аат табызы (= Крик турпана): Повести. Абакан: Хакасск. отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1991. 232 с.
- Хара Хусхун 1977 — Хара Хусхун. Богатырское сказание на хакасском языке / подготовл. к

изданию В. Е. Майнагашевой и А. А. Тодановой. Абакан: Хакасск. отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1977. 195 с.

- Хыйҕа сөс 2021 — Хыйҕа сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырҕастар (= Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки) / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасск. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

Sources

- Ai Khuuchin: A Heroic Tale Recorded from P. V. Kurbizhekov and Prepared for Publication by V. E. Mainagasheva. Abakan: Khakassia Book Publ., 1991. 302 p. (In Khak. and Russ.)
- Borgoyakov N. T. Sarybaan toҕazyҕ. Abakan: Khakassia Institute of Professional Development, Rosa, 2000. 100 p. (In Khak.)
- Domozhakov N. G. Yrakhkhy aalda. Novel. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1975. 255 p. (In Khak.)
- Khara Khushkun: A Heroic Tale Prepared for Publication by V. E. Maynagasheva and A. A. Todanova. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1977. 195 p. (In Khak.)

- Kilchichakov M. E. et al. The Young Crops. Collected plays. Abakan: Khakassia Book Publ., 1991. 264 p. (In Khak. and Russ.)
- Kirbizheкова U. N., Chaptykova Yu. I., Chistobaeva N. S. (comps., eds.) The Word of Wisdom. Collected Khakass sayings, proverbs and riddles. 4th ed., suppl. Abakan: Torosov Khakassia Book Publ., 2021. 188 p. (In Khak. and Russ.)
- Kurbizheкова U. N. (comp.) The Word of Wisdom. Collected Khakass sayings, proverbs and riddles. Ya. Kozlovsky (transl.). Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1976. 99 p. (In Khak. and Russ.)
- Tatarova V. K. Aat tabyzy. Novels. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1991. 232 p. (In Khak.)

Литература

- Бондаренко 1981 — *Бондаренко И. В.* Заместительные конструкции с союзом «вместо того чтобы» в современном русском языке // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 171–177.
- Буркова 2003 — *Буркова С. И.* Заместительные конструкции в ненецком языке (на материале лесного и тундрового диалектов) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. Вып. 11. С. 137–161.
- ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
- Озонова 2019 — *Озонова А. А.* Заместительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 281–289. DOI: 10.17223/18137083/69/24
- Оркина 2000 — *Оркина Л. Н.* Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 42 с.
- Предикативное склонение 1984 — Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М. И. Черемисина, Л. М. Бродская, Л. М. Горелова и др. Новосибирск: Наука, 1984. 191 с.

- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996 — *Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.
- Скрибник, Даржаева 2016 — *Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б.* Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 263–280. DOI: 10.17223/18137083/56/26
- Тыбкова, Черемисина, Тыбыкова 2013 — *Тыбкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н.* Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. ун-та, 2013. 268 с.
- Хакасско-русский словарь 2006 — Хакасско-русский словарь / сост. О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Черемисина, Скрибник 1996 — *Черемисина М. И., Скрибник Е. К.* О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.

Черемисина 2004 — *Черемисина М. И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексико-

логии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Шамина 2001 — *Шамина Л. А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 250 с.

References

Anzhiganova O. P. et al. Khakass-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (In Khak. and Russ.)

Baskakov N. A. (ed.) Khakass Grammar. Moscow: Nauka, 1975. 417 p. (In Russ.)

Bondarenko I. V. Substitutive constructions with the conjunction 'вместо того чтобы' in Modern Russian. In: Syntax of Altaic and European Languages. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 171–177. (In Russ.)

Burkova S. I. Substitutive constructions in Nenets: A case study of forest and tundra dialects. In: Languages of Indigenous Siberian Peoples. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2003. Vol. 11. Pp. 137–161. (In Russ.)

Cheremisina M. I. et al. Predicative Declension of Participles in Altaic Languages. Novosibirsk: Nauka, 1984. 191 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. Syntax and Lexicology of Structurally Different Languages: Theoretical Problems. Novosibirsk: Nauka, 2004. 896 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Skribnik E. K. Elementary simple sentences in Siberia's languages: The system of models revisited. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 1996. No. 4. Pp. 46–57. (In Russ.)

Orkina L. N. Conditional Statements in Modern Russian: Aspectual and Temporal Characteristics Analyzed. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. St. Petersburg, 2000. 42 p. (In Russ.)

Ozonova A. A. Constructions denoting alternatives and preferences in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*. 2019. No. 4. Pp. 281–289. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/69/24

Sereedar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. Sentences of Presence, Localization, Quantity and Absence in Turkic Languages of Southern Siberia: Structural and Semantic Patterns. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1996. 82 p. (In Russ.)

Shamina L. A. Tuvan Polypredicative Synthetic Sentences. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf, 2001. 250 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.) Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2: Syntax. 709 p. (In Russ.)

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Buryat constructions denoting alternatives and preferences. *Siberian Journal of Philology*. 2016. No. 3. Pp. 263–280. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/56/26

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. Syntax of Altaian Expanded Sentence. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2013. 268 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 5, pp. 1102–1110, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81'25 + 811.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110

Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.)

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarinagm@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ярмаркина Г. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Калмыцкие деловые тексты XVIII в. и их синхронические письменные переводы на русский язык рассматриваются в качестве этнолингвистического источника, насыщенного культурно маркированными языковыми средствами. Начальные формулы калмыцких деловых писем XVIII в. и их русских переводов как этнолингвистические компоненты не изучены в сопоставительном аспекте. *Цель* статьи — анализ этикетных формул как этнолингвистических компонентов деловых писем хана Аюки в сопоставлении с синхроническими русскими переводами. *Материалы и методы.* Материалом для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1714–1715 гг., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и в Национальном архиве Республики Калмыкия. Для выявления стратегий перевода привлекаются как синхронические, так и диахронические переводы на русский язык калмыцких писем XVIII в. В работе используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также метод контекстуального анализа. *Результаты и выводы.* В ходе сопоставления оригинальных и переводных текстов обнаруживаются некоторые различия сложившихся в разных культурах традиций приветствия, отраженных в деловой письменной речи. Переводные тексты характеризуются большей вариативностью языковых средств, изменением модальности этикетных высказываний, добавлением или исключением имен адресата и адресанта, добавлением этнолингвистически маркированных языковых средств, исключением компонентов, связанных с традициями буддизма, или их замена культурно маркированными языковыми средствами, характеризующими христианское мировоззрение. Со сменой адресата, его статуса, характера деловых взаимоотношений корреспондентов изменяется и характер этикетного обращения с приветствием: чем выше статус адресата, тем более сложным оказывается синтаксическое оформление этикетных формул, а лексический уровень характеризуется большей насыщенностью элементами высокого стиля. Значимой для этикета

делового письма можно считать последовательность этикетных формул, изменяющаяся в зависимости от статуса адресата.

Ключевые слова: калмыцкие деловые письма XVIII в., этикетные формулы, русский перевод XVIII в., добавление, замена, стратегии перевода

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1102–1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110

Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Letters by Khan Ayuka and Related Russian Translations, 1714–1715

Galina M. Yarmarkina¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Scientific Secretary
 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Yarmarkina G. M., 2021

Abstract. Introduction. Kalmyk official texts of the 18th century and their parallel translations into Russian are, in the author's opinion, ethnolinguistic sources, rich in culturally marked linguistic means. So far, initial formulas in Kalmyk official letters of the period and their Russian translations have not been studied in a comparative mode. The article *aims* to analyze etiquette formulas of Khan Ayuka's letters as ethnolinguistic components, comparing them with their Russian translations. *Materials and methods.* The sources for the research were Kalmyk Khan's letters of 1714–1715, kept in the Russian State Archives of Ancient Acts and in the National Archives of the Republic of Kalmykia. To identify translation strategies, both simultaneous and diachronic Russian translations of the material are used. The research involves descriptive, comparative-contrastive methods, as well as the method of contextual analysis. *Conclusions.* Comparative analysis of the original and translated texts indicated some differences in the traditions of greeting in the cultures in question, which are reflected in official writing. The translated texts are characterized by greater variability of linguistic means influencing the modality of etiquette statements: e. g. the addressee's and addresser's names may be added or deleted, ethnolinguistically marked language may be introduced, when components associated with the traditions of Buddhism were excluded or replaced with those associated with the Christian worldview. Depending on the addressee, his status, and the nature of official relationship of correspondents, the character of the etiquette formulas and greetings changes, too: the higher is the addressee's status, the more complex is the syntactic aspect of etiquette formulas and the greater is the portion of lexical items of an elevated, loftier style used in translations. Of relevance is also the sequence of etiquette formulas in official correspondence, changes in the sequence marking the status of the addressee as well.

Keywords: Kalmyk official letters of the 18th century, etiquette formulas, Russian translations of the 18th century, addition, replacement, translation strategies

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Yarmarkina G. M. Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Letters by Khan Ayuka and Related Russian Translations, 1714–1715. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1102–1110. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110

Введение

Калмыцкие деловые тексты XVIII в., характеризующиеся разнообразием жанров, представляют собой не только документ определенной эпохи, но и источник для этнолингвистических исследований [Гедеева 2019; Гедеева 2020a]. Деловые письма калмыцкого хана Аюки, исследованные в аспекте социолингвистики [Сусеева 2003], композиционных, лексических и жанрово-стилистических особенностей [Сусеева и др. 2013; Олядыкова 2012], могут быть рассмотрены с точки зрения отражения в их языке культурно маркированных единиц.

Этнолингвистическая специфика языка деловых писем хана Аюки обнаруживается в ходе анализа различных групп лексики, представленных в оригинальных текстах и их русских переводах XVIII в. [Гедеева 2020b; Ярмаркина 2019a; Ярмаркина 2020; и др.], при выявлении стратегий перевода калмыцких деловых писем [Ярмаркина 2019b].

Исследования, выполненные в русле этнолингвистики на материале различных языков и жанров, выявляют место и роль этнолингвистических компонентов в структуре текста, в формировании таких текстовых категорий, как модальность, локальность и темпоральность [Левченко, Захарова 2021].

Деловые письма хана Аюки, даже сравнительно небольшие по объему, представляют собой структурированные тексты, в которых значима этнокультурная специфика этикетных формул — языковых средств, занимающих сильные позиции текста. Начальные формулы калмыцких деловых писем XVIII в. и их русских переводов находились в поле зрения исследователей и рассматривались как часть структуры текста [Сусеева и др. 2013]. Однако данные этнолингвистические компоненты писем хана Аюки до настоящего времени не изучены в сопоставительном аспекте. Более детальный анализ этикетных формул деловых писем хана Аюки и выявление стратегий их перевода будет способствовать уточнению этнолингвистических особенностей оригинальных калмыцких деловых текстов и их русских переводов, а также пополнению материалов по истории калмыцкого и русского речевого этикета.

Цель статьи — анализ этикетных формул как этнолингвистических компонентов деловых писем хана Аюки в сопоставлении с синхроническими русскими переводами.

Материалы и методы

Материалом для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1714–1715 гг. и синхронические русские переводы этих писем. 7 писем и 10 переводов 1714 г. и 10 писем и 10 переводов 1715 г. хранятся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА); 22 письма и 27 переводов 1714 г. и 25 переводов 1715 г. хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК). Для выявления стратегий перевода привлекаются как синхронические, так и диахронические переводы¹ на русский язык калмыцких писем XVIII в.

В работе используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также метод контекстуального анализа.

Этнолингвистические составляющие оригинального и переводного текста

Этикетные формулы приветствия, характеризующиеся повторяемостью, устойчивостью, имеющие явную этнолингвистическую нагрузку [Артаев 2020; Манджиева 2009], являются обязательным компонентом калмыцких деловых писем XVIII в. Речевой этикет выступает одним из средств достижения эффективной коммуникации, способствует выполнению множества невербальных предписаний, имеет жанровую обусловленность [Рисинзон 2010]. На выбор этикетной формулы особое влияние оказывает фактор адресата.

Адресатами анализируемых деловых писем хана Аюки являются официальные лица разного ранга: астраханский комендант М. И. Чириков, канцлер Г. И. Головкин, царевич Алексей Петрович, царица, царь Петр Алексеевич.

¹ Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра Российской академии наук Д. Б. Гедеевой.

**Этнолингвистические особенности
этикетных формул приветствия в пись-
мах хана Аюки к государственным деяте-
лям**

В письмах к астраханскому коменданту М. И. Чирикову за 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3] этикетные начальные формулы не превышают границ двух предикативных конструкций: *a yu ka xān ende bida bügüdēr mendü*= *ayidarxani bayar tende bügüdēr mendü beyize*= / Аюка-хан энд бидн бүгдәр менд. Эддрхнэ байр тенд бүгдәр менд вииз. / Аюка-хан здесь со всеми здоров. Астраханский боярин там со всеми, вероятно, здоров¹ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 7]. Синхронический русский перевод формально близок к оригиналу, однако имеет добавление имени и отчества адресата, характерное для русских переводов XVIII в.: Я Аюка хань здесь со всеми здоров | астраханской бояринь Михаила Ильич | тамъ со всеми здоров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 8].

Сопоставление оригинальных и переводных текстов обнаруживает различия в модальности письменных высказываний. В оригинальном тексте этикетные фразы передают вероятностную оценку положения дел у адресата: *a yu xe xān ende bida bügüdēr mendü .. ayidarxani kinas tende bügüdēr mendü beyize..* / Аюка-хан энд бидн бүгдәр менд. Эддрхнэ кинас тенд бүгдәр менд вииз. / Аюка-хан здесь мы все здоровы. Астраханский князь там все, вероятно, здоровы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. В переводе же избирается стратегия изменения модальности: этикетная формула обладает вопросительной модальностью с семантикой личной заинтересованности и имеет форму вопроса-осведомления о здоровье адресата и его окружения: Я хан здесь со всеми здоров астраханской | боярин со всеми ли здоров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 3].

¹ В транслитерации использованы следующие знаки: внутри слова — двоеточие для передачи знака долготы; между словами — знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки или знак = разграничивали предложения или отдельные части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста. Принцип расстановки знаков препинания в старописьменных текстах остается неизученным.

Устойчивость этикетных формул в оригинальных текстах не исключает наличия некоторых вариантов в переводе. Этикетная формула *a yu ka xān ende bida bügüdēr mendü*=*ayidarxani bayar tende bügüdēr mendü beyize*= / Аюка-хан энд бидн бүгдәр менд. Эддрхнэ байр тенд бүгдәр менд вииз. / Аюка-хан здесь мы со всеми здоровы. Астраханский боярин там все вместе, вероятно, здоровы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 17], в синхроническом русском переводе вновь получает форму вопроса-осведомления с вариантным элементом *здравствует ли*: Я хань здесь со всеми здоров аста|раханской боярин здравствует ли [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 23]. Указанный вариант этикетной формулы не единственный: в переводах встречаем и синонимичное *в добром ли здоровье*: Я Аюка-хан здесь со всеми здоровъ | в Астарахане Михаилу Ильич в добром ли | здоровье [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 30, 30об.]. При этом в тексте оригинала формула приветствия сохраняет большую устойчивость в лексическом составе и сохранении модальности вероятности: *a yu kaḥ xān ende bi mendü=tende maxāli ilü ücīi mendü beyize*= / Аюка-хан энд би менд. Тенд Махал Илүч менд вииз. / Аюка-хан здесь я здоров. Там Михаил Ильич, вероятно, здоров [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 29].

Учитывая сильную позицию начала текста, отметим, что первая этикетная фраза, представляющая собой сообщение о здоровье автора письма и его окружения, оказывается важной для иерархии смыслов, заключенных в текстах деловых писем хана Аюки. Сообщение о собственном здоровье, предшествующее осведомлению о здоровье адресата, на наш взгляд, актуализирует осознание высокого статуса калмыцкого хана.

Этикетные начальные формулы, встречающиеся в деловых письмах к государственному канцлеру Г. И. Головкину, при большой лексико-синтаксической близости к рассмотренным выше, имеют некоторые отличия. В переводах сообщений о здоровье адресанта, занимающих инициальную позицию в тексте, появляются этнолингвистические компоненты, не характерные для калмыцкой этнокультуры, придающие этикетным формулам разговорный оттенок, несколько смягчающий степень официальности: *ā yu še xān ende bida bügüdēr mendü*=

γabirilla ibān-üciü γolibkin tende bügüdër tendü beyize= / Аюш-хан энд бидн бүгдәр менд. Гаврила Ивануч Голибкин тенд бүгдәр менд вииз. / Аюка-хан здесь мы со всеми здоровы. Гаврила Иванович Головкин там со всеми, вероятно, здоров [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 1об., 2]. Ср. синхронический русский перевод: Я Аюка хань далъ Бгъ со встми людми здтъсь | здоровъ. Гаврило Ивановичъ вы здоровы ль | со встми. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 4об.].

Модальность этикетных формул приветствия в письмах к Г. И. Головкину может меняться, поскольку словоформа *здравствуй* в текстах XVIII в. еще сохраняет грамматическое значение императива, а этикетное письменное высказывание может быть воспринято адресатом в качестве пожелания: я Аюка хань здтъсь здоровъ. а ты | Гаврило Ивановичъ Головкинъ со встми | тамо здравствуй [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 2. Л. 25]. Ср. с оригиналом: *а уи ше хан биден бүгүдәр тендү тенде γabiriγ-la ibān-üciü tendü beyize=* / Аюш бидн бүгдәр менд. Тенд Гавриил Ивануч менд вииз. / Аюка-хан мы здесь со всеми здоровы. Там Гавриил Иванович, вероятно, здоров [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 2. Л. 23об., 24].

Форма пожелания характерна для русских переводов этикетных формул писем хана Аюки, адресованных Г. И. Головкину: Я Аюка хань здтъсь со встми своим далъ | Бгъ здоровъ которые црского величества | великие дгъла приказаны вам Гаврило Иванович | Головкинъ управляи в добромъ здоровье [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 16, 16об.]. В приведенном примере пожелание здоровья адресату тесно связывается с государственной деятельностью Г. И. Головкина.

Рассмотренные этикетные формулы, представляющие собой этнолингвистический компонент структуры делового текста, демонстрируют некоторые отличия как в лексическом наполнении, так и в модальном плане письменной деловой речи. Если этикетные формулы, используемые в тексте оригинала, обладают ирреальной модальностью и выражают вероятностную оценку положения дел адресата, то в синхронных переводах мы наблюдаем изменение модального плана этикетных высказываний.

Формулы приветствия изменяются и в зависимости от адресата: синтаксис инициальных этикетных формул усложняется, в переводах появляются дополнительные стилистические оттенки за счет использования высоких или разговорных элементов, имеющих вместе с тем этнолингвистическую специфику.

Этнолингвистические особенности этикетных формул приветствия в письмах хана Аюки к царю и членам царской семьи

Элементы высокого стиля, несущие этнолингвистическую нагрузку (*на многая лета*), используются и в нескольких формулах-приветствиях в синхронических переводах писем, адресованных царице и царевичу: Аюка-хань здтъсь я здоровъ ты | тамъ будь здорова намнога | лгъта [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713–1714 гг. Д. 2. Л. 10]; Аюка-хань я здтъсь со встми | своими здоров. Црвичю Алеѳгю | Петровичю со встми своимъ здравствуй | на многа лгъта [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713–1714 гг. Д. 2. Л. 10]. В оригинале же этот элемент отсутствует: *ā uī še xān ende bida bügüdër tendü= cār eleqsei-üciü tende bügüdër tendü beyize=* / Аюше энд бидн бүгдәр менд. Цар Элксеүч тенд бүгдәр менд вииз. / Аюка-хан здесь мы со всеми здоровы. Царевич Алексей там со всеми, надеюсь, здоровы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713–1714 гг. Д. 2. Л. 9].

Стратегии перевода этикетных формул характеризуются выбором уже отмеченной выше формы пожелания здоровья, а дополнительные элементы, встречающиеся в переводных текстах, представляют собой стилистически окрашенные языковые средства, поддерживающие высокий стиль делового письма, направленного в адрес членов царской семьи.

Со сменой адресата, его статуса, характера деловых взаимоотношений корреспондентов изменяется и характер этикетного обращения с приветствием к адресату. Письма к царю Петру Алексеевичу начинаются с этикетных формул, значительно отличающихся от рассмотренных выше. В начальных формулах писем адресантом используется лексика высокого стиля, усложняются синтаксические конструкции, избирается иная последовательность компонентов: *dēre tengerise zayātu yeke cayān xāni gegēn-dü bičiq barixuyin učir= tenggeri*

terigöüten ibēliyin küčir yadar dotoriyin zakā üyiledü suldal ügei mendü amuyūulang bayinai geji sonosōd бүгүдэр байарлaba bida== bi cū dēdū yurban erdeniyin ölzöyigör mendü bayinai ayuih še xān= / Деер теңгрэс заята Ик Цаһан хана (хаана) гегэнд бичг бэрхин учр. Теңгр тергүтн ивэлин күчэр һадр дотрин зака үүлд сулдл уга менд амһулц бээнэ гиж соңсад, бүгдэр байрлввидн. Би чигн деед һурвн эрднин өлзэһэр менд бээнэ Аюше-хан. / Причина, по которому подается письмо Предопределенному Небом его пресветлейшеству (?) Великому Белому хану. Услышав, что Вы с Божьей милостью неослабно ведя внешние и внутренние дела, пребываете в здоровье и благополучии, все мы радовались. Я, Аюка-хан, также с благословения Трех Драгоценностей пребываю в добром здравии [РГАДА. Ф. 119. Оп 1. 1714 г. Д. 2. Л. 19].

Русский синхронический перевод имеет значительные отличия от оригинала: *от вышнега Бга сотворенному пресветлому | бѣлому црю бжиею млстию всех стран | владетел и неотложны управител | слыша мы про твое црское величество | счастье и здравие все радуемся | а я со всеми своими здоров [РГАДА. Ф. 119. Оп 1. 1714 г. Д. 2. Л. 20].* При сохранении общего высокого стиля этикетной формулы в стратегии перевода отмечается использование маркированных языковых средств, характерных для русской культуры¹. Закономерно, что в качестве соответствия лексике, передающей традиционные понятия монгольского мира (Предопределенный Небом), переводчик избирает языковые средства, характерные для христианского восприятия царя как помазанника Божия (*от вышняго Бога сотворенный; божия милость*).

В приведенном примере перевода сводится к минимуму грамматическое и стилистическое оформление этикетного сообщения об адресанте: исключается не только имя автора письма, но и упоминание буд-

дийского понятия Трех Драгоценностей. Однако в ряде случаев русские переводы передают содержание оригинального текста, хотя в качестве эквивалента вновь используются языковые средства, отражающие особенности русской картины мира: *Бжиюю млстию црскому величе|ству. Всею своею свтою землею | владѣеши і дѣла свои слышим | мы управляеши против прежняго, | тако жъ что в добромъ здорове | со всѣми своими, і мы тому | всѣ радуемся, и я здѣсь бжїею | млстию со всѣми своими в добромъ | здоровье [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 14]; Созданныи от Бга Црское величество | слышимъ мы что вше Црское | величество в своей свтой земле | какъ прежде сего добро управлялъ | такъ и ннѣ управляешъ в добромъ | здравїи и мы тому радуемся. А я | Аюка ханъ здѣсь млстию Бжиюю | здоров [РГАДА. Ф. 119. Оп 1. 1714 г. Д. 2. Л. 10].*

Можно считать, что исключение или замена элементов оригинального текста, связанных с этноконфессиональными особенностями, является особенностью стратегии перевода этикетных формул: *dēre tenggerise zayātu yeke sayān xan= urida sayin üyileyin küčir-yēr oloni ezen boluqsan= olon kereq-tei üyile бүгүдэн бүтэји мендү амур байинай гекүйиги sonosōi бүгүдэр байарлaba bida= bicü ende yurban erdeniyin ölzöyigör mendü amur bayinai bi= / Деер теңгрэс заята Ик Цаһан хан урд сэн үүлин күчэр олна эзн болсн, оln кергтэ үүл бүгдэн бүтэж, менд амр бээнэ гижиг соңсэж бүгдэр байрлв– видн. Би чигн энд һурвн Эрднин өлзэһэр менд амр бээнэв. / Услышав, что Предопределенный Небом Великий Белый хан, благодаря заслугам прошлой жизни ставший хозяином народа, выполняющий для всех своих людей много полезных дел, находится в здоровье и благополучии, все мы радовались. И я здесь с благословения Трех Драгоценностей нахожусь в здоровье и благополучии [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 3об., 4].* В приведенной этикетной формуле содержатся традиционные буддийские представления о том, что высокое положение царя является результатом благих поступков в прошлой жизни. В обращении к царю автор письма использует эпитет *Предопределенный Небом*, что также связано с этническими представлениями об устройстве мира и земной жизни человека. В русском переводе отсыл-

¹ В рамках данной статьи мы не останавливаемся на обращении «Белый царь», безусловно, отражающем этнолингвистические особенности калмыцких деловых текстов. См. работы, посвященные формуле «белый царь», «белый хан», в которой объединяются этнокультурные элементы славянских и неславянских народов [Олядыкова 2012; Олядыкова, Бурыкин 2012; Трепавлов 2007; Трепавлов 2017].

ки к буддийскому понятию перерождения отсутствуют, как и этнолингвистически отмеченный эпитет: *от Бга созданный великийъ бѣлыи црь к вамъ | великому Гсдрю писмо послал. I вышней (нрзб) великийъ Гсдрь и самодержецъ всего свѣта | всель вше црское величество в добромъ | здоровье обрѣтаеишия, а я слыша ѿ вашемъ | црскомъ здорове радуюся, и я здѣсь | по млсти Бжїи здоровъ* [РГАДА. Ф. 119. Оп 1. 1714 г. Д. 2. Л. 4].

Заключение

Язык деловых писем калмыцкого хана Аюки и их русских переводов сохраняет этнолингвистические элементы как на уровне лексики, так и на уровне текста. Этнолингвистически маркированными являются этикетные формулы, занимающие сильную позицию текста — начало делового письма.

В ходе сопоставления оригинальных и переводных текстов обнаруживаются некоторые различия сложившихся в разных культурах традиций приветствия, отраженных в деловой письменной речи. Переводные тексты характеризуются большей вариативностью языковых средств (*здоровъ; здравствует ли; в добром ли здоровье;*

здравствуй), изменением модальности этикетных высказываний, добавлением или исключением имен адресата и адресанта, добавлением этнолингвистически маркированных языковых средств (*дал Бог*), исключением компонентов, связанных с традициями буддизма (*Три Драгоценности, Предопределенный Небом, заслуги прошлой жизни*), или их замена культурно маркированными языковыми средствами, характеризующими христианское мировоззрение (*божия милость*).

Фактор адресата оказывает заметное влияние на выбор автором письма этикетных формул. Со сменой адресата, его статуса, характера деловых взаимоотношений корреспондентов изменяется и характер этикетного обращения с приветствием: чем выше статус адресата, тем более сложным оказывается синтаксическое оформление этикетных формул, а лексический уровень характеризуется большей насыщенностью элементами высокого стиля. Значимой для этикета делового письма можно считать последовательность этикетных формул, которая изменяется в зависимости от статуса адресата.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Артаев 2020 — *Артаев С. Н.* Национально-культурная специфика коммуникативного поведения: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, 2020. 53 с.
Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Этнолингвистическое исследование языка калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VIII. Элиста, 2019. С. 93–96.
Гедеева 2020а — *Гедеева Д. Б.* О жанровом многообразии калмыцкой деловой письменности // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1446–1455. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446–1455
Гедеева 2020б — *Гедеева Д. Б.* Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 122–140. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Ancient Acts.

Левченко, Захарова 2021 — *Левченко М. Н., Захарова М. Ю.* Этнолингвистические элементы как конститuentы текстовых категорий (на материале русского и немецкого языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 2201–2209.
Манджиева 2009 — *Манджиева Э. Б.* Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
Олядыкова 2012 — *Олядыкова Л. Б.* Формула *йэкэ цаһаан хан* в языке писем хана Аюки и его современников (1714–1723 гг.) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. № 4(16). С. 84–89.
Олядыкова, Бурыкин 2012 — *Олядыкова Л. Б., Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: Современные проблемы филологического изучения. Исследования и статьи. Реконструкция древнерусского текста, перевод,

- комментарии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 267 с.
- Рисинзон 2010 — Рисинзон С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 56 с.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева и др. 2013 — Сусеева Д. А., Котьяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.
- Трепавлов 2007 — Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Трепавлов 2017 — Трепавлов В. В. Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 222–240.
- Ярмаркина 2019а — Ярмаркина Г. М. Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах // Монголоведение. 2019. № 3. С. 629–639. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639
- Ярмаркина 2019б — Ярмаркина Г. М. Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // Oriental Studies. 2019. № 6. С. 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198
- Ярмаркина 2020 — Ярмаркина Г. М. Антропони́мы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 3. С. 497–508. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508
- References**
- Artaev S. N. Culture-Specific Features of Communicative Behavior. Dr. Sc. (philology). Thesis abstract. Maykop, 2020. 53 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. The language of Kalmyk administrative correspondence, 17th–19th centuries: An ethnolinguistic study. In: Annual Scholarly Readings at Kalmyk Scientific Center (RAS). Vol. VIII. Elista, 2019. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Kalmyk official writing, 17th–19th centuries: Genre diversity revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1446–1455. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446–1455
- Gedeeva D. B. Turkic place names in the language of letters of the Kalmyk Khan Ayuka (late 17th – early 18th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 122–140. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140
- Levchenko M. N., Zakharova M. Yu. Ethnolinguistic elements as constituents of text categories (by the material of the Russian and German languages). *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14. No. 7. Pp. 2201–2209. (In Russ.)
- Mandzhieva E. B. Russian and Kalmyk Linguocultures: Traditional Etiquette Formulas. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Volgograd, 2009. 24 p. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. *Yeke Tsahaan Khan* formula as a linguistic feature of Khan Ayuki and his contemporaries' letters (in 1714–1723). *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 4(16). Pp. 84–89. (In Russ.)
- Olyadykova L. B., Burykin A. A. The Tale of Igor's Campaign: Contemporary Problems of Linguistic Research. Studies and articles. Elista: Kalmyk State University, 2012. 267 p. (In Russ.)
- Risinzon S. A. The Common and the Ethnocultural in Russian and English Speech Etiquette. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Saratov, 2010. 56 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Kotyaeva E. S., Olyadykova L. B., Yarmarkina G. M. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries: 18th-Century Russian Translations. Texts and Studies. Elista: Kalmyk State University, 2013. 744 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. The Russian Tsar in non-Christian religions of the Russian Empire. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2017. No. 2. Pp. 222–240. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. The White Tsar: Image of Monarch and Understanding of Citizenship among Russia's Peoples, 15th–18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. Kalmyk official letters of the 18th century: Social position-related naming units and their equivalents in Russian translations. *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 629–639. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639
- Yarmarkina G. M. Translation strategies for 18th–century Kalmyk official texts: A case study of Khan Ayuka's letters and Russian translations

of 1714. *Oriental Studies*. 2019. No. 6. Pp. 1189–1198. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198
Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and their

Russian translations: Anthroponyms revisited. Preliminary analysis. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–508. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 1111–1121, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2: 821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав

Евдокия Эрэндженовна Хабунова¹, Цеценбат Цеценбат²

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

доктор философских наук, профессор

E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц., 2021

Аннотация. В статье проводится анализ содержания сюжетных звеньев калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» (*Геср богдын туск тууж*), записанного в 1982 г. у Ш. Д. Дорджиева (1893–1984) и ранее неисследованного. В ней рассматривается характер выстраивания сказителем структурно-содержательной модели сказания, обнаруживаются аналогии с элементами других эпических повествований о Гесере. *Материалы и методы.* Исследование базируется на материале записей Ш. Д. Дорджиева «Сказания о Гесере-богдо», в статье особое внимание уделяется методологическим обобщениям С. Ю. Неклюдова в области определения схемы типовых элементов монгольского эпоса. В результате исследования выявлено, что в сюжетной структуре «Сказания о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева присутствует набор мотивов, стандартных для эпических нарративов о Гесере и логически последовательных (небесное происхождение, трудное детство, женитьба, демоноборчество и др.), но модифицированных в плане содержания отдельных деталей повествования. В рассмотренном нарративе явно просматриваются две сюжетные линии (матримониальная и воинская), отражается память калмыков об особом предназначении Гесера — воина, победителя демонов. Автор исследования приходит к выводу, что калмыцкое «Сказание о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева создавалось на базе известных сюжетных и мотивных инвариантов устных версий Гесериады, но дополнено творческими комбинациями и замыслами сказителя.

Ключевые слова: Гесериада, типовые элементы эпоса, устная традиция, калмыки, «Сказание о Гесере-богдо», сказитель, сюжетные звенья, содержательный состав

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)».

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц. Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1111–1121. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

The Legend of Geser Bogdo Recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk Plot Elements Reviewed

*Evdokia E. Khabunova*¹, *Tsetsenbat Tsetsenbat*²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor.

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5, Jiannei Dajie, 100732 Beijing, People's Republic of China)

Ph. D., Professor

E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts., 2021

Abstract. *Introduction.* The article *aims* to analyze the plot lines of the Kalmyk ‘Gesr bogdyn tusk tuuj’ (*The Legend of Geser Bogdo*), performed by Sh. D. Dordzhiev and written down in 1982. So far, the legend has not been examined. The present authors begin with analyzing the way the storyteller composes his narrative in terms of structure and content, while identifying parallels with other epic narratives of *Geser*. *Materials and methods.* The study focuses on The Legend of Geser Bogdo recorded from Sh. Dordzhiev, and special attention is paid to S. Neklyudov’s methodological generalizations on the scheme of typical elements within Mongolian epic narratives. *Results.* The analysis shows that the plot structure of *the Legend of Geser Bogdo* in question includes a set of motifs that are standard for *Geser* epic narratives and are logically consistent (heavenly origin, difficult childhood, marriage, demonic fight, etc.). At the same time, individual details of the narrative were modified to a degree. Two storylines (matrimonial and military) are clearly indicated by the narrative, which reflects the memory of Kalmyks of the special character of Geser, the warrior and the defeater of demons. The authors *conclude* that the Kalmyk *Legend of Geser Bogdo* was based on the well-known invariants of plot lines and motifs in the oral versions of Geser epic, creatively modified when performed by the narrator.

Keywords: Geser, typical elements of the epic, oral tradition of the Kalmyks, *Legend of Geser Bogdo* storyteller, plot lines, content composition

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project no. 19-512-93002 ‘Folklore of Silk Road Peoples: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia — from Folktale to Epic’.

For citation: Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. *The Legend of Geser Bogdo Recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk Plot Elements Reviewed*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1111–1121. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

Введение

Эпические нарративы о Гесере¹ имели распространение на обширных территориях Центральной Азии и Южной Сибири, бытовали они в письменной и устной форме и среди калмыков, обосновавшихся в европейской части России в начале XVII в. Популярность Гесериады способствовала распространению известных сюжетов путем устной передачи, что создало благоприятные условия для их вариативности, для появления новообразований и «малых» форм эпоса. «Мастера эпоса при усвоении новых текстов сочетали запоминание сюжетной стороны, „тематических“ элементов с элементами заучивания. Тем самым вновь рождавшийся „новый“ текст заключал в себе верность традиции, „родство“ с источником, но также и вариативное начало» [Путилов 1997: 71]. Калмыцкие сказители также старались сохранить инвариантное начало сюжета и типовые сюжетные элементы при устной передаче эпического повествования.

Материалы и методы

Методы источниковедческого и текстологического описания текстов, анализа содержательного наполнения и структурного воплощения сюжетных элементов [Путилов 1976; Неклюдов 2019], используемые в исследовании с учетом морфологической схемы В. Я. Проппа [Пропп 1928] и наблюдений отдельных ученых, находивших в устной повествовательной традиции калмыков совпадения с эпическими памятниками других монгольских народов [Михайлов 1971; Неклюдов 1984; Кичиков 1992; Овалов 2004; Дамдинсурэн 2013; Дамринжав 2006; Цэцэнбат 2015; Селеева 2019; и др.], направлены на выявление сюжетных особенностей ранее неизвестного «Сказания о Гесере-богдо» калмыцкого сказителя Ш. Д. Дорджиева. Отмечая «разновременность, разножанровость текстов» Гесериады и, обобщив опыт описания сюжетной структуры монгольского эпоса монголоведами [Борджанова 1978; Кичиков 1978; Порре 1979; Heissig 1979; и др.], С. Ю. Неклюдов

показал в общих чертах картину некой исходной сюжетной схемы эпической традиции монгольских народов, в которой отметил 29 тематических рубрик, иллюстрирующих содержательный состав монгольского эпоса [Неклюдов 2019: 66–67], а в «каталоге мотивов (с введенными в него более общими рубриками)» выделил 58 типовых элементов [Неклюдов 2019: 66–73]. Обнаружение аналогичных сюжетных звеньев монгольского эпоса или их отсутствие в калмыцком эпическом нарративе «Сказание о Гесере-богдо», записанного в 1982 г. у Шарлда Дорджиева автором данной статьи в селе Малые Дербеты, анализ содержания ключевых моментов сюжета представляется *целесообразным* в плане изучения процесса жизнедеятельности устной эпической традиции, оторванной временем и пространством от традиционной (общемонгольской) реальности и фольклорной среды, в аспекте определения сюжетного инварианта, в котором «аккумулируются наиболее содержательные, определяющие и устойчивые моменты» [Путилов 1988: 138].

Сюжетные линии и основные мотивы сказания о Гесере

В «Сказании о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева, оригинальный и переводной тексты которого опубликованы [Хабунова 2021], явно проступают две сюжетные линии: о появлении Гесера-богдо на земле с целью избавить её от холода (она связана с историей непредвиденной женитьбы героя) и о его втором пришествии для уничтожения демонических существ (Анжлулы и его супруги). Сюжетный замысел «Сказания о Гесере-богдо» Шарлды Дорджиева находит свою реализацию через ряд мотивов и элементов, иллюстрирующий событийность повествования в его последовательности:

- рождение героя;
- стремительный рост;
- конфликтная ситуация;
- изгнание из социума;
- проявление чудесных качеств;
- добывание коня (имитация обретения коня: конская голова на палке);
- встреча с ханской дочерью;
- женитьба (обманным путем);

¹ В калмыцкой традиции принято написание имени богатыря — *Гесер*, а в монгольской и бурятской традициях — *Гэсэр*.

- построение дворца в безлюдном месте;
- демонстрация богатырских качеств;
- визит хана-тестя;
- ночные исчезновения Гесера;
- слежка супруги (шулмуски);
- тайные встречи Гесера с Хурмуста Тенгрием;
- попытка Гесера-богдо избавить землю от холода;
- выяснение золотого аркана у Хормуста Тенгрия, чтобы устранить лишнюю звезду из плеяды «Семь сестер»;
- нарушение запрета (подглядывание супруги-шулмуски);
- исчезновение Хурмуста Тенгрия;
- новое перерождение Гесера (появляется на горе Богдо в статусе богатыря);
- миссия избавить людей от шулмусов (дневных);
- появление противников (Анжлула и его супруга) на горе Цастын Цаган Уул;
- поединок Гесера и Анжлулы;
- помощь небесного брата Санджи;
- установление мира и благополучия на земле [Хабунова 2021: 387].

Рассмотрим содержание отдельных элементов сказания для иллюстрации общности, которая «проявляется в ряде опорных пунктов сюжетного развития, в узловых (а подчас и второстепенных) мотивах» [Путтилов 1988: 138]. Совпадения в сюжетном корпусе другого калмыцкого сказания «Гесер Богдо хан» с «главами известных сводов тибетских и монгольских версий эпического памятника» отмечены Ц. Б. Селеевой [Селеева 2019: 230–252].

Происхождение героя

Рождение героя показано довольно прозаично в зачине рассматриваемого сказания: *Кезэнэ, ик кезэнэ болжана, нег хаана нутгт, хаана цахрт нег күүкд кун залу хойрас нег көвүн харч* ‘Давно, очень давно, в одном ханстве, в ханском *цахаре* [поселение дворовых людей, прислуги] от одной женщины и мужчины родился сын’¹ [Хабунова 2021: 390].

О небесном происхождении Гесера и его земной миссии в устном повествовании нашего текста сообщается позже: *Хурмст Теңгрин көвүн тер, Геср богд <...> Геср богд үүлдэд / харч ирэд, шулмиг дархар <...> Ки-*

итн болад, тигэд мөч авхин төлэд эн хазрт үүдэд, эн хазриг яһад бээсн болжана Геср богд гидг кун ‘Он сын Хурмуста Тенгрия, Гесер богдо <...> Гесер богдо был создан и прибыл, чтобы уничтожить бесов *шулмусов* <...> Человек, которого звали Гесер-богдо, был рожден для того, чтобы убрать ту звезду и избавить эту землю от холода’ [Хабунова 2021: 393].

Отмеченные сюжетные звенья семантически совпадают с мотивом, обозначенным в каталоге, составленном С. Ю. Неклюдовым: «создание героя небесными богами, которые посылают его в мир для уничтожения злокозненного мангаса» [Неклюдов 2019: 68]. Мотив «рождения героя в отсутствии отца», отмеченный в вышеназванном рубрикаторе, в калмыцком нарративе заменен констатацией сиротства героя: *Көвүн зурһан наstad эцкнь үкжэ* ‘Когда мальчику было шесть лет, его отец умер’ [Хабунова 2021: 390].

Детство и неординарные качества героя

В описании детства юного героя сказитель Шарлда Дорджиев не упускает из виду детали, важные для манифестации личности эпического героя. Необычные качества юного Гесера и особенности его поведения передаются посредством приемов, характерных для сказочной традиции: он проказничает: *Зурһан наstad эцкнь үкэд, тегэд дола орхла, көвүн альвлад, тошурхад бээжэ* ‘После того, как в шестилетнем возрасте умер его отец, мальчик стал проказничать и бездельничать’ [Хабунова 2021: 390].

О чрезмерном аппетите (обжорстве) мальчика имплицитно свидетельствует попрошайничество его матери, вымаливающей у ханской прислуги масло для пропитания сына: *Экнь ода, геснь өлсэд бээхлэ, хаана чигэ кедг эмгнэс одад, тос сурад, иигэд юм ховлглад йовжэ тер* ‘Когда стали голодать, его мать стала часто навещаться к старушке, готовившей для хана *чигян* (кисломолочный напиток) и просить у неё масло’ [Хабунова 2021: 390].

Драматизм в биографию юного Гесера добавляет история об изгнании его из страны вместе с матерью, об их скитаниях и бедности: *Тер көвүтэһинь эрлһчктн. Эн орн нутгт бичэ бээлһтн!*» — *гигэд, тер күүкд күүг көөчкнэ. Күүкд кун эргэ-эргэ бээжэ, бийән бултулад, хувцан солад, иигэд уулад*

¹ Здесь и далее дается перевод Е. Э. Хабуновой.

унжад бээһэд бээж 'Избавьтесь от неё и её мальчика. Не оставляйте в этой стране! — было велено, и ту женщину прогнали. Женщина побиралась, прячась, меняя одежду, так и жила горемыкой [букв. обливаясь слезами]' [Хабунова 2021: 390]. Эти факты можно рассматривать как испытания, которые герою следует преодолеть и показать свою готовность для реализации своего особого предназначения. Неприглядный облик юного героя в тексте сказания презентуется через прозвище *тархай* 'паршивец', а его необычные способности изображаются в соответствии с фольклорной традицией и условиями скотоводческого быта, на фоне которого складывается эпический нарратив о Гесере: *Көвүн өсөд иржэ, нээм күрэд иржэ. Цахрин саадг, хаана саадг укрин туһлмуд хэрүлэд бээдг бээжэ. Утар хатмг, нээмн наста көвүн аранникар тачкнулад, хэрүлэд оркхла, туһлмуд һарад идэд, хээкрэд тачкнулад оркхла, хэрү ирэд кевтэд бээжэ* 'Сын подрос, достиг восьмилетнего возраста. Пастелят дойных коров хана и дворовых людей. Когда неказистый [букв. немощный] восьмилетний мальчик размахивал и щёлкал кнутом, телята шли на выпас, когда с криком щёлкал кнутом, возвращались и ложились' [Хабунова 2021: 390].

К типовым сюжетным элементам эпоса монгольских народов следует отнести и другие эпизоды сказания, демонстрирующие «странность» поведения героя-пастушка. К разряду «неординарных» качеств героя отнесем также его проделки и изобретательность, проявление которых позволяет окружающим людям распознать в нём посланца неба: *Хойр өвгн [үзэд]: «Йир акад көвүмб эн, эн акад юмн, эн теңгр йозурта көвүн гижэ кевтэл», — гинэд, хойр өвгн күүндэд бээжэ. <...> дэкэд нег эмгн өвгн хойр йовжэ йовхла: Арнзл мөрнэ толһа олжэ авад, мөөрснднь (нуурснднь? нүһрснднь?) иһэд мод шаачкад: «Чамаг Арнзлын Аран гижэ яһжэ келхви, намаг Алдр Богдын тохм, Деедин үрн гижэ яһжэ келхви?» — гинэд, модан цокад оркжэ* 'Два старика, [увидев] стали обсуждать меж собой: «Очень странный этот мальчик, это очень странно, видимо, он небесного происхождения». <...> проходили мимо старуха со стариком, [мальчик] вдел палку в найденный череп коня-аранзала [оседлав], ударил по палке, приговаривая: «Разве можно называть тебя Аранзлын Аран, разве можно

признать меня небесным сыном, потомком Алдар Богдо?»» [Хабунова 2021: 390–391]. Следует добавить, что проделки пастушка с конем-палкой повторяются трижды перед проходящими мимо стариками. Надо полагать, что их преклонный возраст в представлении сказителя соотносится с их памятью о давности времени, когда были конь Аранзлын Аран и августейший Алдар Богдо, внуком которого считает себя пастушок и трижды пытается убедить в этом других: *<...> дэкэд һурвдад эн: «Чамаг Арнзлын толһа гинэд келэд бэрэд бээхлэг, эмтн намаг эмтн шинжлэд бээнэлм. Би Алдр Богдын ачлм би», — гинэ. Нэ, йовжэ одв* '«<...> в третий раз ударив, сказал: «Когда я, оседлав [букв. придерживая] голову [череп коня], обращаюсь к тебе, как к Аранзалу, люди наблюдают за мной. А я ведь являюсь внуком Алдара Богдо». Ну и ушел восвояси' [Хабунова 2021: 391].

Диалог мальчика-пастушка с конем-палкой, а опосредованно ретрансляцию социуму информации о своем подлинном имени и происхождении, можно рассматривать как вариант мотива, именуемого в рубрикаторе С. Ю. Неклюдова «Чудесные свойства и хитрости героя» [Неклюдов 2019: 69].

Подтверждением того, что сказитель Ш. Д. Дорджиев складывает сюжет своего сказания в рамках калмыцкой устной повествовательной традиции, является аналогичный эпизод, встречающийся и в других повествовательных нарративах калмыков. Например, в «Сказании о сыне Арта Тяяш» («Арта Тээшин көвүнэ тууж») самоидентификации героя, оказавшегося на чужбине, и его воспоминаниям о родине способствует конский череп, найденный им в степи: *Генткн нег хумхаржэ одсн мөрнэ толһа бээсиг үзэд, мөрнэсн бууһад, ташмгин иһэр тер мөрнэ толһаг тоңг-тоңг гинэд цокчаһад уульжадчн, эврәһәрн келэд: «Чамаг Арнзлын толһа гижэ кен медхви, нэмэг Арта Тээшин көвүн гижэ кен медхви? — гинэд уульжэи»* 'Вдруг увидел конский высохший череп, спешил с коня своего и, рукоятью бича *ташмг* легонько постукивая по черепу, заплакал, приговаривая на своем языке: «Кто узнает в тебе голову Аранзала, кто признает во мне сына Арта Тяяши?»» [Хальмгуульс 1974: 248].

Событийность «героического детства» героя в нашем тексте привязана к мотиву

остракизма, повлекшему за собой другие звенья эпического повествования (испытание героя через голод и бродяжничество, проявление необычных свойств, идентификация героя как сына неба).

Действия матримониального характера

Логическим продолжением биографии эпического героя являются его действия матримониального характера, суть которых в сказании сводится к стремлению наказать ханскую дочь за строптивость, а через неё — безжалостного хана-отца, обернувшиеся для Гесера «нежелательной» женитьбой: *Адуһинь авч ирэд, ээрэд, аранник тачнкулад ээрэд бээхлэ, нег бээсн дөнжэ гүн унһина. Бээсн дөнжэ гүн унһхла, унһинь авч ирэд, күүкнэ хормаһинь сэкч бээгэд, геснднь дөрвн көлинь күлэд оркна. «Оо, хаана күүкнэс мөрн унһн һарч!» — гихэд, хээкрэд гүүнэ эн. Одак күүнд оддог күүкн: «Яһлав, авна гисэн ав, авна гисэн ав! Тарха, Тарха наар, наарич, тарха», — гинэ. «Тарха, наар!» гихэд бээнэ, тигэд (бээхлэ) ирнэ. «Авнав гисэн авич, авнав гисэн авич, яһад иһхэд бийим му нернд орулвич?» «Ода авна гихлэ, яахув? Чи вид хойр хот уусн болый. Не, үг болнав»* ‘Когда он пригнал ее табун и согнал в одно место, одна кобылка-трехлетка стала жеребиться. Когда трехлетняя кобылица ожеребилась, [Гесер] принёс жеребёнка, задрал подол девушки и привязал его [жеребёнка] к её животу за четыре конечности. И забегал он с криком: «О-о, от ханской дочери родился жеребёнок!». Та девушка, которая не хотела замужества, взмолилась: «Что делать, бери все, что хочешь, бери, что пожелаешь. Тарха, Тарха [шелудивый], иди сюда, Тарха, подойди», и он подошёл к ней. — Бери, что пожелаешь, бери, что хочешь, зачем ты позоришь меня? — Что остается мне, если предлагают взять? Будем считать, что договорились (букв.: разделили пищу). Ну, делаю тебе предложение’ [Хабунова 2021: 391].

Мотив «подсовывания жеребенка под подол» встречается и в других устных нарративах о Гесере (монгольской, тувинской), в других редакциях Гесериады (книжной, ксилографической) [Неклюдов 2019: 424]. К элементу, имеющему широкое распространение в сказочно-эпической традиции монгольских и тюркских народов, относится и мотив «давки вшей в голове», реали-

зованный в рассматриваемом сказании для демонстрации хитроумных проделок Гесера-пастушка: *Тигэд нег хожжирин [хужжирин] амн деер ирэд, усна амн деер ирэд суучкад: «Наарич, толһадан бөөс нислий», — гижэнэ. Күүкн ирэд сууһад, яһад бээнэ, көвүнэ толһад күүкн бөөс үзэд, күүкнэ толһад көвүн бөөс үзэд, үзжэһэд күүкиг унтулчкна. Күүкн унтжэ одна сор-сор гихэд* ‘Как-то, придя к солончаку, присев на берегу водоёма, говорит: «Подойди сюда, давай подавим вшей на голове друг друга». Девушка подошла, присела, стала находить и давить вшей на голове юноши, юноша стал давить вшей, обнаруженных на голове девушки, за этим занятием и усыпил девушку. Девушка уснула, посапывая’ [Хабунова 2021: 391].

В ханской дочери угадываются черты девы-амазонки: она не признает замужество, пасет табун: *Тигхлэ хаана күүкн, күүнд оддог күүкн болжана, аду хэрүлэдл йовдг арвн зурһа арвн нээм күрчкн. Одак көвүн бас арвн зурһа арвн нээм күрчкн болжсахгов тер* ‘Тем временем ханская дочь, которой было шестнадцать-восемнадцать лет, не хотела выходить замуж и пасла табун. Тому юноше ведь тоже исполнилось шестнадцать-восемнадцать лет’ [Хабунова 2021: 391].

С. Ю. Неклюдов отмечает в монгольской устной традиции наличие самостоятельного сюжета о встрече богатыря с девой-амазонкой и колдуньей, дочерью хтонического божества, который проник и в книжноэпический свод Гесериады [Неклюдов 2019: 411]. В других эпизодах анализируемого текста супруга Гесера наделяется негативными чертами: «хитрая», «увертливая», «бесовка», что дает основание предположить, что мотив «мнимая невеста» или «жена, оказавшаяся во власти демонических сил» не реализован в сказании в той мере, чтобы проследить процесс нахождения Гесером подлинной жены. Сказочно-эпической традиции монгольских народов свойственно изображать амбивалентный характер женского образа, чаще в таком амплуа выступают жена и мать.

Не получили должного развития мотивы, связанные с приобретением коня и оружия, с построением дворца. Вместе с тем в эпизодах данной тематики присутствуют элементы, совпадающие с другими пове-

ствованиями о Гесере: конь — Булгин Кер, оружие — лук со стрелами, дворец — белоснежный и без креплений и обвязывающих веревок; локация — безлюдное место; даритель — Хурмуста Тенгри: *Күүкиг дахулад авад йовна Геср богд. Йова-йовж, йова-йова йовж Булгин Кер гидг мөртэ болж. Саадгта, сумта белн. Күүкиг дахулад йова-йова йовж эжго теегт ирэд, ооср бүч уга ор цаһан өргэ бэрж авад. Ода гериг дуртхла, Теңгрмүд авч ирэд бэрчкдг юмн. Өргэ бэрж авад, бээһэдл бээнэ, бээһэдл бээнэ* 'Гесер богдо, забрав девушку, отправился в путь. Шёл-шёл, шёл-шёл, шёл и приобрел коня Булгин Кер. Лук и стрелы при нём. Шёл-шёл, шёл с девушкой и пришёл в безлюдное место, воздвиг себе белоснежный дворец без креплений и обвязывающих веревок. Когда выпрашивал дом, Тенгри исполнили желание. Воздвигнув дворец, стали жить-поживать, жить-поживать' [Хабунова 2021: 391].

Детали, характеризующие богатырские качества коня Гесера, обрисованы в стилистике калмыцкой сказочно-эпической традиции, в образной системе которой заметное место занимает колодец: *Ода нег йова-йова йовж, нег хээж йовсн залу күрэд ирж, мөрнэ мөрэр мөрдэд. Геср богдын Булгин Кер мөрнэ мөрнэ — хатрад оркхла, хуучн худгин орм кевтэ өсрэд йовдг тиим ик арнзл мөрн болжсана. Яа, акад мөрнби! Акад юмби! — (гидэд йова йовтл?) ор цаһан гер үздгнэ* 'Однажды один мужчина из числа тех, кто искал (ханскую дочь), шёл-шёл по следу коня и пришёл. Когда конь Гесера богдо Булгин Кер бежал рысью, то след от копыт коня был глубиной с заброшенный колодец, таков был скакун-великан тот конь. Продолжая путь со словами: «О-о, какой необычный конь! Очень странно!», увидел белоснежный дворец' [Хабунова 2021: 391].

Матримониальные коллизии в сказании показаны эпизодично, но ключевые сегменты, свидетельствующие об особенностях семейной жизни Гесера, о его социальном статусе и богатырских возможностях, в сказании присутствуют: *Геср богдын ирэд суудг ширэ бээнэ. Баатр күн болж бээнэ тер эвртэ Геср богд. <...> хонж бээдго юмнж тенд, күүнэ герт тер <...> энднь [өргән] нег хажуднь бор мах өлгэд, нег хажуднь хан шовун дөрэтнэ (төрлтнэ?), темән дөрэтнэ махн төгэлңг өлгэтэ болнал эн. «Яа,*

акад юмби, иим иим ик аңһудыг яһад бэрэд бээсмб эн?» — гинэд, хан ирэд, тулад 'Есть [во дворце] трон, на который садится Гесер богдо. Тот могущественный Гесер богдо был настоящим богатырем. <...> не остались они вдвоем на ночлег в чужом доме. <...> Когда [хан-тесть] прибыл, то увидел с одной стороны [дворца] развешенные куски филейного мяса, с другой стороны развешено мясо орла. «О-о, как странно, как же он ловил таких крупных зверей? — восклицая так, хан подошел нерешительно' [Хабунова 2021: 392].

Изображение женитьбы Гесера в тексте сказания послужило предысторией других событий, обусловленных закономерностью эпического сюжетосложения. Не забыв обозначить важный момент биографии героя — зрелость, сказитель, возможно, упустил подробности свадебной истории. В рукописи сказания содержатся два последних листа с одинаковой нумерацией «10». На повторной странице, в которой много сокращений (слов, фраз), содержится эпизод о свадебном пиршестве с характерными для данной тематики формулами: *ик кеңкргән цокад, ик алвтан, баһ кеңкргән цокад, баһ отган дуудад оркна; маля даахарн мордад һарад ирнэ* 'ударили в большой барабан, собрали подданных большого *отога*, ударили в малый барабан, собрали подданных малого *отога*; отправились все, кто мог поднять плетку'.

Гесер и обустройство мира

Фрагментарность изображения брачных приключений как бы подчеркивает важность последующих событий, связанных с основной миссией Гесера — избавить средний мир от холода, освободить землю от демонической силы. В сюжетной схеме сказания повторяется элемент об обособленности Гесера: вынужденная изоляция от социума в детстве и уединение вместе с супругой во дворце, сооруженном [Хурмуста Тенгрием] в безлюдном месте, отказ от приглашения хана-тестя, от ночлега в «чужом» месте: <...> *эжго теегт ирэд, ооср бүч уга ор цаһан өргэ бэрж авад* <...> — *О-о, аав зергэс, би үүнэс һарч йовж чадигов. Түүнд амтнэ хэргән шууганд үжжс одхв. <...> хонж бээдго юмнж тенд, күүнэ герт тер* ' <...> пришёл в безлюдное место, воздвиг себе белоснежный дворец без креплений и обвязывающих веревок <...> — О-о,

ваша светлость отец, я не смогу уйти отсюда. Там я не вынесу людского шума и толчеи (умру). <...> не остались там на ночлег в чужом доме» [Хабунова 2021: 392].

Можно предположить, что таким образом сказитель Ш. Д. Дорджиев изображает мир Гесера, «очищенный от демонической скверны» [Неклюдов 2019: 409], пространство, в котором возможен контакт с небожителями и в котором удастся скрыть от демонизированного мира свой подлинный облик и истинное предназначение. Дворец, где происходит тайная встреча Гесера с Хурмуста Тенгрием, также воздвигнут в месте, удаленном от посторонних глаз: *Сө күрч ирэд, күүкн арһул терзәрнь, үүдәр хэләнә. Хэләчкэд, хару цохрад, һарад: «Акад юмби, иим гер яһад бәрдмб, иим юм яһад бәрдмб? А-а, теңгрмүд иржәл»* 'Подойдя ночью, девушка осторожно заглянула в оконце, в дверь. Подсмотрела, отпрянула, подумав: «Удивительно, как удалось построить такой дом, как можно такое соорудить? Ага, Тенгрии побывали»' [Хабунова 2021: 392].

Дальнейшая разработка сюжета сказания связана с мотивом землеустройства, с попыткой устранить холод с помощью небесного отца Хурмуста Тенгрия. Неудача объясняется вмешательством жены-бесовки, выследившей его ночные исчезновения, подглядевшей встречу Гесера и Хурмуста Тенгрия, тем самым нарушившей таинство разговора, суть которого заключалась в просьбе Гесера к Хурмусте Тенгри — устранить холод, сбросив лишнюю звезду плеяды Семь Сестер с помощью его золотого аркана: <...> *Хурмстн Теңгр зергин алтн цалмиг сурж авхар Геср богд йовсн болжана.* <...> *Хурмст Теңгрин гегәнь цаараннь, алтн цалм дорас хайхла, тегэд күрч, тер мөчд цалм орулж, унһах юмнж.* <...> *Эн орн-нутгт киштн (кишт) бәәлһх, эн орн-нутгт иим йосар, иим дүрәр бәәлһхин төләд, учрж һарч ирсн күүкд күн болжана тер* ' <...> получается, что Гесер богдо уходил, чтобы выпросить у Хурмусти Тенгрия [светлейшего?] золотой аркан <...> После того, как аркан будет заброшен снизу [с земли], светлейший Хурмуста Тенгри, добравшись [до верхнего мира], должен был накинуть аркан на ту [звезду] из плеяды и сбросить вниз. <...> Значит, та женщина была рождена для того, чтобы в этом мире было холодно, что-

бы этот мир жил по таким законам, таким образом» [Хабунова 2021: 392].

В этом эпизоде встречается распространенный фольклорный мотив о ночных исчезновениях героя и слежки за ним с помощью клубка нитки: *Солһ һарарн хар цохр утциг төмэд (томад?), икл гидг ут утц төмэд, төгэд (төсэд?) ораһад авчкна.* <...> *Хан нег сө һарад йовхлань, хормаднь хатхчад, хувцан белдж авад, «Йир хама оддгч эн?» — (гилһэд), арднь дахад гүүж йовна күүкн* 'Свила левой рукой очень-очень длинную нить из черно-пестрой нитки, скрутила, собрала в клубок. <...> Однажды, когда хан уходил ночью, приколола [конец нитки] к его подолу, взяла приготовленную одежду и побежала следом за ним, приговаривая: «Куда же он пойдет?»' [Хабунова 2021: 392].

Несмотря на то, что в сказании явно просматривается обособление отдельных сюжетных звеньев — «матримониальная история» и «обустройство мира (устранение холода)», эти два слагаемых составляют один завершенный сюжетный ход, поскольку в действиях, направленных на восстановление «гармонического миропорядка», супруге Гесера отведена негативная роль.

Тема демоноборчества

Разработка двух автономных тем (свадебная и воинская) в рамках двух самостоятельных сюжетных ходов свойственна малым эпическим формам [Неклюдов 2019: 59–60]. Вторая сюжетная линия сказания связана с темой демоноборчества, послужившего причиной второго пришествия Гесера на землю в облике богатыря. Именно в этой «сюжетной теме» присутствует демонический персонаж Анжлула (модификация имени Андулма в локальной устной традиции), вокруг которого сформировался сюжет о демоноборчестве в нарративах о Гесере различной жанровой, стадийной, этнической принадлежности. Калмыцкий сказитель Шарлда Дорджиев сохранил в памяти типовую ситуацию о противостоянии Гесера с демоном и воспроизвел её содержание в своей интерпретации, используя свой индивидуальный набор поэтико-стилевых приемов.

Согласно «версии» Ш. Д. Дорджиева, предназначением Гесера-богатыря является очищение земли от размножившихся на земле дневных бесов, олицетворением которых

являются Анжлула и его супруга, а местом истребления основного противника — священная гора: *Хөөннь Геср богд дэкад төрэд, дэкад Геср богд болж ирсн, Геср биш Богд гидг баатр болжана тер. Эн өдрин шулм дегд ик болад, Богд гидг назрт иржэ болдг. Анжлула гидг кун иржэ төржэ* 'После Гесер-богдо вновь переродился, вновь появился как Гесер-богдо, не просто Гесер, а Богдо, богатырь был он. Появился он в местности Богдо из-за того, что дневных бесов стало слишком много' [Хабунова 2021: 393].

Анжлула и его супруга являются воплощением зла и насилия, они наделяются свойствами, характерными для демонических персонажей: неуязвимость, оборотничество, чудовищная физическая сила: *Цаста уул деер иржэ бээсмн. Анжлулын хатн (бас) иржэ төржэ, йирн йисн шулмин идиг авсн, йирн йисн хуврлһтэ хатн болжэ иржэ төрсмн хоюрн* 'А на горе Цаста Уула, переродившись, появился человек, которого звали Анжлула. Жена Анжлулы появилась, переродившись в ханшу, вобравшую в себя чары девяности девяти бесовок, имеющая девяносто девять воплощений, появились они вдвоем, перевоплотившись' [Хабунова 2021: 393].

Эпизод поединка Гесера с Анжлулой изобилует совпадениями с известными сюжетами об Андудме: в нашем тексте четко обозначена полярность миссии двух противоборствующих сил: миротворческой — Гесера и демонической — Анжлулы. Непохожесть и враждебность двух персонажей находит в сказании пространственное разрешение: Гесер в своем новом богатырском воплощении появляется на святой горе Богдо, его противник — на снежной горе Цаста Уул, и, находясь в этой позиции, противники пытаются сразить друг друга стрелой из лука: *Цаст уул деер өрүн маңһрла <...> Анжлула һарад зогсхла, Геср богд Богд уул деерэс саадгарн хажэ, Богд уул деерэс Цаст уулд күрэд, саадгин сумн күрэд, шууһад оркхла, Анжлула хажуднь һэрэдэд бууһад оркхла, бээсн уулыг хойр эңг кеһэд* 'Когда Анжлула ранним утром появился на горе Цаста Уул <...> Гесер богдо с горы Богдо Уул выпустил стрелу, когда стрела с горы Богдо Уул долетела до горы Цаста Уул со свистом (шумом), Анжлула спрыгнул и оказался сбоку (у) горы, [стрела] рассекла гору на две части' [Хабунова 2021: 393].

Как и в других устных повествованиях о Гесере, на исходе поединка с неуязвимым противником герой анализируемого текста прибегает к расчету и хитрости: *Анжлулаг хахла, саадгин сумн оржэ тусиго, хоолын товчнь төдгләтэ. Геср богд ирэд зогсчаһад: «Эвэр авхмн энүг» — гиһэд* 'Если выстрелить в Анжлулу, стрела не пронзит, так как на горле пуговицы застегнуты. Гесер богдо приблизился и подумал: «Надо взять его ловкостью»' [Хабунова 2021: 393].

В рассматриваемом нарративе герой и его противники наделяются богатырскими качествами, присущими персонажам многих сказочно-эпических повествований монгольских народов [Неклюдов 2019: 66–71]: земля содрогается под их ногами, они неуязвимы, они свободно перемещаются в пространстве трехмирия, способны к превращениям: *Хар һалзн бух болад, мөрнәсн бун оркад, хэәкржэ Анжлула уунур гүүнэ Геср богд улан һалзн бух болад, хоюрн ноолдад одна* 'Анжлула соскочил с коня, вмиг превратился в черного с лысиной быка и с ревом кинулся на него [Гесера-богдо]. Гесер-богдо превратился в красного с лысиной быка, стали оба сражаться' [Хабунова 2021: 393].

Типовым элементом в сюжетах об Андудме является участие родственников Гесера (отец, сестры, брат) в борьбе с его врагами. Как и принято в устной традиции, имена этих персонажей часто варьируются, в сказании Шарлда Дорджиева небесным братом Гесера является Санджи: *Эн хоюрн ноолдад, ноолда-ноолда бээжэ, Геср богд толһаһан нуһлад иржэ. Хурмст Теңгр дедин орнас ээлдэд: «Санжэ, Санжэ, бослчн, дордын орнд одсн нег му дуучн туржэ йовна. Укс гилч, һарлч, саадган ав!» — гинэ* 'Бились, бились, бились вдвоем, стал Гесер богдо свою голову сгибать. Хурмуста Тенгри в верхнем мире понял это и сказал: «Санджи, Санджи, поднимайся, в нижнем мире твой бедный младший брат нуждается в помощи (бедствует). Поторапливайся, возьми свой лук!»' [Хабунова 2021: 393].

В других калмыцких сказаниях о Гесере небесный брат именуется как Зеся Шикр (*Зесэ Шикр*) [Хальмг туульс 1968: 204; Хальмг туульс 1972: 180], Зея-шикр (*Зекэ-шикр*) [Алtn зүн темн 1995: 118–119].

В сказании Шарлда Дорджиева несовпадение проявилось и в обозначении имени демонического персонажа (Анжлула), ко-

торый во всех опубликованных калмыцких устных нарративах назван идентично имени аналогичного героя (*Андлм, Андулма*).

Эпизод о попытке Гесера устранить холм на земле с помощью Хурмусть Тенгрия также отсутствует во всех калмыцких устных сказаниях, опубликованных в разное время [Хальмг туульс 1968: 190–198, 203–205; Хальмг туульс 1972: 175–181; Хальмг туульс 1974: 8; Алтн зүн темн 1995: 107–118; 118–119; Хуучн үгд 2018: 73–76].

Заключение

Исследование показало, что «Сказание о Гесере-богдо» («Геср богдын туск тууж») представляет собой самостоятельный сюжет, сложенный из звеньев, связанных между собой содержательно и выстроенных сказителем Ш. Д. Дорджиевым в той последовательности, в какой обычно складывается эпический сюжет.

Литература

- Алтн зүн 1995 — Алтн зүн темн [= Золотая игла]. Сказки / сост. Э. К. Лиджиев. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1995. 119 х.
- Борджанова 1978 — Борджанова Т. Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 15–24.
- Дамдинсүрэн 2013 — Дамдинсүрэн Ц. «Гэсэр судлал»-ын түүхээс / оршил бичиж хэвлэлд бэлтгэж нягталсан: А. Д. Цендина, Д. Цэдэв. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2013. 558 х.
- Дамринжав 2006 — Балжаан Дамринжав. Ойрадын баатарлаг үлгэрийн судлал. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2006. 358 х.
- Кичиков 1978 — Кичиков А. Ш. О тууль-улигерном эпосе (к постановке вопроса) // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 3–6.
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар»: Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 318 с.
- Михайлов 1971 — Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: КНИИЯЛИ при Совете Министров Калм. АССР, 1971. 235 с.
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Наука, 1984. 310 с.
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (Опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Пропп 1928 — Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. 151 с.
- Путилов 1988 — Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- Путилов 1997 — Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 295 с.
- Селеева 2019 — Селеева Ц. Б. Сказание «О Гэсере Богдо хане» в фольклоре калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 230–252. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-230-252
- Хабунова 2021 — Хабунова Е. Э. «Сказание о Гесере-богдо» в записи от Шарлда Дорджиевича Дорджиева, 1893 г. р.: общая характеристика, текст, комментарий // Монголоведение. 2021. № 2. С. 382–398. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / запис. от сказителя Санджи Манджикова А. Ц. Бембеевой; отв. ред. М. Э. Джимгиров. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 266 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управл. по печати при СМ КалмАССР, 1972. 251 х.

Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкина. Элст: КНИИЯЛИ, 1974. 274 х.

Хуучн үгд 2018 — Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңху материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., авт. вступ. стат. на калм. яз. Е. Э. Хабунова. Элст: НПП «Джангар», 2018. 399 с.

Цэцэнбат 2015 — *Цэцэнбат Цэцэнбат*. «Гэсэрийн тууж» дахь бурхны зарлигийн учир //

Дундад улсын монгол судлал. 2015. № 3. X. 71–76.

Heissig 1979 — *Heissig W.* Die mongolischen Heldenepen: Struktur und Motive. Obladen: Westdeutscher Verlag. 1979 (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge, G 237). S. 10–11.

Poppe 1979 — *Poppe N.* Zur Erforschung der mongolischen Epen motive // Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung (Ein Symposium). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. S. 32–34.

References

Bordzhanova T. G. Heroic epic of Oirat Mongols: Genre specifics revisited. In: Typological and Artistic Peculiarities of *Jangar*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. Pp. 15–24. (In Russ.)

Damdinsüren Ts. Epic of Gesar: History of Research. A. Tsendina, D. Tsedev (foreword., comp.). Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2013. 558 p. (In Mong.)

Damrinjav B. Studies of Oirat Heroic Tales. Beijing: People's Publ. House, 2006. 358 p. (In Mong.)

Dzhimgirov M. E. (ed.) Kalmyk Folktales. Vol. 2: Folktales Recorded from Taleteller Sandzhi Mandzhikov by A. Ts. Bembeeva. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

Heissig W. Die mongolischen Heldenepen: Struktur und Motive. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1979. Pp. 10–11. (In Germ.)

Khabunova E. E. (comp., etc.) Reliable Truths of Ancient Narratives. Collected expeditionary materials. Elista: Dzhangar, 2018. 399 p. (In Kalm.)

Khabunova E. E. The Legend of Gesar Bogdo recorded from Sharlida Dordzhiev (Born 1893): General description, text, commentary. *Mongolian Studies*. 2021. No. 2. Pp. 382–398. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398

Kichikov A. Sh. About tuul-uliger epic: Posing the question. In: Typological and Artistic Peculiarities of *Jangar*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. Pp. 3–6. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. The Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1992. 318 p. (In Russ.)

Lidzhiev E. K. (comp.) The Golden Needle. Folktales. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 119 p. (In Kalm.)

Mikhaylov G. I. Issues of Mongolic Folklore. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 235 p. (In Russ.)

Musova N. N., Okonov B. B., Muchkinova E. D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 3. Elista: Kalmyk ASSR Council of Ministers (Printing Affairs Dept.), 1972. 251 p. (In Kalm.)

Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Literary Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 310 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Epic — Bookish and Oral Ones. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

Okonov B. B., Muchkinova E. D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 4. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. 274 p. (In Kalm.)

Ovalov E. B. Typology of Motifs and Plots in Mongolic Epic Traditions: A Comparative Typological Study. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)

Poppe N. Zur Erforschung der mongolischen Epen motive. In: Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung (Ein Symposium). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. Pp. 32–34. (In Germ.)

Propp V. Ya. Morphology of Folktales. Leningrad: Academia, 1928. 151 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Heroic Epic and Reality. Leningrad: Nauka, 1976. 223 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Epic Taletelling: Typology and Ethnic Specifics. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 295 p. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. The Legend about Gesar Bogdo Khan in Kalmyk folklore. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. (3). Pp. 230–252. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-230-252

Tsetsenbat Ts. «Geseriyn tuuzh» dakh' burkhny zarligiyn uchir. *Dundad ulsyn mongol sudlal*. 2015. No. 3. Pp. 71–76. (In Mong.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2021. Т. 14. № 5

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 28.12.2021.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 28,13.
Тираж 100 экз. Заказ 24-21.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8